

**ДЖЕФАКЯР
ХАЛКЪЫМЫЗНЫНЪ
ДЖЕСЮР ЭВЛЯДЫ**

**ДЖЕФАКЯР ХАЛКЪЫМЫЗНЫНЪ
ДЖЕСЮР ЭВЛЯДЫ**

КЪЫРЫМТАТАР ХАЛКЪЫНЫНЪ КЪАРАМАН КЪЫЗЫ

УДК 821.512.19-94
ББК 84 (2Рос)
Къ 977

Одобрено Консультативным советом по изданию социально-значимой литературы на родных языках при Государственном автономном учреждении Республики Крым «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского». Издано при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым за счёт средств федерального бюджета, бюджета Республики Крым, не подлежит коммерческому распространению

Къ 977 Къырымтатар халкъынынъ къараман къызы:
джыйынтыкъ / тертип эткен **Эдемова У.** — Симферополь:
КъДжД ММ «И. Гаспринский адына Медиамеркез», 2020. —
504 с. : рес. — Къырымтатарджа ве русча тиллеринде.

ISBN 978-5-6044686-1-6

УДК 821.512.19-94
ББК 84 (2Рос)

«Къырымтатар халкъынынъ къараман къызы» китабы Алиме Абденанованынъ фаджиалы такъдири ве къараманлыгына багъышлангъан бедий ве весикъалы эсерлерден ибарет олгъан колемли бир джыйынтыкътыр.

Улу Ватан дженки йылларында Къырымтатар асылы совет аскери, Приморье Ордусы разведка болюги штабынынъ резиденти, эфсаневий къараман-къыз Алименинъ ады несиллер хатрасында эбедий яшаджакътыр.

Къ 977 Девушка — герой крымскотатарского народа: сборник
/ составитель **Эдемова У.** — Симферополь: ГАУ РК «Медиа-
центр им. И. Гаспринского», 2020. — 504 с. : илл. — На
крымскотатарском и русском языках.

ISBN 978-5-6044686-1-6

УДК 821.512.19-94
ББК 84 (2Рос)

Книга «Девушка — герой крымскотатарского народа» является обширным сборником художественных и документальных произведений, посвящённых нелегкой судьбе и подвигу Алиме Абденановой. Имя легендарной героини, советской военнослужащей крымскотатарского происхождения и резидента отдела разведки штаба Приморской армии в период ВОВ, будет жить вечно в памяти поколений.

ISBN 978-5-6044686-1-6

© **Эдемова У.**, составитель, 2020
© **ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»**, 2020

ДЖЕФАКЯР ХАЛКЪЫМЫЗНЫНЪ ДЖЕСЮР ЭВЛЯДЫ

Къырымтатар эвляды, джесюр къызы, ватанпервери, эфсаневий разведкаджы Алиме Абденанованы бир девлетнинъ джанаварлары, джеллятлары озъ диярыны севгени ичюн ич де аямай азаплады, инсан заты даянып оламагъан зорбалыкъларгъа огъраттылар, азраиль кесилип, яш джанындан айырдылар.

Экинджиси, оны озъ багърында осьтюргенине, окъуткъа-нына, тербиелегенине бакъмадан джесюр къыз Алименинъ Ватан огърунда япкъан эфсаневий къараманлыкъларыны коръмек, къабул этмек истемеди. Даа да догърусы «саткъын» халкънынъ бойле джесюр, ватанпервер эвляды оламаз деген гъаени огге сюререк, айын-оюн ёлуна минди.

Лякин алтынны не къадар чиркефлерге, чамургъа, батакъкъа булгъаласанъ да тотланмагъаны киби акъикый къараманларнынъ озъ халкъы ве Ватаны огърунда япкъан джесюрликлерини омрюмизнинъ саифелеринден кимсе бир заман силип оламаз.

Элинджи-алтмышынды йыларда матбуатта, андамында Улу Ватан дженкининъ къасыргъалы кунълеринде яни немсе ягъмаджылары ат ойнаткъан девирде Керич бетте гъает буюк джесюрликлер косътерген гизли тешкилят ве онынъ башы Аня адлы къызнынъ буюк джесюрликлери акъкъында айтыла эди. 1959 сенесининъ март айында исе «Труд» газетасында «Душман къобасында» адлы макъале

басылды. Онынъ эсасыны да ады Аня олгъан бир къыз тешкиль эте эди. Макъале шойле сёзлернен екюнлене: «Фашистлернинъ ич бир суалине джевап бермеген он докъуз яшында комсомол къыз Анянынъ акъыкый ады ве фамилиясы шай да беллисиз къалды».

Раббимизге бинъ кере шукюрлер олсун да, о къызнынъ ады ве сойады беллисиз къалмады. Чюнки онынъ артында догъмуш халкъы бар эди. Халкъымызнынъ аджайип векиллери бу саада араштырув ишлерини башладылар. Эм о араштырувлар нетиджесинде арадан дёрт бучукъ йыл кечкен сонъ матбуатымызда язиджы Джемиль Сейдаметнинъ ве тарихчы Сулейман Асановнынъ бераберликте язгъан «Ватан кызы» очерки дердж олунды. Халкъымыз Анянынъ Алиме Абденанова олгъаныны ве онынъле берабер Неджибе Баталова, Васфие Аджибаева, Сейфеддин ве Джеват Менановлар, Абдуракып Болатов, Хайрулла Мамбетджанов, Иванов киби достлары ве сойлары яни разведкаджыларнынъ да буюк ишлер япкъанларыны бильдирдилер. Бундан гъает тесирленген буюк шаиримиз Эшреф Шемъи-заде 1964 сенеси шанлы ватандашы акъкында «Алиме», муаребенинъ биринджи кунюнден сонъунадже дженк мейданларында булунгъан шаиримиз Сеитумер Эмин «Атешли куньлер» (1965—1966 с.), белли шаиремиз Джеваире Меджитова «Унутылмаз саифелер» (1967 с.) адлы поэмалар яздылар.

Истидатлы бестекарымыз Февзи Алиев музыка ве сёзлерини озю язгъан «Алиме» йырыны яратты. Эм о йыр халкъымызнынъ энъ севген тюркюсине чевирильди.

Бир сыра шаирлеримиз бу къараман кызымызгъа багъышлангъан, шиирлер, балладалар яздылар. Эдебиятта гъает терен из къалдыргъан бу иджаткярлар эфсаневий разведкаджымызнынъ япкъан джесюрликлерини терен ве бедиятликнен косътере бильдилер.

Несирде биринджи кере бу мевзуны гъает джиддий оларакъ халкъымызнынъ белли инсаны, эдебият авескъары, чокъ йыллар девамында «Хайтарма» ансамблинде конференсье олып чалышкъан артистимиз Аблямит Умеров котерген эди. 1981 сенеси Аблямит агъа хылкымызнынъ садыкъ эвляды, намлы разведкаджы Алиме Абденанованынъ джесюрлигини, къараманлыгъыны косътере бильген «Халкънынъ федакяр эвляды» адлы весикъалы повесть язды. Эльбет, бу эфсаневий къараманымызынъ атешли дженк кунълеринде япкъан джесюрликлерини инандырыджы делиллернен айдынлата бильмек къолай дегиль эди. Аблямит агъа айларнен Алиме Абденанова яшагъан, эфсаневий къараманлыкълар япа бильген ерлерде булунды. О диярнынъ шараитинен, къараманымызнынъ фаалиетинен теренден таныш олды.

Аблямит агъа о заман бизлерге, редакция хадимлерине япкъан ишлери акъкъында шойле деген эди: «Мен Алиме яшагъан, юрьген ерлерде булунувнен сынъырланып къалмадым. О этрафта яшагъан, Алимени яхшы бильген эсли инсанларнен корюштим, субетлештим. Китапханелерде булундым. Архивлерге кирмеге тырыштым. О заман бизим халкъ ичюн архивлернинъ къапылары артынадже ачыкъ дегиль эди, эльбет. Лякин мен бир шейлер бильмеге наиль олдым. Алименинъ япкъан джесюрликлерини не къадар терендже бильсем, юрегимнинъ гъамы-кедери, сызлавы да о къадар арта эди. Он докъуз яшындаки къыз таш чатлатыджы сувукъкъа бакъмадан, орталыкъта къарынджа киби яйрагъан душманнынъ бурну тюбюнде арекет эткен, разведмеркезге гъает къыйметли радиограммалар ёллай бильген. Онынъ джесюрлигине, терен бильгисине, джамбазлыгъына шашып къала эдим».

Бойлеликле, «Ватан къызы» адынен эсернинъ биринджи къысмы 1981 сенеси «Йылдыз» меджмуамызнынъ 6-нджы санында басылды. Лякин сонъу баягъы кечиктирилип 1983 сенеси дердж олунды. Незарет тешкиятларына Абдена-

нованынъ фаалиетине аит олгъан бутюн малюматларны теренден исбат этмек керек эди. Муэллиф бу ишни аля дереджеде эда эте бильди. Яни, бу вакъыт ичинде Аблямит агъа къараманымызнынъ омюринен яшады, демек мумкюн.

Эсер бир тамам басылгъан сонъ муэллиф Л. И. Брежневге мектюп язды. Алиме Абденанова Советлер бирлигининъ къараманы унванына пек ляйыкъ олгъаныны бильдирди. Лякин о мектюбине «вакъыт кечти» деген джевап алды. Аблямит агъа бойле джевап алгъан сонъ пек яныкъланды, хасталанды. Чокъкъа бармай вефат этти.

Аблямит агъанынъ повестини окъуркенмиз къараманымыз акъкъында пек чокъ гъает меракълы малюматларны бильмеге наиль олдыкъ.

Асылында Анянынъ Алиме Абденанова олгъаны керекли тешкиятларгъа та 1946 сенеси белли олгъан. 1955 сенеси исе Анянынъ ким ве не киби джесюрликлер япкъаны Озбекистандаки тешкиятларгъа да бир тамам белли экен. Бу акъта къараманнынъ къардашы Азифе шойле дей: «Анянынъ Алиме Абденанова олгъаныны Приморье Ордусында Захаров, бизден чешит малюматлар алгъан чекистлер, эки кере менимле корюшкен майор Ташпулатов ве дигерлери пек яхшы биле эдилер».

Ферузе къардашы исе «Труд» газетасында Аня акъкъындаки макъалени окъугъан сонъ Аня асылында Алиме Абденанова олгъаны акъкъында газетагъа толу малюмат ёллай. Лякин газета хадимлери оны сесленюв оларакъ къабул этелер. Бунгъа гъает яныкълангъан Ферузе шойле дей: «Мен меркезий газеталар Анянынъ ким олгъаны ве къардашлары анда экенини бильген сонъ деръал озь мухбирлерини ёллап, дёртюнджи джебэ совет команданлыгъы ишлерине о къадар муим малюматлар ёллагъан гизли тешкиятнынъ ребери, комсомол къыз Алиме Абденанова ве онынъ реберлиги алтында буюк къараманлыкълар косътерген бир сыра ватанперверлер акъкъында ифтихарлы макъале язарлар,

дердж этерлер, деп тюшюндим. Языкълар олсун бу иш япылмады».

1944 сенеси январь 5-те Алиме Абденанова Айры Приморье Ордусы боюнджа берильген эмирге коре Къызыл байракъ орденинен мукаяфатлангъан. Мукаяфат кягъытында Алиме Абденанова акъкында толу малюмат берильген: «Абденанова аркъадаш разведка органларына чалышмагъа гонъюлли оларакъ кетти. Керич ярым адасында душманнынъ къайсы тарафкъа арекет эткени акъкында команданлыкъкъа тыпкъы-тыпкъына догъру малюматлар берди. Душманнынъ топланып тургъан ерлерини косътерди...»

Эльбет, Алиме ёллагъан малюматларнынъ эписи гъает догъру олып, олар зарур ерге озъ вакътында барып ете эди. Арбий джеэттен оларнынъ оператив эмиети пек буюк эди. Мисаль ичюн 1943 сенеси октябрь 8-де ёлланылгъан радиограммада шойле дениле: «Кефеге эки эшелон кете. 15 вагонда авиабомба, агъач, экскаватор, немсе автоматлары. Ташёлда арбий запас юкю 58 автомашина, немсе автоматчылары юкю 5 машина».

Алиме Абденанова о атешли, агъыр кунълерде Ана-Ватаныны душмандан къорчалав киби муим ишке йигирмиден зияде акъикъий ватанперверни джелъп эте бильди. Оларнынъ гъает актив чалышувлары нетиджесинде 1944 сенесининъ февраль 26-сынадже — яни олар якъаланмагъандже разведмеркезге 81 дане кыйметли, улу гъалебени тезлештирмеге кучлю тесир эткен радиограмма ёлланылгъан эди. Халкъымызнынъ джесюр къызы Алиме акъикъатен де бизим омюримизде силинмейджек излер къалдыргъан эфсаневий къараманымыздыр.

Гъалебенинъ 70 йылыгъы арфесинде Акъмесджит шеэринде «Къырым эфсанеси» весикъалы фильми эм де «Алиме Къырым эфсанеси» адлы янъы китапнынъ такъдими отъкерильди. Бу акъта хабер эткен макъале «Алиме Абденанова

Русие къараманлары арасында екаяне мусульман къадыны, ктырымтатар кызыдыр», — дение.

Фильм тарих илимлери доктору Владимир Лотанынъ китабы эсасында азырланылды. Къараманымыз акъкъында гъает зенгин малюмат берильген бу китапны муэллиф Москвада озъ эсабына чыкъарды.

2018 сенеси языджы Лентара Халилова «Керич ярымадасы. Муарребе меним халкъымнынъ талийинде» адлы буюк колемде китап чыкъарды. Бу китапнынъ да эсасыны джесюр разведкаджы Алиме Абденанова тешкиль эте.

Муэллиф Алименинъ тешкилятында реберлерлерине якъындан ярдым эткен, буюк ишлер япкъан эр бир разведкаджы акъкъында айры-айры кыйметли малюматлар бере. Окъуйыджыны бу аджайип джесюрлернен якъындан таныштыра.

Арадан баягъы йыл кечкен сонъ акъыкый къараманымыз озъ адына лыйыкъ танылды. Чокъ йыл дегиль де, асырлар кечсе биле къараманларнынъ ады унутылмай, олар халкъ къальбинде эбедий яшайлар.

Урие ЭДЕМОВА,
языджы.

ВЕРНАЯ ДОЧЬ МНОГОСТРАДАЛЬНОГО НАРОДА

Если изверги и палачи одного государства легендарную дочь крымскотатарского народа — отважную разведчицу Алиме Абденанову — из-за любви и преданности родине, подвергнув страшным пыткам и нечеловеческим истязаниям, жестоко расстреляли, другое же государство, вырастившее, воспитавшее и давшее ей образование, не захотело увидеть в ней героя, а точнее, не признало ее подвига, совершенного во имя Отчизны. Разве могут быть герои у народа-«предателя»?

Но как гласит народная мудрость: «Золото и в грязи блестит». Это значит, никто и никогда не сможет запачкать, скрыть и стереть со страниц исторической памяти народа имена настоящих героев, которые пожертвовали своей жизнью во благо Отечества, во благо всего человечества.

В 50—60-е годы прошлого столетия в различных изданиях советской периодической печати начали появляться статьи о самоотверженных подвигах членов разведывательной группы, которая действовала во время Великой Отечественной войны в тылу врага, на Керченском полуострове, под руководством девушки Ани. 1959 году в газете «Труд» вышла статья под заголовком «В логове врага». В ней речь шла о подпольщице Ане, которую предала ее радистка «Стася». Статья заканчивается следующими словами: «Настоящее

имя и фамилия девятнадцатилетней девушки-комсомолки Ани, так и остались неизвестными».

Стократ слава Всевышнему! Имя и фамилия этой девушки не остались неизвестными, потому что за ней стоял ее родной народ. Писатель Джемиль Сейдамет и историк Сулейман Асанов начали поисковую работу в этом направлении. Результатом их четырехлетнего многотрудного и кропотливого исследования стал очерк «Ватан кызы» (Дочь Родины). Стало известно, что Аня — это Алиме Абденанова, резидент разведывательного отдела Отдельной Приморской армии, руководитель Джермай-Кашикской подпольной группы, а членами этой группы являются: Неджибе Баталова, Васфие Аджибаева, братья Сейфедин и Джеват Меннановы, Абдуракип Болатов, Хайрулла Мамбетджанов, Иванов. Вдохновившись этим известием, наши лучшие поэты один за другим посвятили своей легендарной соотечественнице три поэмы: Эшреф Шемби-заде в 1964 году «Алиме», ветеран войны Сеитумер Эмин 1965—1966 годы «Атешли куньер» (Огненные годы), поэтесса Джеварие Меджитова в 1967 году «Унутылмаз саифелер» (Незабвенные страницы). Композитор Февзи Алиев написал песню (музыку и слова) «Алиме». А также целый ряд других поэтов в высокохудожественной форме смогли передать легендарный образ и подвиг нашей отважной девушки-героини.

В прозе первым, и очень серьезно, эту тему осветил известный и почитаемый среди народа человек — много лет бессменный конференсье и актер ансамбля «Хайтарма» Аблямит Умеров. В 1981 году Аблямит агъа написал документальную повесть «Халкъымызнынъ федакяр эвляды» (Верная дочь народа). Написать документальную повесть автору в то время, конечно же, было нелегко. Необходимы были архивные документы, проливающие свет на события, происходившие на Керченском полуострове во время немецкой оккупации. Доступ к этим документам, понятное

дело, был ограничен. Аблямит Умеров побывал в краю, где жила Алиме Абденанова, там, где училась, начала трудовую деятельность, встречался с людьми, помнившими ее.

Аблямит агъа, когда приходил в редакцию, рассказывал нам о своей работе над повестью. «Я не только посетил места, где жила Алиме, но и встречался, беседовал с людьми, хорошо знавших ее. Побывал и работал в библиотеках, пытался попасть в архивы. Для нашего народа двери архивов тогда были лишь слегка приоткрыты. Все же мне удалось кое-что узнать. Чем больше я узнавал о подвигах Алиме, тем сильнее меня охватывало чувство восхищения, а также горя и печали, которые, смешавшись вместе, щемящей болью отдавались в сердце. Поражаешься знаниям, выносливости, умению и смелости девятнадцатилетней девушки, которая, несмотря на лютый мороз, под носом кишащего как саранча фашистов, добывала ценные сведения о противнике и отправляла их в разведцентр».

Первая часть повести «Ватан къызы» была опубликована в 1981 году в 6-ом номере журнала «Йылдыз». Из-за того, что автору необходимо было предоставить надзорным органам все сведения о деятельности Алиме Абденановой во время войны, публикация второй части задержалась аж до 1983 года. Аблямит агъа успешно справился с этим делом. Можно сказать, писатель в те годы буквально жил жизнью нашей героини. После того как произведение было опубликовано полностью, автор написал письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, в котором просил рассмотреть вопрос о присвоении Алиме Абденановой звания Героя Советского Союза за отвагу и героизм, проявленный в Великой Отечественной войне. Ответ на его письмо был бездушно прост: «время ушло». Получив такой, мягко говоря, бесчеловечный по своей сути ответ, Аблямит агъа, уже не молодой человек, очень переживал и вскоре, тяжело заболев, скончался.

Читая повесть Аблямита Умерова, узнаешь очень много важной информации. Автор в своей книге отмечает: «О том, что Аня и есть Алиме Абденанова компетентным органам было известно еще в 1946 году. Кто была Аня на самом деле, ее подвиги были доподлинно известны органам КГБ в Узбекистане уже в 1955 году. Это подтверждается словами средней сестры героини — Азифе: «Чекисты, которым мы давали информацию об Алиме, в частности майор Ташпулатов и другие, неоднократно опрашивавшие нас, знали о подвиге нашей сестры». А младшая сестра Алиме Абденановой Ферузе Абденанова, прочтя статью в газете «Труд», написала письмо в редакцию, в котором подробно рассказала о своей старшей сестре. В ответ редакция газеты поблагодарила Ферузе за отклик на статью и только этим и ограничилась. «Я думала, когда центральным изданиям станет известно настоящее имя Ани, и где находятся ее младшие сестры, то к нам непременно пришлют журналистов. А они, в свою очередь, напишут статьи о заслугах Алиме и ее разведгруппы. Но, к большому сожалению, этого сделано не было. Мне тогда было очень горько и обидно», — сетовала Ферузе».

В 1944 году 5 января по представлению командования Отдельной Приморской армии Алиме Абденанова была награждена Орденом Красного Знамени. В наградном листе дается следующая информация: «Товарищ Абденанова добровольно пошла работать в органы разведки. Пройдя подготовку, она со своей напарницей — радисткой Гуляченко была направлена в тыл противника. А. Абденанова оперативно снабжала фронт информацией о характере и системе оборонительных сооружений, дислокации войск, штабов, скоплении живой силы и техники врага на Керченском полуострове...»

Рискуя жизнью, действуя в тяжелых условиях в тылу врага, Алиме привлекла к работе более двадцати патриотов

Родины. За время их деятельности, с октября 1943 до их ареста 26 февраля 1944 года, в разведцентр была передана 81 важнейшая радиограмма, благодаря которым Красная Армия наносила сокрушительный удар по гитлеровским войскам и приближала великий День Победы.

Алиме — поистине легендарная героиня — преданная дочь нашего народа, имя которой будет жить вечно в памяти поколений.

В преддверии 70-летия Победы, в Симферополе состоялась презентация документального фильма «Крымская легенда» и книги «Алиме крымская легенда». В сообщении о презентации отмечается: «Алиме Абденанова — крымско-татарская девушка, единственная из мусульманок России, которая удостоилась звания Героя России». Фильм снят по книге доктора исторических наук Владимира Лота «Алиме крымская легенда». В книге, изданной на средства автора, представлен обширный материал о нашей героине.

В 2018 году вышла в свет объемная книга писательницы Лентары Халиловой «Керченский полуостров. Война в судьбе моего народа», первую часть которой автор посвящает героической деятельности Алиме, а также дает подробную информацию о каждом члене разведывательной группы.

Спустя немало лет, настоящее имя и подвиг нашей героини официально признан. Да, прошло очень много лет. И даже пусть пройдут века, имена героев не забываются, они вечно живут в сердце народа.

Урие ЭДЕМОВА,
поэтесса.

ЭШРЕФ ШЕМЬИ-ЗАДЕ

АЛИМЕ

(Поэма)

*Шанлы ватандашым
Алиме Абгенанованынъ
ольмез рухуна*

Кириш

Не ичюндир, сенинъ СД
Азапханелеринде,
Он гулюнден бир гульчиги
Ачылмагъан тенинъде,
Къызгъын демир чубукъларнынъ,
Къамчыларнынъ кулюши,
Котеклерден кемиклеринъ,
Этлеринънинъ олюши,
Джеллятларгъа сыр бермейип,
Олардан чектиклеринъ,
Къырылгъан эль-аякъларынъ,
Мораргъан козь тюплеринъ,

Бугунъ кене, сандыракъдай
Джанланды козь алдымда,
Мерд халкъымнынъ улулыкъкъа
Къадир кызы Алиме!
Ватанымнынъ парлакълыкъта,
Къаттылыкъта, сафлыкъта,
Эльмас таштан устюн чыкъкъан
Надир кызы Алиме!

Ойле олды, сенинъ сѣнемез,
Эфсаневий аятынъ,
Агъыр куреш йылларында
Йылмаз азминъ, себатынъ,
Эшитильди мемлекетке,
Йигирми йыл кечкен сонъ.
Сени кыйнап, азаплагъан
Ватан хаинлерине —
Революцион трибунал
Атув укми кескен сонъ.
Ойле олды, сен джан берген
Юртынънынъ кенъ коксюнде,
Матем тутты солгъун дагълар,
Дере, озен, къая, таш.
Ойле олды, догъып-оськен
Топрагынъда бу кунъде,
Мезарынъ ёкъ арамагъа
Къараман кызы, ватандаш.

Менгу урьмет, шерев санъа,
Киргинликте, мердликте,
Жанна д'Арк, Менглисулув,
Зояларнынъ тенъдеши!
Озь юртынъда раат ую,
Сезгирликте, эрликте

Алимлернинъ, Зоргелернинъ,
Амет-Ханнынъ издеши!

Истер эдим, сенинъ адынъ
Тирилернен бир сафта,
Шимди де акъ ве адалет,
Теньлик ичюн урушсын!
Сенинъ, къуджакъ баласынынъ
Козьяшындай мусаффа
Азиз рухунъ, яш несиллер
Юрегине авушсын!

Эй, къардашлар!
Алып беринъ
Чюйден эски сазымны.
Алып беринъ, Алименинъ
Къыссасыны чалайым!
Чалайым да, элимдеки
Шу къанлы мизрабымны,
Теллерге ве юреклерге;
Урып-урып алайым!

Иль инълей

Бинъ докъуз юз къыркъ дёртюнджи
Йылнынъ сувукъ феввали.
Къызыл Орду фашистлерни
Джебэ бойлап къувмакъта.
Азатлыкъкъа асрет ярым
Ада да озь сиялы
Къуветинден медет беклеп,
Олип-талып турмакъта.

Там отуз ай — «СС»чилер
Къылынувы алтында,
Шеэр ве кой эалиси
Къан къуса, джан талаша.
Онлап татар коюн якъып,
Орманларнынъ къатында
Ач къашкъырлар сюрюсиндай
Карателлер долаша.

Там отуз ай — партизанлар
Кучълерине оч къатып,
Къыйраттылар душман сия
Амбарларын, солдатын.
Подпольщиклер уджджет йыгъып,
Листовкалар даркъатып,
Ичериден юлкъа гитлер
Къарталынынъ къанатын.

Тышта боран эп бората,
Кок къарара, ель инълей.
Ель инълемей, свастика
Панджасында иль инълей.
Джарылгъачтан — Азавгъадже,
Чатыртавдан — Оргъадже,
Къолу багълы, козю багълы,
Тили багълы къул инълей.

Бастырыкъ

Кок къуббеси бугунъ гедже
Зиндан киби къаранлыкъ,
Акъ кефинден къар ортюнген
Эски-Къырым шеэри.

Эр ер чым-чырт, ич бир ерде
Екъ «йылт» эткен бир ярыкъ.
Тек липильдей аван ельде
Бастырыкънынъ фенери.

Бу таш дувар ичерсинде,
Титис тар бир уджреде,
Котеклерден гуль тенининъ
Эр бир ери эзильген,
Гурь сачлары куйдюрильген,
Юзю шишик Алиме,
Устю-башы ал-реван къан,
Такъыр сетке серильген.

Отурмагъа, турмагъа ве
Юрьмеге ёкъ меджалы.
Чеврилейим бираз десе,
Тамарлары тартыша.
Агърылардан, сызлавлардан
Джан чекише заваллы,
Эр мучеси джансыз киби,
Тек зеини чалыша.

Озь алына янып, агълап,
«Анайчыгъым, анам!» — деп,
Яшлыгъына тоймай ольген
Анайчыгъын чагъыра.
«Алимемни бу итлерден
Озюнъ къуртар, Аллам!» — деп,
Къол котерип агълап къалгъан
Битайчыгъын къайгъыра.

Эгер де пек алсызланып,
Козю кетсе уйкъутъа,

Озь тешкилят азалары
Келе деръаль тюшюне.
Эсинде де эп оларнынъ —
Батал баба, Хайрулла,
Неджибелер, Джеватларнынъ
Такъдирина тюшюне.

Эписинден зияде де:
«Иннадан ёкъ хаберим...
Допросларда, не ичюндир,
Онынъ ады айтылмай...
Ер ярылды, ерге кирдинъ...
Къачкъан олсанъ, аферин!
Баре дагыгъа чыкъалгъайдынъ,
Адашмайып, тутулмай». —

Деп, меджалсыз, чаресиз шу
Алында да орьсенлеп,
Озю дегиль, озь шериги,
Досту ичюн зарлана.
«Къолгъа тюшсе, къыйнавларгъа
Чыдаялмаз ич де», — деп,
Озь радисти, ярдымджысы
Иннасыны ойлана...

Нелер, нелер корьмей инсан
Бу пытракълы алемде:
Дост беллеген танышларынъ
Яман чыкъа кимерси.
Къатты куреш сынавында
Исе, бунынъ аксине,
Яман сангъан шахсларынънынъ
Яхшы чыкъа кимерси.

Тюръмениянъ тунъ небетчиси —
Темеш Вакъыф коюнден,
Дядя Василь деген девдай
Индемезнинъ бириси;
Балалыкътан ерли халкънен
Бирге оськен, буюген,
Торс чырайлы, къаба сесли,
Адий бир рус койлюси,

Идареде ишлер битип,
Начальниклер къайткъан сонъ,
Вышкаларда чыракъ янып,
Ятсы маали авгъан сонъ,
Арестантлар ятышкъан сонъ,
Саат онны ургъан сонъ,
Тышарыда часовоининъ
Аякъ сеси тынгъан сонъ,

Эр гедже къач кере кирип,
Алимениянъ янына:
«Мына, къызым, янчыгъынъа
Салкъын сувчыкъ къоям!» — деп,
Юзюн, козюн къанын сюртип,
Джан ялгъалап джанына,
Башын сыйпап, гонълюн ала:
«Даян, къызым, даян!» — деп.

Ким биле, бу дядя Василь,
Чалышмагъа бу ерге
Бельки отъмек хатиричюн
Меджбур олып кельгендир...
Бельки де бу къара кунде
«Озюмизнинъкилерге,

Аз да олса, файдам тийсин», —
Деп аселет киргендир...

Не де олса, бизге ишнинъ
Бу тарафы къарангъы.
Лякин къызнынъ къыл устюнде
Тургъанда яш аяты,
Енгиллештиргенинъ ичюн
Алименинъ азабын,
Ерли халкътан шукран санъа,
Гизли джебэ солдаты!

Зиндан, зиндан! Ким къатланыр
Эди сенинъ къахринъе,
Бу дюньяда эр энишинъ
Бир ёкъушы олмаса?
Эгер эр бир акълы-акъсыз
Туткъынынънынъ къальбинде,
Азатлыкъкъа къатты умют,
Ынтылышы олмаса?

Алиме де нелер, нелер
Ойланмай озъ башына:
Бир де-бирев хабер эткен
Олса орман халкъына...
Бугунъ гедже олар бирден
Бастырыкъны бассалар...
Сонъ къачсалар бизни алып,
Айсерезнинъ дагъына...

Амма да иш олур эди,
Амма дызман дубара...
Озюмизге кельгенден сонъ,
Бизлер кене озъара,

Янғы баштан тиклер эдик
Группаны орманда...» —
Деп, чокъ шейнинъ аслын бильмей,
Озь гонгълюни озю ала.

Бильмей гъарип, «Алименинъ
Группасы», деген сёз,
Сакът олмайып Ивановнынъ
Агъызындан къачкъанын.
«Озюмизнинъ киши» беллеп,
Бир хаинге козьме-козь
Джермай-Къачыкъ тешкилятын
Шу Иванов ачкъанын.

Хабери ёкъ, не кичкене
Джеватчыкъ, не Неджибе,
Не етмишлик Батал баба,
Не де о бир учеви
Агъызларын ачмагъанын,
Чешит азаб берсе де,
Оленченко, Зуб киби хас
Гитлерджилер мечеви.

Бильмей байгъуш озь радисти,
Ярдымджысы, сырдашы,
Полтавалы сиядашы
Гуляченко Иннанынъ,
Ана юрткъа парашютнен
Бирге энген ёлдашы,
Дюльбер, эрке Иннасынынъ
Сатып намус, виджданын,

Эльге тюшкен ильк дакъкъасы
Гестапонынъ алдында:

«Советлерге хызметимчюн
Кельдим бинъ бир пешмангъа», —
Деп, юректен тевбе этип,
Фюрер ресми янынъда,
Озь антыны эзип-таптап,
Сатылгъанын душмангъа...

Хабери ёкъ, шу Иннанынъ
Сёзлеринен Джеватнынъ
Ве дигер беш ватандашнынъ
Чыкъарылып зиндандан,
Отъкен гедже Агъармышнынъ
Этегинде, джеллатнынъ:
«Феуэр!» — «Атеш!» эмиринен
Къуршунлангъанларындан...

Тышта боран эп бората,
Кок къарара, ель инълей.
Ель инълемей, свастика
Панджасында иль инълей.
Джарылгъачтан — Азавгъадже,
Чатыртавдан — Оргъадже,
Къолу багълы, козю багълы,
Тили багълы къул инълей...

Козълешюв

Ах, кунеш догъмагъайды да,
Геджени богъмагъайды.
Ах, кяинат Ер шарынынъ
Кочерин терс бургъайды.
Энъ яхшысы, Алиме бу
Азапларгъа чыдамай,
Иннасынынъ резиллигин
Бильмей козюн юмгъайды.

Лякин, эй-ат!
Вакъыткъа ич
Кимсе «токъта!» деямай...
Гедженинъ мор пердесини
Йыртып кене кунъ догъды.
Бугунъ кене сескендирди
Махбюслерни «къыялмай»,
Бастырыкънынъ «Подъём!» деген
Титис, кескин гудогъы.

Пенджеренинъ сызатындан
Кирген кунеш шавлеси,
Юрек киби чапалана
Таш дуварда токътавсыз.
Шайтип чырпына тургъанлар
Кобелеклер зумреси,
Орюмчекнинъ ювасына
Барып тюшсе апансыз.

Шу кучючик ойнакъ нургъа
Козюн тикип Алиме:
«Айт, ышыгъым, сейиргеми
Кельдинъ меним алымны?
Ёкъса, меним ахвалыма
Аджынып хор кунюмде,
Охшамагъа ашыкътынъмы
Тельчеленген гонгълюмни?

Ян, парылда, шавлечигим,
Къув зульметни козюмден.
Шевкъ бер бираз юрегиме,
Яры джаным къалгъанда!..» —
Деп, заваллы умютини
Кесерек озь-озюнден,

Ири мавы козьчиклери
Козьяшына толгъанда,

Кирип келе камерагъа,
Устьлеринде акъ халат,
Эллеринде носилканен
Эки немсе солдаты.
«Доктор, ношик, пых-пых-пых!» — деп,
Кулип алып чыкълар
Алимени озылериндже
Шакъа этип, алдатып...

Дюнъя сени! Виджданы саф
Алидженап шахслар,
Акъ огърунда джанын къойып,
Акъсызлыкънен дёгюше.
Акъылы токълал, юреги кир,
Тили кутюр накъыслар,
Бойле асыл кишилернинъ
Узеринден кулюше.

Гестапонынъ бинасында
Кене шу ал, шу ахвал:
Кене де шу овчаркалар,
Кене де шу серс подвал.
Эмен стол узеринде
Шу чубукълар, пычакълар,
Шу кельпеден, шу къамчылар,
Шу резина шланглар.

Алименинъ носилкасын
Къойгъандже бир кошеге,
Гестапонынъ начальниги
Сюрип келе бу ерге.

Ардындан да юзю ап-акъ
Гуляченко Иннанен
Тильмач немсе офицери
Рудольф кире ичериге.

Апансыздан радисткасын
Корьгенинен, абдырап,
Къоркъып кеткен Алименинъ
Къальби дук-дук ургъанда,
«Чеккенлерим етмеген деп,
Энди меним алдымда,
Иннаны да къыйнайджакълар,
Мельунлар!» — деп тургъанда,

Джеллатларнынъ уйкенджеси
Алимеге догърулып:
«Айт, бу къызны таныйсынъмы?» —
Дей Иннаны корьсетип.
Алименинъ сеси чыкъмай,
Гестаподжы чеврилип,
Эки шамар ургъанда да
Озюне «Чарт! Чарт!» этип.

«Айт, дейим, айт!» — Къыз тишлерин
Сыкъкъан, чыкъмай ич сеси.
Сёгселер де, эзселер де,
Дёгселер де «ынъ» демей.
«Айт, дейим, айт!» — Тек дуюла
Сыкъ-сыкъ алгъан нефеси,
Узерине буз киби сув
Тёкселер де индемей...

«Бойле инат татарканы
Догъургъанны, тапкъанны!..» —
Деп сёгюне, бу къыздан сёз

Чыкъмайджагъын корелер.
«Я сиз, ханым, таныйсызмы
Носилкада яткъанны?» —
Сонъ суальни, лябид онынъ
Сырдашына берелер.

Инна бирден, барын айтып
Етиштирмем дегендай,
Алимеге къыйыгъындан
Бир керечик козь ташлап;
Гестапогъа дегиль, танцкъа,
Театргъа кельгендай,
Крепдешин антерининъ
Оборкасын эн ташлап:

«Абденанова Алиме
Деген агент — мына шу!
Чин большевик, разведкаджы,
Хас резидент Аня — шу!
Приморье Ордусынынъ
Штабына энъ керек
Малюматны топлап-терип,
Ёллаттыргъан Аня — шу!

Койден-койге, эвден-эвге
Юрип, ерли халкълардан
Чешит разведгруппалар
Тиздирткен де — шу Аня!
Эр кунъ манъа эмир этип,
Анда — «буюк топраккъа»
Оператив сводкалар
Бердирткен де — шу Аня!»

Инна тынмай. Агъызындан
Адлар, фактлар, пароллер,

Позывнойлар, фамилиялар
Арды-сыра тѣкюле.
Джемий ватансевер шахслар —
Тирилер ве олюлер —
Бири къалмай гестапонынъ
Козъ огюне тизиле.

Инна тынмай. Онынъ шимди
Тѣкеяткъан сѣзлери
Алименинъ юзюн якъа
Тобулгъыдай, къамчыдай.
Ялтакъланып сѣйленгенде
Пир-пир учкъан козьлери,
Теше къызнынъ юрегини,
Ташны тешкен тамчыдай.

Ах, Алиме, узеринге
Бойле бир юк алгъанда,
Мына кимге ёлдаш олдынъ,
Мына кимни эш сандынъ...
Геджелери радистканънен:
Экевинъиз къалгъанда,
Ичинъдеки сырларынъны
Мына кимге ышандынъ...

Суаль бите. Инна суса,
Къолларыны яйдырып.
Эки фриц кулюп келип,
Онынъ элин сыкъалар.
Сонъ джемийси эки къызнен
Терджиманны къалдырып,
Къарлы, аяз, саф авагъа
Тенефюске чыкъалар.
Козълешювден даа эсин
Джыялмагъан Алиме,

«Къандай йылан асрагъаным
Янымда», — деп, окюнип,
Озь-озюни эльге алып,
Шу узангъан еринден.
«Иннасынынъ» олюдай акъ
Чехресине тикилип:

— «Бакъчы, Инна, бакъчы манъа,
Бир керечик догърулып,
Котеклерден ком-кок олып,
Шишип чыкъкъан юзюме!
Бу джеллятлар аягъында
Йылан киби къыврылып,
«Мен не япам?» — демединъми,
Бир керечик озюнъе?

Иште, бакъ шу акъ къолчакълы,
Къара къальбли садистлер
Гедже-кунъдюз мени къыйнап,
Эзиетлеп турдылар.
Агъызымдан сёз алалмай,
«Ах, сен инат татар!» — деп,
Къолларымны къайырдылар,
Аягъымны къырдылар.

Лякин, Инна, оларнынъ бу
Къыйнавлары, азабы
Бир шей дегиль, сенинъ ургъан
Шамарларынъ янында.
Юрегимде сен ачтынъ, биль,
Энъ онъалмаз яраны,
Ер шарыны саргъан мудхиш
Террор къаранлыгъында.

Сен буларнынъ салтанатын
Кореримми беллейсинъ?

Бу ялдызлар — эп козь бояв,
Эписи — агъыз патлатув.
Бизни сатып, бу дюнъяда
Кулеримми беллейсинъ?
Биль, энъ агъыр куфюр — арбий
Антны бозув, дост сатув.

Ана юрткъа хиянетлик —
Энъ агъыр суч инсангъа.
Ахтым бир кунъ сени тапар,
Эр гедженинъ танъы бар.
Бакъ алыма! Лякин сендай
Сатылмадым душмангъа,
Чюнки менде магърур, асыл
Халкъымнынъ пак къаны бар...» —

Демек истей Алименинъ
Нефрет толу бакъышы.
Инна исе, Алимеге
Догъруланып бакъалмай.
Шайтип шашмалай тургъанлар
Бирден чыракъ янгъанда,
Избаларда тараканлар
Къачмагъа ер тапалмай...

Тышта боран эп бората,
Кок къарара, ель инълей.
Ель инълемей, свастика
Панджасында Иль инълей.
Джарылгъачтан — Азавгъадже,
Чатыртавдан — Оргъадже,
Къолу багълы, козю багълы,
Тили багълы къул инълей.

Сонъки ёл

Бу йыл баарь эрте кельди,
Къыш къышлыгъын этсе де;
Шарт болюнди март сонъунда
Табиатнынъ уйкъусы.
Кенъезлерни къытыкълай эп
Нидже куньлер отъсе де,
Ягъмур ювгъан къара топракъ.
Тазе олен къокъусы.

Эки бучукъ сене кечти,
Акъмесджитнинъ эвлери
Ыслав корьмей, акълав корьмей
Чомгъан тозгъа, куге.
Оккупантлар хырпалагъан
Бу аджайип шеэрге
Тилинъ бармай энди
«Дженюп пырлантасы» демеge.

Багъча-Эли тюзлюгинден
Козъ ташласанъ къыблагъа,
Кенъ уфукъта къарт Чатыртав
Тура урсдай морарып.
Санки дерсинъ, апма-азыр
Урып парчаламагъа,
Озь урсында фашизмнинъ
Бугъавларын, ынъранып.

Даа япракъ чыкъармагъан
Чышлакъ бадем тереклер,
Инсан къаны сачрагъандай,
Толгъан пенбе чечекке.

Кузовлары брезентнен
Къаплы къара «Опель»лер,
Вокзал беттен шеэр бетке
Отъмектелер сийректе...

Сийрек дегиль. Машиналар
Баргъан сайын чоғъала.
Бекленмеден, гарнизонда
Башлана бир алектет.
Санки дерсинъ, шаинлерден
Урькип къачкъан чағъала
Къушларындай, оглеринде
Сезелер бир фелякет.

Гестапонынъ тюрьмесинде
Бугунъ исе ничюндир,
Бойле ерге хас олмагъан
Бир сюкюнет укюмран.
Бу къатиллер ювасында,
Бугунъ энди учъ кунъдир,
Эшитильмей не айкъырыкъ,
Не инъильти, не фигъан.

Мында джемий котек, къыйнав,
Азаплар мен этильген.
Тек вакътында ёлланыла
Ёлланаджакъ сводка.
Башны къалпакъ сыкъкъанда,
Тек бир чыкъар ёл берильген:
Сучлы-сучсыз эр махбусны
Чыкъармагъа «расход»къа.

Алименинъ Эски-Къырым
Тюрьмесинден меркезге —

Акъмесджитке ёллангъаны
Энди бир ай толса да,
Камерада яткъан койлю
Къадынлардан кимсеге,
О, шу аджиз алында да
Юк олмагъан олса да,

Куреш эшкъы тюкенмеген
Бу яралы шаинде,
Акъ огърунда тешвикъатчы
Олмагъа кучъ тапыла.
Бу учъ сафдиль татар ве рус
Къадынынынъ къальбинде,
Мердлик руху уянтмагъа
Тюкенмез оч тапыла.

Эр уджейре аят ичюн
Курешкендай дюньяда,
Алименинъ бедени де
Эйилеше баягъы.
Талийдашлар ярдымынен
Къалкъып, гъарип, бир айда
Яваш-яваш ерге басып
Башлай къырыкъ аягъын.

Яваш-яваш ерге басып
Башлай къырыкъ аягъын...
Лякин бирден сес-солукъсыз,
Апрель он беш тангъында,
Бу камера халкъына да
Невбет келип, алайын
Ёлгъа айдап чыкъаралар
Саба къаранлыгъында.

«Давай, энди чалышмагъа,
Лагерьге!» — деп окюрип,
Итештирип Алимени
Шу меджалсыз алында,
Устю ачыкъ машинанынъ
Кузовына отуртып,
Чыкъаралар буларны да
Къатнав шоссе ёлуна.

Камеранынъ сасыгъындан,
Куфюнден сонъ, тышарыда
Темиз ава махбюслерге
Дуюла бир тюш киби.
Кокте «къар, къар!» къаркъылдагъан
Къаргъа биле бу анъда,
Корюне бу мазлумларгъа
Бахт кетирген къуш киби.

Кабинагъа зорнен чыкъкъан
Къарт фельдмайор къасапкъа —
Кузовнынъ дёрт кошесинде —
Дёрт гестапо солдаты.
Немсе, румын патруллерин
Къатмагъаңда эсапкъа,
Ёллар бом-бош, даа битмей
Комендантлыкъ саати.

Ёл боюнда кемирильген
Кемик киби тереклер,
Даа къышлыкъ уйкъусындан
Уянмагъан кобиси.
Иште, кумюш сельбилер де
Корюльмекте эректен,
Мына — сквер, мына — Салгъыр,
Мына — Кефе копрюси.

Партизанлар ятагындан
Чыкып кельген, абадан,
Эпкин Салгыр джоша, таша,
Актыл етмей сырына.
Язга барып кьуруйджагы
Бильмей, о да дагылардан
Алган сувын кьарт Сивашкы
Тез текмеге уруна.

Бильмей шимди узеринден
Кечейткыан машина
Ичиндеки дерт кьадыннынъ
Неге махкюм олганынъ.
Бильмей, бу дерт бичаренинъ
Эр бирининъ башында,
Бу дакькыада не киби гьам,
Дерт, кьасевет олганынъ.

Алиме, сонъ саатлери
Чалынганынъ сезсе де,
Айтып бу саф кьадынларны
Абдыратмакь истемей.
Намевджудлик дешети яш
Юрегини эзсе де,
Бу дешетке юрексизлик
Исси кьатмакь истемей.

Бу эзиджи бельгисизлик
Узеринде дегюнип:
«Джойма сувукь кьанлыгынынъны,
Кьоркыма, тынчлан, гонъялум!» — деп,
Чаресизден озю алыны,
Озь теляшлы гонъялуми,
Ольсе биле, ольмек истей:
«Я Ватан, я олум!» — деп.

Титис, къркъунч бу ойларны
Атмакъ ичюн башыңдан,
Де ичинден йырламагъа
Башлай севген йырларын.
Де хатырлай агъламсырап,
Тююлип козьяшына,
Анайчыгъын, бабайчыгъын,
Битайчыгъын, сойларын.

Хатырлай... Не хатырлар яш
Бир къыз олюм алдында?..
Авто исе эп илерилей,
Вокзал бетке догърула.
Вокзалдан да отип кетип,
Дегирменлер артыңдан,
Дос-догърудан кунъдогъушкъа
Ачыкъ чельге бурула.

Озю киби бир чокъ олюм
Машинасы кършыдан
Келип тура, кене толып
Къайтмакъ ичюн янъыдан.
Алименинъ исе ич де
Хабери ёкъ байгъушнынъ
Учъ кунъ даа ольмеселер,
Сагъ къаладжакъларыңдан.

Эки япы кърасабан
Киби терен сюрюльген,
Кузгюдайын ялт-ялт эткен
Таптав ёлдан машина
Келип кире ызлы-ызлы,
Та эвельден-эвельден

«Бойня» намы чыкъкъан совхоз
Территориясына.

Аркъадашлар! Бу ягъыны
Таърифке ёкъ такъатым...
Кучюм етсе, сёз джевэрин
Серпер эдим авучлап...

Машинаны бир эндекнинъ
Кенарында токътатып,
«Тюшюнъиз!» — деп, эписини
Тюшюрелер тарткъычлап.
Къадынчыкълар энди барып
Бу алдавынъ фаркъына,
Джан-алямет багъырыкълай,
Къычыршалар къоркъудан:

«Вай, анайым!» «Сабийлерим!»
«Вай, хынзырлар! Бу не?» — деп.
«Ой, мамочка! Ой, не надо!
Родненькие! Боже!» — деп.

Алименинъ сеси чыкъмай,
Тура къатып чукъурнынъ
Кенарында тишлерини
Сыкъып, джоймай озюни.
«Ма, атынъыз!» — деген киби,
Тикилип фельдмайорнынъ
Козълерине, тартып йыртып
Кофтасынынъ огюни.

Козълери къан, сингирлери
Тартышкъан торс бетинен,
Къарт фельдмайор, кабинадан

Биле тышкѡа чыкѡмайып,
Беш сание ичерсинде
Озь автомат «Колѡт»инен
Махкюмлернинѡ дѡртюни де
Ата озюн сыкѡмайып...

Кунеш сѡнди, нефес тынды,
Чѡкти ерге кѡаранлыкѡ.
Кѡуртулышнынѡ арфесинде
Кѡыран тюшти шеэриме.

Коралмайын озюнинѡ пак
Йигирминджи баарин,
Ачылмагѡан гѡондже киби,
Ачмай солды Алиме.

Кунеш сѡнди, нефес тынды,
Чѡкти ерге кѡаранлыкѡ.
Алимеге тувгѡан топракѡ
Ачты кѡара кѡуджагѡын.
Шай этип озь эвлядына
Ялынѡыз ана сарылыр.
Ах, мельунлар, сѡндюрдилер
Нидже ватан оджагѡын!..

Ах, шеэрим, догѡгѡан мескен,
Нелер отти башынѡдан!
Ярып бакѡсанѡ, эр ташынѡнынѡ
Кокрегинден от чыкѡар.
Отнен бирге аевлене,
Яна эр бир ташынѡда
Илельѡбед, тек эки сѡз:
«Я олюм, я интикѡам!..»

Тарас Шевченко бульварында

Бинъ докъуз юз алтмыш дёртнинъ
Сувукъ, аяз феввали.
Акъ атластан ёргъан орыткен
Къадим Киев шеэри.
Кип-килегий мермер ташдай
Четлеринде морарып,
Эни-къоны бузлап къалгъан
Чал Днепр неэри.

Эки сене гитлерджилер
Акимлиги алтында,
Виранеге чевирильген,
Тим-тик бели букленген
Бу къараман, дюльбер шеэр
Йигирми йыл зарфында,
Танылмайджакъ дереджеде
Даа шырныкъ тикленген.

Шеэрнинъ там меркезинде,
Ешилъ сырма шерт киби,
Улу Тарас Шевченконынъ
Кенъ бульвары узангъан.
Бир башында Владимир
Ильич Ленин эйкели,
Дигеринде Тараснынъ озъ
Абидеси ер алгъан.

Улу Ленин абидеси
Янындаки мейданда,
Йылбашкъа деп джиезленген
Ёлка даа турмакъта.

Устюндеки йылтыравукъ
Бинълеп оюнджакъларда,
Парыл-парыл сувукъ кунеш.
Нуру парылдамакътa...

Бугунъ базар... Уйледен сонъ
Саф авагъа чыкъкъанлар
Яш огъланчыкъ, къызчыкъларнен
Аналар ве даялар.
Кучюклери гурь ёлканы
Чырмап сарып алгъанлар,
Уйкенджелер бульвар бою
Къызакъларда таялар.

Къалабалыкъ бу бульварда,
Тутып дёрт-беш яшында
Огъулчыгъын эльчигинден
Кезинмекте бир къадын.
Бою-посты, юрюшинен,
Сонъ мода усть-башынен
Озь акъраны къадынларнынъ
Уяндырып мерагъын.

Къадын Ленин абидеси
Этрафында айланып,
Дайимизни косътеререк,
Недир сёйлей огълуна.
Бала бир шей, акъыллы шей
Айтса керек, анасы
Къапып алып, севиц, охшап,
Баса оны багърына...

Сюзгюн мавы козьлеринен,
Кулюп тургъан юзюнен,

«Ой мой родной», — деген шырын
Украиндже сёзюнен
Ким экен бу орта яшлы,
Сыджакъ къанлы келинчек,
Отъкен, кечкен адамларны
Сукъландыргъан озюне?

Бу муляйим къадын шимди
Мектеплерден биринде
Чокътан бери тербиеджи —
Балаларнынъ оджасы.
Бу муляйим къадын — бундан
Йигирми йыл эвельси,
Ватанына хиянетлик
Эткен алчакъ бир джасус.

Йигирми йыл эвель,
Джермай-Къачыкъ тешкилятынынъ
Азаларын гестапогъа
Айтып берген — мына шу!
Алименен гестапода
Кельген вакъыт козь-козьге,
Джемий сырны ачып берген
Гуляченко Инна — шу!

Инна! Инна шимди Ленин
Акъкъында озь яврунъа
Айтаяткъан сёзлеринъни
Насыл юзьнен айтасынъ?
Дайимизнинъ бу тунч
Эйкелинде биле джанлыдай
Янып тургъан козьлерине
Насыл козьнен бакъасынъ?

Фашизмнинъ он бинълернен
Къурбанлары комюльген
Мезарлыкълар этрафындан
Насыл юзьнен кечесинъ?
Халкъ достлугъы ёравджысы
Улу Тарас эйкели
Янчыгындан насыл этип
Утанмайып отесинъ?

Бельки, эр кунъ насиатлап
Озь талебелеринъе:
«Видждан, намус саиплери
Олунъыз!» да дейсинъдир.
Бельки, Ватан дженкинден
Мисаллер де кетирип:
«Ана юрткъа даим садыкъ
Къалынъыз!» да дейсинъдир.

Мукъаддесаткъа теджавуз
Бу сёзлерни дегенде,
«Мен не япам?» — деп юрегинъ
Виджданынъдан сормаймы?
Япкъан хаинликлеринъ
Акъылынъа кельгенде.
Дамарынъда акъкъан къара
Къан мийинъе урмаймы?

Бу дюнъяда яман халкъ ёкъ!
Амма сендай саткъынлар,
Мунафыкълар, языкъ, базан
Эр бир халкъта булуна.
Лякин магърур совет халкъы
Украинми, татармы —
Адымлай эп огте догъру
Адалетлик ёлунда.

Инна, кѳанлы излеринѳни
Узакъ йылар джойса да,
«Кѳымышларым унутылыр» —
Деп сарф этме кучюнѳни.
Совет суды, укюмети,
Халкѳы багѳышласа да,
Биль ки, азиз ана топракѳ
Багѳышламаз сучынѳны!

Эпилор

Эй, яш ана, яш келинлер,
Багѳры яныкѳ кѳандашлар!
Алимеге акѳрандашлар,
Алимеге кѳардашлар!
Шу кѳыссанынѳ ахырына
Кѳулакѳ салып, джумленѳиз,
Бир кѳач агѳыз теклифимни
Агѳырсынмай динѳленѳиз!

Халкѳымызнынѳ ифтихары
Алименинѳ акѳкѳычюн,
Онынѳ азми, джесарети
Кѳатиети, акѳкѳычюн,
Мунафыкѳлар, хафиелер,
Саткѳынларнынѳ ахтычюн,
Келеджек яш несиллернинѳ
Гѳурурычюн, бахтычюн,

Янѳы дюнѳя юзю корьген
Кѳыз балаларынѳызгѳа
Алиме деп ад беринѳиз,
Алимемиз ашкѳына.
Маркс, Ленин шерефине

«Марклена»лар олгъандай,
Нариманов ольгенден сонъ,
«Нариман»лар толгъандай,

Онынъ азиз ады да
Бу адларнен бир сафта,
Ер юзюнде акъ, адалет,
Теньлик ичюн урушсын!
Онынъ къучакъ баласынынъ
Козьяшындай мусаффа
Азиз руху, яш несиллер
Юрегине авушсын!

Эй, къардашлар, ал, илинъиз
Чюйге эски сазымны.
Шу кучючик къыссачыгъым
Бу ерчикте тюгеди.

Алимемнинъ къанлы, шанлы
Яш омюри акъкъында
Сизге айтмакъ истегеним,
Иште, бугунъ шу эди.

Ташкент, 1964 сенеси.

СЕИТУМЕР ЭМИН

АТЕШЛИ КУНЬЛЕР

(Поэма)

Поэма, Улу Ватан урушында Советлер Бирлигининъ енъиши ичюн яш джаныны феда эткен айтувлы разведчик Алиме Абденановагъа, багъышлана.

Поэмада 1941—1944 сенелери Къырым партизан аркекетинге иштирак эткен партизанларнынъ ве чёль районларындаки гизли тешкилят азаларынынъ базыларынынъ да агла ры анъыла.

Биз къайтырмыз

I

Топлар патлай
Шаркъта,
Гъарпта,
Дженюп яна.
Топракъ кокке савурыла, котериле.
Инсан оле.

Денъиз къайнай,
Далгъалана.
Ялыларгъа чабдырыла,
Окелене.

Яна дагълар
Яна койлер,
Яна чёллер...
Инсанларнынъ сюрюсинен толды ёллар.
Анда-Мында,
Оба-Тёпе
Яралылар.
Баш котере,
Имдат тилей, ынъраналар.

Афат къопты бар джианда —
Бала-чагъа,
Ана-баба
Терк олдулар.
Бири — къува,
Бири — къача.
Бири — тюше,
Бири — мине
Арабагъа,
Шаматалы тозлу ёллар.

Патлатылгъан танклар ята,
Ята топлар,
Тютей-тютей,
Ян-янаша.
Атеш-алев оджагъында эвлер яна.
Юрек агълай,
Яшын яшнаи,
Кок гудюрдей,

Ягъмур ягъа.
Къан тѣкюле
Мор Одесса дживарында.
Таш устюнде —
Таш къалмады
Малаховда.
Янды ялы.
Денъиз янды.
Янды Акъяр.
Душман оны кене эльге
Аламады.

Ал байракълар
Тельчеленди
Инкерманда,
Каховкада.
Атеш алды кок байырлар.
Самолѣтлар булутындан сечильмеди
О мавы кок,
О ялылар,
О къаялар.

Къол-аякъсыз
Батакълыкъта
Солдат ята.
Яралангъан генералнынъ кокюсинден
Тамчы-тамчы ал къан акъа.
Козълеринде атеш яна,
Эеджаннен
Арткъа бакъа...

Бугунъ бизнен савлукълаша
Белоруссия,
Украина.

Оксюз къала
Баба топракъ.
Къартаналар
Къартбабалар,
Абдест ала,
Намаз къыла,
Олюм истеп джанаваргъа!

Элем этменъ ана-баба...
Бу бир дешет,
Бир феякет...
Биз сизлерни аламадыкъ узакъ ёлгъа.
Сиз
Бекленгиз,
Биз
Келирмиз.
Ич бир вакъыт эсир олмаз бу мемлекет!

Афан-туфан.
Яна душман
Атешинде
Ешиль дагълар.
Та Балтыкътан —
Къара денгиз ялысына еткен къадар
Акъа ал къан.
Атеш якъа
Чатырдагъда
Партизанлар.

Баш котер, бакъ!
Ана-Ватан
Кокюсинде
Дарагъачлар тиклетиле.
Къулагъыма аджджы-аджджы

Сеслер келе.
Аналарнынъ марамасы къурумады
Козьяшындан.

Къарлы —
Бузлы
Фелякетте Ленинград.
Душман онынъ кокюсине топнен ура.
Лякин бу бир
Екянедир —
Революция бешигининъ межяныдыр.
Къави тура.

Къол узата
Москвагъа,
Парлап янгъан
Йылдызларгъа
Хасис душман.
Пек абадан Къызыл мейдан.
Мында Ленин,
Ленин мында!
Оныкъ руху шавле сача бар дюньягъа.

Улу Волга
Озенинде
Сувнен бирге
Акъа ал къан.
Гурълей топлар.
Иньлей джиан.
Кескинлеше,
Атеш,
Куреш.
Бир кунъ саба
Мында догъар,

Танъ аткъанда,
Енъиш,
Кунеш!

Лякин биль сен,
Бу муакъкъат бир адисе.
Айдут немсе,
Бир кунъ ола
Корюшюрмиз бу ерлерде.
Бинъ-бир алтын берирсинъ сен
О кунълерде
Сычаннынъ бир делигине.

Келир о кунъ.
Барсын бутунъ
Къан тѣкюльсин.
Гуллер солсун.
Юреклерде нефрет толсун.
Етиширмиз енъишлерге.
Кулер юзьлер.
Къуванычтан яшнен толар сѣнген козьлер.

Мен тилейим,
Лянет санъа,
Мен оль дейим
Хасис немсе!
Халкъымны сен къойдынъ бойле азапларгъа.
Лякин анъла,
Бир кунъ ола
Кирерсинъ сен
Озюнъ къазгъан мезарларгъа!

Биз къайтырмыз
Сѣнип къалгъан оджакъларгъа!

Биз къайтырмыз
Салкыын сувлу чокъракъларгъа!
Сиз
Бекленъиз,
Чал далгъалар.
Ер юзюнде енъильмез бир адалет бар —
Москва бар!

Унутылмаз

II

Ола билир,
Денъиз янар,
Унутылыр чокъ левхалар.
Унутылыр догъгъан кунълар.
Ольген кунълар.
Лякин билем, унутылмаз о къурбанлар,
Кечсе биле
Айлар,
Йыллар.

Ич бир вакъыт
Унутылмаз Маритэлэр,
Чайкиналар.
Унутылмаз Васфиелер,
Аппазовлар.
Унутылмаз Кошевойлар,
Матросовлар,
Кечсе биле
Чокъ асырлар.

Унутылмаз
Къара ярлар,

Тель кѳоралар.
Унутылмаз майданеклер,
Бухенвальдлар.
Унутылмаз тип-тирилей отта янгъан
Яш сабийлер,
Кѳартаналар,
Кѳартбабалар!

Унутылмаз
Петрищевнинъ
Адалетсиз аязлары,
Ялан аякъ, кѳар устюнден
Баш котерип дарагъачкъа котерильген
Джесюр Зоя!
Унутылмаз
Омюрбилля!

Унутылмаз
Аджымушкъай кѳобалары.
Нефес алгъан
Тири инсан
Обалары,
Кѳанлы ызлар.
Унутылмаз
Агѳармышнынъ кѳурбанлары.
Унутылмаз
Алимедай джесюр кѳызлар!

Я Алиме,
Я о кимдир, кѳайда догъгъан?
Не ишлеген ер юзюнде?
Кѳараман деп онъа эйкель ким тиклеген?
Мен корьмедим не чѳллерде,

Не койлерде.
О кѡаерде?!
Ничюн суcтынъ?
Ничюн пусcтынъ
Кѡанлы тарих? Сѡйле манѡа!
Даа нелер сакѡлы бузлу багѡрынѡда?
Кимлер кулѡди,
Кимлер кюcѡти
Мераметсиз,
Адалетсиз
Азабынѡда?

Аят кѡайнай

III

Токѡта,
Дур сен!
Чокъ сѡйленме,
Гудюрдеме.
Кѡыдырма сен мермер таштан о эйкельни.
Дагѡлар ашып,
Денѡиз ташып,
Уфукъ ярып,
Даа кечен
Хабер кельди,
Динѡле мени.

Джермай-Кѡачыкъ койнинѡ ады.
Татар кою.
Мында догѡды,
Мында осьти
Алименинѡ кѡартанасы,

Къартбабасы.
Сою-сопу.
Мында догъды Алиме де
Къорайларны къатты еллер уфюргенде.

Къарлар ягъды,
Ягъмур ягъды.
Дерелерден,
Тёпелерден
Селлер акъты.
Къулан чёллер алтын башакъ эгинлернен
Далгъаланды,
Гуллер ачты.
Бар джиангъа къокъу сачты.

Кенъ тогъайлар ешиллене
Чечеклене.
Омюр къайнай баба-деде
Топрагъында.
Инсан догъа.
Инсан осе.
Инсан куле.
Иш садасы ишитиле
Эр бир ерде.

Сербест топракъ
Гурьделене
Къардаш-достлар
Бирлигинде.
Ёкътыр мында юреклерде
Ич бир илле.
Къайда бакъсанъ —
Гонъюль охшар,

Инсан кѳушдай котериле,
Октемлене.
Не аджайип ешил чѳллер,
Чал кѳаялар,
Дерелерден
Шырыл-шырыл акѳкѳан сувлар.
Дерсинѳ йырлай о чокѳракѳлар.
Тилеринде,
Буллюрлерде
Бульбуллернинѳ ильхамы бар.

Джилъвелене,
Кѳокѳу сача
Акѳ чечеклер,
Кѳаранфиллер,
Кѳаdifелер.
Келип кечкен кокюс толу нефес ала,
Фералана.
Юреклерде кѳуванч тола,
Севги тола.

Мавы чѳльде
Уча-юре
Кобелеклер.
Йырлай дженюп йылдызлары кок юзюнде.
Эсе еллер.
Далѳаларнынѳ гурюльтиси ишитиле
Джермай-Кѳачыкѳ чѳллеринде.

Аят кѳайнай
Эр бир ерде.
Халкѳым йырлай,
Халкѳым ойлай

Келеджекнинъ даа зевкълы кунълерини.
Яша халкъым,
Ал Октябрь шавле сача юреклерге.
Яша халкълар бирлигинде!

Севги атешинен

IV

Къулан чёллер
Алтын башакъ экинлернен
Далгъалана.
Ана-баба
Эп чалыша.
Дёрт аякълап чёмелеклер
Арасындан
Тозлу ёлгъа,
Сюйрекленип, чыкъа бала.

Эслей ана,
Ёкътыр бала.
Абдыракълай.
Орталыкъкъа бир козь ташлай.
Козьлер яна.
Юрек ура.
Чапа ёлгъа.
Къарт къорайлар,
Тегенеклер арасында
Ята бала.

Юкълап къалгъан.
Юзю-козю
Тоз ичинде.

Къабургъада баш котерип ята йылан.
О сабийни тишлемеген.
Сакъынмады.
Алды-басты
Эвлядыны багъырына,
Кене ана.
Тек масалдай дестанларда
Осе-кете
Беш-он сатыр арасында
Яш сабийлер.
Лякин ана юрегинде
Нидже яра,
Нидже агъры ызы къала.
Оны биле
Тек бир ана.

Нидже куньлер,
Серт геджелер
Пуллы-телли
Бешиклерни тепретелер...
О осьтюре,
О буюте
Къучагъында.
Аналардай мераметли,
Адалетли
Бармы экен дар дюньяда?!

Эвлядыны беслей ана
Сютю иле.
Гъурурлана,
Баса джыллы багъырына
Фуртунада.
Бир кунь келе

Бешигинден сабий бала
Къушлар киби котериле,
Къанатлана.

Бармы аджеп
Ойле къувет ерде —
Кокте,
Ана турса
Къаршысында
Тиз чёкмейджек?
Аналаргъа,
Биз борджлумыз, омюрбилля,
О бордж севги атешинен
Оделеджек!

Макъсад — куреш

V

Багъчаларда
Йырлай бульбуль,
Чёллер куле.
Дерелерден сувлар акъа,
Гурьделене.
Алименинъ козьчиклери
Отдай яна.
Янакълары бир къатмер гуль —
Гъонджелене.

Бир кунъ саба.
Ер къазмагъа
Кете баба.
Ана кете

Эвлядыны мектебине озгърмагъа.
...Ёл четинде комюльген эв ешиликте
Сес-шамата
Орталыкъта.

Дерсинъ байрам —
Гуль багъчада.
Чечеклерге бенъзер
Юзлер,
Юреклерде — къуванч-сада.
— Биз бильмедик окъув недир эски заман.
Окъу балам.
Омюр корер
Окъуп-язан, —
Деди ана.

Бахт недир,
Аят недир,
Оны бильген
Бармы экен?
Десте-десте
Акъчамы о?
Чечекленген
Багъчамы о?
Ёкъса,
Эля козьлерми о?
Ёкъса,
Татлы сёзлерми о?

Ана-баба,
Тувгъан — Ватан
Мына аят!
Бахт чокърагъы! Лякин бир анъ

Къопа афат,
Улуй боран.
Ана оле.
Оле баба.
Юрек яна.
Ана-Ватан терк этиле.

Бойле бир кунъ
Алиме де
Марум къалды анасындан.
Юрек куйди.
Козьлер сёнди.
Пек окюнди.
Къорчалады.
Эйбетледи
Къартанасы,
Дерсинъ онынъ озъ анасы.

Мектеп ёлу,
Комсомолнынъ шанлы ёлу
Олды онынъ омюринде
Макъсад —
Куреш.
Толды онынъ юрегинде
Сёнмез атеш —
Шавле сачты янъы аят —
Санки кунеш...

Кечти кунълер,
Айлар кечти,
Ачты гуллер.
Тек юректе
Яраларнынъ ызы къалды.

Генч-сабийлер
Ойнап-кулип буюдилер.
Аят садыкъ эвлядыны
Ёлгъа салды.

Фелякетте корюшюв

VI

Сене:
Къыркъ учъ,
Вакъыт:
Гедже.
Бурутларны ярып кокте
Къушдай учкъуч,
Къара денъиз ялысындан котериле.
Шу геджеси магърур
Ойсун чёллерине
Эне
Коктен
Эки аскер: бири — Инна.
Бири исе — Алиме.

Тюшкен ери —
Дере-тёпе...
Къазаланды.
Бильмем чыкъты,
Бильмем сынды
Алименинъ бир аягъы.
Агърысындан басалмады ич устюне.
Юралмады.
Сюйрекленди.
Туралмады.

Мераметсиз ель окюрди.
Токътамады.

Сюйреклене.
Я не япсын?
Агъырса да кетмек керек
Ёл янындан.
Чет бир эвге кирмек керек,
Саба якъын!
Орталыкъны ярыкълата ракеталар,
Андан-мындан
Эшитиле
Немсе сеси.
Патта-сатта
Пулемётлар тасырдайлар.

Алименинъ иши хавфлы.
Пек афатлы.
Къолгъа тюшсе,
Оны немсе
Асар-кесер.
Не япмалы
Геджелейин бу ерлерде?
Гонъюллерде
Баш меселе —
Саба эрте
Койге кетмек,
Вазифени эда этмек.

Ай долана
Булуларнынъ арасында.
Де корюне-ярыкълата,
Де сакълана.
Къаранлыкъкъа дёне джиан.

Яры гедже
Чокътан авгъан.
Танъ йылдызы
Савлукълаша.

Уфукъ яна.
Яктын саба.
Къурбан кетер татар кызы,
Керек олса,
Ватанына,
Партиягъа.
О ант этти
Душманларнынъ ятагъына
Сокъулмагъа.

* * *

Саба эрте
Инна кетти
Алименинъ эмджесине.
Алименинъ ёкъ чареси — аякъ сынгъан...
Юрегинде джесарет бар, козылерде —
Гъам.
Хаялланды...
Не япмалы?

Ачув къайнай Алименинъ юрегинде.
Бир вакъытта,
Сербест инсан
Бу ерлерде,
Къуванч толу юрегинен
Омюр сюрген.
Бугунъ бакъ сен:
Инсан куйген.
Аят сёнген.

Орталыкъта не гурюльти,
Оюн-кульки.
Башын аскъан,
Шенъ бу койчик тынгъан — къалгъан.
Матем кийген,
Ойгъа далгъан.
Эр бир ерде,
Куньдюз-гедже
Ярыкъ сѣнген,
Къапы —
Япыкъ.

* * *

Бир дакъикъа.
Бир сание.
Деръал
Бир анъ...
Юрек урды — чапаланды.
Кокюсинде ер тапмады.
Къоркъумы бу гъарез душман
Ятагъында?
Ёкъса ачув
Разведчикнинъ багъырында?

Ачув эбет.
Эбет —
Нефрет
Къайнай сенинъ юрегинъде.
Лякин сакът ол, куньлер агъыр.
Интикъамынъ берсин санъа
Къувет,
Сабыр.
Санъа бакъа
Ана-Ватан,

Тувгъан халкъынъ
Къара кунъде.

* * *

Акъшам башы —
Кунъ къавушты.
Келе гедже.
Бир араба, эки адам
Корюндицер айланмадан.
Бири — Инна.
Бири — эмдже.
Эки тувгъан
Корюштицер фелякетте.
Алып кетти койлерине...

Ким унуткъан?

VII

Оксюз киби басыкъ эвлер.
Зевкъ-шамата
Ёкътыр мында.
Козьлер сёнген.
Чырай солгъан адамларда.
Ёкъ мерамет демир мыхлы чызмаларда.
Гъарез немсе
Аса-кесе.
Якъа-йыкъа.
Баскъан ери къанлы къала.
Не гуль осе.
Не от бите.

О куньлерде
Акъты козьаш.

Акъты ал къан.
Ант эттилер агъа-къардаш.
Кин-интикъам
Беследилер юреклерде.
Сербестликчюн джан бермеге,
Курешмеге.

Гизли-сырлы,
Учъ-беш адам
Топландылар къартбабада¹
Акъшамлары.
Чет бир звде.

Кечти кунълер.
Айлар кечти.
Бир ерине —
Беш-он олды
Алимелер.
Тюшти къатран къазанына гъарез душман.

Баскъан,
Яткъан,
Тургъан ери
Атеш алды.
Гедже-кунъдюз, партизан!..
Деп къалтырады.
Пускюрди къан.
Кене чаре тапалмады.

* * *

Дагъда-къырда,
Демирёлда,

¹ Батал къартбаба. Онынъ эвинде гизли тешкилят топлана экен.

Шеэр, койде
Юре бир къыз ... аягъында папичлери,
Гулли антер,
Омузында ал явлугъы.
Бою — фидан,
Индже белли,
Фыстыкъ киби кокюслери,
Мавы козьлю,
Узун сачлы, ал янакълы,
Беяз гердан.

Бир бакъышта,
Бу кобелек,
Дерсинъ ельден,
Кучълю ельден
Олур телеф.
Эслеп бакъсанъ — козьлеринде
Атеш яна —
Чатал юрек,
Аевлене
Сыкъ-сыкъ ура.
Котериле —
Къанатлана.
Гедже-кунъдюз,
Акъшам-саба
Корем оны тозлу, ёлда.

Бугунъ — мында,
Ярын — анда
Яна бина.
Даа бир кунъ
Къыстыра о рельс тюбюне
Кимсин нелер...
Фитиль якъа,

Беш-он дакъкъа
Кечер-кечмез
Поезд яна,
Копюр патлай, савурула
Кок юзюне.

Ата-тута
Айдут немсе
Чапалана.
Атеш алып
Аевлене гестаполар,
Телеф ола дивизиялар,
Армиялар...
Шашмалагъан аскерлернен тола ёллар.
Авдарыла,
Баш котере,
Дагъ, къаялар...

.....
Корем анда
Бир къыз бала
Тик байырдан котериле.

Патлатылгъан
Демир копюр мейданында,
Къаранлыкъта,
Атеш — ялын ярыгында
Корем кольге —
Узун сачлы,
Фидан бойлу
Бир къыз анда.
О ким экен,
Геджелейин душманларнынъ ёлларында
Къуршун аткъан,
Адымлагъан?

Яна-куе
Немселернинъ анбарлары.
Силя къойгъан магъазлары,
Аранлары.
Ернен эксан олды онынъ япылары.
Ачылсалар-япылмады
Къапылары,
Босагъада къалды копек джеседлери
Кунъдюзлери,
Геджелери.

Эне дагъдан —
Бурульчадан,
Яман-таштан
Джесюр — йигит партизанлар —
Федоренко, Рамазанлар...
Силя толу эшелонлар
Ата ярдан,
Демирёлдан,
Атеш — алев котериле
Кок юзюне.
Бензин яна,
Яна озен,
Денъиз яна.

Аметханлар,
Бейтулалар,
Коджедублар
Кок юзюнде доландылар
Немселернинъ башларына ташлап
Бомба.
Орталыкъта афан-туфан.
Немсе яна.
Негизлерде

Делик-тешик къыдыра о баш сокъмагъа.
Ёкътыр файда.

.....
Москвадан
Бинъ алгъышлап
Селям келе
Алимеге.

Бир кунъ акъшам —
Кунъ къавушты.
Дагъ башында.
Уруш битти.
Ята душман джеседлери
Анда-мында.
Македонлы комисеарнынъ кокюсинден
Къаны тамлай.
Джесюр Аппаз эляк олды.
Дагълар агълай.
Юреклерде эбедиен яра къалды.

Къарлы Бакъсан
Этегинде
Къалды Амет.
Эбедиен къалды эсте
О алямет...
Корем анда.
Дагъ башында
Атеш яна,
Автоматы кокюсинде
Мешур Джеббар
Кок байырдан котериле.
Эеджанлы джесюр мадъяр.
Алев сечем комиссарнынъ
Мустафанынъ козьлеринде.

* * *

Мустафа...
Кок козьли
Мустафа...
Кесментик кевдели.
Дагъларда догъгъан,
Юзюнде къаялар ренки бар.
Комиссар...
Партизан коксюнде интикъам
Атеши якъкъан,
Комиссар...
Онынъчюн душман
Чокъ гедже
Юкъусыз къалгъан,
Онынъчюн душман
Къутургъан,
Къан
Къускъан.

Мустафа...
Къаядан-къаягъа
Атлагъан,
Дерелер,
Тёпелер
Кечкен,
Дагъларнынъ саиби партизан ордусы
Кеткен пешинден.
Немселер башына
Къаялар авдаргъан,
Коксюне сюнгюлер саплагъан,
Мустафа, ...
Мустафа, ...
Омюрлик къалдынъ сен
Тарихта.

* * *

О ёлларда
Озюм юрьдим.
Озь козюмнен
Озюм корьдим
О куньлерни.
Аля сеслер инълей меним къулагъымда.
Даа кимлер
Эляк олды бу къавгъада?
Даа нелер
Сакълы къалды о дагъларда.
Сейле
Сайде,
Джесюр къыз сен.
Буны инкяр эткен кимлер?

Къарлы-бузлу еллер эсе —
Бузлай немсе.
Ёкътыр онъа ич бир эвде
Сыджакъ коше.
Ёкътыр чаре,
Сонъ ачувдан
Аса-кесе
Баса-эзе.
Азмы джанлар кетти къурбан!
Азмы татар койлеринде
Тёкюльди къан!
О куньлерни
Ким унуткъан?

Ким унуткъан,
Ким унуткъан
Къараманджа эляк олгъан
Ивановны.

Сейфединни?!
Ким унуткъан,
Ким унуткъан,
Агъармышта къуршунлангъан
Дживан татар къызларыны —
Васфиени,
Неджибени?!
Ким унуткъан,
Ким унуткъан,
О куньлерни?!

Ким унуткъан
Яр башында,
Ольмей къалгъан
Сабийлерни
Тип-тирилей чукъурларгъа
Яткъанларын?!
Ким унуткъан,
Дагъ башында —
Озенбашта
— Сенинъ огълунъ партизан!.. — деп
Башлары чал аналарны,
Бабаларны
Къапап эвге якъкъанларын?!

Ким унуткъан,
Эсирликке айдалгъан
О фиданларны —
Вераларны
Фераларны?!
Ким унуткъан.
Баба-деде топрагъыны
Къангъа богъгъан,
Койлеримни якъкъан-йыккъан,

Джанаварны?!
Ким унуткъан,
Къайсы инсан
Иманында бу къалмагъан?!

* * *

Гъарез душман
Оле яткъан арфесинде
Баш котерди,
Къан
Тюкюрди.
Джигерлери парчалаңды къафесинде.
Атты-тутты.
Лякин файда ёкътыр энди —
Сонъки нефес — эджель кельди.
Аджджы кунълер,
Къара кунълер,
Юреклерни якъкъан кунълер
Кечер энди.

Сакът ол балам

VIII

— Кунълер агъыр,
Сакът олмасанъ, къапкъан азыр.
Тюшсенъ къолгъа,
Тек бир ёл бар дарагъачкъа.
Сакът ол, балам.
Сонъки пешман — башкъа душман,
Дей къартана,
Джаным балам, сакът ол балам,
Кунълер агъыр,
Сакът олмасанъ

Тузакъ азыр
Аман-аман,
Сакът ол, балам...

Кесек-кесек
Къара булут
Парчаланды.
Кок ярылды.
Омузларгъа авдарылды.
Сагъанакълап ягъмур ягъды.
Селлер акъты.
Алименинъ излерине душман басты.
Бельким гедже йылдызлары оны чакъты,
Бельким ерде, сокъакъларда ызы къалды...

Кимдир, бильмем
Бу куньлерде
Фена къоркъкъан,
Озь гонълюни теклиф эткен хаинлерге,
Айдутларнынъ ювасына адым аткъан.
Виджданыны,
Анасыны,
Ватаныны,
Яралангъан партизанны,
Зояларнынъ ал къаныны,
Бирлей саткъан.

О ким экен?
О ким экен?
О ким экен?
Бир махлюкъмы?
Я инсанмы?
Къайда догъгъан!
Не ишлеген?

Ничюн,
Душман тузагына барып тюшкен.
Алимени
Ничюн саткъан?
Васфиени,
Ивановны ничюн саткъан?
Сёйле манъа,
Къарт партизан.

Ола билир,
Ола билир,
Унутылыр,
Эстен чыкъар
Базы адлар,
Вакъиалар.
Лякин билем — эминим мен —
Бир кунь келир
Бирер-бирер
Еди къатлы ер тюбюнден
Тепип чыкъар
Бу куньлерде достны саткъан,
Юртны саткъан
О къатиллер!

Эминим мен,
Бир кунь олар,
Халкъ огюнде сюйрекленир.
Тиз устюнде имдат тилер
О хаинлер.
Эбет, бугунь агъыр куньлер,
Лякин даян.
Аман-аман...
Джаным аман,

Даян балам...
Юреклерде якътынъ нефрет атешини.
Къараманджа эда эттинъ вазифенъни —
Энди даян.
Сен къараман!

Уфукъ кызара

IX

Фидане.
Гъондже-гуль.
Чёллер чечеги —
Санъа бу азаплар не керек?
Ойна-куль.
Учта юрь чёллер ичинде.
Кобелек,
Бу яшлыкъ чагъынъда къан төкмек
Не демек?

Алиме,
Сен къайда кеттинъ
Он докъуз яшынъда!
Не биле
Эдинъ
Сен,
Не корьдинъ
Дюнъяда?..
Ах,
Янды
Якъылды
Юрегинъ.
Сим-сия сачларынъ чаларды башынъда...

Даа дюн
Чёллерде
Зый-чувлап кезердинъ;
Назик бир
Лялеге
Бенъзердинъ.
Лякин бакъ, бугунъ,
Урушлар ёлунда,
Вахшийлер къолунда
Сен нелер
Коръдинъ.
Сен нелер
Чектинъ.

Яралы —
Эссиз
Козюнъни ачкъанда,
Къаранлыкъ зинданда
Кимсесиз
Эдинъ.
Анъладынъ:
Тюштюнъ сен ятлар къолуна.
Мугъайдынъ.
Къузгъунлар къонды ёлунъа.

* * *

Сачларынъ чыбалгъан,
Устюнъде
Антеринъ йыртылгъан,
Къушагъынъ чезильген
Белинъден...
Меджалынъ къалмагъан
Чызмалар тюбюнде,
Панджалар ярасы коксюнъде.

Яралы манълайдан
Тамлай къан,
Аякълар сылангъан
Ве шишкен.
Мен билем,
Джесюрлер ёлунда танъ аткъан.
Челик де
Атеш де,
Куреште
Пишкен.
Даян сен,
Алиме.

Козьлери атешли,
Яралы кевдеси
Алиме диваргъа
Сыгъынып таянгъан.
Алдында —
Циммернинъ къан къускъан
Череси.
Аркъада —
Джеллятлар сюрюси къаткъан.

* * *

... — Сен кимсинъ?
Инатлыкъ не демек?
Эгер сен яшамакъ истесенъ,
Истесенъ
Емек...
Айт, къайда
Гизли тешкилят, достларынь?
О кимлер?
Сонъ сефер

Сорайым!
Джекирди Циммер.

Сен сустынъ,
Къан къусты,
Шапырды-копюрди
Джеллят.
Урдулар.
Патлады дудакълар.
Чыбырды ал къан.
Инъледи зиндан.
Сен кене
Беслединъ юректе интикъам.

Гъондже-гуль
Саллана,
Афаттан буклене.
Хаялда,
Туманда
Балалыкъ кунълери джанлана,
Замбакълар
Ачкъанлар
Чёллерде,
Эфсане...
Алиме эскендже ичинде.

Къызаргъан демирлер
Коксюнде тютейлер,
Тен яна.
Куюк эт къокъусы,
О инълей,
Ынърана.
Бу аджджы, сыяргъан
Ярадан

Къуса къан.
Топракъта уюна.

Дерсинъ
Йип парчасын бургъандай
Къолларны
Бурдылар,
Сыңдылар
Сен кийик сеслернен кычырдынъ.
Майышып
Къыйышып
Бир фидан терекдай
Салланып ерге йыктылдынъ.

Арарет басты.
— С... у... в... дединъ.
Бир ютум сув биле
Бермеди кимсе.
Ёкъ олсун хайырсыз немсе!
Сюйреле-сүйреле
Диваргъа таяндынъ.
Тер ве къан
Къускъан
Ташларны яладынъ.

...Шырылдап акъалар
Чокъракълар.
Далгъалар
Къувалар
Далгъалар
Артындан.
Ириди
Дагъларда
Къарлар.

Лякин сен, бир ютум сув истеп, инълединъ,
Танърыдан.

...Учан-Сув гурюльдей
Тоз олып коклерге.
Шувуддап акъалар
Улукълар.
Къалтырап кыбырдай
Къан
Къускъан,
Патлагъан
Дудакълар.
Лякин сув,
Бир тамчы сув
Къайда,
Ана?!

Асыл сув олгъанмы?
Учан-Сув?
Я о не?
Балалыкъ чагъымда чокъракътан
Ятып мен
Сув ичтим, керчектен.
Денъиздай балабан,
Мавы ютумлар
Къалды эсимде...

Унутмам,
Ольсем де,
Унутмам!
Мен кене
Эгильдим чокъракъкъа...
Бир салкъын,

Бир адджы,
Бир ялын
Тие
Къан къускъан дудакъкъа...

Эфсане...
Мына бу, эфсане...
Къызаргъан демирнинъ кевдеси
Таянгъан сияргъан дудакъкъа.

Не демек табият?
Не демек аят.
Сен догъ, ось бу азиз топракъта.
Мухтадж ол баба юртунъа,
Бир ютум сувгъа.
Не демек,
Ят
Джеллят
Аягъы астында
Джан бермек!

* * *

Битмеди сорав не гедже, не куньдюз.
Дерсинъ о джесюр къыз къаядан,
Таштан.
Не бир сёз.
Не пешман.
Чызмалар тюбюнде эзильди.
Сырыны гизледи.
Нам берди.

— Айт къайда разведчик-партизан
Бекир?!

Айтмасанъ, мына бакъ,
Элимде къызаргъан
Демир!
Истесенъ яшамакъ
Дюнъяда,
Башынъны котер!
Партизан ёлуны косътер!

* * *

Бекир?
Демир?
Я о недир?
Демир-маден.
Инсан оны терлеп-пишип ер тубюнден
Домналарнынъ агъызына сюрюштирген...
Инсанларнынъ бахты ичюн эп пиширген.

Лякин, бакъ сен,
Гъарез немсе
О демирни,
Инсанларнынъ джан теринен,
Еди къатлы
Ер тубюнден,
Котерильген
О демирни,
Инсанларны ёкъ этмекчюн макъсад эткен.

Бекир... яйля тирсегинде,
Бир дереде —
Сув башында,
Таш къобалар кобегинде,
Къарлы гедже,
Алчакъ эвде,

Исыян эткен
Анасынынъ мераметли кокюсинде...

Сонъ агълагъан.
Седа эткен дюньяларгъа,
Сонъ анълагъан —
Чарыкъ кийген аякъларгъа,
Тарпи аскъан
О яшлыкътан
Омузларгъа,
Тик байырдан
Котерильген
Яйляларгъа...

Тюзлер корьген,
Ялы корьген,
Денъиз корьген,
Шашкъан къалгъан
Далгъаларнынъ аэнкине...
Куньлер кельген,
Куньлер кечкен,
Бекир оськен.
Юрегинде Ватан ичюн ис беслеген.

Сонъ окъугъан,
О вакъытта яш бир огълан,
Алий мектеп мердвенинен кокке чыкъкъан,
Ватанына,
Партиягъа
Садыкъ олгъан.
Душман ичюн юрегинде нефрет толгъан.

Бу куньлерде
Фашистлернинъ джанларына

О такъ эткен.
Эр бир ерде
Тузакъ къургъан немселерге
Эфсанедай, кой-шеэрде,
Корюле о сокъакъларнынъ кольгесинде.

О патлата
Къаранлыкъта
Немселернинъ ятагыны.
Якъа-йыкъа.
Акъшам-саба,
Кунъдюз-гедже
Атеш-ялын азабында
Къала душман.
Онъа немсе чокъ авлангъан
Тутамагъан.

.....
Сонъ, башычюн илян аскъан
Бинъ-бир тюрлю шей адагъан
Шимди кене сорай оны токътамадан...

* * *

Алиме тек сусты.
Не бир лаф.
Не ишмар.
Башындан топларнен
Сачыны юлкътылар
Джеллятлар.
Лякин о,
Разведчик, къараман инсан,
Даянды.
Олюмнен курешти бу анъ.

Не демек,
Ким бунъа не деген?

Къараман?
Бу сёзни Алиме бильмеген.
Бу тек бир садыкълыкъ.
Бу тек бир инсанлыкъ.
Сырыны сакълагъан
Инсан,
Олурмы къараман?

Джеллятнынъ къолунда —
Керпеден.
Тырнакълар суврула
Тенден.
Сен кене
Даяндынъ,
Сырынъны ачмадынъ.
Кимселер даянмаз алгъа,
Сен насыл даяндынъ,
Алиме?

Дерсинъ сен бир кесек —
Бир топар тазе эт,
Яныкъ тен.
Тек бир джан ичинъде,
Инълединъ.

.....
Туманлы булутлар ичинден
Сигары агъзында,
Алдынъда
Къадалды
Инна.

Анъладынъ,
О саткъан яралы солдатны,
Чал сачлы ананы,

Бабаны,
О саткъан Зояны,
О саткъан сени
Ве мени,
Кичкене сабийни.

— Сен кимсинъ?
Адынъ не?
Ким сенинъ
Несилинъ?
Айт-айтма —
Бу белли бизге —
Иште бакъ: Инна огюнъде.
О айтсын, сен динъле.
Сиз телеф олдунъыз Москва тюбюнде
Кимседен ярдым беклеме...

* * *

Башынъны котердинъ,
Сюйреле-сүйреле
Диваргъа таяндынъ.
Боюнъджа турдынъ сен аякъкъа.
Козъ аттынъ айдуткъа.
Агъзынъдан акъты къан.
Саландынъ.
Сескенди
Алчакънынъ баласы Инна.

Тирельдинъ.
Дудакълар ялынны анъдырды —
Къуршундай атешли сёзлеринъ
Сапланды
Душманлар коксюне,
Инъледи

Зиндан.
Динъледи
Джиан.

— Мен татар баласым,
Чёллерде догъдым.
Севем мен чечеклер халысын.
Чемберлер орьдим.
Лякин бир саба
Сизлер далдынъыз юртума
Чёллерим,
Гуллерим
Алынды,
Янды.

Бабалар,
Агъалар,
Къардашлар
— Ватан! — деп урушкъа кеттилер.
Мугъайды аналар.
Бомбалар
Тюбюнде къалгъан чечеклер
Меним де къолума тюфек бердилер.

Янгъан-йыкъылгъан
Койлерим ичюн,
Агълагъан
Чечеклер —
Гуллерим ичюн,
Душмандан интикъам алмагъа ант эттим,
Къан тёктим.
Эм керек олса, юртумчюн,
Олерим!

Бу меним
Чёллерим.
Бу меним
Гуллерим.
Оларны таптатмам мен санъа, къатиль!
Бу меним
Багъларым.
Бу меним
Дагъларым.
Оларны якътыртмам мен санъа, къатиль!

Бу меним
Койлерим.
Бу меним
Эвлерим.
Оларны йыкътыртмам мен санъа, къатиль!
Бу топракъ меним.
Деделер неслинден
Къалгъан
Бир мекаян.
О меним
Джаным ве теним!

Далгъалар шувлагъан
Ялылар меним.
О денъиз.
О денъиз меним!
О санъа омюрлик баш эгмез
Къатиль!
Сен биль!
Дерелер,
Чокъракълар,
Кокюси туманлы къаялар
Меним!

Сабалар танъында
Йырлагъан бульбуллер,
Ялыда
Рузгярдан саллангъан
Сельбилер,
Москва,
Москва меним!
Лениннинъ ызларын сакълагъан
Ёллар,
Сокъакълар
Меним!

Мен корем,
Къызарып ай догъа,
Йылдызлар яна
Къызыл мейданда.
Йылдызны сѣндюрмек мумкюнми?
Енъишлер ташкъыны гурюльдей Волгада.
Ташкъынны токътатмакъ мумкюнми?

Барсын мен байрамны корьмейим,
Лякин биль,
Къатиль!
Ачаджакъ чѣллерде замбакълар.
Бир дегиль.
Бинъ дегиль.
Толаджакъ джиан!
Сѣнмейджек оджакълар.
Оларчюн тѣкюльди ал къан!

Мен корем,
Уфукъ къызара,
Яна.
Мавы кок агъара.

Алевли танъ ата.
Мен корем,
Енъишлер байрагъы юкселе.
Москва,
Енъильмез Москва
Коксюнде!

Енъишлер кунеш нур сачты

...Сонъ тизлер
Кесильди.
Алиме.
Аякънен тептилер,
Эздилер
Джеллатлар.
— Бу джесед сёйленмез, — дедилер.
Кене де
Зиндангъа котерип аттылар.

* * *

Йылышты батыдан
Къара булутлар.
Далгъалар
Атылды
Ялыгъа.
Чечеклер агълады,
Чёллер къойнунда.
Агълады аналар.
Агълады бабалар.
Баш эгди къаялар,
Дагълар.
Алиме къайтмады джесюрлер ёлундан.

* * *

Къаранлыкъ геджелер
Кечтилер.
Танъ атты.
Къолуны котерди
Улу Москва.
Волга да,
Дженюпте,
Сыртта
Душманнынъ юреги
Титреди.
Ер ве кок инъледи.

Енъишлер
Ташкъыны гудюрдеп акъты.
Баш эгди Берлин.
Мезаргъа къоюлды
Айдутлар тахты.
Енъишлер
Кунеши нур сачты.
Яралы чёллерде
Чечеклер ачты.

* * *

Урушлар битти.
Оттилер
Алтын тюс кузьлер.
Сув толып акъты озенлер.
Юреклер
Къуваңды.
Бир заман чыкъмады
Акъылдан
Вакъытсыз сараргъан ве солгъан гуллер.

* * *

Узакътан кельдим
Бугунь мен
Азизим.
Юрегим олса да далгъалы бир денъиз.
Мурадым —
Тер-темиз.
Доланам сен догъгъан чёллерде,
Чечеклер сырдаша-сёйлене.

Сёз къаттым,
Мен сени
Олардан сорадым,
Алиме.
Кусьтюлер,
Башларын эгдилер.
Дерсинъ чечеклер тилинде:
— Алиме?
— Алиме?!
Алиме къайтмады сеферден, — дедилер.

Ах чектим. Дингълендим.
Эследим:
Япракълар, гъонджелер
Сылангъан. —
Учкъундай ялтырай булляторлер кунештен.
Дерсинъ кунъдюзге чеврийген
Геджелер,
Йылдызлар сепильген
Бу ерге коктен.

Бильмейим,
Бельким де

Чыкъ тюшкен чёллерде,
Бельким де,
Козьяшы чечеклер коксюнде.
Бельким де,
Олар да,
Къавгъада,
Эвлядын джойгъан
Бу ерде,
Атешли куньлерде.

Ал гулюм,
Чечегим
Алимем!
Сен ёкъсынъ бугунъ бу чёллерде.
Учмайсынъ,
Кобелек,
Коклерде.
Ким биле,
Бельким де,
Башынъны котериц,
Сен шимди,
Бакъарсынъ бизлерге.

Ойландым...
Тиз чёктим —
Эгильдим.
Агъаргъан манълайым япышты ерге,
Дудакълар къалтырап тийдилер топракъкъа —
Къучакълап
Опытим...
Опытим де
Асыл мен тоймадым онъа.

Тыгъырып акъты козьяшым
Козюмден.
Ёлакълар сызып
Юзюмден,
Тамлады азиз топракъкъа.
Эйгиди,
Дюнъя!
Эйгиди,
Меним белялы башым...
Не дерим мен энди,
Сёйле сен,
Акъыллар етерми санъа?!

Къалтырап пармакълар
Сыйпады ерни...
Бир авуч топракъ,
Бир авуч топракъ
Котерип алдым да, яваштан,
Пошыма сардым.
Къойнума —
Сызлагъан юрекнинъ янына салдым.

Олур деп,
Дердима-дерман,
Олур деп,
Омюрлик хатире
Сенден,
Сен
Догъгъан ерден.
Сонъ, турдым.
Башымны котердим,
Козь эттим коклерге,

Чал башлы дагъларгъа,
Мавы ялыгъа...

Кене де
Шувулдай ялыда далгъалар.
Эсе ель.
Юреклер кедерли.
Лякин ёкъ козьяшы козьлерде.
Корем мен:
Чечеклер ичинде мермерден
Юкселе
Бир эйкель —
Коксюнде:

Алевден-атештен
Алиме сечиле.

*Джермай-Къачыкъ —
Ташкент, 1965—1966 сенелери.*

ДЖЕВАИРЕ МЕДЖИТОВА

УНУТЫЛМАЗ САИФЕЛЕР

*(Поэма)
(Къыскъартылгъан)*

Кириш

Отъкен куреш йыллары абайламай
Ким акътармаз тарихнынъ саифесин.
Элли йыллыкъ ашкъына шаир, кедай,
Котеринки макъамнен къоша сесин.

Азмы девир айланып дестеленди,
Бу дюньянынъ тикенли ёлларында.
Азмы омюр куль олып тельчеленди,
Залымларнынъ, хаинлернинъ къолларында.

О девирнинъ зорбалы алекети,
Омюр бахтын куйдюрди, отсыз якъты.
Козьяшларнен сарарды тарих бети,
Пенджерен нур дегиль, зулум бакъты.

I

Пек де кюскюн бир куннинъ сааринде,
Титис олюм айырды къорантадан,
Отузынджы йылынынъ бааринде,
Оксюз къалды учъ къызчыкъ яш бабадан.

«Омюр зевкъын сюрмеди къана-къана», —
Деп такъмакълап джылады гъарип ана.
Къаралтымынъ къанаты дертим санъа», —
Учъ оксюзни эманет эттинъ манъа.

Дестеленди афталар, айлар отти.
Хасталанды ана да бенъзи солды.
Сувукъ олюм оны да алып кетти,
Юреклерни тельчелеп матем толды.

Оксюз къалды анадан, эм бабадан,
Бойнунъ букюп учъ къызчыкъ апте-къардаш.
Ичлеринде Алиме пек абадан,
Джайдай манълай, айдай юз, къувурчыкъ баш.

Джан аджырлар сакъланды къара ерге,
Аслы омюр кедерсиз дёнмез экен.
Къучакъ ачты къартана етимлерге,
Бахт якъкъан чырагъы сёнмез экен.

Учъ огълунен тул къалгъан Ревиде абай,
Торунларын ынджытмай озю бакъты.
Къартана эм ола экен озъ анадай,
Сабийлернинъ яшлыгъы мергин акъты.

Сыртта Азов денъизи этегинде,
Маяксалын койчиги нефес ала.
Язда саиль боюнда, къышта эвде,
Омюр этти Ревиде, алты бала.

Хастаханеде олды санитарка,
Саф юрекнен сарылды чин эмекке.
«Эвлятларым оселер олур аркъа» —
Деп умютин багълады келеджекке.

Къорасында сарылып экти согъан,
Бостанында осьтюрди къарпыз-къавун,
Ярдым этти, укюмет, сой-соп, тувгъан
Яшайыш чевирди, тапты бавын.

Эр кес бакъып сукъланды алай якътан,
Беджерикли, гъайретли олгъанына.
Огъланларны, къызларны балалыкътан
Шанлы эмек ёлуна салгъанына.

Гульдай осьти учь огълан, учь де торун,
Ревиденинъ икметли къучагъында.
Ишке тюшти шу йыллар Къамышбурун,
Чоюн-бетон иритип оджагъында.

Алмакъ керек зенаат, эм де бильги,
Сербест омюр адымын кениш ата.
Яш бувунлар осьтюре юртнынъ гулюн,
Аналарнынъ къуванып талагъы къата.

«Зенаат алтын билезлик», — деди ана,
Авуштылар бетонлы комбинаткъа.
Куруджылыкъ эр ерде зевкъ-тантана,
Къарап инсан тоярмы гурь аяткъа.

Бири чоюн иритти, бири демир,
Къай бирлери сарылды малюматкъа.
Бильги, зенаат, алмагъан орьселенир,
Аслы къыймет кесалмаз бу аяткъа.

Эр адымда, эр ерде, эр джебэде,
Бешйыллыкълар джылыша бирин-кетин.
Къазаныла курешнен гъалебе де,
Яраштырып къоджаман мемлекетин.

Ревиде апте къувана, кокюс кере,
Бетон къойды омюрнинъ темелине.
Эвлятлары эр иште ибрет бере,
Огде кете окъувда Алиме де.

Максим Горький адына буюк мектеп,
Гуль чечеклер мис бере эр бир ерге.
Алимеде юз файыз низам-эдеп,
Пек макъталып кирди о пионерге.

Эр кунъ келе мектептен кулер юзнен,
Отрядда о етекчи, окъуй бешке.
Таныттыра озюни ишнен, сёзнен,
«Азырман», — деди, эр ишке, эр курешке.

Бакъып-бакъып къувана битай гъариш,
Ыдырынгъан кунълери кетмеди бош.
Хабер ала мектептен даим барып,
Котериле гонъюли, хатири хош.

Эвге кельсе Алиме турмай къарап,
Ярдым эте битайнынъ аш-сувуна.
Къардашларын къучакълай, алын сорай,
Эм козь ташлай оларнынъ окъувына.

Тербиеде, эдепте огде кетип,
Темель къойды кунешли, шанлы ёлгъа.
Эр йыл аля окъувын девам этип,
Къучакъ ачты бильгиге, комсомолгъа.

О девирнинъ медений къурулышы,
Язсанъ дестан, сёйлесенъ — тильге табир,
Эскиликнинъ янъыджа бурулышы
Талап эте бильги эм де сабыр.

Чокъ йигитлер ёл алды байыр-къыргъа,
Чименликке бурюнди кой, шеэрлер.
Эски сабан айланды тракторгъа,
Зарур эди агроном, инженерлер.

Он йыллыкъны битирип бу чебер къыз,
Яш инженер олмагъа этти ниет.
Селямлады истегин ай эм йылдыз,
Огъурлы ёл тиледи урь мемлекет.

Июнь айнынъ сонъунда эрте танъда,
Абдыратты халкъымны бомба сеси.
Инсан, айван пек кусъти бу заманда,
Бала-чагъа къоркъудан джойды эсин.

Дженкнинъ агъыр, дешетли фигъанындан,
Арзу-истек болюнди яш юректе.
Ольчеп-бичип къарады эр якъындан,
Иралмады Алиме саф тилекке.

II

Эрте кузьнинъ пек сыджакъ кунълеринде,
Пейда олды эки къыз аэропортта.
Бинъ докъуз юз къыркъ учъте, сентябрьде,
Краснодар шеэринден бираз артта.

Бире юфкъа эндамлы, орта бойлу,
Ири мавы козьлери джиддий бакъа.
Кестане тюс сачлары дерен ойлу,
Къарагъанда джилъвеси юрек якъа.

Ким де адын сораса Аня деди.
Экинджиси яш бир къыз Инна эди,
Экеви де бир бойда, назик кевде,
Якъынлашып кельдилер уфакъ эвге.

Яваш-яваш юрьдилер софа бойлап,
Эеджаннен бакътылар чевре-четке.
Сонъ токъталып турдылар бираз ойлап,
Шу анъ бирев чагъырды кабинетке.

Кирди олар яваштан кабинетке,
Юзлеринде кене де эеджан ташты
Арбий адам бакъты да олар бетке,
Незакетнен джылмайып селямлашты.

— Отурынъыз, — деди косътерип ер, —
Вазифенъиз шеревфи, гъает джиддий.
Къоркъмайсызмы? Юректе ёкъмы кедер?
Бу иш сизден тюкенмез гъайрет истей.

— Улу Ватан борджуны акъламагъа, —
Деди къызлар, — азырмыз эр бир ишке.
Юртнынъ сырын билирмиз сакъламагъа,
Джавгъа къаршы чыкъармыз эр курешке.

Арбий адам турды да креслодан,
Бир къач адым ташлады дивар якъкъа.
Керич ярым адасы картасындан,
Джермай-Къачыкъ коюне джиддий бакъа.

— Мына, — деди косътерип о Анягъа, —
Джермай-Къачыкъ, яшагъан, бильген коюнъ,
Эгер, дейим къалсанъыз мушкюль алгъа,
Ярдым этер эш-достынъ, тувгъан-союнъ.

Бильмек керек бизлерге арсыз джавнынъ,
Шу ортада ерлешкен болюклерин.
Демирёлда, ташёлда, эм Азовнынъ,
Саилинде къатнагъан болюклерин.

Эльге тюшкен, топлангъан малюматны,
Бизге беян этерсиз афта сайын.
Джелъп этмеге тырышынъ адам-затны,
Ишке сильтеп бермеге лайыкъ дайын.

Тюшюндженъни, ойынъны, ниетинъни,
Ольчеп-бичип аяткъа сонъ татбикъ эт.
Парлакъ йылдыз — комсомол билетинъни,
Начальникке штабда къалдырып кет.

Энди санъа весикъа бу оладжакъ,
Деп бир кягъыт узатты о Анягъа.
Къолгъа тюшсенъ башынъны къорчалайджакъ,
Сюргюч немсе мухуры шаат санъа.

Манианы, зорлыкъны сельдай ярып,
Ниетимиз — енъишни тезлештирмек.
Шу авале олунгъан ерге барып,
Явуз душман коксюне дарбе эндирмек.

Усталыкънен язылгъан къалп весикъа,
Теляшлангъан Анягъа олды земин.
Къолгъа тюшсе бир чаре керек эбет.
Макъсадына ирмеге эди эмин.

Эеджаннен кунъ кечти, акъшам олды,
Кень уфукъны къаплады къара перде.
Къарангъыда пышылдап хабер кельди,
Азыр тура самолёт якъын ерде.

Эсе эди кыбладан хафиф рузгар,
Тёгеректе багъчалар кыокъу бере.
Алимеде тюкенмез ираде бар,
Сакин ялдап самолёт котериле.

«ПО-2» кыарталы суръат сайын,
Кокюсинен бошлыкъны тильген сайын.
Тасалана Алиме ойгъа дала,
Кевделене хаяллар толкъун дайын.

Кыалын ава бошлыкъын яргъан сайын,
Кыабалаша моторнынъ отъкюр сеси.
Дестелене ойларда баргъан сайын,
Ёлбашчынынъ бу месуль авалеси.

Кенъ бошлукъта самолёт тербетиле,
Ава булут, корюнмей кокте йылдыз.
Хавф астында омюри пек де биле,
Он докъузгъа киргенде бу дживан кыыз.

Козь алдына кетирип теляшлана,
Сув, топракъкыа кызыл кыан кыатылгъанын.
Джеллятларнынъ кыолундан кыарт, яш, бала,
Малдай, сорав-суальсиз, атылгъанын.

Яры гедже маали, булут сийрек,
Самолётнынъ козылеген ёлу ачыкъ.
Парашютни азырлап турмакъ керек,
Якынлаша гыалиба Джермай-Кыачыкъ.

Акыкыу дайын талпынып эки дживан,
Сычрадылар Джермайдан бираз эрек.
Алименинъ аягы чыкты шу анъ
Рухтан тюшмей, джесюр кыыз чатал юрек.

Ёкъ юрьмеге меджалы, адым атып,
Передатчик гизленди бир къувушкъа.
Бекледилер сабаны бираз ятып,
Ёргъун козьлер тикильди куньдогъушкъа.

Козьлерини сыйпады танъ аязы,
Не хош келе Анягъа таныш ерлер.
Дженктен эвель бахтлы омюр сазын
Азмы кере динъледи бу дерелер.

Азмы кере динъледи бу дерелер,
Комбайннынъ аэнкли сонатасын.
Бол берекет алмакъчюн ишкир эрлер,
Азмы кере ёрултты къафатасын.

Дженктен эвель бу ерде тотай къызлар,
Азмы кере котерди эмек сазын.
Бу ерлерни безентип къой-къозулар,
Сюрюлерни отъкузди шенъли азын.

Деди Аня о якъта Ойсул кою,
Эки версттир бу ерден Джермай-Къачыкъ,
Корюнмей о, ерлешкен дере бою,
Балалыкътан билемен айырмачыкъ.

Козь алдымда эр эви дане-дана,
Эскемчек, сельбилер, тик эменлер.
Буюклиги бир къарар етмиш хане,
Кельген-кечкен бу койни бегенелер.

Дженктен эвель эди о Медений бай
Толкъунлана алтын баш богъдайлары,
Адым сайын бир къую чыкъа Джермай,
Малгъа толу отлагъы, тогъайлары.

Ах... нейлейим, — деди де чатты къашын,
Къара матем бу ерге къанат керген,
Къарабагъа чевирип топракъ-ташын,
Къара башлы къатиллер тоз котерген.

Онынъ ойы-фикири битмей эди,
Теляшланып къарады кене четке.
Койдешлерден коп ярдым беклей эди,
Ёл косътерди Иннагъа Къачыкъ бетке.

Насыл тапмакъ керегин берди айтып,
Эмджесининъ эвини къаласыны,
Тюшюндирди сокъакъны къайтып-къайтып,
Къорантасы, къадыны, баласыны.

Инна коптен джёнеди койге таба,
Беклей Аня юреги тасалана,
Къыр артындан чыкъкъаңда бир араба,
Эеджан козюнде атеш яна.

Келе-кельсе эмджеси Абдуракъып,
Дживан къызнынъ юзюнден къуванч ташты.
Къучакълады Аняны къолын тутып,
Коп эгленмей къыскъадан ал сорашты.

Алып кельди эмджеси озъ эвине,
Къартана да мында экен, болды ачыкъ.
Аркъа тапты Алиме, пек севине,
Таныш кою эвельден Джермай-Къачыкъ.

Бу къызларны догъмушдай къабул этти,
Абдуракъып эмдженинъ аилеси.
Аня бираз ёрулды, алдан кетти,
Аякъ агъра, къарлыкъып чыкъа сеси.

Эмджеси де тюшюнди, тасаланды,
Гъает буюк бу ишнинъ телюкеси.
— Ватан ичюн курешмек, эльбет, — деди:
— Алидженап адамнынъ вазифеси.

Копьке бармай орталыкъ ятышкъанда,
Рацияны гизлиден кельди алып.
Уфукъларгъа къаранлыкъ къатышкъанда,
Сакълап къойды энъ хафвсыз ерге салып.

Абдуракъып сёз берди, этти емин.
Къолдан кельген ярдымыны косътермеге.
Юрегинде душмангъа къайнады кин,
Азыр эди Ватанчюн джан бермеге.

III

Кой фельдшери Васфие Аджиева,
Девалады достунынъ аягъыны
Козюн ачты Алиме тапып дева,
Адым атты суйреклек таягъыны.

Арзу, истек тырмалай гонъюлини,
Тешкиляткъа эш-достны юрьсетмеге.
Гедже-кунъдюз ойлана иш ёлуны,
Кимге къандай тешвикъат юрьсетмеге.

Айтты Васфие бирден сёз арасы,
Къанлы джавдан алырмыз оч.
Анълашылды Анягъа лаф манасы,
Деди эшит энди сен девамыны.

— Кельгенимнинъ макъсады гъает буюк,
Беклей халкъым, ишнинъ эдасыны.
Мында гизли тешкилят биз тиклейик,
Сёндюрейик душманнынъ садасыны.

Эйиликте, кемликте бир олайыкъ,
Улу Ватан халкъынынъ курешинде.
Кулин-кокке явузнынъ савурайыкъ,
Ватан бизни унутмаз эр ишинде.

Эля козьлю Васфие орта бойлу,
Яшы еткен эндиги отуз бешке.
Джазибеси салмакълы, дерен ойлу,
Айтты азыр олгъанын гизли ишке.

Азиз Ватан эшкъына кокюс керип,
Къучакълашты эки дост чин юректен.
Кучълерине-кучъ къошып, сильтем берип,
Топладылар курешчюн эр бир койден

Бирлештилер Джермайда агъа-къардаш,
Къошулдылар Сейфедин, эм де Джеват.
Экеви де садыкъ дост чин аркъадаш,
Къабул этти оларны бу тешкилят.

Дженктен эвель комсомол эм ишкузар,
Олып кельген Хайрулла къошты иссесин.
Ишанмагъа онъа да эм эсас бар,
Сейфединнен, Джеватнынъ эништеси.

Халкъ хорлана, талангъан къора малы,
Кумеслерде къалмагъан тавукъ, чипче.
Сабий-субьян чекише мушкуль алы,
Ыдырына халкъ ичюн яш оджапче.

Ана къартнынъ эвинде къурды юва,
Антифашист бу гизли тешкиляткъа.
Яш оджапче — Неджибе Баталова,
Джан юректен къошулды бу талапкъа.

Бу ярдымджы къуветнинъ эр бирини,
Аня озю тешкерип сечип алды.
Эр кунъ динълеп оларнынъ фикирини,
Тешкияткъа бойледже темель салды.

Тешкиятлар гизлиден мейдан алды,
Марфовкада, Туйгучте, Тёгеректе.
Чапкъынларнынъ коксюне алев салды,
Сонъсуз нефрет фышкъырып эр юректе.

Джанкой, Керич демирёл пытагъында,
Аня юрип козь этти эр тарафкъа.
Фашистлернинъ эшелон ятагъындан,
Чокъ малюмат топлады ёлламагъа.

Хавфлы сайды бир ерге сыкъ барувны,
Ишанчлы бир адам тапмакъ ляйыкъ.
Расткетирди танышы Ивановны,
Деди онъа лаф этип анълашайыкъ.

Лаф эткен сонъ корюшип бир къач кере,
Тешкияткъа кирмекни теклиф этти.
Къошулмагъа Иванов гонъюль бере,
Эм эр ишни япмагъа кучю ете.

Станция башынынъ ярдымджысы.
Ивановдан файда чокъ тешкияткъа.
Эр сеферде Анянынъ авалесин
Усталыкънен чевире акъыкъаткъа.

Вагонларны тизювджи демирёлда
Ачкалов да бу иштен четте къалмай.
Тешкияткъа кирмекни тутып ойда,
Демирёлджу Петлюк де даяналмай.

Айландырып демирёл хадимлерин,
Аня ишни мукеммель салды ёлгъа.
Ольчеп-бичип душманнынъ адымларын,
Тафсилятлы малюмат алды къолгъа.

Анджакъ бундай малюмат беклей эди,
Ёл, арекет акъкъында команданлыкъ.
Ярдымджылар эр ишни эплей эди,
Чатал юрек йигитлер юрткъа садыкъ.

Малюматны афтада эки кере,
Зарур буюк топракъкъа этмек беян.
Малюматны радистка Инна бере,
Онъа эр шей, эр хабер эди аян.

Тешкиятнынъ чыдамлы азалары,
Пек гизлиден материал топлай эди.
Геджелери ёл юрип, базылары,
Ер астына миналар къоя эди.

Инна энди кунь-куньден худжурлашты,
«Телюкели иш бу» — деп къоркъа эди.
Алимени бундан сонъ кедер басты;
«Сабыр этип къарайым бираз», — деди.

Йигирмиден зияде киши эди,
Алименинъ ясагъан ювасында.
Джавны эзмек оларнынъ иши эди,
Эшелонлар ювургъан демирёлда.

Эр шей тюшти ёлуна сакин-сакин,
Бинъ берекет бу сезгир, атик къызгъа.
Баргъан сайын эндиги енъиш якъын,
Душман вира джылыша кельмез ызгъа.

Чокъ кыйналып бармакынынъ ёлун тапты,
Эски Къырым партизан болюгине.
Хабер айтты, ашайтнен ярдым япты,
Чокъ эйилик беследи гонъюлинде.

Эр шей дёне ёлунда, сырасында,
Тек бир Инна къоркъудан башын аса.
«Ольдюрирлер», — дей эр лаф арасында,
«Тынчлан», — деп Алиме оны баса.

Тезден шанлы ордумыз келир етип,
Бу койчиклер сонъ сербест нефес алып.
Халкъымызны душмандан азат этип,
Гъалевенинъ аэнкли маршын чалып.

Къараманлыкъ дегильми? Иссе къошсакъ,
Халкъымызнынъ енъиджи сырасына.
Тиз чёкмеден душманнен якъалашсакъ,
Шурет чёкмеден Керич ярымадасына.

Деп эр даим Иннаны юрьди оплап,
Онынъ рухын котерип, сильтем берип,
Озю вира юректе гъайрет топлап,
Зорлыкъларны енъмеге кокюс керип.

Лакъырдыда, субетте чин сёзюни,
Насиатнен башлады Инна къызгъа.
«Весвесеге салгъан о энди озюн,
Гъалиба аякъ басаджакъ янълыш ызгъа».

Деп тюшюне Алиме, дала ойгъа,
Джандавурдан агъыр юк баса оны.
Эв ичинде адымлай бойдан-бойгъа,
Раатсызлыкъ кемире гонъюлини.

Марентальда, Туйгучте, Кенегесте,
Пек чокъ гизли тешкият юва къура.
Аевлене кин нефрет эр нефесте
Яш юреклер душманны мергин ура.

Гестапонынъ бандасы тюше ёлгъа,
Антифашист тешкият излемеге.
Козъ боявнен ал байракъ тутып къолгъа,
Пис юзьлерин алемден гизлемеге.

Бинъ докъуз юз къыркъ учъте, ноябрьде,
Он эки джан алына Марентальден.
Бир къысымы оларнынъ тешик ерден,
Къачып кете геджеси таш дивардан.

Азаплайлар къалгъанын ач козъ итлер,
Дагъ-ташларда инъледи фигъан сеси.
Гизли сырны ачмайлар къыз, йигитлер,
Корюльсе де олюмнинъ телюкеси.

Бу вакъиа дагъыла эр тарафкъа,
Теляшлана Анянынъ аилеси.
Кене олар атыла эп ог сафкъа,
Девам этип кене де гизли сесин.

Къыдырувлар башлана эр бир ерде,
Зуб, Капотин, Михельсон фигъан сала.
Бинъ докъуз юз къыркъ учъте, декабрьде,
Марфовкадан чокъ киши къапатыла.

Фаджиалы адисе; пек мушкуль ал,
Олып кече Къачыкънынъ якъынында.
Аевлене Кенегес, эм Маренталь,
Ат ойната чапкъынлар эр ягъында.

Къыркъ дёртюджи йылынынъ январында,
Къапатыла магъазгъа яш Николай.
Агъыр джеза астында къыйналгъанда,
Гизли сырын бильдире даяналмай.

Бираз вакъыт кечкен сонъ къолгъа тюше,
Тешкилятнынъ азасы Иванов да.
Къамчы, шомпол астында коп чекише,
Берген сёзюн йигитче эте эда.

Къыбырдамай дудакълар, ёкъ нефеси,
Олю дайын серелер къанлы полгъа.
Нидже азап тартса да чыкъмай сеси,
Къараманджа даяна эр шомполгъа.

Онда челик ираде, сабыр толу,
Ватан сырын бермеди зеэр ютты.
Эзильсе де сопанен аякъ, къолу,
Къараманджа ольмекни устюн тутты.

IV

Тышта ягъмур шувудай, февраль эди.
Дерелерни сарсытып ель увудай.
Итлер улуй, мыравлана эвде кеди;
Айдут фашист залымлар козюн юммай.

Кой сим-сия, орытунген къара перде,
Дерсинъ хаста пек агъыр нефес ала,
Ай гизленген, ышыкъ ёкъ ич бир ерде,
Инсан, айван, табиат ойгъа дала.

Къачыкънынъ да багърына кедер толгъан,
Аизардан къалмагъан ал-меджалы.
Къасеветтен къараргъан, дертнен солгъан,
Эви-баркъы талангъан эм де малы.

Тик къырларнынъ багърына къушлар пыскъан,
Санки матем дагъыла эр бир якъкъа.
Йылдызлар да кедерли козюн къысмай,
Дерелернинъ сувлары монълы акъа.

Пенджеренинъ алдында Аня ята,
Пек раатсыз юреги атдай дувлай.
Нечюн бойле аджеба, кирпич къата,
Джан талашып бакъса да юкълаялмай.

Яры гедже маали саат учъте,
Къатты бир эль къапыны такъылдатты.
Битай турды ойланып эв ичинде,
Сонъра къапы тарафкъа адым атты.

«Ятмагъа ер къыдырып кельдик», — деди,
Шу арада тышардан къаба бир сес.
Эльбет ачмакъ къапыны хавфлы эди,
Битай деди «эв тарлыкъ, юкълай эр кес».

Анълашылып башлады, ниет къара,
Мылтыгъынен къапыны вира ура.
Тап сонъунда къапыны тепмеледи,
Сорасанъ да къайтарып сес бермеди.

Къапы бирден ачылды артынадже,
Гестапонынъ фашисти кирди сюрп.
Эр кес къоркъты, яшындан къартынадже,
Абдырашып къалдылар боюн бурып.

Киргенинен бир хаин козюн тикти,
Пенджеренинъ алдында Аня бетке.
— Аня деген ким? Турсын, — деди,
Къара матем дагъылды чевре-четке.

Эр кес агълап башлады янып-куйип,
«Нечюн алып кетесиз кызымызны», —
Ачувланды къатиллер юмрукъ тийип,
«Автоматкъа тизермиз эпинъизни».

Деп айкъырды айдутлар яшкъа-къарткъа,
Алимеге «Тез ол!» деп зеэр сачты.
Къучакълашып Алиме орта аятта
Бала-чагъа эписинен сагълыкълашты.

Аня деди: Къалсам да мушкуль алгъа,
Ватанымнынъ сырыны бермем яткъа.
Ольсем олер кетерим къараманджа,
Шан-шуретлер къалдырып азиз юрткъа.

Эр кес агълай, зарлана, юрек яна,
Къаралтыны къаплады къара матем.
Алев тюшти, дей битай, корантама,
Алиме ич бирев келирми тенъ?

Умют узьмей къартана ёлгъа бакъа,
Агълай-агълай къалмады козюнде нур.
Атеш тюшкен ерини эльбет якъа,
Танърысына сыгъынып эте сабыр.

Алименен, радистка Иннадан сонъ,
Еди киши кене де тюшти къолгъа.
Абдуракъып, Хайрулла Мамбетджанов,
Адымлады конвойнен къара ёлгъа.

Сейфединнен яш Джеват, эм Васфие,
Батал къартнен, Неджибе Баталова,
Алындылар бир кунъде яна-куе,
Акъкъа джорап къартийлер этти дуа.

Эписини чагъырып бирер-бирер,
Чыдалмайджакъ джезагъа огъраттылар.
«Бу джезннем азабы чокъмы сюрер», —
Деп ынърады, чекишти. Къан къустылар.

Къызгъан демир бастылар тенлерине,
Резинадан сопалар кокте ойнай,
Чызмаларнен тептилер беллерине,
Эстен кетип къалдылар даяналмай.

Гитлерджи Зуб Анянынъ пармакъларын,
Сыктып къойды къапынынъ арасына.
Кельпеденнен чыкъарды тырнакъларын,
Къырав тюшти сачынынъ къарасына.

Якъты демир чубукънынъ алевинен
Алименинъ сачларын, баш конини.
Къолларыны къайырды пис элинен
Кокрегине тиреди тюфегини.

Агъыз ачмай даянды челик джаны,
Адам рева корьмеген бу зультетке.
Улукъларны толдурып акъты къаны,
Факъат Инна чевирди юзюн четке.

Къоркъып азап елинден, фигъанындан,
Гестапогъа энъ гизли сырны берди.
О ред этип эш-досттан, тувгъанындан,
Къатиллерге хаиндже кокюс керди.

Пек чокъ агъыр джезагъа баш урдылар,
Алимеден алмакъчюн икметли сёз.
Козълешмеге Иннаны чагъырдылар,
Утанмады корюшти, эм козьме-козь.

Бу хаинге Алиме къалды шашып,
Боялангъан дудакълар фасон сата.
Чапкъынларнен юре о аралашып,
Агъызында сигарын думанлата.

Кетирдилер Аняны носилкада,
Кетен дайын череси, къанлы бети.
Сёнюкмеген козьлери, айдай яна,
Джесаретни болюшкен къыяфети.

Чевре четке козь этти бир къач кере,
Пек мунарлы эм алчакъ, кучюк ода,
Тыштан демир чабакълы бир пенджере,
Резинадан сопалар ята полда.

Къайда бакъса джезалав алетлери,
Стол башта баш кесер Отто Кауш.
Коптен белли вахшийдже адетлери,
Анягъа бу джезннем коптен таныш.

Башкесернинъ козьлери ичке тюшкен,
Чапа дайын тишлери, къалын бурун.
Бу джанавар коп халкънынъ къанын ичкен,
Бильмек ичюн Ватаннынъ гизли сырын.

Эки гедже сорады, эки кунъдюз,
Агъызыны ачмады джесюр дживан.
Къасеветке комюльди, ай эм йылдыз,
Кедерленип уфукътан агъарды танъ.

Сонъсуз нефрет къайнады баш кесерге,
Фалташ дайын парылдай онда козьлер.
Бу сорава Иннагъа о козь эте
Дудагъындан тёкюльди монълы сёзлер:

— Сени якъын аркъадаш деп ишандым,
Акъикъый дост белледим гъафлет къалдым.
Къыяфетинъ корьгенде мен де шаштым,
Кедерленип пек мушкуль ойгъа далдым.

Деп элемни битирди ватанпервер,
Къанлы башын чевирди терс тарафкъа.
Мен ольсем де деди о, намым юрер,
Шан-шуретим юкселир энъ ог сафкъа.

Джермай-Къачыкъ аджына, кокюс кере,
Эвлятларын къыдыра дёрт бир якътан.
Пек гизлиден бириси хабер бере,
Эски Къырым шеэринде бастырыкътан.

Фаджиалы бу хабер дагълар аша,
Матем баса шеэр ве койлерни
Энди олюм дакъкъасы якъынлаша,
Бир сырагъа тизди джесюрлерни.

Эски Къырым шеэрнинъ тап сыртында,
Агъармыш деген юксек дагъ башында
Садыкъ кетти батырлар озь юртуна,
Ташдай чыдап джеллатлар къуршунына.

Алимени къалдырып гедже-кунъдюз,
Къыйнадылар къайтадан тобулгъынен.
Кене агъзын ачмады бу джесюр къыз,
Ватан сырын сакълады джан гонълюнен.

Бойсунмады шомполгъа, эм атешке,
Къызгъын демир чубукъкъа этмей седжде.
Бинъ докъуз къыркъ дёртте, апрель беште,
Ольдюрильди Алиме Акъмесджитте.

* * *

Шереф сизге батырлар, яш дживанлар,
Тенинъизден халкъ ичюн акъты къанлар.
Байыттынъыз курешнен шанлы ёлны,
Таныттынъыз душмангъа озюнъизни.

Батыр ольмей, тарихта нам къала,
Сизнен Ватан джесюрлери нефес ала.
Эр адымда улу халкъ сизни анъа,
Ёлунъызда байракълар далгъалана.

Йыллар отер, асырлар къалыр артта,
Ватан ичюн курешнинъ бенъзи солмаз.
Къараманджа ольгеннинъ азиз юртта,
Шан-шурети эбедий унутылмаз.

ДЖЕМИЛЬ СЕЙДАМЕТОВ
СУЛЕЙМАН АСАНОВ

ВАТАН КЪЫЗЫ

(Макъале)

Бундан къач йылар эвельси Краснодарда гестаподжы джеллатларны суд эткен эдилер. Бу джеллатлар Улу Ватан дженки заманында озьлерининъ хынзырлыкъларыны Советлер Бирлигининъ дженюп районларында япкъанлар. Суд этильгенлерден бири озюнинъ япкъан джинаетлери акъкъында айткъанда, он докъуз яшларында бир къызнынъ пек джезаланып, ольдюрильгенини де хатырлады. Гестаподжы бу къызнынъ ялынъыз адыны биле экен: Аня!

Аджеба, озъ джаныны оккупантларгъа къаршы куреште феда эткен, бу джесюр ватанпервер къыз кимдир? О насыл бир къараманлыкълар япты? Онынъ олюминде ким къабаатлы?

Адсыз-исимсиз къараманлар олмай, сонъ-сонъунда оларнынъ эписи тапыла. Биз де мына бу къараманнынъ изини араштырып башладыкъ. Араштырув йыларнен девам этти, пек чокъ зорлукъларгъа расткельдик, чюнки о фаджиалы вакъиадан сонъ арадан чокъ йылар кечти. Эр алда, арашты-

рувларымыз мувафакъиетнен нетиджеленди. Биз Ватан ичюн куреште эляк олгъан къараманларнынъ адларыны билдик, оларнынъ япкъан къараманлыкъларыны огрендик.

Башта тешкерюв материалларынен таныш олдыкъ. Сорав протоколларындан биринде гестаподжы Альфред Михельсоннынъ шу сёзлери язылы эди.

«Мен яхшы билем. Белый гизли чалышдыжы Ивановны туттырды. Иванов Еди Къую станциясында демирёл начальнигининъ муавини олып чалыша эди. Николай Белый хаин олып, фашистлернинъ гизли полициясында — «ГФП-312»де камера агенти олып ишлей эди. Иванов Белыйны гизли чалышдыжы ватанперверлерден бири беллегенинден, онъа ишанды ве эки совет разведчигининъ яшагъан ерлерини бильгенини айтып, Анянынъ адыны бильдирди. Белый исе буны Эски Къырымдаки «ГФП» штабына хабер этти. Койге гедже маалинде уджюм япылып, Аня ве онынъ ярдымджылары якъаландылар».

Мына бир документ даа:

«1944 сенесининъ февраль айында. Еди Къую станциясындаки «ГФП-312» командасы Къачыкъ коюндеки совет разведкаджысы Абденанова Аняны, радистка Анастасия Мазурны ве Абденанова тарафындан гизли ишке джелып олунгъанларнынъ эписини билип къалды. О вакъытлары къапалы яткъан Иванов камерадаки провокаторгъа Джермай-Къачыкъ коюндеки разведкаджыларнен багъы олгъаныны айткъанындан, гестаподжылар Абденанованынъ изине тюштилери. Абденанова, Мазур ве дигер гизли чалышдыжылар къапатылдылар. Бундан сонъ Абденанованы, Мазурны ве бир татар оджапчесини Эски Къырымгъа кетирдилер. Мазурны «Авергруппа-302» отрядынынъ начальниги озюне джелып этип алды ве Мазур анда радиостанцияда чалышты. Абденанованы Симферопольге ёлладылар. Сонъундан анълашылгъанына коре, анда оны аткъанлар... Циммерден алынгъан хаберден анълашыл-

гъанына коре, Абденанованен къапатылгъан адамларнынъ эписи Еди Къую станциясында атылгъанлар...»

Аджеба процессте айтылгъан Аня бу дегильми экен? Я о группанынъ къалгъан азалары кимлер эди?

Энъ муими шу ки, биз йипнинъ уджуны таптыкъ. Оларнынъ арекет эткен ерлери де белли олды: Еди Къую станциясы, Къачыкъ кою. Биз Къырымгъа кеттик...

Араштырувларымыз, эсас итибарынен, энди битти. Чокъ адамларны эджанландыргъан бу вакъианынъ шойле олып кечкени анълашылды.

Совет Ордусы 1943 сенеси стратегия тешеббюсини къавий оларакъ озъ элинде тутып, буюк уджюм операцияларына кечмеге азырлана эди. Бизим аскерлеримиз Къырымнынъ шималинде богъазны ве Сивашны, шаркъта Таманъ ярымадасыны ве Керич районында плацдарм эльде этип, Къара денъиз флотынен арекет этерек, Къырымда немсерернинъ он единджи ордусыны блокирледилер.

Мына бойле бир вакъытта, 1943 сенеси фашистлернинъ аякълары астында топракъ алевленип янгъан бир заманда, бизим джесюр аскерлеримиз Таманны бир тамам темизлемеге, Къырымгъа аль этиджи уджюм япмагъа азырлана эдилер. Бу уджюм операцияларынынъ мувафакъиетли кечмеси ичюн душманнынъ къуветлери акъкъында толу малюмат эльде этмек керек эди. Бу макъсаднен Шималь Кавказ фронтынынъ команданлыгъы душман аркъасына ташламакъ ичюн разведкаджыларны азырлады.

Октябрь айынынъ башларында Краснодар якъыныларындаки Пашково аэродрома эки къыз кельди. Олардан бири орта бойлу, арыкъ, ири, мавы козлю ве кестане тюс сачлы эди. Аз-бучукъ акцентнен олса да, тер-темиз рус эдебий тилинде сёйлене эди. Озь адыны Аня деп бильдирди. Экинджиси Стася эди.

Оларны кабинетке чагъырдылар. Буюк язы столы башында серт черели бир адам отура эди. О аякъкъа туруп, къызларнен селямлашты. Озьлерини насыл ис эткенлерини, оларгъа авале олунгъан вазифеден къоркъып-къоркъмагъанларыны сорады. Вазифенинъ пек месуль ве телюкели экенини айтып, бу ишнинъ гонъюлли олгъаныны бильдирди.

Къызлар, биз Ватанымыз берген вазифени ерине кетирмеге азырмыз, деген джевапны бердилер. Стол башындаки адам еринден туруп. Керич ярымадасынынъ диварда асылы харитасына якъын кельди ве Азов денгъизи ялылары якъындаки койлерни косътерип, шойле деди:

— Мына, бу Джермай-Къачыкъ коюдир. Биз сизни шу койге ташлайджакъмыз. Бизлерни Керич ярымадасындаки немсе аскерлерининъ тургъан ерлери, къатнавлары ве хусусан немсе аскерлерининъ демирёл ве таш ёллар вастасынен Керичке ташылувы меракъландыра. Бундан да гъайры, кимерде бизден башкъа вазифелер де алып тураджакъсынъыз. Зарур малюматларны бизге вакъты-вакътында беринъиз. Озь тарафынъызгъа ишанчлы адамларны джелып этинъиз. Лякин сакът олунъыз, гизли яшырын чалышмагъа дикъкъат этинъиз.

Къызлар авагъа котерильмезден эвель мына бойле бир инструктаж алдылар. Оларнен Шималь-Кавказ фронты штабындаки разведка болюгининъ ёлбашчыларындан бири субетлешти. Шу сааттен башлап, Анянынъ ады «Сафие» ве Стасянынъ ады «Гордая» олды.

Гедже Пашково аэродромындан котерильген учакъ Азов денгъизи устюнден Къырымгъа догъру ёл алды. Учакъта учуджынынъ артында Анянен Стася отура эдилер. Шу къоркъунч саатлерде Аняны насыл бир дуйгъулар ве фикирлер сарып алгъаныны бильмек мумкюн дегиль.

Гедже ярыларында учакъ энди Джермай-Къачыкъ кою районуна эди. Учуджы, учакътан секирмек ичюн, сигнал берди. Учакъ астында ачылгъан парашютларны корыгенинен, аман кери бурылып, кельген ёлунен учып къайтты.

Къызлар бир озьлери къалдылар. Ерге къонгъанда Аня аягъыны яралады. Агъры пек кескин олгъанындан, юрип оламады. Парашютларны ве рацияны гизлеп, саба ачылмасыны бекледилер.

Танъ атты. Анягъа бу ерлер балалыгъындан белли эди. Мындан Джермай-Къачыкъкъадаже олгъаны-оладжагъы эки километр. Лякин кой корюльмей, чюнки о тёпелер артында, кениш бир йылгъа ичинде.

Кестирме ёл бирден койге айланды. Анда, сельби ве эскемчек тереклери арасында, отуз-къыркъ эв бар. Бир къач ерде сувнен къарышып нефть чыкъа. Бу ерлер нефтьли топракъ сайыла. Койнинъ ады да шундан келип чыкъкъан: Джермай-Къачыкъ.

Джермай-Къачыкъ Керич районуна ильк комсомол тешкиляты мейдангъа кельген койлерден бири эди. 1924 сенеси анда къуветли комсомол ячейкасы тешкиль олунды. Колхоз да эрте, 1927 сенеси тешкиль олунды. Дженктен эвель Джермай-Къачыкънынъ бол берекетли ер деп, намы чыкъкъан эди. Азов денгъизи бу койден еди километр авлакътадыр. Койлюлер денгъизде тутулгъан балыкънен бол-сал темин олуна эдилер. Немсе фашистлери койни эльге кечирип, оны там-такъыр этип ташладылар. Ерли халкънынъ фашистлерни корер козьлери ёкъ эди. Шунынъ ичюн Аня озь койдешлеринден ярдым кореджегине шубеленмей эди.

Аня чокъ юрип оламагъанындан, Стасяны койге ёллады ве анда дайысыны насыл къыдырып тапмакъ керек олгъаныны анълатты. Стася кетти. Бираздан, ёл кенарындаки къаячыкълар артындан араба корюнди. Онынъ устюнде Анянынъ дайысы Абдуракъип Болатов бар эди.

Абдуракъип чокъ адалетли бир адам эди. Дженктен эвель актив колхозджылардан бири эди. Гитлер оккупациясы заманында оны полицай оларакъ тайин этеджекте, койдешлери онъа бу вазифени озъ устюне алмасыны риджа эттилер, чюнки ондан яманлыкъ корьмейджеклерини, бу адам оларны оккупантларнынъ залымлыгъындан къуртармакъ ичюн элинден кельген эр шейни япаджагъыны биле эдилер. Абдуракъип фашистлерге къаршы курешмек ичюн полицай адыны ташымагъа да разы олды. Анянынъ койге келип тюшмеси Абдуракъип Болатовгъа фашистлерге къаршы актив курешиджилер сырасына кирмеге имкян догъурды.

Болатов о вакъытлары отуз алты яшында эди. О бу ишнинъ пек телюкели олгъаныны бильсе де, гонъюлли оларакъ разылыкъ берди.

Аня койде къартанасы Ревиде Усеинованынъ эвине ерлешти. Тувгъанларыны ве таныш-билишлерини фашистлерге къаршы актив курешке джелъп этмек ичюн шу кунъден башлап оларнынъ фикирлерини ве эфкъярларыны огренди.

Кой фельдшери Васфие Аджибаева Анягъа сыкъ-сыкъ келип башлады. О бу къызгъа чыкъкъан аягъыны тедавий-лемеге ярдым этти, керек иляджларны тапып кетирди. Аякъ шишиги яваш-яваш къайтты ве о акъсай-акъсай эв ичинде юрип башлады, лякин гестапо агентлерининъ дикъкъатыны джелъп этмек ичюн бойле бир алда азбаргъа чыкъып юрьмектен сакъынды.

Аня Васфиенинъ гитлерджилерге насыл бакъкъаныны огренди. Васфие Аджибаева фашистлерге нефрет беслегенини, оларгъа къаршы курешмек истегенини ве лякин буны насыл япмакъ кереклигини бильмегенини айтты. Аня Васфиеге совет команданлыгъы ичюн керек олгъан малюматларны топламагъа ярдым этмеси ичюн риджада булунды.

Чокъ кечмеден, Сейфедин Меннанов да Анянынъ якъын ярдымджыларындан бири олды. Дженктен эвель Сейфе-

дин Джермай-Къачыкъ коюнде комсомол тешкилятынынъ кятиби эди. Сонъ Керичке окъумагъа кетти. Анда еди йыллыкъ мектепни битирип, Войков адына девлет маден заводынынъ ФЗУсында окъувыны девам этти. Аня аз бир вакъыт Сейфединнен берабер Ленин районы иджра комитетинде чалышкъан эди. Онынъ ишанчлы адам олгъаныны биле эди. Ильки корюшювлеринде Сейфедин шойле деди: «Фашистлерге къаршы курешмек ичюн мытлакъ бир шейлер япмакъ керек».

Сейфедин Анянынъ группасына озюнинъ он алты яшын-даки къардашы Джеватны, колхоз бригадири Хайрулла Мамбетджановны джелъп этти. Джеват дженктен эвель комсомолгъа кирген эди.

Джермай-Къачыкъта Батал Баталов деген къарт бир колхозджы озюнинъ оджапче къызы Неджибенен кой четиндеки бир эвде яшай эди. «Башкъалары ичюн яшамайтура, озюнъ ичюн де бахтлы олмазсынъ», — дей эди о эки сёзнинъ биринде. Батал къартбаба чокъ корьген ве узун эм де агъыр бир омюр кечирген адам эди. Аня онынъ эвинде топланмагъа разылыкъ сорагъанда, къарт бир кереден разы олды. Бундан сонъ тешкиятнынъ бутюн топлашувлары къартнынъ эвинде олып кече эди. Гизли тешкиятнынъ материалларыны да бу эвде сакълы тута эдилер. Къарт оларгъа тешкиятнынъ азалары арасында багъ тутмагъа да ярдым этти. «Гитлерджилер менден ич бир шей умют этмезлер, меним гизли ишлернен огърашкъаным оларнынъ акъылларына биле кельмез», — дей эди о.

Батал къартбаба озюнинъ къызы Неджибенен актив ишке кириштилер. Бойледже, Анянынъ ёлбашчылыгында ватанперверлернинъ гизли группасы мейдангъа кельди.

Аня Еди Къую демирёлу станция начальнигининъ муавини Иванов деген бир адам чалышкъаныны анълады. Дженктен эвель о адам Ленин районынынъ иджра комитетинде ишлей эди. Аня бу станциягъа сыкъ-сыкъ къат-

нап башлады ве гитлер аскерлерининъ кетип-келювлерини огренди. Лякин командалыкъ тарафындан берильген вазифени толусынен ерине кетирмек ичюн шу станцияда яшагъан ве озъ ватанына сонъунадже садыкъ бир адам тапмакъ керек эди.

Аня бу ишке Ивановны ве андаки хызметчилерни джелъп этмек къарарына кельди. Иванов акъикъатен садыкъ ве джесаретли бир адам эди. Озъ аралары бир къач кере корюшкен сонъ, Иванов Анянынъ авалесини ерине кетирип башлады ве айны вакъытта немселерге къаршы диверсия ишлеринен де огърашты. Бундан сонъ Аня Еди Къую станциясында Ивановнынъ ярдымынен гизли тешкиляткъа бир къач адамны даа джелъп этти. Оларнынъ арасында вагонларны тиркевджи Очкалов ве стрелкаджи Петлюк бар эдилер. Еди Къую станциясы киби муим демирёл участкасында ишанчлы адамлар пейда эткен сонъ, фашист аскерлерининъ арекетлери акъкъында совет командалыгъына даа кениш малюмат бермек мумкюн олды. Бу малюматлар эсасында командалыкъ белли бир къарарларгъа келе ве чарелер коре эди.

«Сафие» тарафындан ёллангъан малюматларнынъ эписи конкрет ола ве ерине озъ вакътында барып ете эди. Арбий джеэттен оларнынъ оператив эмиети пек буюк эди. Шу радиограммалардан бир къач данесини мисаль оларакъ кетиремиз.

1943 сенеси, октябрь 8-де, беш номерли радиограмма-нен меркезге бильдирильди: «Кефеге эки эшелон кете. 15 вагонда авиабомба, агъач, экскаватор, немсе автоматчылары. Ташёлда: арбий запас юкю 58 автомашина, немсе автоматчылары юкю 5 машина».

1943 сенеси, октябрь 10-да, алты номерли радиограмма: «Кефеге 800-ге якъын немсе аскери, автоматчылар, танклар ве ири топлар колоннасы кете... Макъсадлары — Акъманай — Къият мудафаасы».

1943 сенеси, октябрь 19-да, 16 номерли радиограмма: «Еди Къую коюнде румынлернинъ учюнджи джаяв аскер дивизиясынынъ штабы. Штаб бинасынынъ устю цинкнен ортюли, ташёлдан 200 метр шимальде. Онынъ янында алякъа пункты. Немсе патруллери. Зенит нокътасы бар. Еди Къую станциясында, демирёлдан 400 метр дженюп-гъарпта, эвельки мектеп янындаки мейданлыкъта, ер астында къа-зылгъан якъарлыкъ склады бар. Копюр янында окоп къа-залар».

Биз разведка меркезинден бу группагъа ёлланылгъан джевап радиограммаларындан ялынъыз бир данесини мисаль кетиремиз (1943 сенеси, октябрь 25.)

«Агъыр шараитлерде большевикчесине чалышкъа-нынъыз ичюн сиз ве достунъыз укюмет мукъяфатына такъ-дим этильдинъыз. Мукъяфаткъа такъдим этильмелери ичюн къартанай ве сизге ярдым эткен полицейский акъкъында толу малюмат ёлланъыз».

1943 сенеси, октябрь 25-те, 17 номерли радиограмма: «Тактик себеплерден отърю чалышмадыкъ. 14 яшындан 50 яшынадже бутюн зали мудафаа ишлерине мобилизленди. Ялы зонасы ясакъ ер оларакъ илян этильди».

Разведмеркезден 1943 сенеси ноябрь 14-те радиограм-манен шуны сорадылар: «Паламан, Султановка, Марфовка, Чокъул, Чалтемир, Баткъыр районларында аскерлернинъ топлулыгъыны, азырлыгъыны ве мудафаанынъ вазиятини бильмек ичюн зарур чарелер корюнъыз».

Кене «Сафие»нинъ берген радиограммаларына келейик:

1944 сенеси, январь 12-де, бир номерли радиограмма: «Багеровода 45-шер вагоны олгъан уч демирёл эшелоны — винтовка, автомат ве пулемётнен сияялы румын джаяв аскерлеринен юкю 40 вагон немсе аскерлери...»

1944 сенеси, февраль 10-да, 34 номерли радиограмма: «Аскерлер гъарптан самолётнен Къурман-Кемельчиге келелер. Андан Керичке ве Оркъапысына поезднен кете-

лер. Симферополь станциясында 40 паровоз. Олардан бир кысымы Джанкойдендир. Паровозларнынъ арматураларыны чыкъарып, Севастопольге ве андан да баржалар вастасынен гъарпкъа ёллайлар...»

«Сафии» къапатылгъангъа къадар, яни 1944 сенесининъ февраль 26-сынадже разведмеркезге эписи бойле 81 дане кыйметли радиограмма берди ве меркезден 30 радиограмма алды.

Команданлыкънен багъ яхшы тутыла эди. Лякин, эр алда, Аняны чешит шек-шубелер азаплай эди. Стася учакътан къонып, Джермай-Къачыкъкъа кельген сонъ озюни пек худжур тутып башлады. Ардыны кесмеден бу ишнинъ телюкели бир иш олгъанына шикъетлене эди. О, бутюн вакъыт, бизим пешимизден излеп юрелер, деп ойлана эди. Аня озюнинъ шек-шубелерини дайысына айтты. Дайысы исе онынъ юрегини алмагъа тырышты, кыыз коркъса керек, деди.

Анянынъ гъайретинен мейдангъа кетирильген разведгруппа бу вакъытлары Джермай-Къачыкъта ве этрафтаки койлерден Султановкада, Марфовкада, Еди Къую ве дигерлерде чалышып, онынъ эркъанында йигирмиден зияде адам бар эди. Оларнынъ чокъусы комсомоллар эдилер. Яшлар гедже-кунъдюз немсе аскерлерининъ демирёлда ве ташёлда къатнавларыны козетип тура эдилер. Эгер бу группалардан бир де бири эшелонны козьден къачырса, экинджи бир группа шу эшелонны мытлакъ корип къала эди. Ишнинъ бойле тешкиятландырымасы Анягъа Керич ярымада-сындаки фашист ордусы акъкъында Буюк Топракъкъа там информациялар берип турмакъ имкъаныны догъурды.

Джермай-Къачыкъ резидентурасынынъ активлиги эп артты. Гестапо, совет разведкаджылары онынъ буруны тюбюнде чалышкъанларыны сезсе де, излерине тюшамай эди. Гитлер агентлери граждан урбалары кийип ве озьлерини совет парашютчылары, я да партизанлар косътерип, кой-койден доланып юре эдилер. Чешит провокациялар-

нынъ арды кесильмей эди. Семь колодезей станциясындаки «ГФП-312» командасынынъ начальниги неге мал олса-олсун разведкаджыларны мытлакъ тапмакъ эмирини берди. Лякин бутюн команданынъ адамлары, гедже-кунъдюз чапкъалап юрьселер де, разведкаджыларны якъалап оламадылар.

Олар бунъа 1943 сенесининъ ноябрь айында ириштилер. Иван Купришнинъ хаинлиги нетиджесинде, Джермай-Къъачыкъ кою якъынларындаки Мариенталь коюндеки комсомол яшларнынъ гизли чалышдыджи антифашист группасы къапатылды. Керчек, шу геджеси араннынъ диварыны йыкъып къапатылгъанлардан бир кысымы къачып кетти. Лякин къалгъан яшларгъа ве кызыларгъа гитлерджилер джеэннем азаплары чектирдилер. Мариентальде къапатылгъан ватанперверлернинъ эписини экинджи куню аттылар. Декабрь айында Марфовка коюндеки комсомол яшлар тешкилятынынъ азаларыны да къапатты ве аттылар.

Гизли чалышдыджи эки тешкилятнынъ тар-мар этиль-меси, анда иштирак эткен адамларнынъ къапатылмасы, совет ватанперверлерини, бу джумледен Джермай-Къъачыкъ разведгруппасыны ве онынъ етекчиси Аняны сустурамады. Лякин Мариенталь ве Марфовка тешкилятларындаки азаларнынъ фаджиалы эляк олувлары гитлерджилерге Джермай-Къъачыкъ разведгруппасынынъ устюни ачмакъны къолайлаштыра билир эди.

Бея апансыздан къопты. 1944 сенеси январь айынынъ орталарында Николай Белый къапатылды. Белый сорав вакътында къоркъты ве Кефедеки гизли тешкилятнынъ азасы олгъаныны айтты. Гестаподжылар онъа, эгер джанынъны сакъламакъ истесенъ башкъаларыны эльге бер, провокатор ол, дедилер.

Белый разы олды. Гестаподжыларгъа Кефедеки гизли тешкилят тюрьмени патлатмакъ истегенини ве бу вакъыт чыкъаджакъ къарышыкълыкътан файдаланып, андаки

совет ватанперверлерини къртуртармагъа азырлангъаныны бильдирди.

Бутюн бу вакъиалар Джермай-Къачыкътан баягъы узакъта эди. Аня, итимал, Николай Белыйнынъ къапатылгъанындан, хаинлик япкъанындан хабердар дегиль эди. Анълашылгъанына коре, Аня онынънен таныш да дегиль эди.

Лякин Белый Еди Къую станциясы начальнигининъ муавинини ве онынъ япкъан диверсия ишлерини биле эди. Озь невбетинде Иванов да Белыйнынъ Кефедеки гизли тешкиятнынъ азасы олгъанындан хабердар эди. Ойле олып чыкъты ки, Белыйден сонъ Ивановны къапаттылар. Иванов, гитлерджилер тарафындан чокъ джезаланмасына бакъмадан, озюни йигитчесине тутты, оларгъа ич бир тюрлю малюмат бермеди. Гитлерджилер провокациягъа баш урмагъа меджбур олдылар: Белыйны Ивановнынъ камерасына ерлештирдилер. Иванов озюни атаджакъларыны дуйгъанындан ве аркъадашларына телюкени бильдирмек истегенинден, Белыйге ишанып, шойле деди:

— Мен эки совет разведкаджысынынъ яшагъан ерини билем. Эгер мени ольдюрселер, о алда оларнен багъ тутмакъ ве ишни девам эттирмек керек.

Иванов Анянынъ адыны ве онынъ гизленген ерини бильдирди. Белый буны шу саат «ГФП-312» командасына хабер этти.

Бу команданынъ Еди Къую группасы Джермай-Къачыкъ-таки адамларны излеп башлады. 1944 сенеси февраль 26-да, гедже Аня, Стася, Абдуракъип Болатов, Батал Баталов, Хайрулла Мамбетджанов, агъа-къардаш Сейфедин ве Джеват Меннановлар, Неджибе Баталова ве Васфие Аджибаева къапатылдылар.

Къапатылгъанларны гестапонынъ машинасына минсететкъанда къадынлар агълап башладылар. Аня оларгъа шойле

деди: «Сиз немселерни кѳувандырмакѳ ичѳюн агѳлайсызмы? Озѳюнѳиз билесинѳиз, биз акѳлымыз, биз Ватанымыз ичѳюн чалыштыкѳ, Ватан бизни ич бир вакѳыт унутмаз!»

Ватанперверлерни чыдалмаз джезаларгѳа огѳраттылар. Гестаподжылар оларнынѳ пармакѳларыны кѳапы арасына кѳыстыра, кѳыздырылгѳан демир чубукѳларнен беденлерини якѳа эдилер. Анянынѳ пармакѳларындан тырнакѳларыны чекип алдылар, башынынѳ терисини демир чубукѳнен якѳтылар, кѳолларыны сындырдылар.

Лякин кѳапатылгѳанлардан тек бирининѳ тили чезильди, соров башлангѳанынен сѳйленди. Бу, радистка Стася эди. Бильгенлерининѳ эписини гестаподжыларгѳа айтып кѳойды. Озѳюнинѳ акѳтикѳий адыны да айтты. Анянынѳ разведгруппанынѳ резиденти олгѳаныны да фашистлер энди биринджи соров заманында ондан эшиттилер. Немселер оларны козѳ-козѳге кетирдилер. Энди гитлерджилерге чалышып башлагѳан бу радистка соровгѳа чечекли антеркийип, дудакѳларыны боялап, сигаретини тютете-тютете кельди.

Аня Стасягѳа бакѳып, шойле деди:

— Мен сени якѳын аркѳадаш деп сая эдим, сенинѳ хаин олгѳанынѳны бильмек меним ичѳюн пек агѳыр бир шейдир...

Джермай-Кѳачыкѳ разведгруппасындаки бутѳюн ватанперверлер Эски Кѳырым дживарында юкселип тургѳан Агѳармыш дагѳынынѳ этегинде атылдылар. Аня исе гизли тешкиятнынѳ ѳлбашчысы ве совет разведкаджысы олгѳанындан, гестаподжылар онынѳнен зияде меракѳландылар. Акѳмесджиттеки юксек рутбели начальникке алып бардылар. Лякин ондан ич бир сѳз аламагѳанларындан, оны 1944 сенеси апрель 5-те Акѳмесджитте аттылар.

1944 сенеси апрель 17-де штаб ѳлбашчылыгѳы тарафындан тизильген документте бу хусуста шойле дениле:

«1944 сенеси февраль 26-да Ойсул станциясындаки секиз кишиден ибарет резидентура бутюнлей немселер тарафындан кѡпатылды.

Алиме Абденанованынъ битасы Ревиде Усеинова ве кѡардашы Азифе Абденанова ашагъыдакилерини икѡе эттилер: 1944 сенеси февраль 26 геджеси бизим эвимизнинъ янына машинанен учъ немсе кельди ве оларнен берабер Иванов (о таныш олгъан сонъ резидентнинъ ве фельдшер кѡызнынъ квартирасына сыкъ-сыкъ келе эди) эм де терджиман резидентнинъ квартирасына кирдилер. Немселерден бири: — «Аня ве Стася мында яшайлармы?», — деп сорады. Резидент «Аня» ве радистка «Стася» яткъан ерлеринден: «Эльбет, бу бизмиз», — дедилер. Оларгъа турып кийинмек эмирини бердилер, сонъ Сейфедин Меннановны да турсаттылар. Элиндеки докъуз айлыкъ баласынен онынъ кѡадыныны да бутюнинен берабер полицияджынынъ эвине алып кеттилер. Бираздан Джеват Меннановны, Хайрулла Мамбетджановны, Неджибе Баталованы, Васфие Аджибаеваны да анда алып кельдилер ве полицияджы Абдуракъип Болатовны да сиясызландыргъан сонъ, оларгъа якъалангъанларыны бильдирдилер. Немселерден бири, уйкенлери олса керек, радистканы азбаргъа алып чыкъты. Анда олар бир сааттен зияде булундылар. Кѡайтып кирген сонъ немсе резиденттен: — Рация ве шифрлер кѡайда? — деп сорады. Аня: — Бильмейим, — деди. Сонъ Стасянен берабер немселер о шейлерни де алып кельдилер. Бундан сонъ элинде яш баласы олгъан Сейфединнинъ кѡадыныны ве резидентнинъ даа яш олгъан кѡыз кѡардашы Азифе Абденанованы йибердилер. Бу вакъытта кѡадынлардан кимдир агъламсырайджакъ олды. О вакъыт резидент татарджа: — Агъламангъыз! Немселер бизни кульгенини истейсизми? Сиз бизим акълы олгъанымызны, биз Ватанымызнынъ эйлиги огърунда чалышкъанымызны билесингъиз де. Ватан бизлерни ич бир вакъыт унутмаз! — деди.

Шу геджеси Ленинскте бир аякъсыз инвалид, саат устасы Пётр Дубровин ве эмек биржасынынъ шофёры Александр Воеводин де къапатылдылар. Сонъундан малюм олгъанына коре, олар полицияджыны малюматларнен темин эте экенлер.

1944 сенеси март 6-да, Джермай-Къачыкъ коюне енгиль автомобильнен учъ немсе ве оларнен берабер радистка «Гордая» кельдилер. О озюни немселернен сербест тутта ве шенъ эди. Резидентнинъ битасына о: — Раатсыз олманъыз, эр шей ёлунда. Аня ве башкъалары озьлерининъ урбаларыны истедилер, — деди. Немселернинъ ярдымынен о резидентнинъ, полицияджынынъ, бригадирнинъ, оджапчининъ, фельдшернинъ бутюн шейлерини, урбаларыны эм де рациянынъ о вакъытта алынмай къалгъан батареяларыны топлап алып кеттилер.

1944 сенеси март 9-да меркезге шойле радиограмма кельди: «Сонъки куньлерде Иванов ве Очкалов къапатылдылар. Биз буюк телюке астындамыз. Бизге не япмакъ кереклигини аджеле суретте бильдиринъыз». Меркезден деръал партизанларгъа кетмек эмири берильди.

1944 сенеси март 9-да шойле радиограмма алынды: Къарангъыткъа я да Салы койлеринде тувгъанларымызгъа кетмеге имкян бар. Къайсы койге барайыкъ, бильдиринъыз».

1944 сенеси март 13-те бир радиограмма даа алынды: «Салыгъа я да Къарангъыткъа кетмек имкяны ёкъ. Эски Къырымгъа джонеймиз, анда ерлешмек имкяны бар. Март 14-те ёлгъа чыкъамыз».

Бунынънен радио алякъасы кесильди. Немсе контрразведкасынынъ планы боюнджа оюннынъ битирильмеси шарт олса керек эди.

Эски Къырым тюръмесинден партизанлар тарафындан азат этильген саат устасы Пётр Дубровиннинъ резидентнинъ къыз къардашы Азифе Абденановагъа айткъанына коре, Джермай-Къачыкъта къапатылгъанлардан радистка

«Стася»дан ғайры эписини — башкәларынен берабер 16 кишини март 9 геджеси япыкь машинаға отуртып кәайдадыр алып кеткенлер. О машинанынъ артындан ичинде автоматчылар олған енгиль автомобиль де кеткен. Алынып кетильгенлер бир даа тюрьмеге кәайтып кельмегенлер. Кене шу адамнынъ айткәанына коре, шу геджеси адамлар алынып кетильмезден эвель резидент Алиме: — «Бизим эпимизни атарлар, шунынъ ичюн, ким де сағь кәалса, бизимкилерине бильдиринъиз — биз олюмге темиз виджданнен кетемиз, амма «Стася саткәын чыкәты», — деген.

Хулясалар:

1. Бутюн разведгруппанынъ кәапатылувынынъ себеби шу ки, алякәаджы «Отважный» провокатор олып чыкәты. Онынъ меркезден ич бир тюрлю косьтериш олмадан разведкаджы группанынъ бутюн агентлерини бир ерге топлағаны ве онынънен доғърудан-доғъру бағълы олған дигер агентлернинъ де кәапатылғаны бунынъ ачыкь делилидир.

2. Кәапатылған куньгедже разведкаджы группа намуснен, виджданнен ве яхшы чалышты.

3. Кәапатылған вакъытта ве ондан сонъ да олар эписи озьлерини Ватанымызнынъ акъикъый ватанперверлери оларакь туттылар, тек бир радист озюни башкәаджа тутты. 1944 сенеси март 6-да онынъ немселернен Джермай-Кәачыкь коюне кельмеси фактында ве группа кәапатылған сонъ да онынъ учь радиограмма даа бергенинден анғлашылғаны киби, о душманға эр шейнинъ устюни ачкәан ве Ватанға хаинлик япып, саткәын олған.

Айры Приморье Ордусынынъ 2-нжи
разведка болюги башынынъ ярдымджысы
майор ЗАЙЦЕВ». 17.04.44 с.

Энди биз «Аня»нынъ акъикъый адыны билемиз. Онынъ ады Алиме, фамилиясы Абденанова эди. 1944 сенеси январь 5-те Алиме Абденанова Айры Приморье Ордусы боюнджа берильген эмир муджиби Къызыл Байракъ орденинен мукъяфатлангъан эди. Мукъяфат къыгъытында къайд олунгъаны киби, о 1924 сенеси догъгъан, 1940 сенесинден ВЛКСМ азасы. Анда шойле дениле:

«Абденанова аркъадаш разведка органларына чалышмагъа гонгъюлли оларакъ кетти. Азырлыкъ кечкенден сонъ, радист къыз Гуляченконен душман аркъасына сокъулып, Керич ярым адасында душманнынъ огъ къысымлары булунгъан ернинъ якъынында эм озю ерлешти эм де радист къызны ерлештире бильди.

Догърудан-догъру душман аскерлери булунгъан ерлерде чалышып, Керич ярым адасындаки мудафаа иншаатларынынъ характерини ве системасыны огъренди. Семь колодезей районында ве башкъа койлерде душман къысымлары ве штабларынынъ дисклокациясы ве ерлешювини бельгиледи.

Душман къысымлары Тамань ярым адасындан чекилекткъанда душманнынъ къайсы тарафкъа арекет эткени акъкъында командалыкъкъа тыпкъы-тыпкъына догъру ориентир берди. Авиациямыз ичюн бомбаламагъа нишанлар — демирёл эшелонларынынъ, буюк аскер къысымлары ве техниканынъ топланып тургъан ерлерини косътерди... Онынъ берген малюматларына эсасланып, бизим авиация чокъ керелер душман аскерлерининъ тургъан ве топлангъан ерлерини бомбалады.

Бундан сонъ, агъыр шараитлерде чалышмасына бакъмадан, эали Керич ярымадасындан эвакуация олунгъан вакъыт, олюмден къоркъмадан, эр кунь Керич — Владиславовка — Феодосия, Керич — Владиславовка — Джанкой демирёлунда аскер ве арбий юклернинъ ташылувыны, айны бунунъ киби де Керич — Феодосия, Керич — Джанкой ёлларында автотранспортнен аскер ташылувыны огъренди.

Алиме Абденанова аркъадаш Совет Ватанымызнынъ садыкъ къызыдыр ве укъомет мукъфаты «Къызыл байракъ» орденине ляйкътыр».

Он докъуз яшындаки комсомолка къыз, Алиме Абденанованынъ къыскъа, лякин парлакъ аяты — Ватангъа, озъ халкъына садыкълыкънынъ ве джесюрликнинъ темсиледир.

Онынъ акъкъында шиирлер, йырлар яратылды, поэмалар язылды. Бизлер онъа гъурурнен, халкъымызнынъ Зоясы деймиз. Бутюн джианны фашизмнинъ чумасындан къуртаргъан совет халкъынынъ улу Гъалебеси иште: Зоя, Алиме киби юзлернен, бинълернен акъыкый ватанперверлернинъ джесюрлиги ве садыкълыгъы саесинде эльде этильди.

Москва — Краснодар — Къырым — Марфовка.

АБЛЯМИТ УМЕРОВ

ВАТАН КЪЫЗЫ

(Весикъалы повесть)

Ревиде къартанам... ёкъ, къартанам дегиль, бизим — учъ къызнынъ анасы, гъает шевкъатлы эди. О, бизни ич де ынджытмады. «Алиме аптенъизни унутманъыз. Оны бекленъиз. Бекленильгенлер илле къайтып келелер!» — деп васиет этти. Биз бекледик. Джандан азиз Алиме аптечигимиз къайтып кельмеди.

Ферузе.

1981 сенеси, январь 17.

Къыдыргъан тапар, дейлер. Бу догъру. Мен къыдырдым ве... Янъыёлда Азифе Абденанованынъ хызмет эткен ерини барып таптым. Хызмет эткен ерини таптым, лякин озю ёкъ. «О бугунъ иште олмайджакъ, чюнки ордудан раатлыкъкъа кельген огълуны озгъармакъ ичюн, идаре реберинден махсус рухсет алып кетти. Азифени шимди эвинде тапмакъ мумкюн», — деди идаре хадими. Эвине бардым. Йигитлер ве къызлар джыйылгъанлар, озъ араларында шенъленип отуралар.

Не макъсаднен кельгенимни эв саибине анълаттым. О, эеджангъа кельди, пек языкъсынды. «Эвимиз бойле къа-лабалыкъ, — деди Азифе ханым, — отурып, бир шей хусу-сында джиддий лакъырды этмекнинъ чареси олурмы экен? Менимдже, келеджек джумаэртеси корюшсек, фена олмаз эди?» О, меним уйгъунсыз вакъытта келювимден пек раат-сызланды, бойле олып чыкъкъаны ичюн афу истеди. «Ёкъ! Ёкъ! — дедим мен, — ич раатсыз олманъыз. Мен, сиз дегенинъиз киби, огюмиздеки джумаэртеси куню кене келирим».

Мен азбаргъа чыкъмагъа ниетленгенде, сет устюнде отургъан муляйим черели, кестане ренк сачлы къыз дикъкъатымны джелъп этти. Азифе буны эследи: «Къызым Диляра, — деди мангъа, — рахметли Алиме тизесине пек бенъзей». «Догъру! — дедим мен, — Алименинъ озюни коръмесем де суретине бакъкъанда, къызынъызны бир кереден Алимеге бенъзеттим, аптенъызден сизге тюс къалгъан. Барсын, онынъ руху Дилярада яшасын».

Мангъа отурмакъны теклиф этилер. Лякин менде яшлар-къызлар даиресинде отурылгъан вакъыт чокътан кечкен. О себептен ишим чокълугъыны маначыкъ этип сагълыкълаштым.

Янъыйёл Ташкенттен пек узакъ дегиль. Автобуста къыркъ дакъкъалыкъ ёл. Айтылгъан куню кельдим. Субетимиз бутюн кунъ девам этти.

1941 сенеси июнь 22-де башлангъан дженк совет халкъынынъ бахтлы омюрине буюк фелякетлер, мисли ёкъ фаджиалар кетиргени киби, Абденановларнынъ аилесини де матемлерге къойды. Ревиде абайнынъ огъулары Исмаиль, Муедин, Аедин, торуны Алиме, эписи джебэге кетти.

Немсе аскерий кучълери Къырымны запт эткен сонъ, гитлерджи контрразведка бу ярым адада совет ватанперверлерини авлап, оларны якъалап, джезалап башлады ве джанаварлыкънынъ сонъу олмады. Иш ойле экен, Керич

ярымадасында Джермай-Къачыкъ коюнде Алиме ве Стася адды эки къыз пейда ола. Алиме озь этрафында догъмуш ве ишанчлы адамлар топлап, немсе баскъынджыларына къаршы иш корюджи ватанперверлернинъ гизли тешкилятыны усулгъа кетире. Бу адамларнынъ бирисининъ къатиллиги себебинден, тешкилят азалары эляк олалар. Тек бир адам сагъ къала.

— Сиз менден Алиме аптемнинъ насыл ишлер япкъаныны билъмек истейсингъыз. Мен о вакъыт, та 1943 сене-синде, он дёрт яшында осьмюр эдим, — деди Азифе, — Алиме аптемнинъ джиддий, гизли ишлернен мешгъуль олгъаныны, эльбетте сесе эдим. Олар топланып, бир шейлер акъкъында лакъырды эткенде, эвнинъ янында невбетчилик япа эдим. Барып да якъында ябаний киши корюнсе, тез-тез сипиркини алып, тоз-думан котерип, азбарны сипире башлай эдим. Лякин аптемден:

«Сиз не япасынгъыз, не акъкъында лакъырды этесингъыз, — деп сорамай эдим. О мени пек сесе эди. «Ах, меним сёз дингълеген, акъыллы кадячыгъым», — дей тургъан эди мангъа, мен де онгъа: «Айса! Пионер олгъан сонгъ...» — деп джевап бере эдим.

Азифе отуз еди йыл эвельси олгъан вакъианы бойле хатырлай. О, озюни тыштан сакин корьсетмек истей, ичтеки дуйгъулары исе онынъ юзюне чыкъа, муляйимлигини боза. Сеси бирден къарыла, амма Азифе девам эте: — Бея уютсизден келе, дейлер. Бу догъру. Гедженинъ бир маалинде жандармерия кишилери келип, эвимизни аст-усть этип тингъти. Алиме аптемни ве онынъ достларыны арабаларгъа отуртып, алып кеттилер. Заваллы анам (биз догъмуш анамыздан эрте марум олгъан эдик. Бизлерни къартанам бакъып осьтюрдди. О, пек мераметли эди. Сонгъки локъма отъмегини бизлернен болюшти. Биз онгъа ана дей, оны севесая эдик. Шимди о да ёкъ). Анам фигъан къопарып агълады. Оларны алып кеткен сонгъ, бизлерни де алып кетмеге

келирлер деп, къоркъуша эдик. Кимерде Эльтиген бетте топ патласа, анамыз: «Бу бизимкилернинъ давушы... Тезден озюмизнинъкилер келеджек», — деп бизни тынчландыра эди. Шай этип, уютнен яшадыкъ. Эр кунюмиз бизим ичюн дешет эди. Он биринджи апрельде душман аскерлери телаш котерип, къачкъанларыны коръдик. Он экинджи апрельде совет аскерлерини сынъырсыз къуванченен къаршыладыкъ. Шу куню шанлы Совет Ордусы Керич ярымадасыны душмандан азат этти. Немселерни къувалап Феодосия ве Джанкой якъларгъа кетти. Бизим козьлеримиз ёлларда къалды. Алимемизни, онынъ достларыны бекледик. Куньлер йылар киби корюнди. Сабырымыз тюкенди. Эп бекледик.

Бир къач куньден сонъ коюмизнинъ гъарп тарафына, чёль ичине ПО-2 самолёты келип къонды. Самолётга кельген арбий киши бизлернинъ фамилияларымызны сораштырып-араштырып, эвимизге кельди. «Меним фамилиям Захаров», — деп такъдим этти озюни. Шу арада аптемнинъ айткъанлары эсима тюшти. О, февраль айында насылдыр терен тюшюнджелер ичинде, геджелери раатсыз юкълагъан эди. Бир кере мени янына чагъырып отуртты: «Сен, къардашым, энди ич бир шей анъламагъан кучюк бала дегилсинъ, он дёрт яшында къызсынъ. Чокъ шейлерге озюнънинъ де акъылынъ ете. Меним айтаджакъларымны озюнъ биль, эсинъде тут. Лякин кимсеге бир сёз айтма. Мени мында, Джермай-Къачыкъкъа озюмнинъ разылыгъымнен ёлладылар. Мени арбий киши Захаров гизли хызмет ичюн азырлап, мында ёллады. О киши, Ревиде анамызны, меним къардашларым Азифе ве Ферузе Абденанова экенлигини пек яхшы биле. Меним шахсий весикъамда сизлернинъ адларынъыз ве къайда яшагъанынъыз язылы. Эгер, барып да манъа бир шейлер олса, хусусий Айры Приморье Ордусында Захаров аркъадашны тапарсынъыз. Онъа мураджаат этерсинъиз. О сизинъ ичюн лязим эр шейни япар!», — деген эди. Амма шимди Захаровнынъ озю бизлерни къыдырып

тапты. «Не кѣдар яхшы, адам экен», деп тюшондим мен. Захаров меним тюшонджелеримни анѣлагъан киби, озюнинѣ Алименен якъындан таныш экенини сѣйледиди. Алиме! О, Алимеге — Аня, дей эди ве онынѣ достлары акъкъында бильгенлеримизни икѣе этмемизни риджа этти. Биз озюмизге малюм вакъиаларны сѣйледик. Захаров: «Машалла сизге, Ревиде енге. Сизни, Азифени, Ферузени Аня озюнинѣ шахсий весикѣаларына язды. Сизлер онынѣ имаесиндеки тувгъанларысынъыз», — деп, анама эки бинѣ кумюш (эски акъчанен), Батал кѣартбабама, Абдуракъип Болатовнынѣ аркѣадашы Ферузе абайгѣа, Сейфединнинѣ анасы Мельбек абайгѣа бирер бинѣ кумюш, Васфиенинѣ кызы Улькерге ве Хайрулла Мамбетджановнынѣ кѣарысы Сайме аптеге бешер юз кумюш такъдим этти. Алименинѣ, онынѣ достларынынѣ, анамнынѣ ве меним ресимлеримизни алып, бизлернен сагълыкълашып кетти.

Чокъ кечмеден, бизлер сюрдюн олдыкъ, Сырдарьягѣа тюштик. Захаров бизлерни кыдырып тапар, деп бекледик. Ишанчымыз бошкѣа чыкъты.

Муедин дайым дженктен сагъ-саламет кѣайтып кельди. Анамыз огълу Исмаиль акъкъында та, Джермай-Кѣачыкѣа экенде: «Ана-Ватанны кѣорчалап, кѣараманджа эляк олды», деген «Кѣара кягъыт» алгъан эди.

Рахметли анамыз сонъки нефесине кѣадар — Аединим ве Алимом, деп окюнчли олюп кетти. Алтмыш яшында дженазеси кылынды.

1946 сенесининѣ бааринде мен ве Ферузе аптем, Муедин дайымызнен берабер, Сырдарья областындаки Погран-Орловск кою Ильич адына колхозгѣа кочип бардыкъ. Муедин дайым о колхознынѣ партия тешкилятына секретарь олып сайлангъан эди.

Шу сененинѣ язында бир колхозджы эвге келип: «Сизлерни колхоз идаресине чагъыралар», — деди. Биз идареге кельдик. Яхшы костюм, галстуклы киши бизим адлары-

мызны, фамилияларымызны сорады. Онынъле берабер Ташкентке кетмек кереклигини айтты. О вакъытта вазие-тимиз кыйын эди. «Не ичюн, насыл меселе», деп сорап отурмадыкъ. Даветке табий олдыкъ. Яры геджеде поездгъа минип, эртеси кунъде Ташкентке барып тюштик. Бизлерни шеэрнинъ меркезинде ярашыкъ бинагъа алып кирдилер. Экимизнинъ де адларымызны, фамилияларымызны сорадылар. Азифе ве Ферузе Абденановалар олгъанымызны айттыкъ.

— Аня сизге ким ола? — деп сорады стол башында отургъан киши.

— Аптемиз ола, — дедик.

— Я не ичюн онъа, Аня дейлер? Сизджесине онынъ ады насыл?

— О Къамыш-Бурун шеэринде рус мектебинде окъуды. О вакъытта онъа Аня дей эдилер. Амма, асыл ады Алиме, — дедик.

— Стася ады сизге танышмы?

— Таныш, аптем онынъле берабер койге кельди. Экиси дост эдилер, — дедим мен. Стол башындаки киши Ферузеге Стасянынъ суретини косътерди... О: «Танымайым», деген тарзда омузларыны кыйсты. Мен: «Ферузе аптем немселер вакъытында бизим койде дегиль, Къарангъыт коюнде, Эмине тиземде яшады. О Стасяны танывмаз», — дедим.

— Сен киришме, Ферузенинъ озю джевап берсин! — деди стол башында отургъан киши. Аптем меним айткъаным киби джевап берди.

Сонъ менден: аптенънинъ достлары ким эди? Олар сизге кимлер оалар? Насыл ишлернен мешгъуль эдилер? Къайдаларгъа барып келе эдилер? Кимлернен корюше ве насыл лакъырдылар эте эдилер, деген суаллер бердилер. Аптемни ве достларыны къапатмагъа кимлер кельди, насыл алып кеттилер. Бир такъым шейлер даа сорадылар. Бильгениме коре джевап бердим. Айткъан сёзлеримни тасдыкълап имза

чектим. Экинджи куню бизлерге билет алып келип поезд-
гъа отуртып, эвимизге къайтардылар. Гедже Сырдарьягъа,
сабасы аман-эсен Погран-Орловск коюне къайтып кельдик.

Мен къоджагъа чыкътым. Ондан сонъ, къоджам яшагъан
Бука районьндаки «Ленин ёлу» колхозына кочътим. Муаб-
бет омюримизни даа да гузеллештирип, яраштыргъан огъ-
лумыз догъды. Адыны Эдем къойдыкъ. Экинджи огълумыз
Ленур къыркъыны толдуруп, сойгъа-сопкъа чыкъып башла-
гъан кунълеримизнинъ биринде 1955 сенеси январь айында:
«Сизни, Азифе Абденанова, колхоз идаресине чагъыралар»,
— деди орта яшларында эркек киши. «Ким чагъыра? Не
ичюн?», — деп сорадым меракъланып. «Мен бильмейим.
Бухгалтер, аджеке кельсин, деди». Идареде бухгалтернинъ
одасына кирдим. Бухгалтер: «Сизни чагъырттыргъан киши
колхоз реисининъ иш одасында. Анда барынъыз!» — деди.
Реиснинъ одасына кирдим. «Азифе Абденанова деген къа-
дын, шу киши ола», деди реис, четтеки курсюде отургъан
арбий кишиге. О реиске догърулып: «Бизге кимсе мани
олмагъан башкъа бир одада субетлешмек керек», — деди.
Реис арбий кишининъ мерамыны анълады: «Меним чёльде
ишим бар. Сизлер мында къалынъыз», — деп озюнинъ иш
одасындан чыкъты.

Арбий киши:

— Мен майор Ташпулатов олам. Я сиз? — деди.

— Меним адым Азифе. Фамилиям Абденанова, — дедим.

Озюм Ташпулатовны коръгеним киби таныдым. О киши
эки йыл эвельси Букада милиция идаресининъ башлыгъы
эди.

— Сиз Аня деген къызны билесинъизми?

— Билем. О меним аптем Аня — Алиме Абденанова.

— Сиз къачынджы сенеси догъдынъыз?

— 1929 сенеси.

— Я Аня?

— Алиме аптем 1924 сенеси догъды.

- Сизинъ башкъа аптенъиз бармы?
- Бар. Ферузе Абденанова.
- О шимди къайда яшай?
- Андижан областында, Кургъан-тёпеде.

Дейджегим докъуз йыл эвельси киби, кене де айны шу суаллер текрарланды. Бильгениме коре, эсимде къалгъаны тарзда джеваплар бердим, ахыр сонъу:

- Стасяны билесинъизми? О ким ве не ишлер япты?
- Не ичюн бильмейджегим? Билем. О, коюмизге аптем иле берабер кельди. Алиме онъа достум дей тургъан. Амма не ишлер япкъаныны бильмейим.
- Эр алда, сиз о вакъытта он дёрт яшында къыз экен-синъиз. Аня сизге бир шейлер айтмай эдими?
- Айта эди. Достлары топлашкъан сонъ, «сен, къардашым, азбарда эглен, козь-къулакъ ол!» дей тургъан.
- Э-э! М-м! Стасяны корьсенъиз, таныр эдинъизми?
- Таныр эдим.
- Биз сизни Стасянен юзь-юзьге корюштирмек керек-миз. Сизге девлет эсабына Москвагъа барманъызны теклиф этемиз.

— Афу этинъиз! Мен бу къыш-къиямет куню ич бир ерге барып оламайым. Меним балам даа бир айлыкъ, — деп Москвагъа кетювден ред эттим.

— Э-э! Не япмалы? Джевапларынъызны тасдыкълагъанынъызгъа даир имза чекинъиз, — деди. Имза чектим.

Кягъытларыны джыйыштырып портфелине къойды. Незакетли сагълыкълашты.

— Бу корюшюв, меним энди эппи ятышкъан яныгъымны текрар къозгъады. Бир къач куньгедже озюме келип оламай юрьдим. Тюшюмде рахметли анамны, Алимени корьдим. Аптем кене эвелькиси киби, кийинип-къушангъан, башына беретка кийген. «Эвде олгъанынъ яхшы, сангъа эвляд хайырлап кельдик. Сен бизлер ичюн кедерленме. Эвлядынъны къорчала, аиленьни бакъ!» — дедилер.

Бир ай даа кечти. Мен кене колхоз идаресине чагъыртылдым. Майор Ташпулатовнен корюштик. О, бу сефер меним озюмнинъ, огъланларым Эдем ве Ленурнынъ, аркъадашым Назимнинъ сагълыкъларымызнен меракъланды. «Шукюрлер олсун, эпимиз сагъ-селяметмиз. Бу дар дюньяда еяне тувгъаным Ферузенен корюшмегеним чокъ вакъыт олды. Онынъ ичюн раатсызланам. Сагъындым», — дедим. О: «Сагъ адам бир кунъ ола корюше. Беллесем, тезден корюширсингъыз», — деп лафны башкъа якъкъа чевирди.

— Сиз бу ресимлерге дикъкъатнен бакъынгъыз. Буларнынъ арасында таныгъан адамларынгъыз бармы? — деп стол устюне бир такъым къадын ресимлери ташлады. «Мына, буларны таныйман» деп эки суретни косътердим. Бири къаршыдан, дигери кенардан ресимге тюшкен Стася эди.

— Сиз оны къайдан билесингъыз? — деп сорады Ташпулатов.

— Онынъ ады Стася. Бизим койге Алиме аптемнен берабер кельди. Беш айдан зияде аптемнен дост олды. Эвеля бизнен, сонъра Неджибе енгемнен бир эвде яшадылар. 1944 сенеси февраль 2 геджеси Алиме аптемни, онынъ алты достуны, Стасяны немсе ве полицайлар арабаларгъа юклеп алып кеттилер.

Стасяны таныгъаным ве сёйлеген шейлер язылы протоколгъа имза чектим. Стасянынъ ресимини корьгеним киби бу иште бир сыр олгъаныны ангъладым. Лякин «Стасянынъ ресимини мангъа не ичюн косътерди», деп тааджиplenдим. «Демек, о джинаетчи?!» деген фикир доланды башымда... «Я мен майордан аптем Алиме акъкъында не ичюн сорамадым?» деп окюндим.

Этраф ешерип, орталыкъкъа баарь къокъулары сачылып башлагъан вакъытта, къоджам элинде «Труд» газетасы, иштен кельди. «Газетада меракълы бир шей бармы ёкъса?», — деп сорадым ондан. Къоджам лакъырды этмеге истемеген адам киби: «Эбет бар», — деп къолундакини сет

устюне быракъты. Газетаны алдым, дёртюнджи саифесинде, «Душман кьобасында» деген макъалени окъудым. Эм окъудым, эм де окюр-окюр агъладым. Алимени чекиштирип ольдюрген джанавар фашистлерге сатылгъан, джеллятларгъа Анянынъ ким экенини айткъан Ватан хайни — Стасягъа лянетлер окъудым.

Макъаленинъ сонъунда «Фашистлернинъ ич бир суа-лине джевап бермеген он докъуз яшында комсомол къыз Анянынъ акъикъый ады ве фамилиясы шай да бельгисиз къалды» деп язылгъан сатырларны окъутгъанда, пек тааджи плендим. Насыл олды да, махкеме вакъытында, макъаленинъ муэллифлери, «Труд» газетасынынъ озь мухбирлери П. Мешалкин ве К. Распевин¹, Краснодардаки махкемеде иштирак эткен тарихчы, Сулейман Асанов, Анянынъ арбий разведкаджы ве акъикъый ады Алиме Абденанова олгъанынынъ асылына етмедилер, деген тюшюджелерге далдым. Екъ. Ёкъ! Анянынъ ким экенини бельгисиз къалмакъ мумкюн дегиль. Анянынъ — Алиме Абденанова олгъаныны бильген Захаров, бизден чешит малюматлар алгъан чекистлер, эки кере менимле корюшкен майор Ташпулатов ве дигер адамлар Анянынъ ким экенини мытлакъа айтырлар, исбат этерлер, деп озь эеджанымны ятыштырдым. Акъикъатта, тюшюнгеним киби олып чыкъты. Арадан дёрт бучукъ йыл кечкен сонъ языджы Джемиль Сайдаметов ве тарихчы Сулейман Асанов Краснодар шеэринде Марфовка коюни зиярет эткен сонъ матбуатта «Ватан къызы» очеркини дердж эттилер. Ниает, халкъымыз Анянынъ — Алиме Абденанова олгъаныны, Алиме иле берабер халкъымызынынъ алты эвяды: Неджибе Баталова, Васфие Аджибаева, Сейфедин ве Джеват Меннановлар, Абдуракъип Болатов, Хайрулла Мамбетджанов арбий разведкаджылары олгъан-

¹ П. Мешалкин, К. Распевин. «Душман кьобасында» «Труд» газетасы, 1959 сенеси, март 10.

ларынынъ асылыны бильдилер. «Кеч олса да хайырлысы олсун!» — дедик.

1981 сенеси, январь 28.

Мен Андижан шеэрини учмакъ ичюн Ташкент аэропортына бардым. Бизим самолётнынъ учаджакъ вакъыты кечип кетти. Ёлджулар сабырнен беклеп туралар. Ниает радиодан: «Докъсан учюнджи Андижан рейси ава бозукълыгъы себебинден, къалдырыла!» — деп илян этильди. Ёлджулар аэропорт башлыгъынынъ муавинине догърулдылар. Кучюк пенджереден къадын киши ёлджуларгъа джевап бере. Мен де пенджеречикке янаштым. Къадын меним мерамымны деръал ангълады. «Истесенъиз билет акъкъы¹ акъчанъызны къайтарып ала билесинъиз, истемесенъиз, бекленъиз. Бельки докъсан бешинджи рейснен кетмек имкяны олур», — деди. Беклемек, билетни къайтарып берювден эльверишлидир, къарарына кельдим. Эппи вакъыт бекледим, ниает, радиодан докъсан бешинджи Андижан рейси къалдырылгъаны илян этильди. Самолётларнынъ учушларына ёлланма бериджи кишининъ узурьна барып, Андижангъа кетмек зарур экенини ангълаттым. Самолётларгъа ёлланма берген башлыкъ: «Вакъытынъыз мусааде этсе, бекленъиз», деди. Мен онынъ иш одасындан чыкъмадым. Четте бош креслогъа отурдым, портфелимни огюндеки стол устюне къойдым. Аэропорт хадимлери, стюардессалар келелер, кетелер. Базылары мангъа назар ташлай, селям берелер. Дивардаки саатнинъ акъреби дёртни кечти. «Бу отурманынъ сонъу олурмы, экен», деп тюшюне башладым. Самолётларгъа ёлланма бериджн киши мангъа: «Саат дёрт бучукъта докъсан единджи рейс Андижан ерине Фергъанагъа джёнейджек. Разы олсанъыз, сизге Фергъана самолётына минмеге изин берирмиз», — деди. Разы олдым. Стюардесса мени озюнен берабер алып чыкъты. Самолёткъа кирип, салона

¹ «Ленин байрагъы» газетасы, № 70—71, 1963 сенеси, сентябрь.

ерлештим. «Эм тиджарет, эм зиярет», дегенлери киби, бу акъшам Фергъанадаки Абдураим достумнынъ эвинде мусafir олурым фикрине кельдим. Ёрулсам керек, бираз юкъу-сырап да алдым. Самолётнынъ копчеклери эниш ёлагъына эпкинли токъунывындан уяндым. Пилотларнынъ бири салонгъа чыкъты. «Мухтерем ёлджулар, авасы фена олгъанындан, Андижан ве Фергъана аэропортлары бизни къабул этмеди. Къокъандкъа къондыкъ», — деди. Не япмалы? Эльбет де, баш язысыны козь кореджек. Ойле олгъан сонъ... Къокъанддаки Усеин достумда мусafir олмакъ къарарына кельдим. Корюшмегенимиз бир йылдан зияде эди. Отурыштыкъ. Вакътымыз яхшы кечти. Саба беш бучукъта турдым, саат еди поездына минип, онны кечкенде Андижангъа келип чыкътым. Автобускъа отурып, Къургъан-тёпе шеэрини кельдим. Решат Бектемировнынъ эвини къолай таптым. Кельгенимнинъ себебини анълаттым. «Пек яхшы эткенсингиз. Хош сефагъа кельдингиз!», — дедилер эв саиплери Решат ве Ферузе. Лякин, шу куню субетке башлап оламадыкъ. Ферузе акъшам емеги азырлыгъына тутунды. Решат телефон этип, Ташкенттен кельген мусafir келюви мунасебетинен, эвге дост-эшлерини давет этти, чюнки халкъымызнынъ адети ойле... башкъа ерден мусafir кельсе, эвине сой-соп чагъырыла. Акъшам Решатнынъ къардашы Певат Бектемиров, киеви Экрем Борсейтов, доктор Амет Тынчеров кельдилер. Къаве ве зияфеттен сонъ, эсас мевзу Джермай-Къачыкъ, Джавтобе, Коп-Такъыл, Сараймен, Дёрт-Куль, Татар-Чукъул койлери акъкъында кетти. Певат немселер вакътында он алты, он еди яшларында олгъанда Дёрт-Кульден Джавтобе коюне почта ташыгъан.

— Почта алмагъа баргъанда Джеват Меннановнен корюше тургъан эдим, — деп хатырлады Певат. — О, Дёрт-Кульге Джермай-Къачыкъ почтасыны алмагъа келе эди. Биз онынънен акъран эдик. Сонъки вакъытларда бир худжур

табиатлы олып к'алды, хабер айтсанъ динълей, амма озю ёрулгъан адам киби лаф этмеге севмей.

— Биз яшагъан Татар-Чукъул коюнде чыкъыкъ, сыныкътан анълагъан фельдшер Хайрие Джемилева яшай эди. Онъа ялынъыз къомшу койлерден дегиль, атта дигер районлардан да чыкъыкъны ерине к'ойдырмагъа келе эдилер, — дей Экрем. — 1943 сенесининъ кузь айы эди. Хайрие абайнынъ эви огюне эки атлы линейка келип токътады. Буюклернинъ лакъырдысындан, Джермай-Къачыкъ кою полицайы Абдуракъип акъай къыз к'ардашы Алименинъ пертильген аягъыны тюзетмек ичюн кетирген.

Отурышывымыз пек яхшы олып чыкъты. Мени меракъ-ландыргъан меселелер акъкында баягъы малюмат эшитим. Певат, Экрем, Аметнен сагълыкълашк'анда, эписи мени мусафирликке давет этилер. Вакъыт рухсет этсе, даа корюширмиз, деп семетдешлерни озгъардыкъ.

Эртеси куню Решат ишке кетти. О, к'уруджылыкъта бригада ёлбашчысы олып чалыша. Зенаатыны бильген, урьметли, ишкузар хадим.

Биз Ферузенен стол башында отурамыз, ондан ана-бабасы, Ревиде к'артанасы, аптеси Алиме акъкында тюрюл шейлер сорайым.

— Анам, бабам акъкында этрафлыджа икые этип оламайым. Бизлер ана-бабадан эрте марум к'алдыкъ. Анамыз вефат эткенде Алиме аптем секиз, мен беш, Азифе к'ардашым учъ яшында балалар эдик. Бир йылдан сонъ, «терлеме» хасталыгъы бабамызны да аяттан алып кетти, — дей Ферузе, озю теренден кокюс кечире. Ревиде к'артанам бизлерни озъ имаесине алды. Ич бир вакъыт бизлерни ынджытмады. Даима яхшы муамеледе булунды. «Меним эвлятларым», деп севе эди бизни. Яткъан ери дженнет олсун. К'артанамыз гъает алидженап эди. Биз оны тариф этильмез дереджеде севе эдик, Онъа к'артана дегиль де, «анам» дей эдик. Джаным, шу сёзни догъру язынъыз: «ана»

дегиль де «анам». Анамыз бизлерни инсансевер, ватанпервер рухунда тербиеледи. Алименинъ ватансевер олып, яшджаныны феда этип, душмангъа къаршы нефрет беслемесини анамыз ашлагъан эди. Сонъки нефесине къадар «Балам, Алимем», деп кетти. Бизлерге, «Алиме аптенъизни унутманъыз, бекленъиз! Бекленильген инсан бир кунъ ола къайтып келе. Алиме киби къызлар махв олмазлар», — деп васиет этти.

Ферузенинъ тамагъына бир шей тыкъылгъан киби олды. Агъыр юткъунды. Стакандан тежяран чай ичти. Бираз сукюнеттен сонъ, девам этти.

— Мен анамнынъ васиетини куттим. «Бекленильген адам, бир кунъ ола къайтып келе», — деген тенбиесине инандым. Алимени чокъ бекледим. Йылар кечти. Эп бекледим.

Анамыз вефат эткен сонъ, мен ве Азифе къардашым Муедин дайымнынъ къолунда къалдыкъ. Дайымыз учъ йыл Сырдарья район партия комитетинде инструктор олып чалышты. Сонъ оны Погран-Орловск коюнде Ильич адына колхозгъа партия тешкилятынынъ секретары вазифесине къойдылар. Бизлер колхозгъа кочътик. Колхоз тарлаларында чалыштыкъ, памукъ чапаладыкъ, джыйдыкъ. Не керек олса оны яптыкъ. Иштен къоркъкъанлардан дегильмиз.

Муедин дайымны колхоз коммунистлери он эки йыл девамында озълерининъ тешкилятынынъ секретары оларакъ сайладылар, алты кере район партия конференциясыннынъ делегаты олды. Укюметимиз оны «Урьмет Бельгиси» орденинен мукафатлады. Онъа эки кере Озъбекистан ССР Юкъары Советининъ Фахрий ярлыгъы берильди.

1946 сенесининъ язында Погран-Орловск коюне кельген арбий киши дайымызнынъ разылыгъынен мени, Азифени поезднен Ташкентке алып барды. Бизни юксек бинанынъ экинджи къатында иш одасына кирсеттилер. Стол башында отургъан арбий кийимде адам Аня акъкында сорады. Биз

онъа Аня — Алиме Абденанова бизим аптемиз олгъаныны айттыкъ. О киши Аня ве Стася акъкъында бизге чешит суалер берди. Биз бильгенлеримизни айттыкъ, о киши язды. Мен ве къардашым Азифе айткъанларымызны тасдыкълап имза эттик. Сонъ бир кишини алып кельдилер. «Бу адамны танымайсынъызмы?» — деп сорадылар. «Таныймыз. Бу адам немселер вакътында Маякъ-Салын коюнде полицей олгъан Къоджабадин Келямов», — дедик. О киши бизлерни таныгъаныны айтты. Кене имза чектик. Эртеси куню бизлерге билет алып Ташкент поездына отуртып, озгъардылар. Сырдарьягъа келип тюштик. Погран-Орловскке эвимизге аман-эсен къайтып кельдик. Мен он докъуз яшында эдим. Акъылым чокъ шейлерге ете эди. Лякин, анамызнынъ «аптенъизни бекленъиз», васиети эр шейден юксек эди. Эп бекледим. Къарылгъач сабырсызлыкънен бааръни беклегени киби, мен де аптемни бекледим, — Ферузе бирден лафыны токътатып манъа элесленип бакъып отурды, — Мен гъалиба, сизге арткъач шейлер де икяе этем.

— Екъ, ёкъ, — дедим мен, — ич арткъач дегиль. Меним ичюн сизлеринъ ве Алименинъ такъдирлеринъиз гъает муим. Мен Къургъан-Тёпеге чокъ заметлернен келип чыкътым. Сизнен таныш олгъанымдан пек мемнюним. Заметлерим энди унутылып кетти. Сиз манъа ананъыз Месельменинъ, бабанъызнынъ, Ревиде ананъызнынъ, Неджибе енгенъизнинъ суретлерини багъышладынъыз. О ресимлер ве икяе эткен вакъиаларынъыз меним ичюн кыйметли ядиляр олып къалыр. Мумкюн олса, субетимизни девам этейик.

— Дейджегим, 1955 сенеси бааръ кунълерининъ биринде — о вакъытта мен Къургъан-Тёпе шеър китапханесинде чалыша эдим, бир киши келип: «Сизни, Абденанова ички ишлер идаресининъ хадими чагъыра», — деди.

Менимнен корюшкен ички ишлер идаресининъ хадими:

— Мен Москвадан кельдим, — деди. — Сизге Аня ве Стася акъкъында суаллер береджегим.

— Беринъыз, — дедим мен, — лякин немселер вакъытында мен озъ коюмизде дегиль, Къарангъыт коюнде Эмине тиземнинъ эвинде яшадым. Алиме аптем Джермай-Къачыкъкъа кельген хаберни эшиткен сонъ, аптем иле корюшмек ичюн коюмизге эки кере баргъан эдим. Экинджи кере баргъан кунюмнинъ геджеси Алиме аптемни ве онынъ достларыны гестапо якъалап алып кетти. Онынъ ичюн аптем акъкъында бильгенимден, бильмегеним чокъ. Манъа малюм олгъан адиселерни сорасанъыз джевап беририм.

Киши манъа юзю огден ве кенардан чыкъарылгъан къадын ресими косътерди. Дикъкъатнен бакътым, танып оламадым.

— Бу къадын Анянен берабер Джермай-Къачыкъта яшагъан, чалышкъан Стася — деп, ресимни пармагъынен тюртти.

— Бельки де ойледир. Лякин танып оламайым. Сизден бир шей сорамакъ мумкюнми?

— Соранъыз, — деди Москвадан кельген киши.

— Меним аптем Алиме Абденанова сагъмы? О акъта сизге не белли? Айтынъыз! Догърусыны айтынъыз! Менден гизлеменъиз, — деп козьяшымны сильдим.

— Шимди бир шей айтып оламайым. Ишини тешкеремиз, бир шейлер анълашылса, хабер этермиз, — деди.

Мен о кишиге инандым. Йыллар бою Алиме аптем акъкъында хабер бекледим. Хабер ерине «Труд» газетасыны кетирдилер. Окъудым. Бутюн кечмиш омюрим козълеримнинъ огюнден кечти. Окюр-окюр агъладым. Тек мен дегиль, Къургъан-Тёпенинъ бутюн залиси бизим эвимизге тазиеге кельди. Алименинъ эллерини къайыргъан, аякъларыны сындыргъан, сачларыны топ-топ узип алгъан, резина сопанен котекеген, демир наллы чызмаларынен таптап, оны ал къанларгъа боягъан гестапо джанаварларына Михель-

сон, Зуб, Дубогрей, Оленченко, Куприш, Бекаури¹ фашист мельуналарына лянетлер окъуйлар. О кунълер тувгъанларымыз, достларымыз, семетдешлеримиз ичюн матемге чевирильди. Эписи бизлернен берабер агълаштылар. Али-мемизнинъ фаджиалы олюмининъ яныгъыны бизлернен болюштилер. Миллий адетимиз муджиби аптемнинъ бутюн дуаларыны бердим.

Къач кунълерден сонъ, эсими башыма топлап, «Труд» газетасы идаресине мектуп яздым. Муэллифлер макъаледе: «Шай да, он докъуз яшында комсомол къыз Анянынъ акъикъий фамилиясы билинмей къалды»², деп язгъанлар.

Аня — меним догъмуш аптем. Онынъ акъикъий ады Алиме, фамилиясы Абденанова. Джермай-Къачыкъ орталыгъына парашютнен тюшти. Догъмуш ве ишанчлы достларыны разведкаджылыкъ ишине джелып этти. «Ири топракъкъа радиограммалар берди. Аня озъ адыны, фамилиясыны ве гизли тешкилятта насыл вазифелер эда эткенини апрель 16 куню ПО-2 самолётынен Джермай-Къачыкъкъа келип-кеткен Захаров пек яхшы биле...

Алименинъ япкъан ишлери акъкъында анамдан эшиткелеримни дефтерге язып къойгъан эдим. Мен макъале муэллифлерине ярдым этмек, акъикъатны бильдирмек макъсадынен газета идаресине мектуп яздым. «Труд» газетасы идареси меним язып ёллагъан акъикъатымны озълерининъ очеркине сесленюв, деп анълады.

Учъ ай кечкен сонъ «Труд» газетасынынъ информацион болюгининъ эдебий хадими К. Распевин имзасы иле язылгъан мектупте: «Урьметли Абденанова аркъадаш! «Душман къобасында» очеркине сесленюв тарзында бильдирген вакъиаларынъызны эсапкъа алырмыз», — деп къаршылыкъ язды.

¹ «Душман къобасында» «Труд» газетасы, 1959 сенеси, март 10.

² Айны шу макъале.

Мен, меркезий газеталар, «Аня»нынъ ким олгъаны ве къоранта къайда экени билинген сонъ, деръал озъ мухбирлерини ёллап, дёртюнджи джебэ совет командаылыгъы ишлерине о къадар муим файдалар кетирген ватанперверлер гизли тешкилятынынъ ребери, комсомол къыз Алиме Абденанова акъкъында ифтихарлы макъале дердж этерлер, деп тюзюндим. Языкълар олсун, бу иш япылмады.

Краснодарда, Айры Приморье ордусы разведка болюгинде адетий ишлер кетмекте. Подполковникнинъ иш ода-сына невбетчи офицер кирди.

— Сиз беклеген къыз кельди, — деди стол башында отургъан юксек рутбеде арбий кишиге.

— Айтынъыз кирсин, — деди о. Озю еринден туруп, чешит ишаретли байрачыкълар тюрельген Къырым хари-тасы устюндеки пердечикни орытти.

Ичери тегерек бетли, мавы козлю, кестане тюз сачлы, мулайим черели къыз кирип, селям берди. Арбий киши стол башындан турды ве четке чыкып, незакетле озюне такъдим этип:

— Таныш олайыкъ... мен подполковник Захаров олам, — деди.

Къыз азчыкъ эгильди:

— Алиме Абденанова... — деди ялынъыз ве озюне теклиф этильген курсюге отурды.

— Таныш олувымызнен гъает мемнюним. Мен сизинъ акъкъынъызда чокъ яхшы фикирлер эшиттим. Озюнгизнен шахсен таныш олмакъ ичюн бу ерге давет эттим. Сиз, Алиме, «мени джебэге ёлланъыз!» деп ариза бергенсинъиз. Бу хусуста субетлешмек истедим. Эгер бир фикирге кельген киби олсакъ истегинъизнинъ ерине кетирильмесине ярдым этеджек олам. Бунынъ ичюн бизге якъындан таныш олмакъ керек, — деди арбий киши ве ичинден «Бу яш къыз меним сёзлеримни больмеден динъледи. Демек, о, кенди

варлыгына аким ве истидатлы», деп тюшюнди эсли раз-ведкаджы.

— Мен сизни динълейим, Захаров аркъадаш!

— Алиме, манъа озюнъиз акъкъында бир шейлер сёйленъиз! Не вакъыт? Къайда догъдынъыз?

— Мен 1924 сенеси Керич шеэринде догъдым, — деди Алиме, — Къамыш-Бурунда, Максим Горький адына орта дереджели рус мектебинде окъудым. 1940 сенесине къадар пионер олдым. Сонъра комсомолгъа аза олып кирдим. 1941 сенеси мектепни битирген сонъ Маяк-Салын район иджра комитетинде чалыштым. Эки айдан сонъ дженк башланды. Биз комсомоллар джумаэртелик отъкердик. Къазанылгъан акъчаны джебэ файдасына бердик. Эалини эвакуация этюв ве даа дигер вазифелер эда эттим. Джебэге кетмек ичюн къач керелер ариза бердим, лякин, сен иджра комитетининъ хадимисинъ, деп иштен бошатмадылар, джебэге кетмеге разылыкъ бермедилер. — Бойле дегенде къыз теренден кокюс кечирди.

— Терджимеи алынъыз олдыкъча къыскъа, — деди Захаров, — мумкюн олса ананъыз ве бабанъыз акъкъында да айтынъыз!

— Анам Месельме 1906 сенеси Маяк-Салын коюнде чокъ балалы фукъаре койлю къорантасында догъгъан. Он еди яшында Керичли Сеит-Осман Борасан огълуна къоджагъа чыкъкъан. Бабам Керичте «Месаксуди» тютюн фабрикасында бухгалтер олып чалышкъан. Айткъанларына коре, бабам зиялы кишилерден олгъан, Керичте В. Г. Короленко адына эркеклер гимназиясында тасиль корьген. Анам ве бабам кунъбаты якъында «Къуш-къапы» мааллесинде яшагъанлар. Муаббет омюр кечиргенлер. Учъ къызлары олгъан. Энъ буюги меним. Менден кучюги Ферузе, сонъра Азифе догъалар. Анам йигирми беш яшында экенде «тер-леме» хасталыгъындан вефат эте. Бир йылдан сонъра бабам «кельме» хасталыгына огърай, бир ай дегенде аяттан кете.

Мен секиз, Ферузе беш, Азифе учъ яшында ана-бабадан марум къалдыкъ. Анамызнынъ анасы — Ревиде къартанамыз ве дайыларымыз бизлерни озъ имаелерине алдылар. «Оксюз ольмез, орьселенир, бир кунъ ола, кунъ корер», дегенлер. Бизлер оксюз къалдыкъ орьселенмедик. Ревиде къартанамыз, Муедин дайымыз бизлерни догъмуш топрагына садыкъ адамлар олып осьмемиз ичюн окъутты, тербиеледилер.

— Мени афу этингиз, Алиме! Ана ве бабангызнынъ вефат эткенлерини бильмейип, юрегингизнинъ ярасына токъундым, — деди Захаров ве кызнынъ кедерли чересине шефкъатлы назар быракъты.

Бир къач сание сукюнет ичинде кечти.

— Къартанангыз Ревиде ве дайыларынгыз къайдалар? — деп сорады арбий киши.

— Къартанам Ревиде он беш яшында Абденан деген, озю киби эллер къаралтысында ишлеп юрьген кишиге къоджагъа чыкъкъан. Учъ огълу, учъ кызы ола. 1921 сенеси ачлыкъ йылында къартбабам Абденан, Эмине ве Азифе тизелерим вефат эткенлер. Къартанам отуз алты яшында дёрт баланен тул къалгъан. Эллерге хызмет этип, балаларыны кечиндирген. Анам кой кызылары арасында эль-зенаатларында энъ чеберлеринден экен. Сымарышлар къабул этип, чешит миллий орьнекли нагъышлар ясавда анасынынъ ярдымджысы олгъан. Кызыны къоджагъа берген сонъ, къорантанынъ кечиниши къартанамнынъ боюнында къалгъан. О вакъытта Исмаиль дайым он дёрт яшында, Муедин он экиде, Аедин докъузда олгъанлар. Къартанам бутюн агъырлыкъны озъ устуне алып, огъуларыны окъуткъан. Дайыларым окъувларыны тамамламагъа бир-эки йыл къалгъанда, онынъ учъ торуны — бизлер етим къалдыкъ. Къартанам бизлерни озъ имаесине алды. Бизлернинъ оксюз экенимиз дуолмасын, кедерленмесинлер, деп кунъдюзлери чалышты, геджелери кишилерге ёргъан чабувлады, тон тикти. Иштен бир

тыныш токътагъанда бизлерни охшады, севди. Бизлер де къартанамны севдик, онъа урьмет эттик. Онынъ мераметли юрегине эйиликлернен джевап бердик. Биз оны догъмуш анамыз деп бильдик. «Къарт» сёзюни унутып, онъа «Анам» дедик. Бизлер Ревиде анамызнынъ хатиреси огюнде омюрлик борджлумыз.

Сизинъ ичюн, Захаров аркъадаш, бельки меним бу сёзлеримнинъ эмиети пек буюк дегильдир. Меним ичюн олар гъает къыйметли. Сиз сорадынъыз, мен озъ козълеримнен корьгенлеримни, озъ къулакъларымнен догъмушларымдан эшиткенлеримни икяе эттим. Лякин сёзлеримнинъ ялынъыз акъикъат экенлигине шубенъиз олмасын.

— Ёкъ, ёкъ, Алиме, сиз эписини саф юректен икяе эттинъиз. Сизни меракънен динъледим. Меним вазифем ойле ки, сизинъ ким экенинъизни бильмеге борджлум, — деди киши. Онъа хусусий вазифе иле душман аркъасына ёлманыладжакъ эр бир разведкаджынынъ озю ве догъмушларынынъ кимлер ве не ишнен мешгъуль экенлерини темелинден бильмек керек. Бу себептен, шимдичик яш къызнынъ чекинмей эр шейни ачыкътан-ачыкъ сёйлегенини бегенди. Бу саф юрекли, виджданы сагълам, комсомол къыздан джесюр разведкаджы оладжагъына инанды. — Лякин, Алиме, манъа дайыларынынъ да кимлер экенлигини бильмек керек.

— Дайыларым меним ичюн намуслылыкъ, виджданлылыкъ, совет акиметине садыкълылыкъ нумюнелери... — деди къыз, — олар ичюн бир вакъыт юзюм къызармайджагъына эминим. Исмаиль дайым Керич окъув юртуны битирди. Войков адына Керич маден заводында ишледи. Дженкнинъ биринджи куньлеринде джебэге кетти. Чокъ вакъыт кечмеден, Исмаиль Абденанов Ватаныны къорчалап, къараманджа эляк олды.

Аедин дайым эрзакъ маллары окъув юртуны битирди. Къамыш-Бурунда агломерат фабрикасы къуруджыларыны

эрзакъ иле темин ишлеринде чалышты. Дженк башлангъан сонъ, Ватанымызны немсе баскъынджыларындан къорчаламагъа кетти. Моздоктаки дженк мейданындан ёллагъан мектюбинде, Сталинград бетке кетемиз, деп язгъан эди. Ондан сонъ хабер кельмеди.

Муедин дайым 1933 сенеси Орду хызметинден къайтып кельди. Керич партия райкомынынъ ёлланмасынен Черваш кою колхознынъ партия тешкиляты секретары олып ишледи. Ондан сонъ, дайым Къырым область партия комитетининъ ёлланмасынен Симферопольдеки коммунистик алий окъув оджагъына кирди. Битирген сонъ, Узун-Аякъ коюндеки машина-трактор станциясында сиясий болюк башлыгъы вазифесинде чалышты, О вакъытта Маяк-Салын коюнде яшагъан анамызны, къардашларым Ферузе, ве Азифени Узун-Аякъ коюне кочюрп озъ имаесине алды.

Немсе-фашист арбий кучълери Ватанымызнынъ мукъадес топрагъына сюрип кирген вакъытта Муедин дайым девлет сынъырлары ордусына алынды, анда сиясий ребер вазифесинде хызмет этти.

1941 сенеси ноябрьде Къырымгъа немсе аскери кирген сонъ, Муедин дайымызнен алякъамыз узюльген эди... Армавир шеэри немсе сиялы кучълеринден азат этильген кунълерде танышларымдан бириси: «Къырым партизанларындан бир къач яралы ве хаста Сочиде тедавий олуна экенлер. Муедин Абденанов да бар экен. О сенинъ догъмушынъ дегильми?» — деди манъа. Реберимизден изин алып Сочиге бардым. Дайымны къыдырып таптым. О энди тедавий арфесинде эди. Мен онъа оккупацияда къалгъан анамызнынъ, онынъ къорантасынынъ, къардашларымнынъ сагъ-селямет экенлигини айттым. Дайым манъа озюнинъ партизанлыкътаки дженкявер ишлери акъкъында чокъ муим вакъиаларны сёйледи.

Фашист ордулары Къырымгъа кирген сонъ, Абденанов хызмет эткен къыта Судакъ якъларында немсе арбий къы-

сымларынен дженклешмекте эди. Совет аскерлери къатты чатышмалардан сонъ, дагъгъа чекилерек, партизан къысмы тешкиль этелер. Партизан къысмынынъ командири майор Панарин, сиясий ребери Муедин Абденанов ола. Халкъ интикъамджылары душманнынъ юклю машиналарыны учурымдан аттыра, ёлда кеткен немсе арбий къысымларына апансыздан уджюм эте эдилер. Бу урушларда сиясий ребер Муедин Абденанов партизанларнынъ уджюмлерине командалыкъ япувда буюк къараманлыкълар косътере. Партизанларнынъ разведка болюги Сувукъ-Сув коюнде немсе верумын къысымларынынъ штабы, колхоз идаресинде, немсе аскерлери исе мектепте ерлешкенини хабер эте.

Душман кучълери булунгъан нокъта темелли огренильген сонъ, партизан къысмы экиге болюнип, немселернинъ штабына уджюм этюв Абденановнынъ болюгине авале олуна, сиялы къуветлерине уджюмни майор Панариннинъ болюги озъ устуне ала. Яры гедже маалинде мияв къуш сеси эшитиле. Бу — партизанларнынъ уджюмге кечмек ичюн бири-бирлерине берген сигналы эди. Шу дакъкъасы Абденановнынъ аскерлери душман штабыны эки якътан сарып ала, казарма янында исе Панарин болюги кишилерининъ гранаталарынынъ патлавлары орталыкъны сарыта. Гъафлетте къалгъан душман шашмалай, къаршылыкъ косътерип оламай. Къачып къуртулмагъа ынтылгъанларны партизан къуршунлары кырып ташлай. Штабнынъ алякъа теллери кесиле, весикълалар эльге кечирилип штабнынъ кулю кокке савурыла. Бойледже, Сувукъ-Сув партизан операциясы гъалебенен нетиджелене. Алынган весикълалар баш команданлыкъкъа ёлланыла. Анда тапылган харита узеринде ялыбою мудафаасынынъ атеш нокъталары, арбий болюклер, анбарлар къайд этильген эди.

Майор Панарин ве сиясий ребер Абденанов Сувукъ-Сув операциясыны буюк джесюрликкен эда эткенлери, душманнынъ муим весикълаларыны эльге кечиргенлери

ичюн, арбий къысым командири подполковник Баевден ве дёртюнджи болюкнинъ ребери батальон комиссары Ермаковдан тешеккюр алдылар.

Телефон сесленди. Захаров: «Бир дакъыкъачыкъ!» — деди Алимеге ве трубканы котерди.

— Динълейим... динълейим, генерал аркъадаш! Эбет, шу киши иле. Ёкъ, субетимиз даа битмеди. Шуны айта билем ки, бизим ишимиз ичюн гъает келишликли. Динълейим! Эбет! Эбет! — трубканы ерине къойды. — Афу этинъиз, телефон лакъырдымызны больди. Риджа этем, девам этинъиз.

— 1943 сенеси февраль айында, Краснодар улькеси немсе арбий кучълеринден азат этильген сонъ, Муедин Абденанов Краснодар ульке партия комитетининъ кой ходжалыгъы болюги мудирининъ муавини вазифесинде чалышты. Абденанов бу месуль вазифеде де дигерлерине орьнек олып, джебэни емек ве дигер махсулатнен темин этюв ишлеринде буюк гъайрет косътерди.

— Дайыларынъыз акъкъында айткъан сёзлеринъизде менде чокъ хайырлы фикирлер асыл олды. Мен гъает мемнюним, — деди Захаров. — Афу этинъиз, Алиме, сизинъ арбий зенаатынъыз бармы?

— Бар! Мен учъ айлыкъ санитар-инструктор курсы битирдим. Шимди арбий госпитальде хызметтем. Мени джебэге ёлламаларыны къач дефалар риджа эттим, разы олмадылар.

— Сиз, бана дайынъызнен корюшкенде, онъа оккупацияда къалгъан ананъыз, дайынъызнынъ къарысы Неджибе енгенъиз ве оларнынъ баллары, къардашларынъыз сагъ-селямет экенлерини айттым, дединъиз... ойлеми? — Къызынынъ козьлерине тикилип бакъты, къыз бу сёзлерни тасдыкълармы, ёкъмы, деп беклеп отурды. Алиме башыны эки-учъ кере эгип алды.

— Эбет, — деди о, — ойле дедим.

— Сиз догъмушларынъыз ве сойларынъыз-сопла-рынъыз сагъ-селямет экенлигини насыл бильдинъыз?

— Озюнъызге малюм, 1941 сенеси декабрь 29—30-да Кавказ джебэсининъ аскерлери Къараденъыз арбий-денъыз флоту кучълеринен бирликте Къырымгъа десант тюшю-рип, Керич ве Феодосия шеэрлерини азат эткен эдилер. О вакъытта Керич районы немсе баскъынджыларындан бир тамам темизленильди. Бу мунасебетле Ленинск иджра комитетине хадимлер ёлланылды. Биринджи невбетте кеткен хадимлер барып ерлешкен сонъ, экинджи невбет кишилери кетеджеги хусуста хабер алынды. Мен экинджи невбетте эдим. Район меркезине келип чыкътыкъ, район иджра комитети реиси мени озюне чагъырып: — Эки кунъ эвельси, ананъ ве къардашынъ Азифе сени арашты-рып кельдилер, — деди манъа. — Бизим Алимемиз аман-эсенми? Къайда? — деп сорадылар. «Алиме сагъ-селямет. Тезден келеджек», — дедим. Севине-севине эвге къайтты-лар. Лякин олар шимди Узун-Аякъ коюнде дегиль, Джер-май-Къачыкъта Батал Мырзаевнинъ эвинде яшай экенлер. Биринджи расткельген баладан «Батал къартбабанынъ эви къайсы», деп сорасанъ косътерир. Сени анда дёрт козьнен беклейлер. Тувгъанларынъызгъа барып корюш! Санъа бир кунъ мухлет. Ярын вазифенънинъ эдасына башларсынъ. Япыладжакъ ишлер богъаздан. Шофёргъа меним адым-дан айт, сени Джермай-Къачыкъкъа алып барсын. Мен шофёрны къыдырып таптым, онъа реиснинъ эмирини айт-тым. Джермай-Къачыкъкъа бардым. Машина койге кир-гени киби, Азифе мени корип, машинагъа чапты. Бойнума сарылды. Мен анамнынъ элини опытим. Къардашларымнен къучакълаштыкъ, опюштик. Ал-хатыр сораштыкъ. Муедин дайымнынъ къарысы Неджибе, балалары Рустем, Ленура, Батал къартбаба манъа хошкельдиге кельдилер. Лакъырды башлады, «Къайдаларда олдынъ? Не яптынъ?» Яры гедже олгъаныны дуймай къалдыкъ. Мен оларгъа: декабрынъ

бешинде Москва янларында немселернинъ аскерий кучьлерине къаршы уджюмге кечкен Совет Ордусы — Калинин, Яхрама, Кашира, Павелецк, Елец, Солнцегорск шеэрлерини азат эткенини сёйледим. Неджибе: немселернинъ эалиге къылынганларыны койлюнинъ малыны-мулькюни талаганларыны, фашистлернинъ талабы эда этильмегени такъдирде койлюлерни къатты джезалаганларыны айтты. Бизлерни динълеп отургъан Батал къартбаба теренден кокус кечирип: «Джермай-Къачыкъ меним тувган коюм», — деди. — Балалыкъ чагъым мында кечти. Сабан сюрдим, мал бакътым, колхозда чалыштым. Мында да къартайдым. Коюмиз берекет меяны. Беш къуюсы, еди тыйнагъы бар. Учъ якъында байырлар: «Сюйрю къая», «Маяк къая», «Джантыкъ къая» артында бир вакъытларда ерни къазып, нефть... джермайы чыкъарганлар. Шунунъ ичюн эвельде койнинъ ады «Джермай Къаячыкъ» экен. Сонъра кет-кете, онъа «Джермай-Къачыкъ», дегенлер. Энди Джермай-Къачыкъ, деп де айталар.

Алиме 1941 сенесининъ къышында десант нетиджесинде Керич ярымадасында енъиден къурулган Совет акимieti кунълериндеки аятны бойледже икяе этти, Захаров джидиетле динъледи. Чюнки онъа бу вакъиаларны мытлакъа динълемек ве бильмек керек эди.

О вакъытта Алименинъ койге ялынъыз бир кунге кельгенини анълагъан къудабаба ве енге балаларынен берабер, «геджелер хайыр», деп эр кес бу узун эвнинъ чешит одаларына таркъашкъан эдилер.

Ревиде абай торунларынен Джермай-Къачыкъкъа кочип кельгенде къудасы Батал къарт: «Келинъиз, бизим къаралтынынъ кунъдогъуш тарафында оада яшанъыз», — деген. О кельген... яшамакъта.

Ревиде абайнынъ Джермай-Къачыкъкъа кельмесининъ де тарихы бар. Унутылмайджакъ адисенен багълы.

Ор къапысындан кечип Къырымгъа сокъулган душман Азав денъизле Къара денъиз арасындаки Акъ-Манай, Къы-

рым-Шибан, Асан-кою, Къамышлы койлерден кечкен Совет Ордусынынъ мудафаа ёлагъына расткеле. Акъ-Манай янларында буюк чатышмалар ола. Дженк ёлагъындан алты-еди километр узакъта Узун-Аякъ коюнде Муедин Абденановнынъ къорантасы — анасы, къардашлары яшагъан эвде, арбий комиссар бир тыныш алмакъ ичюн токътай. Мында оны мусафирченликнен къаршылап алалар. Комиссар дивардаки ресимлерни козьден кечиргенде назары Симферополь коммунистик алий окъув журтуну битиргенлернинъ ве оджаларнынъ умумий ресимине тюше. Комиссар Ревиде абайдан: «Бу ресимде сизинъ киминъиз бар?» — деп сорай. О: «Огълум Муедин Абденанов бар... — деп джевап бере, — о бу койдеки МТС-те беш йыл сиясий болюкнинъ башлыгъы олып чалышты. Шимди ордуда», — деген джевапны эшиткен комиссар: «Сиз Акъ-Манайда къатты урушлар кеткенини, топ седаларыны эшиттинъизми? Гизлемеге аджет ёкъ. Бизлер кери чекильмеге, мувакъкъат олакъ Къырымдан чыкъып кетмеге меджбурмыз. Фашистлер мында кельгени киби, эвеля коммунистлернинъ, совет хадимлерининъ озьлерини, оларнынъ къоранталарыны ёкъ этелер. Сизге мында къалмакъ мумкюн дегиль. Тез-тез кетмек керек. Дигер бир койде яшагъан тувгъанларынъыздан кимселеринъиз бармы?» «Къудамыз Батал Мырзаев бар», — дей Ревиде абай чокъ тюшюнип отурмадан. «Пек яхшы. О Батал акъай къайсы койде яшай?» — деп сорай комиссар. «Джермай-Къачыкъта. О шимди сексен беш яшында. Лякин тирнекли къарт». «Ойле олса, сизге Джермай-Къачыкъ коюне кочмек керек», — деп комиссар планшетинден арбий харитасыны чыкъарып бакъа: «Мындан еди-секиз километр шимальде. Сиз тез азырланынъыз! Мен шимди машина ве ярдымджыларнен келирим», — деп комиссар чыкъа. Ярым сааттен сонъ юк машинасы ве эки аскернен къайтып келе. Ревиде абай азырлагъан эшьяны машинагъа юклемеге де озю ярдым этип, Абденановнынъ

аилесини Джермай-Къачыкъкъа алып бара. Ревиде абай: «Риджа этем, ред этменъиз. Адетимиз муджиби эйиликке джевабен эйилик япмакъ адетимиз олгъан», — деп комиссарнынъ омузына озю токъугъан мыкълама кисели юзъбез багълай: «Сизге ве къорантанъызгъа сагълыкъ-селяметлик тилеймиз. Дженкни гъалебенен битирменъиз ичюн дуа этеджекмиз», деп онынънен сагълыкълаша.

Къапыда невбетчи офицер пейда олды. Захаров: «не хабер», дер тарзда онгъа бакъты.

— Капитан Васильевни саат он бирге чагъырткъан эдинъиз. О кельди, сизни беклей, — деди невбетчи.

— Бизим субетимиз даа битмеди. Бир саатке даа сюреджек. Риджа этинъиз, он экиде кельсин, — деди подполковник. Лейтенант, «динълейим», деп чыкъты. — Биз не ерде токътадыкъ. А-а, ананъыз комиссарнен сагълыкълашты. Девам этинъиз!

— Бойледже, мен анамны, къардашларымны Джермай-Къачыкъкъа барып таптым. Оларнен бир кунъ олдым, — деди Алиме, — эки йыл эвельси анасынен корюшювини хатырлап, анамларнынъ сагъ-селямет къалмасына себепчи олгъан совет комиссарыны анъдыкъ. О аджайип кишини ич бир вакъыт унутмайджагъымызгъа сёз бердик. Йигирми дёртюджи январьда Феодосия душман элине кечти. Бизим район иджра комитети Керич бетке чекильди. Мангъа бир даа Джермай-Къачыкъкъа бармакъ, тувгъанларымнен корюшмек къысмет олмады.

Захаров джебинден сигар къутусыны чыкъарды, бир сигар якъмакъ ичюн Алимеден рухсет истеди.

— Риджа этем, ичинъиз, — деди къыз.

Захаров сигарыны тутандырды, ичине яхшы чекти, бир талай сусты, отурды, сонъра агъызыны четке чевирип ичинден тютюн думаны чыкъарды.

— Субетимиз эппи узады, — деди подполковник. — Лякин сизинъ тувгъанларынъыз акъкъында икяенъиз мени

пек меракъяландырды. Демек, сиз Керичте догъдынъыз, Къамыш-Бурунда окъудынъыз. Татиль вакъытларында Маяк-Салын ве Узун-Аякъ койлеринде яшадынъыз. Джермай-Къачыкъта ялынъыз бир кунъ олдынъыз, ойлеми? — Къыз онынъле разы олды, башыны къакъытты. Захаров тюшюнджеге далгъан киби корюнди, лякин череси тезден шенъленип кетти. — Пек яхшы. Бундан да яхшы олмакъ мумкюн дегиль. Гуя бу аятий адиселер кунъэвельден тайин этильген план эсасында олгъан», — деди. Мен сизинъ джебэге кетменъиз ичюн разылыкъ алмагъа ярдым этерим. Лякин сизинъ япаджакъ ишлеринъиз гъает джиддий, хавфлы ве алидженап оладжакълар. Къырымны, сизинъ баба-деде топрагъынъызны душмандан азат этмек вакъыты кельди. Дёрт юз элли кунъден берли Къырымда булунгъан немсе аскерлери йигирми йылыкъ совет девиринде къурулгъан юзлернен окъув оджакъларыны, колхозларны-совхозларны, фабрика ве заводларны, санат биналарыны якъты-йыкътылар. Эалини ач-чыплакъ къалдырды, бинглернен адамларны Германиягъа къуллукъкъа ёлладылар. Къырымда арекет эткен гизли яшлар тешкиятлары, гитлерджилерге къаршы къараманджа куреш алып бармакъталар. Бу тешкиятлар душманны ёкъ эте, сияларыны эльге кечире, телефон ве телеграф теллерини кеселер, зали арасында фашизмге къаршы беяннамелер дагъыталар. Халкъ интикъамджылары — партизанлар душманны гъафлетте атешке тута, машиналарыны учурымдан авдара, техникасыны, арбий эшелонларыны якъа, бензин анбарларыны патлаталар. Ойле этип, душманнынъ арбий кучълерини эксильтелер.

Совет Ордусы Къырымдаки немсе баскъынджыларыны ёкъ этип, о, аджайип улькени фашизм маразындан темизлемек арфесинде. Лякин бунгъа иришмек ичюн совет команданыгъы душманнынъ насыл къуветлерге сайп экенини огренип, эр шейни эсапкъа алып, сонъра уджюмге кечмек керек.

Немселернинъ арбий къабилиетини бильмек ичюн олар арасында арекет эткен арбий разведкаджылар ола. Биз сизинъ джебэге кетмек истегинъизни эсапкъа алып, сизге душман булунгъан топрагъымызда разведкаджылыкъ хызметини теклиф этсек, сиз бунгъа насыл бакъарсынъыз? — деди подполковник.

— Мен севимли совет Ватанымызнынъ душмандан азат этильмеси ичюн ярдымгъа даим азырым. Лякин сизинъ теклиф эткен хызметинъиз элимден келирми, бильмейим.

— Келир! Сиз озъ ниетинъизге аким, къатты ирадели къызсынъыз. Бу иш сизинъ элинъизден келеджегине мен эминим. Бир тюшюнип бакъынъыз. Разы олсанъыз... белли бир азырлыкъ кечмек керек олур.

— Тюшюнип отурмагъа аджет ёкъ. Мен разым, — деди Алиме ве еринден къалкъты.

— Бир дакъкъачыкъ... — Захаров къызнынъ элинден тутып токътатты, — шимди невбетчи офицер сизни штаб янындаки разведка болюгине алып кирер. Анда сизге базы ресмий ишлер эда этмек керек олур. Бугунъден итибарен сиз, Абденанова аркъадаш, арбий хызметтесинъиз. Арбий хызметке алынгъанынъызны ич кимсе, атта Муедин дайынъыз биле бильмемек керек. Сизинъ илериде япаджакъ ишинъиз толугизлилик талап эте. Ангълаштыкъмы? — деди подполковник Захаров.

— Ангълаштыкъ, подполковник аркъадаш, — деп джевап берди Алиме.

— Пек яхшы. Мен сизни хайырлайым. Бир шейлер ангълашылмагъан киби олса, чекинменъиз, келинъиз! Яхшымы? — деп Захаров стол устюндеки чанъ дёгмесини басты. Ичери невбетчи лейтенант кирди. — Абденанова аркъадашны майор Тереховгъа алып барынъыз. Капитан Васильев кельдими? Айтынъыз, кирсин!

Дженк олмагъан вакъытларда разведкаджылар азырламакъ ичюн йылар керек ола. Шимди исе дженк кете.

Беклемеге вакъыт ёкъ. Душман аркъасында чалыша биледжек, джесюр, киргин, вазиятке бакъып иш коре биледжек челик ирадели кишилерден бир-эки ай ичинде разведкаджылар азырланылды. Олардан бириси теджрибели чекист-инструкторлардан дерс алъан Алиме Абденанова эди. Майор Терехов ве оны парашютнен секирмеге огреткен учуджы-иструктор Виктор Александрович Розин Алиме акъкъында юксек фикирде эдилер. Разведка ишини темелинден озю бильген, пек чокъ разведкаджыларнен чалышкъан подполковник Захаров да Алимени истидатлы разведкаджы оларакъ коре, буюк умют беспеп аলেখусус ишлер беклей эди.

Алиме 1940 сенеси комсомолгъа кирди. Керич ярымадасына арбий вазифенен тюшкенде, о, энди он докъуз яшыны толдургъан эппи пишкинлешкен, душмангъа нефретини куреш тактикасынен багъламагъа бильген, амансыз ве дедиль курешчи эди.

Алиме 1941 сенесининъ ноябрь айында ярым аданы терк эткенлер арасында эди. Бир бучукъ айдан сонъ Керич десанты изинден кене къайтып кельди. Фашистлернинъ шеэрде ве ярым адада япкъан джанаварлыкъларыны коръди... Совет ордусынынъ кучлю уджумлери алтында чекильген душман шеэр-койлерни якъып, эалини асып-кесип кеткен... Краснодар госпиталинде совет дженкчилерини тедавийлеген вакъытта нидже яралыларны тедавийледи. Онынъ яш юрегинде дженкке, гитлерджилерге къаршы нефрет пекинди. Дженк ёлларында ольдюрильген аналар-бабалар эшкъына интикъам алмакъ кереклигини анълады. Бунынъ ичюн курешмек ве тек курешмек керек. Инсан олып, сербест олып яшамакънынъ бирден-бир ёлу — амансыз курешлер ёлу эди.

Экинджи разведка болюги башлыгъы подполковник Захаров Алименен чокъ керелер субетлешти. Оны гизли чалышувнынъ къаиделеринен таныш этти, озюне ярдымджылар

джельп этмеге, топланган малюматларны кыскъа, анълайышлы тарзында беян этмеге огретти.

Шималий Кавказ джебэси 1943 сенеси сентябрь 16-да Новороссийск шеэрини душмандан азат этти. Якъын куньлерде Тамань ярымадасы душмандан бир тамам темизленеджек. Немселер Таманьдан ялынъыз Къырымгъа чекиле билелер. Чюнки дигер тарафлардаки шеэрлер артыкъ совет аскерлерининъ элинде эди.

Совет команданлыгъы Керич ярым адасына чекиледжек душманнынъ аркъасында теджрибели арбий разведкаджысыны зарур таныды. Бу вазифеге энди белли азырлыкъ кечкен ве озюнинъ джесюрлигинен, делиллигинен таныткъан Аняны — Алиме Абденанованы ёлламакъ къарарына келинди. Лариса Гуляченко онынъ радисти оларакъ тайинленди.

Гедже ПО-2 самолёты кызыларны Керич ярым адасына алып барып ташлайджакъ. Захаров Алимени бир саат огюне чагъырды.

— Подполковник аркъадаш, Аня кельди, — деди невбетчи офицер.

— Чагъыр кирсин, — деди Захаров.

О, Алимени хызметке джелъп эткен куньден башлап адыны Аня къойды. «Илериде бойле олмакъ керек», — деди.

— Подполковник аркъадаш, сизинъ чагъырувынъызгъа бинаэн кызыл аскер Абденанова кельди, — деди Алиме.

— Отурынъыз, — деди командир ве Алиме онынъ къаршысындаки курсюге отургъан сонъ, сёзюни девам этти. — Сонъ, Аня, кейфинъиз насыл, озюнъизни насыл дуясынъыз? Билем, эеджанланасынъыз. Ишке киришкен сонъ, эписи кечип кетер ве огде макъсад къалыр. Парашютнен ана-топракъкъа къонгъанынъыз киби эеджанланмагъа да, къоркъмагъа да акъкъынъыз къалмаз. Артыкъ эр шей кендинъизге багълы. Озюнъизнинъ, аркъадашларынъызнынъ талийи, бизим умумий ишимизнинъ мувафакъieti

— эписи. Озюнъизге къарар къабул этмек ве озюнъизге эда этмек керек олуру. Бугунъ биз сагълыкълашамыз. Ярындан итибарен озъ вазифенъизнинъ эдасына киришеджексинъиз. Документлеринъизни къалдырдынъызмы?

— Штабгъа теслим эттим, — деди Аня.

— Керич ярымадасынынъ харитасыны текрарланъыз... Хатырламакътан зарар олмаз. Риджа этем. Керич ярымадасындаки демирёл станцияларынынъ адларыны айтынъыз.

— Станциялар: Къызыл-Къую, (Семь колодезей), Ойсул, Ташлы Яр, Салын; Керич, Акъ-Манай, Владиславовка.

— Догъру, Джермай-Къачыккъа якъын койлер эсинъиздеми?

— Эсимде. Койнинъ шималинде: Чукъул, Сундукъой, Мевкечи, Аджи-Эли, Шаркъында: Къарамыш-Кельчи, Оскъар-Бешкъуй, Темеш, Дейре-Салын, Сеит-Эли, Къош-Къую, Такъыл-Чумаш, Султановка, Пьялы-Сарай, Къарлы-Сырт... Дженобинде: Аргъын-Тебечик, Мамат, Тайгъуч, Чалтемир, Коп-Къыпчакъ, Къары, Коп-Алчын... Гъарбында: Къара-Къую, Ходжалар, Кенегез ве иляхре...

— Пек яхшы. Аферин, Аня! Сизге хош хабер сёйлемек истейим. Бизим кишимиз Джермай-Къачыккъа олду. Шуларны билип кельди: ананъыз ве къардашынъыз Джермай-Къачыккъаталар. Ич бир шексиз койге бара билесинъиз. Анда бир кишини полицей сайлагъанлар. Джемаатнынъ айткъанына коре халккъа зарары токъунмай экен. Эр алда, мукъайт ол! Озюнъе ярдымджылар тап. Джельп этильген эр бир киши ичюн эм джевапкъар, эм реберсинъ. Афтада эки дефа малюмат ёлларсынъ. Радиограммаларны «Сафие», деп имзаларсынъ. Бу сенинъ лагъабынъ. Керек олгъанда косътеришлер берирмиз. Радистни къайгъырмалысынъ. Онъа сенинъ ишлеринъни, ярдымджыларынъ кимлер экенини бильмек шарт дегиль. Мынавы адресни эзберлеп ал, — деди Захаров ве окъуды: «Эски Къырым, Пушкин сокъагъы, еди. Алякъаджы «Отважный», — деп текрарлады. — Пек яхшы.

Эгер мытлакъа зарур олып къалса, барып корюширсинъ. Мавы боялы ёл къапыны къакъарсынъ. Отуз яшларында эркек киши чыкъса:

Сен: Сиз кирагъа ода бермейсинъизми?

О: Беремиз, эшъяларынен бирге.

Сен: Кира акъкъы паалымы?

О: Екъ, паалы дегиль.

Сен: Оданъызны кирип коръмек мумкюнми?

О: Мумкюн, киринъиз.

Сен: Таныш олайыкъ, Аня.

О: «Отважный».

— Анъладынъмы? Къана, текрарла!

Аня бир янълышсыз текрарлады. «Санъа бир аферин даа», деп кулюмсиреди командир.

— Подполковник аркъадаш, Стася кельди, — деди ичери кирген небетчи офицер.

— Кирсин. Сонъ, Стася, кейфлер насыл? Рация ве дигер кедиклерни азырладынъмы? — деп сорады о ичери кирген къыздан.

— Эписи азыр, подполковник аркъадаш, — деди Стася.

— Биз бугунъ сизлернен сагълыкълашамыз. Бельгиленген ерге барып тюшкенинъизнен вазифенинъ сонъуна къадар сиз, Стася, Анянынъ имаесинде булунаджакъсынъыз. Онынъ эр бир риджасыны, арбий девирнинъ эмири, деп бильмек керексинъиз. Анълашылдымы?..

— Документлеринъиз ичюн раатсыз олманъыз. Тюшюнийген риваетни хатырлатам: Сизлер Кубанъда Старо-Титорровка станциясында тикиш артелинде чалыштынъыз. Анда достлаштынъыз. Ёдджу машиналарнен Коса-Чушкагъа, андан баркаспен Керичке, андан да Анянынъ догъмушларына кельдинъиз. Ёллар ачылгъаны киби Воронеж областынынъ Гусевка коюнде яшагъан аптенъизге кетеджексинъиз. Шаймы?.. «Шай, догъру», деп кулюштилер къызлар.

Захаров саатине бакъты. «Вакъыт олды», деп чанънынъ дѣгмесине басты. Ичери невбетчи офицер кирди.

— Пашково аэродромына къызларны алып бараджакъ машина кельдими? — деп сорады ондан.

— Кельди, ёлджуларны беклей, — деди офицер.

Подполковник еринден турып къызларнынъ эр биринен айрыджа сагълыкълашты. Оларгъа телюкели, лякин алидженап хызметте мувафакъиетлер тиледи, «ёлдан огюне», деп отурды. Къызлар да отурдылар... сукюнет бир къач сание девам этти.

Подполковник еринден турды:

— Огъурлы ёллар олсун!

Самолёт Азав денъизи устюнден кечип къыбла бетке учты. Джермай-Къачыкъ устюнден айланып къайтты. Учуджы сагъ элини юкъары котерди. Бу къызларгъа: «Азыр олунъыз!» демек эди. Аня парашютыны бир даа тешкерди. Эр шей сырасында эди. О учуджыгъа: «Мен азырым» дер киби башыны салады. Онынъ пешинден Стася да ойле япты. Ангълашылгъаны киби, биринджи олып Аня секиреджек. Самолёт денъиз устюнден айланып, моторларыны сессиз ишлетерек, энип башлады. Учуджы кене сагъ элини котерди. Самолёт даа ашагъы энгенде Алиме озюни гедже бошлугъына ташлады. Онынъ пешинден Стася да сычрады. Аня Ташлы-Яр коюнинъ четинде, къаялар арасына къонды. Къонаяткъанда сагъ аягъыны агъыртты. Парашютны джыйыштырып бираз ял алайым дегенде, денъиз тарафтан насылдыр сеслер эшитти. Дингленди. Немсе тилинде лакъырды этмектелер. Аня алель-аджеле парашютыны топлады ве пальтосына сарып, къая арасына сокъты. Пыштавыны элине алды. Къорчаланмагъа азырланды. Немселер денъиз боюндаки мудафаа ёлакъларыны козьден кечире экенлер. Озыралары лакъырды эте-ете узакълаштылар. Аня пальтосыны кийип парашютны ташлар арасына комъди. Эль чырпып, Стасяны къыдырды.

Авлакътан кельген «шапыл-дыгъа» догъру топаллай-топаллай кетти. Олар тапыштылар. Гедженинъ къаранлыгъында демирёлны кечтилер. Ташлы-Ярнен Джермай-Къачыкъ ара-сындаки араба ёлунен кеттилер. Алиме аягъынынъ агъры-сындан юрип оламады. Орталыкъ ярыкъланып башлады. Алиме достуна: «Бизге койге бойле алда бармакъ олмаз. Сен шимди бир озюнь койге барып, «Ревиде къартанай къайда яшай?» деп сорарсынъ. Джами янына баргъанда, ёл солгъа бурула. Джами къатында балабан мектеп бинасы. Мектеп янындаки ёлнынъ дигер тарафында, энъ четтеки эвде Абдуракъип Болатов яшай. Ондан сорарсынъ. Анама, «Аня машинадан секирип тюшкенде аягъыны агъыртты», дерсинъ. О ягъыны анам озю тешкилятландырыр. Ангъла-дынъмы? Айды, энди бар. Ишинъ къолай кельсин.

Стася койге етип кельгенде, къартлар сабалыкъ къавеле-рини ичип, Батал къартнынъ эви огюнде чонъкъайып, сен-тябрь кунешининъ зайыф нурлары алтында къызынмакъ дамасынен, тизилишип отура эдилер. Къартларнынъ бири: «Къарангъыз, айланмадан бу тараф орус къызы келе», — деди. Базылары аякъ устюне котерилип, базылары чеви-рилип сокъакъ башында корюнген къаралтыгъа бакъты-лар. Оларнынъ арасында немсе кийиминде полицаи бар эди. Стася полицаины корьгенинен сескенди. Лякин кери къайтмагъа энди кеч эди. Стася къартларнынъ янына келип селямлашты. Онъа Абдуракъип Болатов кереклигини айтты. Полицаи, «Болатов мен олам, эвге барайыкъ», — деди. О къызыны корьгени киби мында бу сарышын, ят къызгъа не керек, деген тюшюнджеге далды. Шимди, къартлар янында, ондан бир шей сорамадан, эвге давет этти. Стася полицаи-нынъ артындан кетти. Лакъырдыны насыл башлайджа-гъыны тюшюнди. Эвге кирген сонъ, тюшюнгенини бир кереден айтты:

— Мен Ревиде къартанайнынъ торуны — Анянынъ досту Стася олам. Биз Керичтен юк машинасынен кельдик.

Аня машинадан секирип тюшкенде, аягъыны агъыртты. О, ктырнынъ о ягъында къалды. Мени Ревиде къартанайгъа хабер этмеге ёллады.

— Шимди биз оны барып кетирирмиз, — деди Болатов ве къапы огюне чыкъты: — Аджы-Алим, тез бар да фельдшер Васфиени чагъыр. Болатов, мына шимди кельсин, деп айтты де! — деп багъырды. Озю линейканы аман екип башлады.

Аня аягъынынъ агъырысына даяналмайып, яткъан еринден бель устюне котерильди. Онынъ козюне юзерлик илишти. Онъа таба джылышты. Бир топ юзерлик узип, къокълады. Балалыгъы эсине тюшти. Олар юзерлик буртюклерини йипке тизип, боюнджакъ киби боюнларына такъып юре эдилер. Шу арада арт аякълары устюне котерильген джумран онъа шашкъынлыкънен бакъып къалды. Бурнуны джыйырып, мыйыкъларыны ойнатты. Къайдандыр пейда олгъан чочами Алимеге «хош кельди» айткъан киби «чырыл-чырыл» этти. Алиме аягъынынъ агъырысыны унутты. Ичинден: «Ах меним эшим, чёллеримизни яраштыргъан чочамилерим», — деп къушчыкъны охшады. О чокъ ерлерде олды. Дженк оны тап Тифлиске алып барды. Сонъ Моздок, Армавир, Краснодар шеэрлерини азат эткен джебэ пешинден Краснодаргъа келип чыкъты. Чешит багъча, дагъ, тарла къушларынынъ йырларыны динъледи. Лякин бу чёллернинъ чочамиелери киби эзгили къуш йырыны эшитмеди.

Байыр артында эки ат екильген линейка корюнди. Онынъ устюнде учъ киши отура. Линейка якъынлашкъанынен Абдуракъип акъайны таныды. Дигери Стася. Я учюнджиси ким экен? Олар келип токътады, селямлаштылар. Болатов ич бир шей сорамадан, таныш олмагъан къадынны косътерип:

— Таныш ол. Мына санъа фельдшер алып кельдим. Бизим докътурымыз Васфие, — деди.

Фельдшер Алименинъ аягъыны бакъаджакъ олды. Алиме онынъ элини тутып токътатты. «Эвде бакъар, ярдым этерсинъиз. Мында керекмей», — деди.

Парашют Алимени къаялыкъ устюнден суйреклегенде аягъы пертильди. Шимди буны корьгенлерини истемеди.

Олар ёл бою ава, берекет, бостан даа одыр-будыр акъ-къында лакъырды этерек, койге келип еттилер. Абдуракъип:

— Мен сизлерни шимди Ревиде къартанангъыз яшагъан Сейфедин Меннановнынъ эвине алып барайым.

Андан о ягъы сонъ белли олур. Лякин Ревиде абай шимди эвде ёкъ. О торуны Азифенен Аджи-Эли коюне кеткен эди. Сиз къызлар якъындан танышсынгъыз. Васфие ярдым этсин. Мен атларны туварайым. Сонъ кирерим. Шимдилик сагъ олунгъыз, — деди.

Васфие Алименинъ аягъыны бакъты, багълады.

Сейфединнинъ анасы Мельбек абай мусафирлерге къаве кетирди. Сонъ, олгъанына коре, софра донатты.

— Васфие, сен озюнь Джермай-Къачыкълысынъмы?..

— Ёкъ. Акъайым Абдуракъип Умеров бу койлю.

Биз Керичте яшай эдик. О дженкке кеткен сонъ, мен къызым Улькернен мында кочип кельдик. Эки йыл олды. Медицина хадими олгъан сонъ, ишимиз белли. Ярдымгъа мухтаджларны тедавийлейим. Керек олса, эбанайлыкъ да япам, — деди Васфие.

— Сен коюмизнинъ докътуры экенсинъ де, бу яхшы. Сенден, озъ арамыз... бир шей сораиджакъ олам амма...

— Сора Алиме, сора. Ич чекинме джаным. Лаф озъ арамызда къалыр.

— Мен озюм бу койлю дегилим. Абдуракъип акъайны яхшы бильмейим. Сен, эр алда, бу ерде яшагъанынъ эки йыл олгъан. О киши бу койнинъ полицайы. Мен Аджи-Эли коюне барып анамны кетирмек истейим. О бунгъа насыл бакъар экен?

Бу суальнен Алиме Абдуракъип полицай акъкъында Васфиенинъ фикирини бильмек истеди.

— Пек яхшы этерсинъ. Бугунъден кечи ёкъ. Анангънен барып корюш. Эвге алып кель. Ич де сакъынма. О поли-

цай олып, бу мельунларнынъ урбасыны кийип юрьгенине бакъма. Пек мераметли, халкънынъ менфаатыны къорчалагъан адам...

Шу арада Абдуракъип акъай келип къалды.

— Бизлерни яманламай келе экенсинъиз. Софрагъа буюрынъыз, Абдуракъип агъа, — деди Алиме.

— Сиз дайын къызларны яманлагъан адам онъармы! — деп джевапланды о. Къызлар кулюштилер.

— Абдуракъип агъа, мен анамны, къардашым Азифени сагъындым. Оларнен корюшмек истейим. Насыл этип барайым экен? — деди Алиме.

— Ойле олгъанда линейканы екем. Ананъны, къардашынъны барып кетириримиз, — деди Болатов. Эм ойле де япты. Олар ёл бою лакъырды эте-эте кеттилер.

— Абдуракъип агъа, джанынъыз агъырмасын. Насыл олды да сиз полицай олдынъыз? — деп сорады Алиме. Полицай къызарды. Демек, «ырызыны джоймагъан экен», деп тюшюнди Алиме.

— Э-э... къардашым, не япаджакъсынъ, мен полицай олмакъны ич истемедим. Джемаат: «Абдуракъип, биз сени балалыкътан билемиз, сени колхоз реиси сайлагъан эдик. Яхшы ребер олдынъ. Сенден ялынъыз яхшылыкъ коръдик. Яманлыкъ дуймадыкъ. Эр койнинъ озъ полицайы олмакъ керек экен. Биз санъа риджа этемиз. Бизим койнинъ полицайы сен ол!» — деп яварды. Этменъиз, джемаат, менден полицай олмаз. Полицай олмакъ ичюн серт табиатлы адам олмакъ керек, деп бакътым, олмады. Сонъ, догърусыны айтсам, кой копексиз олмаз, дегенлери киби, мында бир хынзыр бар. Эгер о полицай олса, джемаатнынъ иши фена оладжакъ эди. Бойледже разылыкъ бермеге меджбур олдым. Сен, къардашым, мени яхшы бильмейсинъ. Къомшунъ Сейфединден сорасанъ, о айтар...

Абдуракъип Болатов 1907 сенеси Джермай-Къачыкъ коюнде фукъаре къорантада догъа. 1926 сенеси он докъуз

яшында экенде Дёрт-Куль башлангыч мектебини битире. 1930 сенеси тешкиль олунгъан «Къызыл йылдыз» колхозында башта бригадир олып чалыша, 1935 сенесинден исе колхоз реиси сайлана. 1938 сенеси Феодосия колхоз хадимлерининъ ихтисасыны юксельтюв курсларыны битире. Зираатчылыкъ, айванасравджылыкъны яхшы бильген мутехассыс олып етише. О ёлбашчылыкъ япкъан ходжалыкъ районда илерилер сырасына чыкъа.

— Бельки ойледир, хынзырнынъ ерине озюнгъиз полицай олгъанынъыз яхшы олгъандыр. Менимджесине, Абдуракъип агъа, япылгъан эр бир ишнинъ сонъуны тюшюнип арекет этмек керек. Сув акъар, къум къалыр, деген къартларымыз. Биз сизнен бу ерлернинъ къумларымыз, — деди Алиме козь къыйыгъындан Болатовгъа бакъып алды. О тельбевлернен атларыны охшар киби: «Айда, торы, айда», деп дудакъларыны яйдыра берип кульди.

— Не де яхшы айттынъ, къардашым. Мен де ойле фикирдем. Биз Сейфединнен бири-биримизни яхшы анълаймыз. Кимерде озъ арамыз лаф этемиз. Этраф койлерде биревлернинъ бир шейлер япкъаныны да эшитемиз. Амма озюмизнинъ элимизден шимдилик джемааткъа базы эйиликлер япмакътан башкъа иш кельмей. Ана, лакъырды эте-ете койге де келип чыкътыкъ, — деди Абдуракъип. Линейка байырнынъ сагъ тарафыны сарып алгъан айланма ёлдан энип башлады.

Аджи-Эли демирёлдан бир километр къадар узакълыкъта Азав денгизине якъын 40—45 ханели бир кой. Бир заманларда кой халкъы эки байыр арасындаки джылгъа ичинде къую къазып, сув чыкъаргъан. Онынъ зем-зем киби салкъын ве татлы суву олгъан. Кой эалиси: «Бизим къуюмызнынъ сувуны бир ичкен, бир даа ичер», дей экен.

Абдуракъип къаршыдаки байырдан элинден гугюминен къуюгъа тараф тюшип келеяткъан къызны коръди. Азифеге бенъзетти. Эбет, о — Азифе, сувгъа келе. Алиме къолунен

ишмар этип, Азифени чагъырды. Азифе бираз бакъып тургъан сонъ, аптесини таныды. Чапып келип, оны къучакълады:

— Сен къайдан келип чыкътынъ, бу насыл олды? — деп багъырды севингенинден.

— Яваш ол, Азифе. Анавларнынъ дикъкъатыны джелып этмейик, — деди Алиме ве къую тарафкъа ишмар этти.

Шу вакъытта немселер атларыны суvara эдилер. Олар къучакълашкъан кызыларны корип, меракъландылар. Тикилип бакъкъан немсе кийиминде линейкаджыны корьген сонъ, тынчландылар.

— Кельгенинъ насыл яхшы олды! Сени сагъынгъан эдик. Эр кунъ дегендай, Алимемиз къайда, не ишлей экен, деп къулакъларынынъ чынълата эдик, — деди Азифе.

— Анам яхшымы, аман-эсенми?

— Шукюр, тендюрист. Анам сени корьсе, ким бильсин насыл севинир. О бугунъ саба Чистополь совхозына Фадьме тиземни ёкълап кетти. Айдынъыз, шимдичик догъру Чистопольге барайыкъ. Муждени мен алам. Абдуракъип акъай, анам барып козъайдын хабери айтайыкъ, — ден ялварды Азифе.

— Яхшы, барайыкъ. Айса, мин арабагъа, — деди Абдуракъип акъай.

— Муедин дайымыз эпинъизге селям этти, — деди Алиме кърдашына.

— Дайым сагъмы? Анамнынъ тюшонгени догъру чыкъты. Насылдыр бир киши анама, «сизинъ кърдашынъыз арбий комиссар, Ор къапыда душмангъа эсир тюшти. Немселер оны кършунладылар», деген. Анам: «Уйдурма лаф», деп инанмады. Меним кърдашларым душмангъа эсир тюшмезлер, деди.

Алиме Муедин акъкында селям айтып, сёз къачыргъаныны анълады. Гизлилик къайдесини бозды. Янълышыны догърултмакъ ичюн:

Мен шакъа эттим, Азифе. Сен бу хусуста анама да, башкъа биревге де айтма. Яхшымы? — деп тенбиледи. Козъ къыйыгъындан Абдуракъипке бакъты. О бир шей анъламагъан адам киби атларыны джорттырды. Этрафны сейир эткенден олып: «Артта къалгъан колхозлар, бизден орынек алсынлар» йырыны йырлады...

— Сиз Абдуракъип акъай, колхозджылар йырыны унутмагъан экенсинъиз?

— Насыл унутайым, къардашым. Мен дженкке къадар алты йыл колхоз реиси олып чалыштым. Ишлеримиз яман дегиль эди. Эписини хайырсыз дженк бербат этти. Сен Алиме меним урбама къарама, урба тек бир къалыптыр.

Койге етип кельген сонъ Азифе линейкадан тюшип эвге чапты. Даа босагъадан: «Анам, сизден мужде!» — деп элинен арабаны косътерди.

— О насыл мужде?

— Эв огюне чыкъсанъыз, линейкада ким отургъаныны корерсинъиз, — деди шенъ сеснен.

Ана-бала корюштилер. Къучакълаштылар, агълашып да алдылар.

— Къана, эвге киринъиз. Бирер козбайдын къавеси ичейик, — деди Фадъме абай.

— Мен ёлда кельгенде аягъымны агъырттым. Шимди эвге къайтсакъ яхшы оладжакъ. Джаным, Фадъме тизе, элем этменъиз. Мен сизге келирим, Мусафиринъиз олып, къонып да къалырым, — деди Алиме Фадъме тизесининъ элини опип, афу истер экен.

Алиме афу истесе де тизесининъ эвине кирип, бираз вакъыт отурмакъ керек олды. Уйле маали олгъан эди. Емек иштианен ашадды.

— Биз бугунъ акъшамгъа Мелекшерфе абайнынъ эвине мусафирликке чагъырылдыкъ. Бармасакъ, ич олмайджакъ. Сен къалсанъ, берабер барыр эдик, — деди анасы Алимеге.

— Мен къайтсам яхшы оладжакъ. Ёддан ёрулып кельдим.

— Яхшы. Озюнь билесинъ. Сизлер бизни афу этинъиз. Биз ана-бала текаран сырдашайыкъ, — деп къарчыгъагъа чекильдилер. Текаран сырдашмакъ узанып кетти. Алиме балалыгъындан анасындан бир шей гизлемемеге алышкъан эди. Шимди де ильки корюшювинде къайдан ве не ичюн кельгенини айтты.

Абдуракъип атларнынъ боюларындан торбаларыны алып, линейканынъ арт сандыгъына къойды: «Мангъа койге къайтмакъ керек», деп ташлады. Ревиде абай яваштан: «Сен, балам устуне пек месуль вазифе алгъан сонъ, сонъу хайыр олсун! Шимди мен сангъа бир шей айтамайым. Бу акъта эвде лакъырды этермиз. Сен шимди Абдуракъип акъайнен койге къайт. Биз Азифенен къалайыкъ. Ярын эвде олурмыз, — деди.

Алиме сагълыкълашып линейкагъа минди.

— Ярын сабадан сизге араба ёлларым, — деп тельбевлерини чекти линейка саиби. Араба Джермай-Къачыкъ бетке кетти.

Ревиде абай линейка козъден джоулгъандже артындан бакъып къалды. Тюшюнджеге далды. Онынъ эвляды Ана-Ватаныны фашист ягъмаджыларындан къорчалав киби мукъаддес ишке бельсенген. Не къадар буюк месулиет! Ананынъ дудакълары кыбырдандылар... О, бош къопкъаларны корип, сув кетирмек кереклигини хатырлады, сонъ оларны алып къуюгъа кетти.

Ашлав сувунен бетини ювды. Юзю тазерди.

Мелекшерфе абайнынъ эвинде мусафирликте озюни эр вакъыттаки киби шенъ тутмагъа тырышты. Эвге къайтып кельген сонъ ятты. Сабагъадже юкълап оламады. Кечмиш омюрини хатырлады...

Ревиде абай Къырымда совет акимиетининъ пекинмеси ичюн курешкенлерден бири эди. Эв-эвден, кой-койден

юрип, кельди заман, деп къадын-къызлар арасында анълатув ишлери алып барды.

Уриетнинъ берген укъукъындан файдаланмагъа, джаил-ликни ёкъ этмеге чагъырды. Койде мейдангъа кетирилген окъув эвинде къадын-къызларны топлап «Енъи дюнъя», «Яш къувет» газеталары, «Бильги», «Ильк адым», «Енъи чолпан», «Илери» журналларны окъуды.

Асырлар бою къаранлыкъта къалып кеткен, чар девлетининъ мустемлекеджилиги алтында инълеген ярымаданынъ койлерине Октябрьнинъ зиялары укъукъ, сербестлик, янъы аят алып кельди. Шеэр-койлерде маариф оджакълары, медицина нокъталары мейдангъа кетирилди. Клублар ачылды. Маяк-Салын коюнде тешкиль олунгъан фельдшерлик пунк-тына ёлланылгъан эким Яков Павловичнинъ ярдымджысы олып чыкъты. Санитарлыкъ япмакъны огренди. Къадын-къызлар арасында «темизликке риает» этюв, сагълыкъ сакълав, хасталыкъларнынъ огюни алув боюнджа анълатув ишлери алып барды.

Шенъ табиятлы, тойларда, джыйынларда ойнамагъа, йырламагъа севген Ревиде абай, койде янъы ачылгъан клуб-нынъ фааллеринден бири олды. Онъа: «Къарт коммунист», деп лагъап къоялар. О: «Коммунист олсам, ола береим. Мен бала-чагъамнен омюрнинъ энъ аджджы кунълерини коръдим. Локъмамны зулумнен берген эль къапысында чалышып таптым. Энди бизим заманымыз кельди. Ойнай-джакъ, йырлайджакъмыз! Янам-янам да, балаларымнынъ бабасы Абденнан агъангъыз бу кунълерни коръмегенине янам. Лякин огъулларымны окъутырым. Адам олмалары ичюн тырышырым!» — дей.

Огъуллары Исмаиль, Муедин, Аедин Дёрт-Куль коюнде ачылгъан мектепте окъуйлар. Башлангъыч мектепни тамам-лагъан сонъ, Керич окъув юртларында тасиль алалар. Ревиде абай кунъдюзлери чалыша, акъшамлары ёргъан, тон тике, балаларындан латин арифлери эсасында тизиль-

ген янғы элифбени огрене. Кой джемааты Ревиде абайны «докътыр»лыкътан бошатып, кой советине секретарь оларакъ сайлай.

Шукюрлер олсун, не яптым-яптым, огъулларымны окъуттым, деп севинеджек бир вакъытта, Ревиде абайнынъ кызы Месельме; бир йылдан онынъ эри Сеитосман вефат этелер. Яп-яшлай учъ торун: Алиме, Азифе, Ферузе къалалар. Къартанасы торунчыкъларыны Маяк-Салынгъа кочюрип кетире ве озъ имаесине ала. Гедже-кунъдюз чалыша.

Ревиде абай торунларынынъ тербие ишине буюк эмиет бере. Оларны акъшамлары этрафына топлап, масаллар, тапмаджалар, дестанлар, эфсанелер айта, Ватанына, халкъына, топрагъына севги, садыкълыкъ ашлай.

Вакъыт яры геджени чокътан авды. Ревиде абайнынъ козьлери огюнде кечирген мешакъатлы омюри келип-кече. О, огъулларыны насыл зорлукъларнен окъуткъаныны, эль сырасына къошкъаныны хатырлады. Алиме ичюн алельхусус гъурурланды. Мен онынъ тербиеси ичюн не яптым? О бугунъ: «Ватанны севмекни, адалет, акъыкъат ичюн, халкъ иши ичюн курешмекни мангъа озюнъиз огреткен эдинъиз», — деди. Ёкъса мен айткъан масалларнынъ тесири олдымы, деп тюшюнди. Оларнынъ мундериджесини хатырлады... «Гульджиан» масалы... Мемлекетте демир кевдели бугъа пейда олды. О экинлерни таптай, сувларны ичип битире, багъ-багъчаларны ернен ексан эте. Падиша шу демир бугъаны иритмекни мемлекетте энъ уста демирджи къарткъа авале эте. «Къыркъ кунъ муддет, — дей падиша, — эгер иритмесенъ башынъ джеллят этилир!»

Демирджи къартнынъ кызы Гульджиан Ватаныны, халкыны, бабасыны фаджиалы олюмден къуртармакъ ичюн «Дерман» дагъына барып, демир бугъаны иритмек ичюн чаре коръмек кереклигини сорай, ялвара. Дагъдан кельген сес: «Демир бугъаны иритмек ичюн атешке инсан къаны къатмакъ керек!» — дей... Бугъаны азырлангъан оджакъкъа

багълап, атешлер якъыла. Бугъа бир силькинип зынджырларны узип къчааджакъ вакъытта Гульджиан: «Эльвида Ватаным, эльвида халкъым, эльвида бабам!» — деп озюни атешке ташлай. Демир бугъа ирип кете.

Сонъ дигерини... «Ор топрагъы» масалыны хатырлады... Къартана озъ огъуларыны, Ор топрагъына адам къаны тѣкип, оны адджы якъан акъ гвардияджыларгъа хызметке бермей. Огъулар шу топракънынъ адджылыгъыны битирмек ичюн курешкен адамларгъа барып къошулалар. Къартийнинъ огъулары шейт кетелер. Адджылыкътан арынган топракъ гуль, чечеклернен къаплана. Къартана чечеклерден бирини узип кокюсине такъа.

Чечек шу сѣзлерни айта:

— Агълама аначыгъым! Биз мында бу азиз топракъта, акъикъат ичюн татлы топракъ ичюн ятамыз. Бу чечеклер бизим къанымыздан догъдылар... Агълама, аначыгъым, агълама!

Учюнджисинде, «Джанлы озен» масалында топрагъымызгъа ябанджылар кельдилер. О гуллеримиз оларгъа хызмет этмектен къачып, дагъларгъа кеттилер. Олар анда душмангъа къаршы курештилер. Огъуларымызгъа керек олган отъмекни, ашайтны, сияны озенчик озъ толкъунлары устюнде алып барды. Огъуларымыз сияланып, еримизнинъ юзюни темизлейджек адамларгъа къошулдылар. Бирликте душманны къувдылар. Гъалебеге иришкенлер койге къайтып кельмедилер. Ана озенчиктен:

— Асан къайда? — деп сорай. Озенчик башта огълунынъ къалпагъыны, сонъ джеседини алып чыкъа. Шейт огълунынъ дженазесине бутюн джемаат топлана. Ана яныкълай, агълай. «Эй, огълум, сени эм орман, эм озен, эм де бутюн яхшы адамлар хатырлайлар. Сен, балачыгъым, ич бир вакъыт ольмезсинъ. Ватан ичюн джаныны феда эткенлер халкъ антында эбедий яшайлар...», — дей.

— Эбет, эбет! — деп йиберди Ревиде абай яткъан еринде. Къызым догърусыны айтты. Онъа Ватанына садкъь олмакъны озюм огреттим. Меним Алимом догъру япты. Фашистлернинъ ана-топрагъымыздан айдалмасы ичюн, Совет Ордусына ярдым этмек керекмиз. Бу алидженап иште меним де озь иссем олмакъ керек. Мен Совет акимieti пекитильмеси ичюн курештим. Алимеге исе оны къорчаламакъ сырасы кельди. «Бу куреште мен торуныма ярдым этмеге борджлым!» деп тюшюнди.

— Ана, сиз кимнен лаф этесинъиз? «Ярдым этмеге борджлым!» дединъиз.

— Сен юкъла, къызым. Инсан къартайгъан сонъ озь-озюнен лакъырды эте, — деп Азифенинъ манълайындан сыйпады. — Бельки, озюнъ де ярдымджы олурсынъ.

Ревиде абай саба эр кестен эвель турды. Геджени тюшюндже ичинде кечиргенине бакъмадан, вуджудында енгиллик ис этмекте. О, Алимеде озюнинъ яшлыгъыны коръди. Джермай-Къачыккъа ашыккты.

Экинди вакъытында Алиме койге къайтып кельди. Ёлда анасынынъ: «Сен, балам, устюне пек месуль вазифе алгъан-сынъ. Сонъу хайыр олсун!» деген сёзлерини хатырлады. Меним биринджи ярдымджым — анам олур, деп ойлагъан эдим. Ёкъса, анамыз къартайдымы? Бу йыл эли секизни толдурды... Ёкъ-ёкъ, бизим анамыз киби инсанлар ич бир вакъыт къартаймайлар. Саба ола, хайыр ола, деп озь-озюне теселли берди.

Мельбек абай Алименинъ линейкадан тюшип, акъ-сай-акъсай эвге таба юрип башлагъаныны корип, оны къаршылап чыккты.

— Кельдинъизми, къызым? Хош сефагъа кельдинъ! Къана, эвге буюр. Ананъ, Азифе къайтмадылармы?

— Олар Аджи-Элиде, Фадъме тизеде къалдылар. Ярын къайтаджакълар, — деди.

— Машалла санъа, къызым, ананънен, къардашынънен корюшип кельдинъ. Ким бильсин, насыл севингендирлер. Ананъ эки сёзнинъ биринде сени хатырлай. «Алимемни тюшюмде коръдим», дей. Эйиликке джорап, тезден корюшеджексиз, дей тургъан эдим. Эм айткъанымдай олып чыкъты. Аягъынъа не олды?

— Машинадан секирип тюшкенде агъырттырдым, — деди Алиме кокюс кечирип.

— Къаза деген шей корюнип кельмей. Татар-Чукъул коюнде чыккыкътан яхшы анълагъан фершал Хайриеге барып бир корюнсенъ яман олмаз эди.

— Сагъ олуныыз, Мельбек абай. Я озюнгиз насыл-сынъыз, балаларынъыз, торунларынъыз тенджюристлерми? — деп Алиме лактырдыны башкъа тарафкъа бурды.

— Къызларым Сайбе, Сайме, кучюк огълум Джеват мыңдалар. Аман-эсенлер. Буюклери Эбузия, Ментар, Сейфединни дженкке озгъардым. Мынавы мыйыкъсызлар кельмезден огюне эписинден мектюп алып тура эдим. Сиз, бизлерни тюшюнменъиз, озюнгизни бакъынъыз, анам, деп яза эдилер. Эки йылдан берли Эбузиянен Ментардан бир тюрюю хабер ёкъ. Сейфедин бир йыл огюне койге къайтып кельди.

Эбузия Меннанов 1909 сенеси Джермай-Къачыкъта догъа. Учъ йыл орду сафында аскерлик борджыны одей. Польша кампаниясында иштирак эте. Ватан дженкининъ ильки кунюнден гъалебеге къадар 37-нджи орду эркъанында, 9-нджы автотранспорт батальонында шофёр олып хызмет эте. Кавказда, Украина, Бессарабия топракъларынынъ, Румыниянынъ, Булгъариянынъ азатлыгъы ичюн алып баргъан урушларда иштирак эте. Коммунист Меннанов 1945 сенеси дёрт дженкявер медальнен орду сафындан къайта ве Самаркъанд областынынъ Катта-Къургъан районындаки Ингичка къасабасына келе.

Ментар Меннанов 1939 сенеси Пушкин шеэринде танкчылар мектебини битире. Кучюк сержант унванынен 2-нджи Къызыл байракълы танкчылар дивизиясында танк айдавджысы олып хызмет эте. Ленинград мудафаасында, душманнынъ Ленинград алкъасыны парлагъан танкчылар сафында дженклеше. Выборг шеэрининъ азатлыгъы ичюн курешлерде иштирак эте. Эстония, Латвия, Литва республикаларыны немсе ягъмаджыларындан темизлевджилер сырасында булуна. Висла озенини, Польша топрагъыны урушларнен кечип, Германиягъа барып чыкъа. Бу ёлларда дефаларджа Баш команданлыкътынъ тешеккюрини къазана. Гъалебе байрамыны Пруссияда, Начтеттин шеэринде къаршылай. Еди йыллыкъ арбий хызметтен сонъ, кокрегини учъ дженкявер мукъфат яраштыргъан Ментар орду сафындан къайта. Шимди Бекабад шеэринде яшай.

Сейфедин Меннанов эки йыллыкъ арбий хызмети девринде дёрт айлыкъ аэродром хызметлери курсы битире. Онъа уйкен сержант рутбеси бериле.

Дженк башлангъан кунълерде Сейфедин Меннанов арбий учуджылар къысмында аэродром батальонында хызмет эте эди. Батальон аскерлери Севастопольни къорчалагъан, Краснодар улькесининъ кокюнде дженклешкен самолётларны аэродром хызметинен темин этюв ишинен огърашалар. Душман бомбасындан контузия ола, сагъырлана. Ерли адамлар оны немселерден сакълай ве тедавийлейлер. Лякин къулакълары чокъ вакъыткъадже эшитмей. Джебэ ёлагъы узакъларгъа отип кете. «Шимдилик манъа энъ эйиси коюме къайтып деваланмакъ, сонъ о ягъы белли олур. Бельки партизанларгъа къошулырым», деп тюшюне о. Койге къайтып келе ве фельдшер Васфиенинъ элинде гизлиден девалана.

— Мельбек абай, сиз, Сейфедин койге къайтып кельди, дединъиз. Я о шимди къайда? — деп сорады Алиме. О Ленинск район иджра комитетинде чалышкъанда, Джер-

май-Къачыкълы бригадир яшнен таныш олгъан эди. О яш озюни, гъалиба, Сейфедин Меннанов, деп таныштыргъан эди.

— О, колхозда не киби ишлер япылмасы керек олса, эписини япа. Язда чёлъ ишлеринде чалышты. Бугуньлерде маджарнен пичен ташый. Сонъки вакъытта пек тарсыкъа. Ахылдап-охулдап юре. Ким бильсин, онынъ не тюшонджеси бар? — деди Сейфединнинъ анасы.

Акышам устю кызы Улькернен Васфие кельди. Алименинъ аягъыны бакъты. Лязим тедбирлер корип къайтты. Ярын сабадан кене кельмеге ишандырды... Олар Татар-Чукъул коюнде яшагъан фельдшер Хайрие Джемилевагъа барып кельдилер. Хайрие: «Къоркъунчлы шей ёкъ, аягъынгъыз пертильген», деди девалав боюнджа аит тевсиелер берди.

Бу куньлерде Сейфедин кельди. Чокъ кечмеден онынъ къардашы Джеват да келип чыкъты. Олар корюштилер. Сейфедин яхшыджа эслеп бакъты. «Эбет, мен бу мусафирнен таныш олгъан эдим», деп тюшонди.

Дженктен эвель мен сизни Ленинскте корьген кибим. Сиз иджра комитетте чалыша эдингиз дегильми? — деп сорады.

— Дженктен огюне эр ким бир ерлерде чалыша эди. Сиз де колхозда бригадир олып чалышам, деген эдингиз. Шай дегильми? — деди Алиме суальгесуальнен джеван берек.

— Айткъанынгызда акъикъат бар, — деди Сейфедин, — шимди не де олса, бир шейлер япмакъ керек ола. Мени арабаджылар мудире демек де мумкюн, — четте индемей отургъан Джеватны косътерип, — мына, къардашым ташёл тамирлейиджилерге Дёрт-Куль ташкъазанындан сарыташ ташый. О Акъ-Манайдаки еди йыллыкъ мектепни битирди. Ветеренарлыккъа окъумагъа авеслене эди.

— Не япаджакъсынъ, бу дженк эр кимнинъ арзу-хаяларыны бербат этти, — деди Алиме Сейфединнинъ макъсадыны анъламакъ макъсадынен, — мына меним арзум бам-башкъа эди. Амма тикиджи олып чалышмакъ керек олды. Стасянен нелер коръмедик... Достлаштыкъ...

Алиме азырлыкъ вакътында менимсегенлерини толусынен айтты. Кубанъда, Старо-Титоровка станциясында тикиш артелинде чалышкъанлары, чеккен зорлукълары, немселернинъ эалиге кылынувлары акъкында икяе этти. Сейфедин Алименинъ ачыкъ гонъюльден айткъан лафларыны бегенди...

Мельбек абай эллерини ягъбезнен сюрте-сюрте кирип кельди:

— Мусафирлеримиз ачыкъкъандырлар, — деди о. — Сен, кызым, гъурбетликте юрьгенсинъ. Озюмизнинъ миллий ашларымызны сагъынгъандырсынъ.

Джеват еринден турып, мусафирлер огюне курсю къойды, устюне къаверенкли сантырач софрабез тёшеди. Ашханеден сини кетирип къойды. Къорантада энъ яшы Джеват олгъаны ичюн, софраны азырламакъ онъа авале олунгъан. Шу арада Зекие, устю чильтер къапакъле ортюли джез легеннен, узун сумекли джез къуманнен кирип, башта мусафирлернинъ, сонъ акъайынынъ эллерине сув текти... Софрагъа тандырда пишкен къалакъай кетирильди. Сыджакъ къалакъай пычакънен кесильсе чылыкъ ола, деп адетте оны эльнен сындыра тургъанлар. Шимди де ойле олды. Бу урьметли вазифе эв саибине авале олунды.

— Буюрынъыз, ана, — деди буюк огълу. Мельбек абай огюндеки кесекни къопарып «бисмилля» япты. Эр ким иштианен ашап башлады.

— Не къадар лезетли пирог, — деди Стася.

— Бунъа пирог дегиль, бизджесине къалакъай дейлер, — деди онынъ досту.

Сейфедин Джеваткъа ишмар этти. Бир къач дакъикъадан Джеват ем-ешилъ, пишкен чобатар къавуны алып кельди. Пычакъ оны экиге айыргъаны киби, ода ичини аджайип къокъу къаплады. Не къадар аджайип къалакъай ве чобатар къавун!..

Емектен сонъ лакъырды кельмешеклернинъ хынзырлыкълары, эалини талагъанлары, халкъны хырпалагъанлары акъкъында кетти. Бутюн эали 16 яшындан 65 яшынадже олгъан эркеклер, 16 яшындан 55 яшынадже олгъан къадынлар чалышмакъ борджлылар, ред эткенлер джезаланалар.

Топланылгъан берекетнинъ ве асралгъан айванларнынъ аман-аман эписи тутып алына. Эр бир койлю не киби айванлары, къушлары олгъаныны, озъ къорантасында не сачкъаныны ве насыл мыкъдарда берекет аладжагъыны идареge бильдирмек керек. Немселернинъ кой ходжалыгъы комендатурасынынъ изини олмадан койлюнинъ ич бир шей сатмагъа, озъ айваныны я да къушыны соймагъа акъкъы ёкъ. Ерли эалиден тутып алынган юз бинълернен айван Германиягъа ёлланылды.

Я, къылынганлары? Сокъакъта рухсетсиз юрьсенъ — джеза, янгълыш малюмат берсенъ — джеза, сютни вакътында теслим этмесенъ — джеза, налогны муddетинде одемесенъ, полицайны акъаретлесенъ, озъ айванынъны я да къушыны сойсанъ, — ишке чыкъмасанъ... Къайда айлансанъ — джеза.

— Балалар, лакъырдынъыз пек яхшы аман, — деди Мельбек абай, — саат он экини кече. Саат ондан сонъ ярыкъ якъсанъ — джеза олгъаныны яхшы билесинъиз де...

— Бусы догъру, — деди Сеифедин орталыкъджа, — лякин полицай озюмизнинъки олгъан сонъ, къоркъмагъа шей ёкъ.

— Ойле деме. Абдуракъип озъ кишимиз деп, онгъа сёз тийдирмек керекмей. Онынъ бизге зарары тиймегени киби, биз де оны къорчаламакъ керекмиз. Къана, эр ким озъ ода-

сына, — деп Мельбек абай огълу ве келинине бакъты. Олар анасынынъ не демек истегенини анъладылар, — Алиме, сен къызым, мусафирсинъ... Эпимизнинъ одаларымыз айры. Биз шимди меним ве Джеватнынъ одасындамыз. Эвнинъ кунъбаты одасында Сейфедин ве Зекие раатланалар. Бу тарафта ананънен къардашынъ юкълай эдилер. Эндиден сонъ дёртюнъгиз оладжакъсынъыз. Оларнынъ айры къапысы бар. Сизлер бизим сырт къапыдан къатнарсынъыз.

— Гедженъгиз хайыр!

Алиме пек раатсыз юкълады. О, эки киши акъкъында тюшюнди. Бириси Абдуракъип, дигери — Сейфедин. Эки-сининъ де лафларындан терс фикир дуймады. Тез-тез саба ачылса да, анам кельсе... О, эр алда, бу ерде эки йылдан берли яшай. Полицайнынъ ишлерини, джемааткъа муамелесини яхшы биледир... Койде немсе гарнизоны олмагъаны яхшы... Бугунъ барып рацияны, парашютларны кетирмек керек, деп тюшюнди.

— Стася, сен юкълайсынъмы? — деп сорады Алиме, аркъадашынынъ уяныкъ экенини сезип. — Сен рацияны, парашютны не ерге сакълагъанынъны унутмадынъмы?

— Мен оларны гедженинъ къаранлыгъында биле козьлеримнен тапарым, — деди радист къыз.

— Шай олса яхшы. Бизге бугунъ багажларымызны кетирмек яхшы келип чыкъкъанымыз акъкъында «Буюк топракъкъа» хабер этмек керекмиз, — деди Алиме. Бираздан сонъ ияве этти: — Къырымнынъ чель тарафында Русиенинъ ве Европанынъ илери фикирли адамлары нисбетен сийрек булунгъанлар. Бунынъ ичюн чель тарафында рус тилини бильген адамлар аз расткелелер. Эр ким сеннен, сенинъ ана тилинъде лакъырды этип оламаз. Стася, лякин эр эвде сени урьметли мусафир оларакъ къабул этерлер. Бу рус къызынынъ мында не иши бар экен, деген фикир ким-сенинъ акъылына кельмез. Сенинъ меним достум олгъанынъны бильселер къафи, чекинмеге аджет ёкъ. Яваш-яваш

бизим тилимизни огренмеге арекет эт. Бу кыйын дегиль. Ярым аданы душмандан азат эткен сонъ бельки, санъа татар киеви де тапармыз... Олар кулюштилер.

Саба Ревиде абайнен Азифе кельдилер. Алиме Стасяны анасы ве кърдашынен таныш этти. Саба емегинден сонъ, Ревиде абай Алименинъ онынънен ялынъыз къалып лаф этмек истегенини анълады.

— Азифе, сен кызым Стасянен эвде къал. Онъа озюнънинъ нагъышларынъны, языларынъны косътер. Биз Алименен бираз доланып келейик, — деди. Олар къаялар бетке кеттилер. «Джантыкъ-къая»нынъ талдасына отурдылар. Ревиде абай, Алиме устуне алгъан вазифени пек месуль иш экенини текрар хатырлатты. «Лякин, ялынъыз меним ярдымымнен узакъкъа кеталмазсынъ. Санъа ишанчлы кишилернен багъланмакъ керек олур», — деди.

— Догъру айтасынъыз, — деп анасыны къучакълады Алиме. Манъа арбий разведкаджы олмакъ теклиф этильгенде, бир кереден, козюм огюне сиз кельдинъыз. Анам бу ишимни макъуллер, манъа ярдым этер, деп тюшюндим ве деръал разылыкъ бердим. Къыскъа олса да, азырлыкъ кечтим. Меним башлыгъым сизни, кърдашларымны биле. Шимди мени бир суаль меракъландыра. Абдуракъип акъайны сиз не киби адам оларакъ билесинъыз?

— Биринджиде, Абдуракъип Болатов ана тарафындан манъа сой ола. Сен оны Абдуракъип акъай, деп дегиль де, дайы, деп чагъырсанъ сенден яхшы киши олмаз. Экин-джиде, Абдуракъипнинъ полицей кийими кийип юрьгенине бакъма. О, кой джемааты ичюн не къадар эйиликлер япты. Немселер койлерде тинтюв отъкереджекте яшлар — къызлар гедже чёллерге кете... Бизим койден Германиягъа даа бир къыз я да яш ёлланылгъаны ёкъ. Алым бериледжек олса да чаресини тапып джемаатнынъ мал-мулькюне зарар кетирмей. Насыл эте-этмей алымнынъ астындан чыкъа. Дженкке кеткенлернинъ къоранталарына ярдым эте. Дже-

маат оны сая-севе. Онынъле яхшыджа лаф этильсе, сенинъ ишинъде де ярдымы токъуныр.

— Я, Сейфедин акъкъында не фикирдесинъиз? — деп меракъланды Алиме.

— Сейфедин орду сафында учуджыларнен берабер хызмет эткен. Мельбек абай огълу акъкъында: «Сейфедин бутюн вакъыт офулдап-ахылдап юре. Не тюшюнджеси бар бильмем», — деп къач керелер айтты. Беллесем, о контузиядан сонъ, озъ арбий кысымыны кыдырып тапамай, койге къайтып кельгенине пешман эте. Ёлуны тапса, бугунъ партизанларгъа барып къошулыр. Биз шимди эвге къайтайыкъ. Азифенен Абдуракъип агъанъны чагъыртайыкъ. Бирер фильджан къаведен сонъ, бизлер бир маначыкънен чыкъармыз. Сен озюнъ онынъле ачыкъча лакъырды этерсинъ. Башта Болатовны озъ ишинъе джелып эт, сонъ Сейфедин акъкъында тюшюнирмиз. Айды, Аллах къолай кетирсин, эвге къайтайыкъ.

* * *

«Биз чалышмагъа бильдик, олюм къаршысында озюмизни тутмагъа да билирмиз. Къоркъкъанлардан дегильмиз. Тек: Языкъ, бизлер даа пек яшмыз!»

Васфие.

Ревиде абай айткъаны киби де япты. Алиме, Абдуракъип Болатовнен ялынъыз къалды. Онынъле Аджы-Элине кеткенде олып кечкен лафларны хатырлады.

Алименинъ: «Биз бу ерлернинъ къумлары оламыз» деген сёзюне Абдуракъип: «Яхшы айттынъ, къардашым, мен де ойле фикирдем» — деген эди. Шимди де Алимени дикъкъатнен динъледи ве «Догърусыны айтасынъ, къардашым» деп, башыны саллай берди. Тап сонъунда:

— Эр шейни анъладым, къардаш! Мангъа, озюнъе ишангъанынъ киби ишана билесинъ, — деп аякъкъа тураджакъ олды.

— Отурынъыз, — деди онъа Алиме. Башкъалар ичюн бизим мунасебетимиз агъа-къардаш оларакъ къала. Сиз, Абдуракъип агъа, полицайлыкъ вазифесини даа зияде гъайретнен эда эткен олып корюнмек керексинъыз. Мен «Меркез»ге: «Полицай гонъюлли оларакъ ярдым этмеге сёз берди» деп хабер этерим.

Сонъра, Алиме Абдуракъипке озюнинъ гизли ишинен багълы ильки риджасыны сёйледі.

— Биз Стася иле мында кельгенде, Ташлы-Яр кою четинде, къаялар арасында къондыкъ. О ерде бизим рациямыз, парашютларымыз сакълы къалды. Шуларны кетирмеге ярдым этип оламазсынъызмы?

— Мумкюн, — деди Абдуракъип, — уйле авгъан сонъ барып келирмиз.

Олар Ташлы-Яргъа барып рация ве парашютларны алып кельдилер. Рацияны ахырда сакъладылар. Парашютлар, соба ичинде янып тургъан тезек атешине ташланылды. Бир къач дакъкъа ичинде янып, куль олдылар. Анълашылгъаны киби, гедже саат бир къарарында «Меркез»ге радиограмма ёлланылды, «Яхшы келип чыкътыкъ. Мен ве достум ерлештик. Вазифемизнинъ эдасына киришемиз. Сафие».

Меркезден: «Аман-эсен барып чыкъкъанынъыз иле сизни тебриклеимиз. Ишлеринъизде мувафакъиет истеймиз» деген къаршылыкъ кельди.

Акъшам устю Болатов Къызыл-Къую станциясына, Ревиде абай исе Ташлы-Яр коюнде яшагъан корюмджеси Хайырбенаткъа баргъан киши олып, Ташлы-Яр станциясында нелер оляйткъаныны билип кельмек макъсадынен кеттилер. Васфие, эр кунъ олгъаны киби, бугунъ де Алименинъ аягъыны келип бакъты. Пенджереден, онынъ къайткъаныны корьген Сейфедин, Алименинъ одасына кирди. «Сонъ, Алиме, озюнъни насыл ис этесинъ?», — деп сорады.

— Шукюр, яхшы, — деди о. — Эки-учъ кунъден сонъ азбаргъа чыкъып юрьмек, якъын койлерге барып кельмек мумкюн олур, деп тюшюнем.

Алиме, Сейфединге, агъыз арап, баягъы сёзлер айтты. Озю фашистлерни кореджек козю ёктылыгъыны анълатты ве онъа базы фикирлерини беян этти.

— Мен озюм ичюн куреш ёлуны сайладым, — деди Алиме. — Сиз насыл бакъасынъыз, насыл тюшюнесинъыз? — деди ве суалине джевап беклеп, Сейфединге бакъты.

— Сенинъ айткъанларынъа къошулам. Амма насыл ёлнен курешмек керек? — деди Сейфедин. Онынъ сеси эеджанлы эди.

— Эгер биз сизнен немселернинъ анги ерлерде ве не киби арбий кучълери олгъаны акъкъында малюмат топласакъ ве оны совет командалыгъына бильдирсек, Совет Ордусы ичюн пек буюк ярдым эткен олурмыз. Бунынъ ёлларыны мен билем. Айдынъыз, бирликте курешейик.

— Мына сизге меним элим, комсомол сёзю берем, — деп Сейфедин элини узатты. Алиме онынъ сёзлерини ант-емин киби къабул этти.

— Мен къызларны барып бакъайым, не япа экенлер? — деди Алиме ве эв огюне чыкъты. Къора талдасында отургъан къызларнынъ янына кельди. Азифе къол дегирменинен ун тарта. О де бир, де дигер элинен чалыша. Стася дегирмен ташнынъ ортасындаки деликке авучынен богъдай тёке ве: «Хлеб — отъмек, вода — сув», — деп текрарлай. Сонъ телеффузынен «отъмек бар, сув ёкъ», — дей. Олар кулюшелер. Арттан аптесининъ келип, динълеп тургъаныны дуйгъан Азифе бирден айланып, Алимени къучакълады. Олар апте-къардаш бири-бирининъ элинден тутып, азбар ортасында кулюше-кулюше фырландылар. Стася оларгъа бакъып турды. Алименинъ шенълигине сукъланды. Атта онынъ гузеллигини кунълеген киби олды.

— Не де олса... Сен бизим тилимизни огренмеге джиддий киришкенсинъ Стася, — деди Алиме. — Бу яхшы. Айды, сизлерге кедер этмейим.

Бутюн вакъыт тюшюнип, не япмагъа бильмей юрьген Сейфедин фашистлернен курешмеге ёл тапкъанына севи-нип, отурмагъа-турмагъа ер тапамады. Алиме эв ичине кир-генинен, кене пешинден онынъ одасына кирди.

— Меним къардашым Джеват ве киевим Хайрулла Мамбетжанов да санъа бу иште ишанчлы ярдымджылар ола билелер, — деди эеджанлы давушнен.

— Яхшы, мен буны эсапкъа алырым, — деди Алиме ве бираз тюшюнип тургъан сонъ: — Джеват даа яш олса керек, — деп къошты.

— Джеват бу йыл он алты яшыны толдурды. Мектепте ичтимаий вазифелер алып баргъан энъ джиддий пионерлер-ден эди, — деди. Сейфедин къардашы акъкъында. — Онъа эр шейни ишанмакъ мумкюн. Шимди о коюмиз янындан кечкен Кефе — Керич таш ёлуны тамир ишинде чалыша. Бу ёл немселернинъ энъ къатнакъ ёлу.

— Айткъанларынгъыз эписи яхшы. Лякин сиз мени догъру анъламакъ керексингъыз. Эр алда, Хайрулланен ве Джеватнен озюм лакъырды этерим. Бизим ишимизде сыр тутмакъ биринджи шарт. Этраф койлерни бир доланып кельсениз, орталыкъта нелер барлыгъыны бильсенгъыз, пек яхшы олур эди. Эр корьген шейингъызнинъ сайысыны биль-меге тырышынгъыз. Месея, бу къадар ири, я да кучюк топ. Бу къадар танк, автомашина ве сайре. Анги койге исте-сенгъыз, о ерге барынгъыз. Айды, ишингъызде мувафакъиет истейим.

Алиме иле Васфие арасындаки танышлыкъ энди дост-лукъкъа чевирильди. Олар бири-биринен ачыкътан-ачыкъ лаф этип башладылар.

Васфие Аджыбаева Сараймен коюнде фукъаре къоран-тада догъды. 1923 сенеси он еди яшында экенде Симферо-поль эмшире-эбанай техникумына окъумагъа кеткен ильки татар къызларындан эди. Комсомолгъа кирди. Окъувыны битирип, догъмыш коюнде медицина нокътасы мудири

вазифесинде чалышты. Койде сагълыкъ-сакълав тегереги мейдангъа кетирди. Джаиль эбанайларнен иш корьмек ана-балалар ичюн зарарлы экени акъкъында анълатувлар алып барды. Керич маден заводы сагълыкъ-сакълав нокъ-тасында, сонъра шеэр аджеле ярдым болюгинде невбетчи эмшире олып чалышты. Заводда ишлеген девринде Абдуракъип Умеровгъа къоджагъа чыкъты. 1931 сенеси дюнья юзю корьген къызынынъ адыны Улькер къойдылар. Абдуракъипнен муаббет омюр кечирдилер. Дженк башлагъан куньлерде Абдуракъип джебэге кетти. Васфие къызы Улькернен Джерман-Къачыккъа кочип кельди. Тыббиет (медицина) ярдымына мухтаджларны тедавийледи. Эалининъ урьметини къазанды. Немселер онынъ тиббиет хадими экенлигини бильгенлерини ич истемеди. Дуйсалар, Къызыл-Къую станциясында гестапоннынъ санитария нокъ-тасында чалышмагъа меджбур этерлер, деп къоркъты.

Болатов: «Мен мында экенде, санъа кимсе токъунмаз, — деп Васфиени рухландырды. — Ким де Васфиенинъ эмшире экенини, акъайы Абдуракъипнинъ коммунист олып, джебэде булунгъаныны айтса, менден чекеджегини корьсин!» — деп тенбиледи адамларны.

Васфие, сёз келими, Алимеге: кельмешеклерни корер козю ёкълыгъыны, оларгъа нефрет беслегенини, чаресини тапса, фашистлерге къаршы курешке азыр экенини айтты.

— Бу акъта сенинънен лакъырды этмеге тюшюне эдим, — деди Алиме. — Шимди лафны озюнъ ачкъанынъ яхшы олды. Айды, достум, куреште берабер олайыкъ. Ватанымыз явуз душмандан азат этильмеси ичюн Совет Орду-сына ярдым этейик.

— Яхшы айтасынъ. Лякин душмандан къуртулмакъ ичюн не япмакъ керек?

— Онынъ ичюн не япмакъ кереклигини мен билем. Бир тюшюнип бакъ. Разы олсанъ, ёлларыны санъа анълатырым. Лякин бу хусуста кимсеге бир сёз айтмайджакъсынъ.

— Вай, достум, тышюнип бакъ дейсинъ. Мен бу акъта чокъ тышюндим, — деди Васфие ве севингенинден Али-мени къучакълады.

Къапыда Джеват пейда олды.

— Мумкюнми? — о селям берип ичери кирди. — Мени мында агъам йиберди.

— Не деди?

— Сени Алиме аптенъ чагъыра, — деди.

— Амма, манъа: «Бизим Джеват пек фааль пионерлерден эди. О, орта мектепни битирген сонъ шеэрге айван экимлигине окъумагъа кетмек истей эди. Дженк онынъ бутюн хаялларыны бозды. Онда немселерге къаршы буюк ачув бар, санъа буюк истекнен ярдым этер», деди агъанъ.

— О насыл ярдым? — деп меракъланды Джеват.

— Мына, сёз келими, сен ташёл тамиринде чалыша-сынъ. Шу ёлдан душман аскерлери, топлары, машиналары... кечкенде, оларнынъ къайсы тарафкъа нелер алып кеткенини келип манъа айтырсынъ... Шимдилик шуны япсанъ, олды. Сонъ, не дейсинъ, бу ишлер элинъден келирми?

— Эбет келир! — деди Джеват ве отургъан еринден атылып турды. Алиме де аякъкъа къалкъты.

— Биз, агъанънен сенинъ яхшы ярдымджы оладжакъынъа ич де шубеленмедик. Пионер ойле олмакъ керек. Ленин иши ичюн азыр ол! — деди Алиме пионерни селямлагъан етекчи киби. Джеват: «Даима азырым!» — деп сёз берди. «Сен акъикъый ленинджи пионерсинъ!» — деп Алиме онынъ омузындан таптады.

— Айды, джёне! Озь ишинъни, тек озюнъ биль... анъла-дынъмы?

Алименинъ ярдымджылары Керич ярымадасында яшагъан тувгъанларыны, эш-достларыны ёкълап бардылар. Сёз арасы койде, этрафта немселернинъ насыл къысымлары, техникий кучълери барлыгъыны анълап кельдилер. Эшиткенлерини зеининде тутмагъа, догърулыгъыны тешкермеге,

даа нелер олгъаныны бильмеге тырыштылар. Олар ильки куньлерде шу ашагъыдаки малюматларны алып кельдилер:

Абдуракъип Болатов: «Къызыл-Къую» (Семь колодезей) станциясында атлы румын аскерлери бир эшелон олып, Джанкой тарафкъа джёнемеге азырланалар».

Ревиде Абденанова: «Ташлы-Яр станциясына немсе ве румын аскерлеринен юкю бир эшелон кельди. Вагонлардан бошатылгъан ири топлар, миналар, снаряд ящиклери Мевкечи коюне ташылмакъта. Эписи Азав денгизи ялыларыны мудафаа ичюн».

Джеват Меннанов: «Алты машинагъа тикенли тель юкленилип, аджеле суретте Керич тарафкъа ёлланылды. Немселер озь араларында асабий алда къонушалар, сёгюнелер».

Абдуракъип Болатов: «Рус ве булгъар Узун-Аякъ койлеринде немселернинъ автоматлы батальоны ерлешкен. Терек талдаларында мотоциклетлер сакълы».

Сейфедин Меннанов: «Феодосия ёлунда машиналарнен ташылгъан эрзакъ, арбий эшья Дёрт-Къулнынъ дженюбинде таш къазанларгъа бошатыла. Этрафына тель къора тутула».

Джеват Меннанов: «Бугунъ таш ёлда эки копчекли енгиль арабаларгъа адамлар, ири топларгъа огюзлер, кучюк топларгъа арбий эсирлер ве РОА аскерлери екили алда таш ёл бою кеткенлерини коръдик»¹.

«Мен топларнынъ сайысыны бильмек истейим. Немсе аскери мени тепмелеп «нени саясынъ» деп сёгюнди. Мен авучларымы бетиме якъын тутуп, «Мен мусульманым, дуа окъуйым» дедим. О: «А-а мусульман, къуран гут-гут!» — деп янымдан чекильди. Окъумакъны девам эткен олып, алты ири, он дане кучюк топ сайдым».

¹ «Къырым 1941—1945 сенеси Улу Ватан дженки девиринде». Весикъа ве малюмат джыйынтыгъы, «Таврия» нешрияты. — Симферополь, 1973 сенеси, саифе 290.

Ревиде Абденанова: «Салын станциясына барып, Аджи-гельди Челеби акъайнен корюштим. Ондан пенир уюткы сорадым. О да мени селекке алып: «Алла-алла Ревиде, тап Джермай-Къачыкътан мында уюткы кыдырып кельдинъми?» — деп кулды. «Уюткы кыдырып дегиль де, сизге сиягъа кельдим. Озюмнинъ ахрет борджумны одейим деп кельдим», — дедим. Чистополь ве Дайре-Салын койлери эалисини румынлер чукъур къазмагъа айдагъанлар».

Абдуракъип Болатов: «Кызыл-Къую станциясындан сагъда, тёпеси кызыл кираметли бинада «ГФП-312»нинъ гизли полиция командасы ерлешкен.

Мында немсе реберлиги алтында ватан саткынлары булуналар».

Алиме озь ярдымджыларынынъ алып кельген ильки малюматларындан озь штабына, яни «Меркезге» ёлламакъ ичюн яткъан еринден малюмат тертип этти. Стасянен берабер ятсы маалинден сонъ рацияны къурып октябрьнинъ башында «Буюк топракъ»къа арды-сыра дёрт радиограмма ёллады.

Алиме, парашютнен тюшкенде аягъы зарарлангъаны себебинден даа эвде отургъанына бакъмадан, озюне авале этильген вазифенинъ эдасына пек джиддий киришти.

Къушлыкъ маалинде Ревиде абай эвде булунмакъ ичюн махсус Мельбек битайнен берабер койнинъ энъ къартийси Ферасултан аптеге кеттилер. Чокъ кечмеден, Васфие кельди. «Тфю-тфю, назар тиймесин, ич де акъсамай тотай кызылардай юресинъ», — деди о, Алименинъ эв ичиндеки арекетлерини корип. «Сенинъ киби эким достум олып да, тотай кызылардай юрьмесем, айып олмазмы?» — деп Алиме достунинъ шакъасына шакъанен джевап берди.

— Азифе, бизим бираз лакъырдымыз бар, — деди о, къардашына. Сен азбарда эглен. Эгер ят киши кельген киби олса, азбарны сипирген олып, бизге бильдирсинъ.

Алиме, Васфиенинъ сонъ дередже ишанчлы адам экенлигине эмин олгъанындан, онъа баягъы шейлер айтты, ондан насыл ярдым кереклигини, озюни насыл тутмакъ кереклигини бильдирди.

Шу куню акъшамы, яни 1943 сенеси октябрь 8-де, «Меркез»ге беш номерли радиограмма берильди: «Феодосиягъа эки эшелон джѐнеди, 9 вагонда эвакуирленген демирѐлджылар, 15 вагонда авиабомбалар, агъач, экскаватор, немсе автоматчылары. Таш ёлда арбий запас юкю 58 автомашина, немсе автоматчылары юкю 5 машина, 12 дане де къаплы машина».¹

Джермай-Къачыкъ, Керич ярымадасында узун омюр яшагъан къартларынен белли кой. Бойле къартлардан бири ве дженк башлангъан йылы сексен бешке кирген Батал къартбаба Мырзаев. Онынъ омюрининъ муим къысымы ыргъатлыкъта, эллер топрагъында чалышувнен кечкен. Колхозлар къурулып, топракълар эбедий оларакъ оны ишлегенлерге пекитильгенде, Батал къартбаба: «Ана энди мен озь топрагъымда чалышаджагъым!» — деген эди. Эм чалышты. Иште акъранларына нумюне олды.

...Апансыздан дженкке башлагъан немсе аскерлери Ор къапысына якъынлашмакъталар. Бутюн совет халкълары киби, Къырым эалиси де озь огъуларыны ана-топракъны душмандан къорчаламагъа ёлады. Батал къартбаба учь огълуны: Ваитни, Насырны ве Энверни озгъарып район арбий комиссариатына кельди. Онъа мында: «Мырзаев аркъадаш, сизни кечиндирген огъуларынынъыздан бирини муаребеден азат олунувыны талап этмеге акъкътынъыз бар» дедилер. Батал къартбаба бунъа джевабен: «Мен бели букульген, эмек куню къазанып оламайджакъ алсызлардан дегилим. Ондан да башкъа, меним оджапче къызым бар. О мени бакъар», — деди.

¹ «Ленин байрагъы», 1968 сенеси, № 130.

Батал Мырзаевнинг оғуллари:

Ваит Баталов 1941 сенесинден дженкнинг ахырына кьадар ордуда хызмет этти. Дженктен сонъ ордуда бир йыл даа хызмет этип, 1946 сенеси кокюсини орден ве медаллернен яраштырып, Ташкент областы Бекабад районындаки 1-джи «Дальверзин» совхозына кельди.

Насыр Баталов окъчылар ротасы эркянында Сталинград урушларында иштирак этти. Гъалебени Германияда корьди. Азырки вакытта Самаркъанд областында Ингичка кьасабасында яшай.

Энвер Баталовгъа Гъалебе кунюни корьмек кьысмет олмады. О Ватан оғрунда шейт кетти. Къардашлыкъ мезарында дефн олунды.

Немсе баскъынджылары Къырымны запт эткен куньлерде Неджибе Баталова эки баласынен Джермай-Къачыккъа, бабасынынъ янына кочип кельди. Арадан эки йыл кечти, лякин кьоджасы коммунист Муедин Абденанов Къызыл Ордуда сиясий хадим олгъаны Къызыл-Къую станциясында юва кьургъан жандармерия хадимлери ичюн бельгисиз олып къалды, чюнки кой эалисининъ такъдири шу койнинъ озюнде догъып оськен Болат акъайнынъ оғлу Абдуракъипнинъ, темиз къальпли совет ватанперверининъ элинде эди.

Абдуракъип Болатов сабадан линейкасыны екип, Сарылар коюндеки Неджибени алып къайтмагъа джёнеди. Неджибе бу койде учъ йыл оджалыкъ япты. Табиат дерслерини берди. Халкънынъ урьмет ве севгисини къазанды. Бир афта огюне озюнинъ джандан север оджапче досту Тензилени ёкълап кельген эди. Кой джемааты, адети узьре, Неджибени мусafir этти, онынъ шерефине эльва пиширди. Бир афта дуоламадан кечип кетти. Неджибеге бойле икълим керек эди. О, балаларнынъ бабасы не алда олгъаныны бильмеден чешит тюшюнджелер ичинде къалгъан эди. Шимди Болатов келип:

«Батал къартбаба торунлары ичюн раатсызланып башлады. Сизлерни койге алып къайтмагъа кельдим», — деди.

Неджибе, озюни койде къуванчлы хабер беклегенини бильмей эди. О, балаларынен эвге киргенинен, Алиме етишип кельди. Къучакълашты, опюштилер. Алиме яваштан енгесининъ къулагъына: «Менде сизинъ ичюн къуванчлы хабер бар», — деди. Бираздан олар эвден чыктып Сюрю-Къая тарафкъа кеттилер. Онынъ кунъдогъуш тарафында ерге отурдылар. «Муедин дайымдан сизге селям бар, десем ялан олур, деп башлады Алиме хаберни. Дайым сагъ-селямет. Мен онынъле, мына, енгем сизнен отургъан киби къач керелер корюштим. Оны Сочидеки санаторийде экенде уч кере ёкълап бардым. О сизлерни, огълу Рустемни, къызы Ленураны тюшюнде коре. Пек сагъынгъан. Немселер Къырымны запт эткен вакъытта дайым совет майоры Панариннен дагъгъа чекиле. Партизан отряды мейдангъа кетириле. Бир къач керелер дженкявер сеферлер отъкерелер. Душман устюнден гъалип келелер. Дайым хасталанып Сочи санаторийсине ёлланыла. Тедавийленип чыккъан сонъ дайымны Краснодар ульке партия комитетинде месуль вазифеде чалышмагъа ёлладылар. Дайым шимди шу иште чалыша. «Дайымдан селям бар десем ялан олур!» дегеним шу ки, меним бу якъкъа кетеджегимден хабери ёкъ эди. Мени афу этинъиз, енгечигим!» — деп Неджибенинъ козьлеринден, янакъларындан опыти.

— Сагъ ол, Алимечигим! Меним ичюн пек къуванчлы хабер кетирдинъ. Эки йылдан берли балаларымнынъ бабасы не алда экенини бильмей эдим. Сагъ ол, сеvimли тувгъаным! — деп онынъ бойнуна сарылды.

Неджибе 1932 сенеси Симферополь Педагогика институтына окъумагъа кирди. Комсомолгъа аза къабул олунды. Институтта окъугъан девиринде комвуздаки Муедин Абднановнен таныш ола. Экиси достлаша, бири-бирине гонъюль берелер. 1937 сенеси институтны битирген Неджибе Куй-

бышев районы Бағъатыр коюндеки мектепте табият дерслери оджапчеси вазифесине чалышмагъа ёлланыла. Айны шу сенеси комвузны битирген Муедин Узун-Аякъ коюндеки Войков адына МТС-те сиясий болюк башлыгъы вазифесинде чалышып башлай. Оларнынъ арасында багъ узюльмеден девам эте. Ниает, бир йылдан сонъра Неджибе Сарылар кою мектебине ишке авуштырыла. Сарылар коюннен Узун-Аякъ коюнинъ арасы дёрт-беш километр. Олар эвленелер. Эки эвлят корелер. Дженк оларнынъ айырылмасына себеп ола...

Неджибе Алимеден эшиткен къуванчлы хаберни бабасынен, достларынен болюшмек, эвлятларыны охшамакъ истеди. Алиме оны токътатып: «Сабыр эт, енгечигим. Меним шимди санъа айткъанларымны ич кимсе бильмемек керек. Бу хаберни мен кетиргенимни бильселер, меним о тарафтан кельгенимни анълап, мени къапатыр, ёкъ этерлер. Буны озюньден башкъа ич кимсе бильмесин. Анълаштыкъмы?» — деп, енгесининъ козьлерине бакъты. Неджибе Алимени багърына басты. Кестане тюс, гурь сачларындан сыйпады. «Меним севимли Алимем, мени севиндиргенинъ ичюн сагъ ол! Дюльбер нишанлынъ олсун!» — деди. О, енгесининъ юрегининъ дукюльдисини эшитип, индемеден, бир къач сание динъленип отурды. Сонъра яваштан енгесининъ къучагъындан къуртулып, онынъ юзюне бакъты. Неджибининъ козьлери ёлда, фикирлери узакъта эди.

Алиме бугунъ Хайрулла Мамбетджановнен де корюшип, лакъырды этмек къарарына кельди. Азифеге:

— Хайрулла акъайнынъ эвине барып, Сайме аптенъ эвде олса, онъа: анам экши хамыр сорады дерсинъ, деди. — Апайы эвде олмаса, Алиме аптем сизни корьмек истей, шимди кельменъизни риджа этти, дерсинъ. Анъладынъмы?

— Сайме апте эвде олса, ялан айтаджакъманмы?

— Айтаджакъсынъ, къдам. Биз анълаштыкъ да, сен манъа суаль бермейджексинъ, яхшымы?

— Яхшы, тата.

Хайрулла 1917 сенеси Джермай-Къачыкъ коюнде догъды. Колхозджыларнынъ эмек кунълерини алыджы олып чалышты. Керичте бухгалтер курсыны битирип, озъ колхозында бухгалтер вазифесини алып барды. Йигирми бир яшында Орду сафына чагъырылды. Кендже командирлер курсыны битирди. 1941 сенеси Ор къапысыны къорчалагъан арбий болюкте, сонъра десантнен Керичке тюшти. Аджымушкъай таш къобаларында душмангъа къаршы дженклешти. 1943 сенеси январь айында койге келип чыкъты. Гъает табиятлы, вазифесине намуснен, темиз къалиппен янашкъан киши. 1943 сенеси октябрь 4-те койдеши Сайме Меннановагъа эвлене. Эвялды догъмаздан дёрт бучукъ ай огюне о гестапода ольдюриле...

— Сен мени чагъырткъан экенсиңъ, — деди Хайрулла селям берип ичери кирген сонъ.

— Эбет, чагъырттым, — деди Алиме.

— Биз Сейфединнен сизни хатырладыкъ. Къайнагъангъыз сизни, колхозда чалышувынгъыз, ордуда хызметингъыз акъкъында чокъ яхшы шейлер айтты. Немселерни севмей экенсиңгъыз.

— Оларны ким севе? — деди Хайрулла ачув иле. — Чаресини тапсам, мен оларны бирер-бирер богъып ольдюрерим эдим.

Лакъырды эснасында Алиме, беш йыл Къызыл Ордуда хызмет эткен бу адамнынъ да Ватангъа садыкъ къалгъаныны анълады. Онъа да иш буюрды. Ве тенбиледи: — Буну тек озюнь ве мен биледжекмиз, бу акъта кимсеге, эвде биле бир сёз айтмайджакъсынгъыз!

Абдуракъип ве Джеватнынъ ташёл бою кеткен немсе аскерлери ве танклары акъкъында кетирген хаберлеринден Абденанова малюмат тертип этти. Стасягъа гедже «Меркез»ге радиограмма бильдириледжегини тенбиледи.

Октябрь 10-да, алты номерли радиограмма: «Кефеге 800-ге якъын немсе аскери, автоматчылары, танклар ве ири топлар колоннасы кельмекте... Макъсад Акъ-Манайны, Къиятны мудафаа этюв. Сафие».

Радиограмма ёлланылгъан гедженинъ сабасында совет авиациясы душманнынъ Акъ-Манай-Къият мудафаа ёлагъыны бомбалады. Ёл бою кеткен автоматчылар колоннасынынъ чокъусы озъ эджелини тапты.

Мельбек битай къач кунъден берли къызларнынъ ахыргъа кирип, насылдыр аппаратны «пи-пи-пи» давушлары иле ишлеткенини эшитти. Не экенини анълап оламады. Ахыр сонъу Ревиденен лакъырды этмек къарарына кельди. «Вай, джаным, Ревиде, сизинъ Алиме анавы рус къызы иле, базан бизим огъланлар да оларгъа къошулып, ахырда бир шейни «пипильдетелер». Не япалар бильмем», — деди. «Билесинъми не, Мельбек? Мен санъа шойле дейим: Эвель заманларда бизим ерлерде девелер асрагъанлар. Байнынъ бир девеси дигер кой байнынъ отлагъына кире. Байлар арасында дава башлай. Бири: «Меним девем», — дей. Дигери: «Ёкъ, меним», — дей. Там сонъу, койнинъ энъ четиндеки эвде яшагъан къарттан сорайлар: «Бу ёлдан деве кечкенини корьмединъизми?» — дейлер. Заваллы факъыр къарт ялан айтып алышмагъан. «Эбет, корьдим», — дей. «Девенинъ къач оркечи бар эди?» — дейлер. Факъыр акъыллы къарт экен: «Девени корьдим, амма орькечини корьмедим», — деп къуртула. Анъладынъмы, Мельбек? Сен де корьмеген, эшитмеген ол да, ят да юкъла. Балаларымыз акъылсыз дегиллер, файдасыз ишнен мешгъуль олмазлар».

Алиме озюнинъ ярдымджылары хусусында чокъ тюшюне эди. Штабда онъа сакътлыкъ разведкаджы ичюн эсас талап дегенлерини унутмады. «Абдуракъип агъа, Сейфедин, Джеват, Васфие — булар хусусында лаф олмакъ мумкюн дегиль, деп ойланды о. Неджибе Баталова комсомол азасы, оджапче, Хайрулла Мамбетджановны Къызыл Орду

векили демек мумкюн. Эписининъ терджимейялы малюм. Эр алда... Ярдымджыларнынъ сайысыны чокъ арттырмагъа ашыкъмакъ керекмей». О, энди джелып олунгъанларнынъ ярдымындан толу дереджеде файдаланмакъ къарарына кельди.

Алиме озь ишине джелып эткен алты кишининъ эр бири хусусында «Меркез»ге кыскъа малюмат бильдирди ве оларнынъ ярдымджы разведкаджы оларакъ тасдыкъланыл-маларыны риджа этти.

Алиме биле, Таманъ ярымадасыны душмандан азат этюв кунълери якъынлаша. Таманъдан чекильген душман аскери Къырымгъа къачып къуртулмакъ ёлуны кыдыра. Силялы къуветлерини сакъламакъ ве мудафаа ёлакълары мейдангъа кетирип, Къырымгъа пекинмек чарелерини коре. Демирёл-нен, ташёлдан Феодосия — Джанкой тарафларгъа арекет арта. Шунынъчюн Алиме душманнынъ арекетлерини, немсе кыысыларынынъ азырлыкъларыны, штаб, силя, якъар-лыкъ... гизленген ерлерини огренип, эписини меркезге эр кунъ янгы малюматлар бермек борджлу. Бунынъ ичюн онъа ярдымджылар керек. Ватанпервер ярдымджыларны о ильки кунъден чалыштырып башлады.

Алиме, озюне керек малюматларны тез эльде этмек ичюн джиддий эмиетке ляйыкъ бутюн ерлерни ярдымджылары арасында болуштирди. Озюне Къызыл-Къую станциясыны алды. Абдуракъип Болатовкъа Ойсун, Ташлы-Яр, Салын станцияларыны, Сейфедин Менановгъа ташёл бойларыны бельгиледи. Васфие Аджибаева, Сеит-Эли ве Къош-Къую койлериндеки вазиетни билип тураджакъ. Яш балалары олгъан Неджибе Баталова якъын ердеки Къармыш-Келечик коюни козь этеджек. Хайрулла Мамбетджанов Акъ-Манай этрафыны бакъаджакъ. Алиме эр кеснен айры-айры лаф этти. Сакътлыкъ хусусында айырыджа тенбиледи. Озю ичинден: «Отгурлы ёллар олсун сизге, меним джесаретли

ватанперверлерим! Куню келир, Ватанымыз сизлернен гъурурланыр!» деп тюшюнди.

Эртеси куню Алиме кой ортасындан кечкен ёлнен гъарбкъа, Къызыл-Къую станциясына тараф ёл алды. Станциягъа якъынлашкъанда, адымларыны явашлатты. Перронда беклеген ёджуларнынъ, насылдыр эшьяларны ашайткъа денъиштирмек ичюн кельген къадынларнынъ янына барып турды. Мангъалайыны къапаткъан джарты юнь шалынынъ тюбюнден этрафны козь этти. Орталыкъ тынчлыкъ эди. Бир киши:

— Не сатасынъ? — деп онъа илишти.

— Бир шей сатмайым. Йымыртаны сигаргъа денъишем, — деди орьме шаллы къадын.

— Сигарым ёкъ. Сатсанъ, маркам бар.

— Марканъ олса Керич базарына бар. Анда йымырта дегиль, тавукъ сатын алмакъ да мумкюн, — деди къадын. Сонъ башкъа ёджулар янына барып турды. Бираздан станциягъа эшелон келип токътады. Вагонлардан тюшкен немсе аскерлери сув савутларынен чешмеге чаптылар. Чельмек тостыкъан ичинде йымырталарны корьген немсе фельдфебели джарты тильде: «Яйко сатасынъмы?» — деди. Къадын ишмарнен пармагъыны косьтерип: «Эки йымырта айн пачка сигарет», — деп, бош сигар пачкасы косьтерди. Фельдфебель: «Мадем пусюр, яйко паалы», — деп четке чекильди. Денъишиджиге кереги де шу эди. О вагонлар янындан кече берди. Эп: «Эки йымыртаны бир пачка сигаретке денъишем», — деди. Эшелоннынъ сонъуна чыкъаяткъанда, озь тилинде: «Ма, ал, тыкъын», — деп, секиз йымыртаны эки пачка сигаретке денъишти. Эшелон джёнеп кетти. Анавы шапкели кене де саташты:

— Сонъ, насыл, денъиштинъми, бирер сигар якъайыкъмы? — деди.

— Мен тютюн ичмейим. Сигарны къартанам ичюн денъиштим. Сигар бермем, амма мынавы эки йымыртаны

багъышлайым... Ма! Ал! — деп, кельген ёлундан кери къайтты. Ёлда сайысыны хатырлап: «4 вагонда автоматчылар, 2 вагон канцелярия эшьялары, 3 платформада зенит топлары, 2 вагонда сапёрлар, 2 вагонда сапёр эшьялары. Эписи 15 вагон эсаплады. Хынзырлар вагонлар узерине къызыл хач ишарети ясагъанлар. «Бизим мераметлигимизден файдаланып, совет учуджыларыны алдамакъ истейлер. Кечмез!» деди озь-озюне. Тез-тез эвге къайтып, радиограмма тизди. Стасяны чагъырып, «Меркез»ге аджеле бермесини талап этти...

Акъшам устю Абдуракъип къайтып кельди: — Ташлы-Яр станциясында акация тереклери талдасында зенит топлары ерлештирилген. Сачакъ тюбюнде румын ат арабалары туралар. Къарар эсабынен 40—50 араба. Менимдже станцияда «кыйметли юк» бошатыладжакъ! Не бошатыладжакъыны ве къайда ташыладжакъыны билип, сонъ айтырым, — деди.

Къармыш-Келечикнен Джермай-Къачыкънынъ арасы дёрт километр. Неджибе о ерге барып, акъшамгъа къайтып кельди: — Койде румын ротасы ерлешкен. Ишлери-кучлери хырсызлыкъ. Сакът олсанъ да ашханеге кирип, маялангъан къатыгъынъны биле алып кетелер. Тек козьлерине май бардагъы илишсин... Офицерлери Пьялы-Сарайгъа къатнайлар. О ерде мектеп бинасында батальон штабы ерлешкен эмиш. Эгер рухсет этсенъ ярын Пьялы-Сарайгъа барып, темелли билип келирим, — деп мусааде сорады. Разылыкъ алып эвине къайтты.

Джеват эр кунъ ёлдан кечкен румын арабалары, аскер, эшья юкю машиналар, ат екили топлар акъкъында малюмат кетирип турды.

Сейфедин Чалтемир коюне барып кельди. Онъа Коп-Къыпчакъ коюне бармакъны тевсие этмедилер. О койде душман машиналарынынъ моторлары бозула, эрзакъ анбар-

лары якъыла, телефон теллери кесиле, диварларда, эв къарчыгъаларында совет информация бюросынынъ хаберлери пейда ола... Онынъ ичюн гестаподжылар пешине тюшип, геджелери ангылып, излеп, джесюрлерни тутып къапайлар. Койде гизли тешкилятнынъ устю ачылды. Койге кельген ят кишилерни якъалай, джезалайлар. О себептен Сейфедин Коп-Къыпчакъ коюне бармайып къайтты. Чалтемирде немселернинъ кучюк танклар къысымы ерлешкен. Аскерлери талим аалар. Мында танккъа къаршы эндеклер къазыла.

Васфие Аджибаева, он эки яшындаки къызчыгъы Улькернинъ аягъына ишленильмеген гонъден тикили чарыкъ, устюне эски ямавлы пальто, башына джарты къалпакъ кийдирип, озю де тиленджи киби устю-башы перишан алда, Сеит-Эли, Къош-Къую, Такъыл-Чумач койлерини доланды. Онъа расткельген немсе офицерлери беш-алты метр авлакътан кечип кеттилер. Немседже бир шейлер айталар. Бельки де сёгюнелер. Сонъундан Алиме Васфие ичюн раатсызланып башлады. Арадан дёрт кунъ кечкен сонъ, къызы Улькернен аман-эсен къайтып кельди. Душман акъкъында кыйметли малюматлар кетирди. — Бу барып келювимиз къызымнен манъа биринджи теджрибе олды, — Васфие Алимени къучакълап. — Энди энъ кыйын вазифелерни эда этмеге азырым, — деди.

Хайрулла Мамбетджанов муляйим табиятлы, кимсенинъ акъкъына кирмеген омюрде ялынъыз догърулукъны бильген киши. Саймеге эвленгенине даа бир ай олмады, апайындан гизли сиясий ишлер япмакъ ичюн Алимеге кельди. «Алиме къардашым, манъа авале олунгъан вазифенинъ эдасына джан-гонъюльден кетем. Лякин эвде догърусыны айтмайып кеткениме мен азапланам. Не япсам экен?»

— Хайрулла агъа, аятта эки тюрлю ялан ола. Бириси инсаннынъ шаныны кирлейиджи, дигери — асыл макъсаднен айтылгъан ялан, — деди Алиме, — Сизинъ «яланынъыз»

алидженаплыкъ макъсадынен япылгъан бордж. Бизлер эпимиз; къайнагъангъыз Сейфедин де, сизингъ намусынгъыз темиз экенине кефильмиз».

Хайрулланынгъ омузларындан агъыр юк тюшкен киби, озю терен кокюс кечирди. — «Сагъ ол, къардашым. Энди ольсем де окюнчли кетмем», — деди.

Мамбетджанов буюк севинчнен чувалыны омузына урып: «Сагълыкънен къалынгъыз!» — деп чыкъты, эмджеси Меносманнен корюшти. Мында оны къыйметли мусафир оларакъ къабул эттилер. Олар Акъ-Манайны доланды, сонгъ Акъ-Манай станциясыны да козъден кечирип, орталыкънынгъ вазиятини билип кельдилер. Меносман акъай Хайруллагъа бакъкъан сайын бакъаджагъы кельди. Оны мерум агъасы Мамбетджановгъа бенгъзетти. «Огълу да бабасы киби намуслы, адалетли киши олур», деп тюшюнди. Хайрулла къыйметли малюматлар алып кельди.

Ревиде абай Джафер-Берди, Арпач койлеринде таныш-билишлеринен корюшип, этрафта нелер барлыгъыны эсинде тутып, Къарангъыт коюне, киеви Фарыхнынгъ эвине кельди. Тувгъаны Эмине, къызы Ферузе оны севинчнен къаршылап алдылар. Балалар Таип ве Зиядин къартанамыз кельди деп, онгъа сарылдылар. О буюк къызы Алиме койге кельгенини, шимди берабер яшагъанларыны айтты. Къардашы Ферузенен корюшмек истегенини бильдирди. Ревиде абай учъ кунъ мусафир одды. Якъын танышларынен корюшти. Койде не бар, не ёкъ, эписини бильди ве Джермай-Къачыккъа къайтып кельген сонгъ, бутюн коргенлерини бирер-бирер къызына тариф этти. Алиме радиограмма тертип этти, меркезнен багъланмакъ ичюн Стасягъа рацияны азырламакъ кереклигини бильдирди. Разведкаджы ве онынгъ ярдымджыларынынгъ беджерикли, семерели иш алып барувары саесинде «Буюк топраккъ»къа арды-сыра эр кунъ радиограммалар ёлланылды. Бугунъ, октябрь 19-да

16 номерли радиограмма кетти: «Къызыл-Къую станция-сында румынлернинъ учюнджи пияде аскерлер дивизия-сынынъ штабы бар. Штаб бинасынынъ устю безъ тенеке-нен ортюли, таш ёлдан 200 метр шимальде. Онынъ янында алякъа нокътасы. Немсе патруллери, зенит топы тура. Станцияда, демирёлдан 400 метр дженюп-гъарбда, эвельки мектеп янындаки мейданда, ер астында ерлештирилъген якъарлыкъ склады бар. Копюр янында окоп къазалар» деп бильдирди «Сафие».

19-нджы октябрь куню «Буюк топракъ»къа радиограмма берилеяткъанда апансыздан пейда олгъан румын аскери тесадофен «пи-пи» давушыны эшитти. Бу насыл сес экен деп ахыргъа киреяткъанда, оны Сейфедин корип къалды. Тутуш румынны кошеге къыстады. «Мында не ишлеп юре-синъ?» — деп, богъазына япышты. Къоркъусындан чырайы ап-акъ кесильген румын: «Мен, пи-пи эткенинен, мында папий бардыр белледим», — деди. «Меним санъа огютим: бир даа мында ишинъ олмасын. Бар, папийни башкъа ерде араштыр», — деп Сейфедин бир кере даа румыннынъ кокре-гинден тутуш силькитти. — Эгер мында папий олгъаны хусусында бир ерде агъыз ачсанъ, балаларынъ оксюз къа-лырлар. Анъладынъмы?» — румын, анъладым деп, башыны салады. Сейфедин джебинден чыкъарыш: «Мына санъа 100 марка. Бар, базарда озюнге папий ал!» — деди яры румын, яры рус сёзлерини къарыштырып.

Бу вакъиадан сонъ бир афтагъадже сакът олмакъ, рацияны башкъа ерге сакъламакъ керек олды.

Джеват иштен къайткъан сонъ, чёльге кетип, тезек джыя тургъан эди. Бу сефер чёльге учеви кеттилер. Чекмен ичине орап кетирилъген рацияны, койден баягъы узакълашкъан сонъ, чыкъарыш къурдылар. 1943 сенеси октябрь 25-те «Меркез»ге 17 номерли радиограмма ёлланылды.

Эртеси куню Краснодардан алынъган радиограммада: «Ялы кенарынынъ мудафаасыны ве насыл къуветлер-

нен къорчаланылгъаныны огренмек ичюн зарур чарелер корюнъыз», — денильмекте эди.

Бу муим вазифенинъ эдасы ичюн Алиме денъыз ялысындаки Къарангъыт ве Опук койлерине Васфие Аджыбаеваны, Енъи-Къале ве Опасное койлерине Абдуракъип Болатовны, Азав денъизи ялысындаки Буюк Тархан ве Кучюк Тархан койлерине Сейфедин Меннановны, Сюйрюташ коюне Неджибе Баталованы ёллады. Хайрулла Мамбетджанов Владиславовка демирёл станциясыны ве онынъ янынъдаки рус кою Ново-Михайловканы козь этип турды.

Алиме, аркъадашларынынъ эр бирини, ич бир тюрюлю адисеге киришменъыз, бичаре, факъыр бир корюниште бир шейлер денъишмеге кеткен киши олунъыз. Бу эмир!.. Сагълыкънен барып къайтынъыз, — деп тенбиледи ве озю Къамыш-Бурунъга кетти.

Феликс Дзержинскийнинъ тербиесини корьгенлерден бири, теджрибели чекист Захаров, он докъуз яшында татар къызыны душман аркъасына агъыр ве телюкели ишке йибереджекте: «Даа аят зорлукъларындан кечмеген бу яш дживаннынъ омузларына юкленген арбий вазифени о кереги киби эда этип олурмы экен? Онынъ ватанперверлик дуйгъулары саесинде догъгъан разылыгъы, атта эркеклер ичюн агъыр бу ишке етерликми экен? Эр кунь, эр саат телюке алтынъда чалышмакъ, бу куньге къадар онъа белли олмагъан хавфлы хызметнинъ тюбюнден о насыл чыкъар?» деген тюшюнджелерде къалгъан эди.

Аня (Алиме) душман аркъасындан «Краснодар» разведка меркезине «Сафие» имзасынен афтада эки радиограмма ёлламасы бельгиленген эди. О октябрь айынынъ ильки кунюнден вазифесининъ эдасына киришти ве 19 октябрь-гедже 6 ерине 16 радиограмма берди. Эм озю де насыл телеграммалар! Таманъ ярымадасындан Къырымгъа чекильген душман къысымлары акъкъында ич бир тюрюлю янълышсыз, толу мундериджели малюмат. Бу малюмат эсасында совет

авиациясы немселернинъ арбий объектлерине кучъю дар-белер эндирди.

«Авиация къысымларынынъ бильдиргенине коре, Керич ярымадасындаки 17-нджи немсе орду къысымлары акъ-къында разведканъызнынъ берген малюматлары эсаслы ве там-догъру экенлигини тасдыкълаймыз. Разведкаджыларгъа бизим тешеккюримизни бильдирменъизни риджа этемиз» деп окъуды Захаров, авиация команданлыгъындан ёлланылгъан мектюпте...» Бу яхшы. Амма алты кунъден берли «Сафие»ден ич бир тюрюлю хабер ёкъ. Буны насыл анъламалы!» — деп тюшюнди Захаров. Еринден турып, иш одасы ичинде бир талай доланды. Пенджере янына барды. Тышарыда челеклеп ягъгъан кузь ягъмурыны сейир этти. Ичери къуванчлы бир-алда: «Мусааденъизле, подполковник аркъадаш!» деп майор Зайцев кирди. Захаровгъа радиограмма узатты. Онда шу сёзлер язылгъан эди: «1943 сенеси, октябрь 25, 17 номерли радиограмма: «Тактик себеплерден отърю чалышмадыкъ. 14 яшындан 50 яшынадже бутюн эали мудафаа ишлерине джелъп этильди. Ялы ёлагъы ясакъ ер илян этильди», — сёзлерини окъугъан башлыкъ севинди. Сонъ бир даа кулер юзнен телеграмманы козьден кечирди. «Аферин, бизим Анягъа!» — деп сагъ элинен кягъыт устюне чертип алды. «Энди сиз, майор Зайцев, бу кягъытны окъунъыз», деп онъа авиация команданлыгъындан кельген мектюпни узатты. Майор мектюпни бир бакъышта окъуп чыкъты.

— Сиз не дейсинъиз, майор?

— Яш разведкаджы къыз ичюн бу гъает буюк шерев,
— деди майор Зайцев.

— Менимдже, бутюн разведкаджыларгъа тешеккюр илян этильсин. Экинджнде, «Аня»нынъ душман аркъасында чалышмакъ ичюн ишке джелъп эткен алты адамы да разведкаджылар сыфатында тасдыкъланылмакъ керек. Шу алты разведкаджыны ишке джелъп этип, оларгъа догъру ребер-

лик япмакътa олгъан Алиме Абденанованы Хусусий Денгъиз бою орду штабы разведка болюгининъ душман аркъасында разведгруппа резиденти оларакъ тайинлев хусусында эмир азырлангъыз¹. Учюнджиде, Аня ве радист къыз девлет мукафатына такъдим этильсин. Дёртюнджиде, ярдымджылардан энъ гъайретли чалышкъан Абдуракъип Болатов ве Ревиде Абденанова девлет мукафатына такъдим этильмелери ичюн толу малюмат ёлламалары риджа этильсин, — деп косътеришлер берди болюк башлыгъы.

1943 сенеси 5 ноябрь Хусусий Денгъиз Бою штабы разведгруппасынынъ резиденти Алиме Абденанова девлет мукафатынен такъдирленмеси ичюн Шималий Кавказ джебэсининъ штабы 2-нджи разведка болюгининъ башлыгъы имзалагъан мукафат кягъытында шойле дениле:

«Алиме Абденанова аркъадаш разведка органларына чалышмагъа гонгъюлли оларакъ кельди. Азырлыкъ кечкенден сонъ, радист къыз Гуляченко иле джебэ аркъасына кечип, Керич ярым адасында душманнынъ огъ кысымлары булунгъан ернинъ якъынында эм озю ерлешти, эм де радист кызыны ерлештире бильди.

Догърудан-догъру душман аскерлери булунгъан ерлерде чалышып, Керич ярымадасындаки нокъталарыны ве оларнынъ системасыны огъренди. Семъ колодезей районында ве башкъа койлерде душман кысымлары штаблары тургъан ерлерни бельгиледи.

Душман кысымлары Таманъ ярымадасындан кери чекилеткъанда, душманнынъ къайсы тарафкъа арекет эткени акъкъында команданлыкъкъа там догъру ориентация берди. Авиациямыз ичюн бомбаламагъа нишанлар — демирёл эшелонларынынъ, буюк аскер кысымлары ве техниканынъ топланып тургъан ерлерни косътерди... Онынъ берген малюматларына эасланып, бизим авиация чокъ керелер

¹ Эсас: оп 686044, д. 2832, л. 56 мукафатлав кягъытынынъ экинжи нусхасы.

душман аскерлерининъ тургъан ве топлангъан ерлерини бомбалады.

Бундан сонъ, шараитнинъ кыйынлыгына бакъмадан, эали Керич ярымадасындан эвакуация олунгъан вакъытта, олюмден къоркъмадан, эр кунъ Керич — Владиславовка — Джанкой демирёлунда аскерий ве арбий юклернинъ ташылувыны, айны бунынъ киби де, Керич — Феодосия, Керич — Джанкой ёлларында автотранспортнен аскер ташувларыны барып коръди, бильди.

Алиме Абденанова аркъадаш Совет Ватанымызнынъ садыкъ кызыдыр ве укумет мукафаты «Кызыл Байракъ» орденине лыйкъътыр»¹.

Немсе кийиминдеки адамлар ичюн ёл ачыкъ, джиддий тефтишке огърамайлар. Бундан файдалангъан Болатов румын къаравулары янындан атларыны айдай берип Енъи-Къале тарафкъа ёл тутты. Онынъ ёлдашы Сейфедин Тархан кою янында линейкадан тюшип къалды. Абдуракъип Опасное кою янындан кечип, Енъи-Къале базарына кетти. Атларны туварып, башларына торбаларыны асты. Озюне бир шейлер кыдыргъандан олып юрьди. Бир къач шише ситро, эки бав къалач сатын алды. Базарлыгыны кетирип линейканынъ сандыгына кыйды. Тёгерек эв отъмегинден узунджа тилим кесип, пишкен йымыртанен ашай башлады. Шу ерден отъкен киши: «Аш татлы олсун, хызметчи!» — деп кечмек истеди, Абдуракъип исе кишини: «Эй, мужик, мында кель, — деп чагъырды. — Бизде, татарларда «аш татлы олсун», — дегенде, — «отур, буюр», — дейлер. Къана, мусафирим ол, буюр!» О киши ялвартмагъа севгенлерден дегиль экен. Даветни буюк истекнен къабул этип, иштиа-нен ашап башлады.

— Не ерли оласынъ? Не иле огърашасынъ? — деп меракъланды Болатов.

¹ Алиме Абденанованынъ мукафат кягъытынынъ асыл нусхасындан терджиме этильди.

— Опасное коюнде яшайым. Эвельси сабан сюре эдик. Шимди эндеклер къазамыз. Эмир къулу олгъан сонъ, не буюрсалар, оны япамыз, — деди ашкъа буюргъан киши.

— Сен мангъа догърусыны айт, немселер насыл азырлыкъ корелер?

— Бизим койде немселерге коре, румынлер чокъ. Оларны озюнъиз билесинъиз, юрелер анда-мында. Койде обоз тура. Эксери аскерлер тюфекли. Ялы кенары миналы. Бираз аркъада топлар, миномётлар.

— Я мында, Енъи-Къаледе насыл беллейсинъ? — деп сорады Абдуракъип.

— Оны айтмам. Бильмегенимни бильмейим дейим, — деди киши.

— Сен бар, долан. Уйледе келирсинъ, берабер ашармыз. Бельки юз грамм да атармыз. Адынъ не?

— Адым Фёдор. Сен яхшы кишиге бенъзейсинъ.

— Сангъа меним кимге бенъзегеним неге керек. Сен, Фёдор акъай, мен деген киби яп. Уйле емегине кель, — деп Абдуракъип линейкадан тюшти. О, киши «келирим» деп кетти.

Болатов меркез сокъакътарыны доланды, сырлы кягъытларгъа оралгъан, башлары пускюли конфетлерден алды. Мында базардан бир шейлер алмагъа кельген адам киби, сол элинде торбасыны салландырып юрьди. Сагъ элинен къаршысына расткельген офицер рутбесинде арбийлерге теменна этти. Кенардан олса да, денъиз ялысына козь этип кечти. Темиз кийинген юксек рутбели немсе офицерини коръди. «Мында полк штабы олмалы», — деп тюшюнди. Федор корьгенлерини икяе эткенде, тѣпеси тенекеден ешилъ боялы бинада штаб барлыгъыны айткъан эди. Болатов айткъанларыны тешкерип чыкъты. Саатке бакъты. Вакъыт бешни кечкен. «Эвге къайтмакъ керек. Елда Сейфедин беклейдир», деп тюшюнди.

Атларда ойле дуйгъу ола, эвге къайткъанларыны сезип, джошкъун, тез чапалар. Шимди де ойле олды. Джюйрюклер башларыны котерип, къулакъларыны тиклей берип ювурдылар. Абдуракъип балалыкъ чагъындан ат севген, яхшы джюйрюклерге къыймет кесмеге бильген, байрамларда къошу чапмагъа севген киши эди. О къошуда атта бир кере энъ огде келип, бахшыш алгъан эди... О, еринден котерилип, элинен атларнынъ янбашларыны шамарлап: «Аферин торунларыма!» — деп, оларны охшады. Къашкалы тору «сагъ ол!» дер киби, акъсырды.

Олар корюшюв бельгилеген ерде Меннанов даа ёкъ эди. Абдуракъип тельбевлерни чекип атларны токътатты. Тархан кою ёлунда ич кимсе корюнмей. Бираз беклемеге къарар берди. Бир шише лимонадны ачып, ярысыны ичти. Тезден орталыкъкъа къаранлыкъ чёкип башлады. Шай олмаз, деп тельбевлерни чекип джюйрюклерни Тархан кою ёлуна бурды. Атлар истемеген киби адымларыны явашлаттылар. Авлакъта учъ киши корюнди. Якъынлагъанда ортада Сейфедин, эки ягъына ябаний адамлар. Болатов бир кереден «хайыр ола» деп тюшюнди. Сейфедин: «Айттым да, эмджем раатсызланадыр дедим де!» — деди ябанийлерге. Эки киши аркъадашчасына сагълыкълашып кери къайтып кеттилер.

«Бу кишилер Ново-Украинка коюнден, Оларны башкъаларнен берабер Тархан койлери янындаки Азав денгъизи кенарында мудафаа ёлакълары къазмагъа айдап кетиргенлер, — деди Сейфедин, — Мен койге киреяткъанда румын козь этюв нокътасына расткельдим. Торбамны тешкерип, ичиндеки шейлерни алдылар. Озюмни мынав кишилерге къошып, эндек къазмагъа йибердилер. «Бизге коюмизге барып ашамагъа бир шейлер алып кельмек керек, азыр-джорыкъкъа сени де озгъарырмаз» деп, мангъа ёлдаш олдылар. Мен чалыштым, лякин яхшы малюматлар да топладым. Бу кишилер де меним янаша койден олгъанымны анълагъан сонъ, чекинмеден баягъы хаберлер айттылар...»

Яры гедже вакътында олар койге келип, атларны тувардылар. «Саба ола, хайыр ола», — деп эвлерине къайттылар.

Васфие, къызы Улькернен «ёллыкъ урбаларыны» кийдилер. Анасы къызынынъ башыны эски шалнен сарды, уджларыны къолтукълары тюбюнден алып аркъасына багълады. «Сен, Улькерим, бала дегильсинъ, чокъ шейлернинъ фаркъына баргъан, къайда ве не ичюн кеткенимизни анълагъан он эки яшында осьмюр, меним ярдымджымсынъ, — деп эвлядынынъ янагъындан, козылеринден опыти. — Биз бу сефер Къарангъыт, Опук койлерине бараджакъмыз. Нелер япмакъ кереклигини сонъ анълатырым. Бар, къызым, аланънынъ къолуны ал, сагълыкълаш».

— Сен, Васфие, озюнь кой-койден ёлларда юрьгенинъ юрьген, баланъны да къыйнайсынъ, — деди ала.

— Биз хорлукътан къоркъкъан кишилер дегильмиз. Баба-мыз дженктен сагъ-селямет къайтып кельсе, «Эшкъ олсун меним къызыма да, апайыма да!» дейджек, — деди Аджыбаева, къызыны багърына басып...

Къарангъыт кою Джермай-Къачыкътан 14—15 километр узакъта. Ёлда расткельген душман аскерлеринден Васфиеге сёз къатмакъ истегенлер олды. Лякин балалы апайнынъ якъын айларда сабунлы сув корьмеген кийимлери, кирли къоллары олардан юзь чевирмеге меджбур этти. Уйле авгъанда койге келип етилер.

Васфие къызынен берабер ялы кенарындаки фенер къулеси янында дженктен огюне балалар санаторийси олгъан ерге кельди. Бир четте отурып, олар эвден алып кельген малайларындан бирер кесек ашадылар. Мысырбогъдай унундан, тандырда асты-устю къызарып пишкен бойле къокъулы малайдан аскер дегиль, румын падишасынынъ озю де ред этмез эди. Васфие, къошкъулакънен кетирген къавун бекмезини ортагъа къойды: — «Эвде пишкен малайны сагъынгъандырсынъыз, буюрынъыз: бизим къоруджыларымыз» деп, ялы кенарыны къорчалагъан румын

бекчилерини тыкъынмагъа давет этти. Улькер денъизге ташчыкълар атып ойнай-ойнай, этрафына бакъынып, узакълаша берди. «Къызым дженктен эвель бу ерде тедавийленген эди, — деди Васфие бекмезли малайгъа япышып, хызмет вазифелерини унуткъан бекчилерге. — Шимди шу ерлерни корип севине».

Бираздан олар ялыны терк этип, кери къайттылар. Улькер ёлда анасына огден пулемётлар, олардан бираз аркъада устылери сачма киби чильтерлернен орытюли топлар ерлештирильгенини айтты.

Ана-бала Опук кою якъынларындан оттилер. Опук ясакъ илян этильген ер эди. Кой залиси къомшу койлерге кочюрьльген эди. Олар, ёлны шашырып адашкъан адамлар тарзда ялы бетке юриш эткенде, невбетчи аскер тюфегини тёпеге атып, балалы къадынны токътатты: «Кери къайтынъыз!», — деп къычырды. Балалы къадын эмирге табий олып: «Яхшы-яхшы, багъышланъыз», — деп кери къайтты. Лякин Васфие энди ялы боюнда буюк топлар гизленильгенини, ялы кенары миналангъаныны, тикенли тель къора чекильгенини корьген эди. Олар Суин-Эли, Баш-Аул, Къыз-Аул, Чокъур-Къояш койлери четинде орта рутбеде немсе офицерлерининъ команданлыгъы алтында румын батальонлары мудафаа ёлакълары азырлагъанларыны корип кечти, учюнджи куню акъшамина эвге къайтып кельдилер.

Неджибе Баталова Азав денъизи ялысы кенарында Сюйрюташ коюнде яшагъан досту оджапче Авашерфенинъ эвинде мусафир олды. Олар немселернинъ къылынувлары, румынлернинъ хынзырлыкълары акъкъында айтыштылар. Саба, танышларыны ёкълагъандан олып, кой ичинде кездилер. Эрафта нелер барыны эслеп алдылар. Ялы кенарында, энъкъастан, денъиз къабурчакълары джыйып юрьдилер. Невбетчиликте тургъан душман аскери сызгъыртычыны сызгъыртып, элинен о ерден кери къайтмакъларыны талап этти.

— Мында не ишлеп юресингыз?! — деп айкъырды.

— Къабурчакъ джыямыз. Ондан къутучыкълар ясап отъмекке денъишемиз, — деди Неджибе, къабаатыны таныр киби аджыныкълы даушнен.

— Къана, тез мындан джоюлынъыз. Эгер бу ерлерде бир даа коръсем, сизлерни къаравулханеге теслим этерим! — деди невбетчи аскер.

Хайрулла Мамбетджановнынъ адий корюниши, къа-лын дудакъларынынъ салынып, агъызынынъ азчыкъ ачыкъ турушы оны анъкъав адамгъа бенъзеттире эди. Оны, Владиславовка демирёл станциясында, эски къулакълы къалпакъны немсе дудакъ гармошкасына денъишем деп юргенини коръген арбийлер «бу киши акъылдан азгъан» деп кулип кечтилер. О, Керичтен келип Владиславовка станциясындан кечип Джанкойге, Феодосиягъа кеткен, Джанкойден, Феодосиядан келип Керич тарафкъа джёнеген поездлардан «муштери къыдырып» юрьди. Хайрулла, малынынъ корюниши кимсенинъ дикъкъатыны джелып этмейджегини анълап, Ново-Михайловка коюне кетти. О, тезден сувукълар башлайджакъ, сонъундан къыдырсангыз да бойле сыджакъ къалпакъ тапмазсынъыз деп бакъты. Мында да оны селекке алып: «Матюв татаргъа дудакъ гармошкасы керек олгъан» деп акъаретледилер.

Разведкаджылар: Васфие Аджыбаева, Абдуракъип Болатов, Сейфедин Менанов, Неджибе Баталова, Хайрулла Мамбетджанов вазифелерининъ эдасындан къайтып кельдилер. Эр бири озюнинъ эльде эткен малюматыны икяе этип берди. Хайрулла озюнинъ эски къалпагыны дудакъ гармошкасына денъишеджек олып юрьгенде онъа «бу киши акъылдан зайыф олмалы», «матюв татаргъа дудакъ гармошкасы керек олгъан» деп айткъанларыны икяе эткенде, аркъадашлары: «Валлаий Хайрулла, сен бухгалтер дегиль де, артист экенсинъ», — деп, бавурларыны тутып сыкъылып-сыкъылып къалдылар...

Абденанова разведкаджылар кетирген малюматлар эса-
сында 26 октябрьден 31 октябрьгедже арды-сыра секиз
радиограмма ёллады. Булар 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 номерли
радиограммалар эди. Резидент гедже-кунъдюз вакътыны
аямай, къоркъу бильмей чалышты. Эр кунъ радиопередат-
чикнен чалышуву, «Краснодар» меркез ёлагъыны бант этип,
языларны берюви, «Буюк топракъ»тан корьсетювлер алувы
Стасяны раатсызлай башлады. Юзюнде къоркъу алямет-
лери пейда олды. О биле ки, немселер де юкъламайлар. Бу
передатчикнинъ чалышувуны эсапкъа алып, онынъ не ерде
экенини чокътан къыдыралар, деп тюшюне. «Бойле чалы-
шув бир кунъ ола бизни эльге тюшюрор», — деп сомур-
данды Стася, Алиме оны ятыштырмагъа тырышты. Стасяны
Неджибе Баталованен бир ерде яшамагъа авуштырды. Раз-
ведкаджыларнынъ къайдалардадыр барып кельгенлерини
бильмесе, мангъа къатнагъанларыны корьмесе, тынчланыр
деп ойланды.

Алиме Къамыш-Бурунгъа кетмезден эвель Сейфедин
Менановгъа, Кенегез коюнде чокътан-чокъ румын аскер-
лери топлангъаны хусуста хабер барлыгъыны айтып, о
хаберни тешкерип кельмекни авале этти. Дигер развед-
каджыларгъа раатланмакъ кереклигини бильдирди. Бай-
рам алдындан гестаподжылар фесатчылыкъ япа билелер,
сакът олып, эвде отурмакъны талап этти. Стасягъа да эвден
чыккып юрьмекни къатиен ясакъ этти.

Абдуракъип онгъа:

— Сен, Алиме, фашистлернинъ энъ къайнагъан, хавфлы
ерине кетейтасынъ. Биле-биле озъ аятынъны, алидженап
фаалиетимизни телюке алтына къоясынъ. Сен о ерге бир
де-биримизни ёлласанъ, яхшы олур, — деди.

— Мен Къамыш-Бурунда окъудым, яшадым. О ернинъ
биналарыны, клубны, китапханени, мектепни, скелени,
медениет эвини, багъча ве сокъакъларыны яхшы билем.
Онынъ ичюн Къамыш-Бурунгъа озюм бармакъ керегим.

Сиз, Абдуракъип агъа, мени Джаппар коюнедже алып барсанъыз, о тарафкъа озюм кетерим.

Фашистлернинъ 1943 сенеси Шималий Кавказдан бу ерлерге келип ерлешкен контрразведкаджы тешкиляты ГФП-312 — гизли арбий полициясы озюнинъ айрыджа джеллятлыгъы ве вахшийлигинен белли эди. Бу джезалайыджы контразведкаджы тешкиляткъа гитлерджилер Ватангъа хаинлик япкъан шахслардан махсус тешкерильген, озьлерининъ ишанчларыны акълагъан саткъынлардан сечип ала эдилер.

ГФП-312 фашист контрразведка тешкиляты генерал-полковник Енеке команданлыгъы алтындаки 17-нджи немсе ордусынынъ имаесинде эди. Шималий Кавказ ва Къырым мувакъкъат оларакъ немсе фашист аскерий кучълери элинде олгъан девирде, бу джезалайыджы тешкилят немсе джасусларынынъ, саткъын ве дигер фашист рухлы кишилернинъ ярдымынен совет парашютчыларыны, разведкаджы ве гизли тешкилят азаларыны, ватанперверлерни якъалай, инсан даяналмаз джезаларгъа огъратып къуршунлай эди. Бунынънен бирге («ГФП-312» Гитлер ставкасынынъ «СД-102» СС бригада фюрери Альван Лебен реберлиги алтында душман элиндеки ватан топрагъында совет адамларыны ёкъ этюв киби махсус вазифени эда эте. «ГФП-312» озюнинъ штабынен Эски-Къырымда булуна. Онынъ реберлери джанавар гестаподжы Гюбнер Вернер ве полицай комиссары Отто Кауш.

«ГФП-312» болюклерининъ бири, лейтенант Циммернинъ реберлиги алтындаки гизли полиция командасы Къызыл-Къую (Семь колодезей) станциясында ерлешкен эди. Бу команда эркъянында гитлерджи фашистлернен бир сырада, ерли адамлар, ватан саткъынлары: Василий Зуб, Николай Капотин, Василий Дубогрей, Николай Оленченко, Иван Куприш, Альфред Михельсон киби хаинлер де бар эдилер. Эки аякълы джанаварлар Михельсон, Зуб, Капотин,

Дубогрей, Оленченко, Куприш кѡпатылгѡан ватанпер-
верлерни мисли ёкъ кийик усулларнен джезалай эдилер.
Кѡадын-кѡызларнынъ кокюслерини кестилер, козьлерини
чыкъардылар, кѡулакъларыны, бурунларыны ёндылар,
аякъларыны, кѡолларыны сындырдылар, кѡурсакъларыны
тешти, сатырнен догърады, тирилей ал байракъкъа сарып
якътылар. Чекиштирип, танылмаз алгѡа кетирильген яш
интикѡамджыларны кѡуршунлап ольдюрдилер. Лякин бу
хаин адамлар аманлыкъ тапмадылар. Совет самолетлары бу
ерлерни бомбаламакъны девам этилер.

Гедженинъ кѡаранлыгъында, я да танъ маалинде, про-
жектор ве зенит топларынынъ небетчилери юкъусыра-
гѡан вакъытта уфукътан сессиз-солукъсыз пейда олгѡан
совет самолётлары душман аскерий ве мудафаа нокътала-
рына бомбалар ягъдырдылар. Ём нишан о дередже ерини
догъру тапа ки, куллери кокке савурыла. Бу Алиме Абдена-
нова группасынынъ семерели хызметининъ нетиджеси эди.

Генерал Енеке совет самолётларынынъ там бельгиле-
ген вазифенен келип объектлерни янълышсыз бомбалагѡ-
анларынынъ себебини анълады. «Демек, бизим бурнумыз
тюбюнде совет разведкаджысы чалыша, — деди о орду
штабынынъ башлыгъына. — Контрразведкаджылар башлы-
гъыны тенбиленгиз. Бизим арбий кучьлеримиз авагѡа
савурылгѡанда, буны корип, тынч отурмакъ олмаз! Я алып
баргѡан вазифесининъ нетиджесини корьсетсин, я да...»
Шу арада телефон чынъылдады. Генерал трубканы алды.

«ГФП-312»нинъ Джанкой, Кѡарасувбазар шеэрлери-
нинъ, Сейитлер-Ички, Кѡызыл-Кѡую станциясы болюклери
аякъкъа кѡалкътылар. Гестаподжылар койлерде, ёлларда, эр
бир шубели кишини тешкердилер. Арбий кѡысымларгѡа,
штабларгѡа, якъында хызметке кельген офицерлерни козь-
ден кечирдилер. Ич бир тюрлю нетиджеге малик олмады-
лар. Кой старосталары, полицаиларнен лакъырды этильди.
Полиций Абдуракътип Болатов Кѡызыл-Кѡую станциясын-

даки гизли полицай идаресине чагъырылды. Джермай-Къачыкъта ят эркек кишилерден кимлер барлыгъыны тешкердилер.

— Бала-чагъа, къартлардан башкъа, кимсе ёкъ, — деди Абдуракъип.

— Сизинъ койлю яш бир къыз ёлларда юре, станцияларда пейда ола. Онынъ ана-бабасы ким, не ишнен мешгуллар, — деп меракъланды лейтенант Циммер.

— О къызнынъ ана-бабасы 1932 сенеси вефат эттилер. Олар апте-къардаш учъ къыз бала етим къалдылар. Факъыр къартанасынынъ имаесинде булуналар. Къартана бир торунныны, богъазындан къуртулмакъ ичюн, Къарангъыт коюне озгъарды. Шимди къартана ве эки торун яшайлар. Къол дегирмени пейда эткенлер. Бираз ашлыкъ берсем, озълери ун чекип, пите пиширелер. Къомшулар да ярдым этелер. Бири къатыкъ, бириси май бере. Не япсынлар? Далгъа къонмагъа тавукълары олмагъан сонъ...

— О къыз йымыртаны сигаргъа денгъишкенини коръдик. Тавукълары олмаса, йымырта къайдан кельген? — дедилер, Болатовгъа.

— Къомшуларнынъ бири бергендир. Къартанай тютюн иче. Гъарип къызлар, йымыртаны озълери ашамай, сигаргъа денгъишелер. Олар ойле тербиели, юваш къызлар, — деди Абдуракъип аджынгъандан олып.

— Я бильгилери насыл? Къайда окъудылар?

— Къартанай къуранны сув-эзбер окъуй. Торунлары къуран окъувдан марумлар. Кой мектебини битирселер керек.

— Ангълашылды. Башкъа суалим ёкъ. Эгер койде ят кишилер пейда ола къойсалар, бизге хабер этерсинъ, — деди гестапо офицери, — шимдилик кете билесинъ.

— Дингълейим, лейтенант азретлери, — деп Болатов сагълыкълашты. Ёлда озюнинъ бу къадар уйдурма лаф этке-

нине озю де айран къалды. Догъру Ревиде абайнынъ эвине кетти. Циммер иле олып кечкен субетни икье этти.

— Сизден яхшы дипломат оладжакъ экен. Дженктен сонъ биз сизни колхозджылар съездине делегат сайлармыз, — деди Алиме.

Гестаподжылар не къадар тырышсалар да, разведкаджыларнынъ изине тюшип оламадылар. Джермай-Къачыкъ киби койде яш къызнынъ реберлиги алтында, ерли халкънынъ огъул-къызларындан мейдангъа кетирилген совет разведкаджылары группасы чалыша деген шей немселернинъ акъылларына биле кельмей.

Алиме эр тарафтан сарылып алынган душман даиресинде чалыша, малюмат топлай, разведкаджыларгъа ёлбашчылыкъ эте. Меркезге ардыны узъмейип къыйметли радиограммалар ёллап тура. Разведкаджылар гизли чалышмакъ талабы ве къаиделерине къатты риаат этип иш корелер.

Алиме арабадан тюшти. Болатовнен сагълыкълашып, Къамыш-Бурун къасабасы тарафкъа ёл алды. «Эвеля, достум Наташанен корюширим. О якъы сонъ белли олур» деген къараргъа кельди. Онынъ генчлигининъ ярыдан зиядеси мында, Къамыш-Бурунда кечкен эди. О таныш сокъакълар, эвлер янындан кечип, достунынъ эви янына келип токътады. Теренден нефес алып, къапыны къакъты. Бир къач саниеден сонъ текрар къакъты. Ичерицен къадын киши: «Ким бар анда?» — деп сорады. «Меним, тётя Рива, Аням. Наташа эвдеми?» Ёл къапыны ачкъан къадын Анянынъ селямыны алды, къучакълады. Кери чевирилип: «Наташа, мында кель, бакъ бизге ким кельди» деп къычырды. Къадын ёл къапыны къапатып, мусафирни эвге давет этти. Алиме, ашханеден чыкъкъан Наташаны корип, адымларыны чабиклештирди. Олар къучакълашты, ал-хатир сораштылар.

— Сен, Аня, ёрулгандырсынъ. Элинъни, юзюнъни юв, сонъра... Химия оджамыз акътылындамы? «Ёлдан кельгенде эвеля H_2O , сонъ емек» керек дей тургъан. Олар кулюшти-лер.

— Анам, шеэрде сют тансыкътыр, менден селямлыкъ олур деп, зембильге бир асар сют къойгъан эди. Ёлда къаршыма расткельген немсе аскери элимдекини тешкерген сонъ: «Асарынъда не бар, сен партизан дегильсинъми?» — деп, сюнгюсинен асарнынъ ичини къарыштырып тешти. Сют акъып битти.

— Айды, сютке къалгъан иш къолай. Озюнъ насылсынъ, бу вакъыткъадже къайдаларда эдинъ? — деди Наташа.

Аня Кубаньда тикиш фабрикасында чалышкъаныны, шимди анасынен ве къардашы Азифенен берабер Джермай-Къачыкъта яшагъанларыны, зор аллар олгъаныны икяе этти.

— Я озюнъ не иш япасынъ? Мектеп аркъадашларымыздан кимлер барлар? — деп меракъланды Аня.

— Шимдилик мектеп аркъадашларымыздан Къамыш-Бурунда кимсе къалмады. Огъланлар дженкнинъ ильки кунълеринде джебэге кеттилер. Къызлардан базылары эвакуация олунды. Соня Керичке кочъти. Шимди ондан да хабер ёкъ. Озюм чалышмайым, эвде анама ярдым этем, — деп лафны къыскъадан кести Наташа. — Бабам даа 1942 сенеси февральде сагъ экенини бильдирген эди, ондан сонъ хабер алмадыкъ, — шай деп, Наташа ашханеге кирди.

Онынъ пешинден бакъып къалгъан Аня: «Шимди ойле вакъыт ки, энъ якъын тувгъанына биле не иле мешгъуль олгъанынъны айтмагъа сакъынасынъ. Меним киби, Наташа да манъа юрегини ачып лакъырды эталмады. Мен онынъ тек эвде анасына ярдым этип отурмайджагъыны билем. Барсын, о озюнинъ айткъанларынен мени инандырды беллесин», деген нетиджеге кельди.

— Бираз сабыр эт, Анечка. Анам бизни къайгъананен ве озюмизнинъ емишлерден пиширген кьошафнен сыйлайджакъ, — деп Наташа столны азырлады. Олар башта къапыста шорбасы, сонъра къызарып пишкен къайгъана ашадылар, кьошаф ичтилер. Уйле емеги башында дженктен эвельки бол, бахтлы аят, медений турмуш акъкъында хатырлавлар иле кечти. Рива апте Анянынъ лафларындан гъает мемнюн къалды.

— Шай этип, кельген сонъ, ич олмагъанда учъ-дёрт кунъ мусафир олурсынъ, — деген теклифте булунды.

— Инсан генчлигинде яшагъан, тасиль алгъан ерини унутмай экен. Окъугъан мектебини, шеэр китапханесини, клубны, медениет багъыны хатырлай, зиярет этмек истей, — деди Аня.

— Мектеп бинасыны, хастаханени немселер госпиталь яптылар. Сонъки вакъытта шеэр немсе автоматчыларынен толып къалды. Мектеп, клуб ве базы биналар казармаларгъа чевирильди, китапханеде штаб ерлешсе керек. Буларда бир азырлыкъ бар амма... истесенъиз, кеч олмаздан эвель шеэрни доланып келинъиз. Сакът олунъыз, бир белягъа огъраманъыз, — деп Рива апте къызларны озгъарып къапы огюне чыкъты.

Аня Рива аптенинъ агъызындан эшиткенлерини озю тешкерип коръмек истеди, акъикъатен, шеэрде арбийлер чокъ, джанлылыкъ зияде олгъаныны сизди. Демир-маден комбинаты, агломерат ве кульче байытыджы фабрикасы харабеге чевирильген. Демирёл ишлемей, трамвайлар юрьмейлер. Механизмлештирильген скеле бомбаланып йыктылгъан. Эалиси кочюрильген базы эвлер янында къаравуллер тура, амма озълери бош. «Демек, булар янъы арбий кысымларны беклейлер» деген нетиджеге кельди Алиме.

— Сонъ насыл, шеэр анам айткъан алдамы? Озюнъ корип инандынъмы? — деди Наташа.

— Мен мектебимизни, медений муэссиселеримизни зиярет этермиз беллеген эдим. Албу исе мында эр шей фашистлернинь дурагына чевирилген. Юрь, кьасабагъа кьайтайыкъ.

Олар шеэрнен кьасаба арасындаки гурь тереклер бою кьолтукълашып эвге кьайткъанда, оглерине эки немсе офицери расткельди. Олар теменна этип, озьлерининь тилинде нелердир сёйледи. Наташа немседже анълай экен. Офицернинь айткъаныны терджиме этип: «Офицер азретлери бизни шеэр багына, сонъра ресторанда раатланмагъа давет эте», — деди. Сен оларгъа: «Аркъадашым койлю татар кьызы, оларда ресторангъа бармакъ ясакъ деп айт», — деди Алиме. Наташа достунынъ сёзлерини офицерлерге терджиме этти. Дигери мыскъылнен: «Ойле олгъанда, Керичке джамиге барамыз», — деп кульди. Сен оларгъа: «Мусульманларда кьадынларгъа ибадетханеге бармакъ да ясакъ экенлигини анълат». Кене де ред джевабыны эшиткен сарышын офицер: «Ойле исе, комендатурагъа барамыз, анда сенинъ ким экенинъни тешкерирлер», — деди кьызгъын алда. «Дженап офицер, ойле мунасип корьсе барайыкъ. Лякин дженап комендант татар кадын-кьызларына ресторангъа, джамиге бармакъ, башкъа динге табынгъан шахсларнен кьонушмакъ шериат тарафындан къатиен ясакъ этильгенини яхшы бильгенине мен эминим», — деди Алиме незакетле. Эслидже сою сарышын офицерни элинден чекип: «Быракъ шуларны, биз вакъытымызны зевкълы кечирмек ичюн келишиклерини тапармыз», — деп, кеттилер. Наташа кьызарды. Арбийлернинь сонъки айткъан сёзлерини терджиме этмекни ерсиз таныды.

— Эртеси куню ерге ярыкъ тюшкенинен, Аня саба емегине биле беклемей, Наташанен ве Рива аптенен сагълыкълашып, койге кьайтты. Мариенталь совхозындан кечкенде автоматлы аскер, ёдджу кьызны токътатып, весикъасыны косътермекни талап этти. Ёдджу Алиме Абденанова Джер-

май-Къачыкъ коюнде яшагъанына даир кой полицейы имзалагъан ве Семь колодезей станциясы полиция болюгининъ майорынен тасдыкълангъан весикъаны окъуп, кери къайтарып берди. Зембильни тешкерди. Онда кягъыткъа сарылгъан отъмек парчасындан ве дёрт дане сувгъа пишкен къартоптан башкъа шей ёкъ эди.

Алиме койге къайтып кельди. Къамыш-Бурунда корьгенлеринден радиограмма тизип, Стасягъа ашыкъты. Олар передатчикни кой четиндеки Суюрю-Къая артында къурдылар. 1943 сенеси ноябрь 3-те 26 номерли радиограмма: «Алынгъан малюматкъа коре, Къамыш-Бурунда энъ аздан эки бинъ адамлыкъ десант булуна. Десант топлу тура, къошумлыкъ къувет беклей. Къара денгиз ялысындан шаркъкъа таба чокъ мыкъдарда аскер кете. Мескичи коюнде немсе аскерлери топланды. Чокъ мыкъдарда гизленильген топлар бар. Сафие».

Радиограмма берильген сонъ, резидент, Стася Гуляченкогъа оны шу ерде беклеп отурмасыны риджа этти. «Мен чокъ олса, бир сааттен къайтып келирим. Бизге бир радиограмма даа ёлламакъ керек оладжакъ» деп Сейфединнен корюшмеге кетти. Онынъ Кенегес коюнден кетирген хаберини билип, айны шу куню 27 номерли экинджи радиограмманы тертип этти. «Меркез»ге «Сафие»ден: «Кенегес коюнде учюнджи румын дивизиясынынъ штабы булуна. Дивизия командири генерал Магулиский...» Стася Гуляченко кене бу ишни девам этмеге къоркъкъаныны ве геджелери чешит къоркъунчлы тюшлер корьгенини сёйледи.

— Эгер сен бойле теляшланаджакъ олсанъ, бизим ишимизге зарар кетире билесинъ. Ойле олса, мен Меркезге сенинъ хызметтен ред эткенинъни бильдирейим. Мангъа башкъа радист ёлласынлар. Насыл дейсинъ, разысынъмы? — деп сорады Алиме.

— Ёкъ, ёкъ, керекмей. Разы дегилим. Мен чалышмакъны девам этмеге разым, — деди Стася Гуляченко озь сёзлерине пешман этип, утангъан тарзда.

— Яхшы. Ойле олса, лакъырды экимизнинъ аразыда къала. Лякин бир даа къоркъам деген сѣзни эшитмейджегим!

Баягъы вакъыт индемей отурдылар.

— Стася, достум! — деди онъа Аня. — Насыл беллейсинъ, уджюмге кечкенлер, сюнгю урушында ювургъанлар, пулемѣт атешине къаршы кеткенлер къоркъмайлармы? Къоркъу эр кесте бар. Къоркъмамакъ къараманлыкъ дегиль. Къараманлыкъ озюндеки къоркъуны бастырып, телюкеге къаршы кетмектир. Мына, биз, сен ве мен, сонъки тамчы къанымызгъадаже Ана-Ватанны къорчаламагъа емин-ант эттик. Биз де инсанмыз къоркъу не экенини билемиз. Лякин берген мукъаддес антымызгъа садыкъ къалмакъ керекмиз. Иште, ойле, достум! Тур, эвге къайтайыкъ! Бурсюкунъ акъшам Октябрь байрамыны къайд этеджекмиз.

1943 сенеси ноябрь 6-да Улу Октябрь социалист инкъилябынынъ 26 йыллыкъ байрам акъшамы Алиме аркъадашларыны бирер-бирер озъ одасына топлады.

— Къыйметли достлар! — деди Алиме Абденанова. — Бугунъ, Къырым мувакъкъат оларакъ Германия арбий кучълери алтында инълегенде, бизлер совет разведкаджылары Улу Октябрынинъ 26 йыллыгъыны къайд этемиз. Эпинъизге байрам хайырлы олсун! Разведкаджыларымыз Неджибе Баталова, Васфие Аджибаева, Абдуракъип Болатов, Хайрулла Мамбетджанов, агъа-къардаш Сейфедин ве Джеват Меннановлар! Ватанымыз, Къырымнынъ азатлыгъы огърунда косътерген хызметлеринъиз ичюн сизлерге тешекюр бильдирем. Куню келир, эр бир ватанпервернинъ ишине лйыгъынджа къыймет кесилир.

Достларым, апте-агъаларым! Гъалебе куню якъынлашмакъта. Къызыл орду уджюм артындан уджюмге кечип, немсе-фашист кучълерини гъарбкъа къуваламакъта. Гитлерджи алчакълардан бинълернен койлер, юзлернен шеэр-

лер азат этильмекте. Бизлер де бу мукъаддес иште даа юксек дженкяверлик косътермек керекмиз.

Бизим вазифемиз: Феодосия ве Джанкой шеэрлеринден Керич тарафкъа кечкен арбий эшелонлар, Феодосиядан Керичке ташёл бою кеткен машиналарны гедже-куньдюз озъ назарымыз алтында тутмакъ, Владавловка, Акъ-Манай, Семь колодезей, Ойсул, Ташлы-Яр, Салын, Керич станцияларындан кечкен эр бир эшелон ичюн месульмиз. Оларнынъ сайысыны бильмек, сырыны ачмакъ.

Мен бир шей даа айтмакъ истейим, достлар. Эпимизге малюм, джебэлерге кеткенлернинъ аилелерининъ базылары ашайттан пек замет чекелер. Болатов аркъадаш, сизге бир суаль: ярын, байрам куню койдешлерге, ич олмагъанда, экишер-учер къопкъа захире бермек имкяны бармы? Ве сиз бу ишке насыл бакъасынъыз?

— Имкян бар. Эм оларгъа ярдым этмек пек яхшы олур. Ярын колхоз къаралтысы артында уруны ачармыз. Адам башына бирер къопкъа богъдай дагъытырмыз. О тарафыны сонъундан кетишат озю косътерир.

— Пек догъру япарсынъыз. Уруны ачув ве ашылыкъны дагъытув ишине джемаат арасындан киши тайин этильсин. Бу ишке бизим адамлар къарышмасалар, яхшы олур. Разысынъызмы?

— Разыман! — деди Болатов, джемааткъа япаджакъ ярдымындан шадланып.

— Къыйметли достлар, пионер Джеват, баягъы вакъыттан берли душмангъа къаршы куреште буюк гъайрет косътерип кельмекте. Япкъан ишлери эпимизге белли, — деди Алиме Джошкъунлыкънен. — Джеват якъында он алты яшыны толдурды. Дженк олмагъан олса, о энди комсомол азасы олур эди. Джеватнынъ Ватан огюндеки хызметлерине юксек къыймет кесерек, оны комсомолгъа аза къабул олунамасыны теклиф этем.

Аркъадашлар, бу меселеде эпинъизнинъ рей бермеге укъукъынъыз бар. Бойледже, Джеват Меннанов ВЛКСМ сафына къабул этильсин дегенлер эллерини котерсинлер... Бир, эки... алты. Джеват Меннанов бир агъыздан ВЛКСМ азалыгъына къабул олунды. Къырым азат этилип, район комсомол тешкиляты озъ вазифесининъ эдасына кечкени киби, Джеват Меннановгъа тантаналы суретте ВЛКСМ билети такъдим этиледжек.

Софра устюнде ситро, дёрт кесек къалакъай, бурма ве башкъа емеклер булуна, гуя мында мусафирликке кельгенлер.

Ноябрь 8 куню Сейфедин Меннанов Марфовка дегирменине барып, алты чувал богъдай чектирип кельди. Марфовкада немсе арбий къысымы тургъаны ве мектеп бинасында фашистлернинъ штабы ерлешкени хусусында хаберлер кетирди.

Шу геджеси «меркез»ге 28 номерли радиограмма иле Марфовка акъкъында малюмат берильди.

Демирёл станцияларында ашайт маллары сатын алгъанлар, я да кийим ве эв эшьяларына денъишмек ичюн эшелонларны къаршылап чыкъкъанлар бар эдилер. Бойлелер арасында Джермай-Къачыкъ койлюлерини де расткетирмек мумкюн эди. Бу кересинде Алименинъ озю Ойсул, Ташлы-Яр, Салын демирёл станцияларыны доланып, къадын кийимини ич бир шейге «денъишип оламай» къайтты. Лякин ноябрь 10-да, «Меркез»ге 29 номерли радиограмма кетти: «Патлатылгъан эки демирёл копюри янъыдан ясалды. Керичтен Ойсулгъа баргъандже бутюн демирёл миналанды. Оны ток вастасынен патлатмагъа азырладылар. Ойсул карьеринде Ташлы-Ярдан кельген 240 дане бош вагон бар. Узакъ атыджы топларны Салын станциясына кочюрдилер. Бутюн эалини Армаэли, Семисотка, Акъ-Манай ёлагъыны мудафаа ишлерине мобилизледилер».

Алиме озю огюне, насыл да олса, десант тюшеджек Къызыл Ордунунъ енъишли арекетлерини темин этмек, явуз душманнынъ демирёл боюндаки ишлерини козь этмек вазифесини къойды. Онынъ кишилери демирёл станциялары янларында доланды, эшелонларнынъ насыл юклер алып кеткенлерини бильмеге тырыштылар. Алиме сабадан акъшамгъада демирёл якъынларында экин ызанлары ичинде сакъланып, ахвалны сейир этти, геджелери «Меркез»ге радиограмма ёллады. Совет авиациясы де бир, де дигер демирёл бою аскерий, арбий техника юкю эшелонларны куль-виран этти.

Фашист команданлыгъы бутюн бу къарсанбалыкъларда Совет разведкаджыларынынъ эли барлыгъыны сезип, шеэр якъынларында радиопеленгатор ишлетти, лякин ич бир тюрюл нетиджеге иришип оламады. Кучюк бир татар коюнде, татар ватанперверлеринден тешкиль олунгъан арбий резидентура чалышадыр деген шей оларнынъ акъылына кельмеді.

Койде тосат-тосат немсе, румын арбий къысымлары токътап бир къач вакъыттан сонъ кете эдилер. Бу сефер немсе къысымы кельди. Аскерлер мезарлыкъ янындаки мектеп бинасына толуптылар. Кой эвлерини тешкерип, офицерлерге раатланмакъ ичюн келишикли ер къыдырып юрьдилер. Абденановаларнынъ эвине кельдилер. Мында учъ оада еди джан яшай. Офицерлер: «Яшамакъ ичюн шараит ёкъ», — деп, чыктып кеттилер. Квартирмейстер, кой полицайы Болатовдан, мында дженап рота командири ве онынъ ярдымджысы ерлешмек ичюн яхшы, донамлы эв тапмасыны талап этти. «Догърусыны айтсам, офицер азретлери, — деди Болатов хош кулюмсиреп, — койде сизлер ичюн энъ келишикли ер меним эвим. Бир апай, бир озюм. Бала-чагъа ёкъ, темизлик. Риджа этем, бизим эвге буюрынгыз!» — деди тильмач ярдымынен. «Мусафирлер» полицайнынъ косътерген незакетинден файдаланмакъ къа-

рарына кельдилер... «Не белялы башым бар экен, — деди Абдуракъипнинъ апайы Ферузе. — Бу мусибетлерни кене мында алып кельдинъми?»

Койде душман ротасы токътагъаны себебинден, Алименинъ иши муреккеплешти. Невбеттеки 31-нджи радиограмма берильмек керек эди. Алиме анасыны «Джантыкъ къая» янындаки къуюдан сув кетирмеге ёллады. Къардашы Азифени исе азбардаки къуюдан сув чеккен Ревиде абай корюнген ерге къойды. Эгер ят кимселерден биревлер эв тарафкъа якъынлашсалар, анасы сув толы къопкъаларнен эвге таба юреджек. Буны корьген Азифе, эв ичинде рацияны ишлеткен аптесине хабер этеджек. Бойле усул сае-синде ноябрь 14-те «Меркез»ге муим малюмат ёлланылды. Шу вакъыт «Краснодар» разведмеркезинден алынъган 8 номерли радиограммада: «Палапан, Султановка, Марфовка, Чокъул, Чалтемир, Баткъыр орталыкъларында аскерлернинъ топлулыгъыны, оларнынъ сия къуветини ве мудафаа вазиетини бильмек ичюн зарур чарелер корюнъиз» деген риджада булундылар.

Разведкаджылар меркезнинъ вазифесини эда этмек макъсадынен Палапан, Чокъул, Чалтемир, Баткъыр койлерине барып, душманнынъ арбий къысымлары, штабы, сияялары, ашайт, якъарлыкъ анбарлары тургъан ерлерни огренип кельдилер. 24 ноябрь геджеси «Сафие» «Меркез»ге еди радиограмма ёллады. Лякин «Меркез» меракълангъан Султановка кою хусусында малюмат алмакънынъ чареси олмады. Султановка кучлю душман бекчилеринен сарылып алынъган ве ясакъ ёлакъ деп илян этильген.

Разведкаджы эркеклер Султановкагъа якъынлашкъанда немсе бекчилери: «Кери дён!» — эмири иле оларны артына къайтардылар. Васфие къызы Улькернен: «Бельки бизлер бир чаре тапармыз», — деп кеттилер. Олар да бир шейге малик олмагъан сонъ, Султановкада гъает муим арбий къысым олгъаны анълашылды. Алиме насыл да олса, анда не

барлыгыны бильмек ичюн чарелер араштырды. Бу акъта Болатовнен фикирлешти. «Сизинь эвде ерлешкен капитан ярдым этмезми? — деп сорады ве сонъра: Лякин насыл ёлнен, насыл этип?» деп тюшюнди.

— Абдуракъип агъа, сиз манъа Султановкагъа бармакъ ичюн капитандан кягъыт алып берип оламайсынъызмы? — деди Алиме.

— Султановкагъа кимсени якъын къоймагъанларыны озюнь яхшы билесинъ. Биле турып башынъны белягъа сокъмакъ истейсинъ. Я немсе менден къардашынънынъ анда не иши бар деп сораса, не айтырым? — деди Абдуракъип асабий алда.

— Джумазие къартанасыны ёкълап бараджакъ дерсинъиз.

— Я Джумазие къартанай учъ ай эвельси вефат эткен олса?

— Бизим ондан хаберимиз ёкъ. Анда баргъан сонъ, къартанамыз апансыздан ольген хаберини алып келирим. Офицернинъ огюнде яныкълап дуа эткенден олурмыз. Мерумны хатырлаймыз деп, оларгъа бирер къаде шарап берирмиз. Олур-кетер, — деди Алиме. О, ялварса Абдуракъип ред этмейджегини биле эди.

Болатов «мусафирлер»нинъ хатирини тапмагъа тырышты. О бу кельмешеклернинъ вакъты-саати кельгенини, Къырым топрагъында мувакъкъат булунгъанларыны яхшы биле эди. Джермай-Къачыкъта яшагъан совет разведкаджыларынынъ аманылыгыны сакъламакъ ичюн немселерге яхшы корюнге тырышты. Джемаатнен озълерини дюрюст алып бармаларыны талап этип турды. Немселер Абдуракъипни бегене эдилер. Онънъ, немселерге озъ эвини теклиф эткенини, мусафирченлигини, койде низам-интизам барлыгыны къач керелер къайд эттилер. Ана, энди эйиликке къаршы эйилик япмакъ сырасы сизге кельди деп тюшюнди эв саиби. Софра донатты. Офицерлерни зияфетке давет этти, бирер къаде

къойды. «Офицер дженаплары! Биз сизлернинъ бизим койде токътагъанынъызгъа мемнюнмиз. Бизден бир тюрюлю осаллыкъ коръмединъыз. Эм де коръмезсинъыз. Истесенъыз, даимий къалынъыз, — деп къадесини токъуштырды ве озъ тилинде: «Мезарлыкъта ер тапылыр» — деп иляве этти. — Сизлернинъ эшкынъызгъа!» Къаделер бошалып, экинджи кере толдырылды. Къаршылыкъ сёз айтмакъны мунасиб коръген капитан огюндеки къадени элине алды: «Сиз, Болатов эфенди, истесенъыз, бир тамам къалынъыз дединъыз, буны яхшы айттынъыз. Бизим гъалебемизден сонъ фюрерге садыкъ немселер Къырымда яшайджакълар».

«Мусафирлер» кейфленип, котеринки сеснен лакъырды эте башладылар. Ичери Алиме кирди.

— А-а, Аня! Риджа этем, софрагъа буюрынъыз, — капитан еринден турмакъ истеди. — Мен сизинъ къардашынъызгъа буюк урмет этем.

— Мен буны дуям. Чокъ языкъ ки, бизим шериатымыз къадын-къызларымызгъа ракъы-шарап ичмеге, башкъа динге инангъанларнен корюшмеге рухсет этмей, — деп кулюмсиреди Абдуракъип. Бунынъле о шериатны махкюм эткенден олып, Алимени къорчалады. — Капитан азретлери, Анянен сизге бир риджамыз бар. Бизим истегимизни эда этсенъыз, бизим аилемиз ичюн буюк эйилик япкъандан олур эдинъыз. Султановка коюнде бизим...

— Султановкада?! Мен сизинъ аиленъыз ичюн эр тюрюлю яхшылыкъ япмагъа азырым. Лякин Султановкагъа бармакъ къатиен ясакъ... Аня анда пейда олгъаны киби, оны къапарлар, мени офицер погонларымдан марум этерлер... Билесинъызми, не ичюн?.. Султановкада орду штабы булуна, анда эсас лазарет ерлешти, узакъ атыджы топлар бар. Билесинъызми, 17-нджи немсе ордусыннынъ команданы генерал-полковник Енеке насыл серт адам? Анда бармакъны тевсие этмейим, — деди капитан, озюнинъ арбий

сырларындан хабердар офицер олгъанына къопайчораланып.

— Биз акъыллы адамнынъ огюти огюнде баш эгемиз. Мадем ки, бармакъ мумкюн дегиль бармаймыз. Тешеккюр сизге! — деп Алиме сагъ элини кокюси устюне къойды. Капитан буны озъджесине анълады. Абдуракъип лакъырдысыны башкъа мевзугъа чевирип, бирер даа къойды. «Мусафир»нинъ сагълыгъына котерди.

Ноябрь 26-да Алиме 39 номерли радиограмманен шу малюматны берди: «Эльде этильген малюматларгъа коре, Султановкада 17-нджи немсе ордусынынъ штабы, эсас лазарет, узакъ атыджы 6 топ булуна, Сафие».

Декабрь 3-те 41 номерли радиограмма ёлланылды. Анда Алиме шуларны хабер этти: «Палапан коюне шаркътан румын топчылары кельдилер. Он эки узакъ атыджы ве алты дане зенит топлары. Ново-Николаевка коюне шаркътан 30 дане къапалы автомашина ве 6 дане орта буюкликте танк кельди. Сафие».

Керич ярымадасы Къырымнынъ энъ сувукъ аязлы отъкюр еллер эскен ери. Декабръде къатты сувукълар башлай, къар ягъа.

Къара къышта сувукълар 15-тен 30 дереджеге чыкъа. Араба ёллары бузлай, къаткъакъ ола. Шеэрнен койлер арасында арабанен къатнавлар азлаша. Ёлларда сийрек-серпек атлы ёджулар расткелелер.

1943 сенесининъ декабрь айы о дередже сувукъ олды ки, ёлларда джаяв юрьмекнинъ чареси олмады.

Алиме бизим шанлы ордумыз энди Азав ве Къара денъиз ялыларында десант тюшюрип, ишгъаль эткен ерлерини къавий туткъанындан хабердар эди. «Эбет, къатты сувукълар аскерлеримизнинъ умумий уджюмге кечмесине кедер этсе керек. Лякин умумий уджюм куню узакъ дегиль. Бизге ич бир тюрлю сувукълардан къоркъмайып, керек олса, аткъа минип кетип, хызметимизни девам этмек, вазифемизни

эда этип турмакъ керек» деп тюшюнди Алиме. Мувакъкъат оларакъ конкрет авалелерден азат этти. Озю исе, эркеклернен берабер, демирёлдаки арекетлерге козь-къулакъ олып турмакъ къарарына кельди. Джеват Меннанов таш ёл тамири ишинден Абдуракъип агъанынъ ярдымынен Дёрткуль район почтасындан почта ташув ишине авуштырылды. Бу келишлики вазифе. Джеват анда озю киби башкъа койлерден къатнагъан яшларнен корюшип тура. Янъылыкълар билип келе.

«ГФП-312» агентлери озьлерининъ алчакъ, резиль ишлерини девам этмектелер. Буны Алиме ич бир дакъкъа унутмай ве бу хусуста аркъадашларыны да тенбилеп тура.

«Меркез»ден янъы вазифелер олмагъанына бакъмадан, разведкаджылар ёлларны эп доланды, демирёл ве станцияларны дикъкъатлары алтында туттылар. Команданлыкъ ичюн 10, 16, 24, 30 декабрь акъшамлары 42—45 номерли къыйметли радиограммалар ёлланылды.

Ниае, 1944 сенесининъ йылбаш байрамы етип кельди. Адети узьре, йылбаш кобетеси пиширильди. Кобете, ичине «насип» деп кумюш акъча къююлды. Кобетени Ревиде абайнынъ озю кесип, дагъытты. «Арамызда бахтлы ким олса, «насип» онъа чыкъсын!» деди. Лякин йылбаш кобетеси адетининъ шойле бир шарты бар. «Насип» кимге чыкъса, о киши бахтлы оладжагъындан толайы, кобетени ашамайып софрадан четке чекильмек керек. Амма о «насип» озюне тюшкенини сездирмей къурназлыкънен акъчаны агъызындан дуйдырмай чыкъара, кобете ашамакъны девам эте биле. Эгер «насип»ни алгъан адам, бойле айнеджиликни беджерип олса, йылбаш софрасы гъает шенъ келе. Бу чокъ эски адетлерден бири. Месея: Эр кес «насип» манъа чыкъар деп умют эте ве мукъайт ашай. Эр кес бири-бирининъ агъызына бакъып тура. Бирев, «насип» чыкъкъан киби, яландан агъызындан акъчаны дуйдырмадан алып яшырмакъ истей, сонъ шакъа олгъаны, анълашыла. Эр кес кулюше. Йылбаш

кобетеси эглендже, шакъа, кулькю акъшамына чевириле. «Тура», «алтын юзюк», «чайник», «телефон»... киби чешит миллий оюнлар бар. Йылбаш кобетеси акъкъында догъмушлар арасында чешит лафлар, ёрумлар айтыла. Бу кересинде Алиме чешит ёрумларгъа огърады, чюнки йылбаш «насиби» онъа чыкъты.

Янъы йыл сабасы сой-акъраба бири-бирини ёкълап келе. Ичери киргени киби, эвнинъ тёрюне авучнен богъдай сепе. Янъы йыл хайырлай. «Янъы йылда эвинъиз отъемкли, бол-берекетли олсун» дей. Достлар да бири-бирини хайырлай, башларындан ашагъы — ашыкъ септилер. Олар озь араларында бири-бирининъ хаялыны, арзусыны билелер. Алимеге мурадына наиль олып, яхшы мимар олмасыны, Васфиеге — медицина институтыны битирип, эким олмасыны, Неджибеге — совет арбий разведкаджыларынынъ фаалиетлери акъкъында роман язув мерамына иришмесини тиледилер. Эртеси куню сабадан эркеклер чатлама сувукъта ёлларны, станцияларны козь этмеге кетти, акъшам къайтып кельдилер. Эльде этильген малюматларны гедже ёлламакъ кереклиги хусусында Стасягъа хабер этильди. Рацияны Алимелернинъ эвинде къурмакъ къарарына келинди. Ревиде абай Мельбек битайнынъ одасына кирди. Азифе, Сейфедин, Джеват тышарыда бельгиленген ерлерде невбетчиликте турдылар. Ичериде Алиме, Стася Гуляченко рацияны ишлетмек ичюн эки сааттен зияде огъраштылар, чалыштырып оламадылар. Ниает, тышарыда бузлап-къатып къалгъан невбетчилерни ичери чагъырдылар. Стася рацияны ишлетмек чареси олмагъаныны, «Меркез»ден дигер рация кетирмек кереклигини айтты. Меселе пытракълашты. Башкъа рация кереклигини Краснодаргъа насыл хабер этерсинъ? Демек, Эски-Къырымгъа барып, алякъаджы «Отважный»нен корюшмек керек. Онынъле ялынъыз резидентнинъ озюне корюшмек рухсет этильди. Не япмалы?

Алиме Болатовгъа барды. Рация бозулгъаныны ве илериде чалышмакъ ичюн янгы рация кереклигини аңлатты. «Насыл да олса, бир мана тапып, Эски-Къырымгъа бармакъ керек, — деди Алиме Болатовгъа. — Башкъа чаре ёкъ». «Ай анасыны, напсакъ экен, — деп тюшюнджеге далды Абдуракъип. — Ферузе аптенъ чокътан берли тикиш машинам ктырылды, Эски-Къырымда тамирлей экенлер, деп къач керелер айтты. Ойле олса, ярын сабадан кетемиз, — деп кулюмсиреди Абдуракъип кетмек ичюн мана тапылгъанына севинип. — Бедарканы екерим. Сен яхшы кийин. Ёл якъын дегиль. Ава сувукъ. Болатов полицаи формасыны кийди Алименен ян-янаша отурып, тикиш машинасыны бедарканынъ огюне къойып джёнедилер. Ат ёргъалай берип къарлы, бузлы къаткъакъ ёлдан кетти. Онынъ сыджакъ нефесинден агъызлыгъы четинде къырав пейда олды. Дерсинъ, айван шеэрге кеткени ичюн севине, къулакъларыны тиклеп, кимерде бойнуны бурып шорбаджысына бакъа. Болатовнынъ къамчы котермей «айды, достум, айды!» дегенинден мемнюн киби, ёргъалавыны эп чабиклештире.

— Алиме, биз учъ айдан берли сен не талап этсенъ, шуны эда этмеге тырышамыз. Сенинъ вазифенъде садыкълыкъ, адалет, озюнъде буюк ираде сеземиз. Шунынъ ичюн де сени сая-севемиз. Сенинъ киби етекчимиз олгъанына гъурурланамыз. Биз буны коремиз, дуямыз. Амма озюнъ акъкъынъда бир шей бильмеймиз. Ферузе аптенъ: «Бу Алименинъ гонъюль берген бир кимсеси бармы экен?» — деп къач керелер сорады. Акъикъатен бармы?

— Абдуракъип агъа, дженк башлагъан айы мен даа он еди яшында эдим. Гонъюль бермек къайда, мен атта яшлар булунгъан ерлерге оюн майданына къатнамагъа биле етиштирамадым, — деди Алиме ве теренден кокюс кечирди.

— Языкъ! Чокъ языкъ! — деди Абдуракъип.

— Неге языкъсынасынъыз, Абдуракъип агъа! Бизим аятымыз илериде. Дженк битер. Ойле гъалебе байрамы

япармыз ки, дюнья шашар. О вакъытта йырлармыз! Ойнармыз! Сизлер халкъымызнынъ гъуруры, къараман йигитлер олурсынъыз. Эпинъиз окъур, бильги алырсынъыз. Джеват макъсадына иришир. Мен къоджагъа чыкъарым. Сиз тойымда къартагъасы олурсынъыз. Мен: «Эй, джемаат, къаделеринъизни тойымызнынъ къартагъасы Болат огълу Абдуракъип шерефине котеринъиз, бу киши душман арбий кийиминде совет разведкаджысы сыфатында душман иле курешти». Ана о вакъытта халкъ сизинъ ким экенинъизни билир.

— О вакъытта сенинъ де ким экенинъни билирлер. Шимди: «Бу къыз ничюн бойле чокъ чапкъалай» дегенлер ве сени Ревиде къартанангъа бенъзеткенлер бар. Мен олартгъа: «Кимсенен ишинъиз олмасын» деп сенинъ иле ильки корюшкенде мангъа айткъан сёзлеринъни айтам. «Биз бу ерлернинъ къумларымыз, сув акъар, къум къалыр, тилинъизни билип къулланынъыз!» Шай деп, Абдуракъип кульди. Алимде де онгъа къошулып юректен кулюштилер. «Демек, биз бу ерлернинъ къумларымыз!» — ве даа зияде кулюштилер.

— Мени къартанама бенъзетелерми? Бу яхшы. Мен онгъа къартана дегиль де, ана дегенимни билесинъиз. Мен оны о къадар севем. Онынъ эмексеверлиги, Ватангъа, халкъкъа садыкълыгъы, дюрюст фикирлери ичюн севем. Билесинъизми, совет акимиети пекитильген йыларда Керич ярымадасынынъ эалиси меним къартанама «Къарт коммунист» деген. Халкъ бу адны, лагъап дегиль де, онынъ ленинджи олгъаны ичюн урьмет этип айткъан. Анамыз огъууларынынъ учюни де большевик рухында тербиеledi. Мангъа да: «Осип-буюсенъ, сен де, дайыларынъ киби, коммунист олурсынъ!» деп къач керелер айтты. Абдуракъип агъа, «сенде къавий ираде сеземиз», — дединъиз. Меним ойле олмамда анамнынъ тербиевий тесири гъает буюк. Мен онынъ падиша огъуулары, къыраллар, ханлар акъ-

къында масаллар икяе эткенини эшитмедим. О ялынъыз Ватанына, халкъына, мемлекетине садыкъ алда олип кеткен къадын-къызлар акъкъында эфсанелер, дестанлар айтмагъа севе...

Лакъырды олгъан ерде вакъыт тез кече дейлер. Бизим ёлджулар къызгъын лаф иле Акъ-Манай, Владиславовка станциялары янындан Ново-Покровка коюне чыкътылар, ондан солгъа бурулып, бир къач татар койлери янындан кечип, Эски-Къырымгъа етип кельдилер. Шеэрге кире-джекте, оларны шлагбаум огюнде токътаттылар. Къайда ве не ичюн кеткенлерини, весикъаларыны тешкердилер. Тикиш машинасынынъ къапагъыны котерип бакътылар. Ёлуна девам этмек рухсетини алгъан Болатов шлагбаум бекчилерине он йымырта къалдырып джёнеди. Немселер севингенинден: «Мына бу бизим адам», — деп къалдылар. Абдуракъип тамирханени тез тапты. Рум уста машинаны тешкерди: «Тюзетмек мумкюн, лякин бугунъ дегиль. Учъ кунъден келип алырсынъыз», — деди. Абдуракъип базар янында ашчы тюкянына кирди. Алиме озюне керек сокъакъны кыдырып кетти. Пушкин сокъагъында еди номерли мавы боялы къапы огюнде токъталды, зеининде нелернидир хатырлап, къапыны къакъты, сес чыкъмады. Бираздан текрар, къуветлидже къакъты. «Ким бар анда?» — деген сес эшитильди. «Мында чыкынъыз, сизден сорай-джакъ шейим бар», — деди Алиме. Къапыда отуз яшларында эркек киши пейда олды.

- Сиз кирагъа ода бересингизми?
- Берем. Донанмасы такъымынен.
- Кира акъкъы паалымы?
- Ёкъ! Паалы дегиль!
- Кирип корьмек мумкюнми?
- Мумкюн.
- Таныш олайыкъ. Аня.

— «Отважный».

...1942 сенеси январь 24-те, Совет Ордусы Феодосиядан Керич бетке кеткенде, орду разведка боюги, дженктен огюне Эски-Къырым шеэринде яшагъан Смирнов деген арбий кишини, азырлыкътан сонъ, «къачакъ» сыфатында озъ эвине къайтып яшамакъ ичюн къалдырды. Смирнов къач айлар гизли яшады. Сонъра къол таякънен шеэрде пейда олды. Немселер комендатурасы оны тешкергенде, дженкнинъ ильки кунълеринде сабыкъ, къызыл аскер Смирнов аякътан яралангъаныны ве бундан сонъ арбий хызметтен къачып эвге кельгенини айтты. Оны тешкерип бакътылар. Айткъанларыны акъикъаткъа бенъзеттилер. О вакъытта гитлерджиер: «Фюрернинъ шанлы аскерий кучълерининъ дарбелери алтында Къызыл Орду енъилир, аскерлери къачакъларгъа чевирилирлер» деген фикирде эдилер. Таякъкъа суюкенип юрьген кишини къачакълардан бири ерине къабул эттилер... Шунунъ эсасында, дженктен тёнъюльген солдатлар арасында мисаль оларакъ тешвикъат алып бардылар...

1943 сенесининъ кузюнде Къырымда партизан арекети душмангъа амансыз дарбелер эндирип, озюни таныткъан бир вакъытта, дагъдан Эски-Къырымгъа кельген орта бойлу, кесментик, сарышын киши Пушкин сокъагъында 7 номерли эвнинъ къапысыны къакъты. Та 1942 сенеси январь айында бельгиленген пароль вастасынен Смирновгъа озюни танытты. «Отважный»ге шеф Захаровдан селям кетирди. Чалышмакъ вакъты кельгенини айтты. Бундан сонъ о тюрлю вазифелерни эда этти. Озюни чалышмагъа икътидарлы адам деп танытты. Дагъгъа къатнамакъ ёлуны огренди. Бир кере партизан аэродромындан Краснодаргъа учты. Подполковник Захаровнен корюшти. Шеф онынъ ишке киришкенини тефтишлеп, конспирациягъа къаттыриаает этмесини талап этти. Захаров онъа: «Итимал, сизге

бир къыз келир. Насылдыр бир ишнен, я да меселенен мураджаат этсе, о къызгъа ярдым этерсинъыз!» деген эди.

Шимди Аня иле таныш олгъанда Захаровнынъ шу сёзлерини хатырлады.

— Сизнен таныш олгъаныма гъает мемнюним. Шефимиз мангъа зарур кельсе, сизнен корюшмекни тевсие эткен эди, — деди Алиме.

— Насыл ишнен буюрдынъыз?

— Меним рациям бозулды. Радист тамирлеп оламай. Янгы рация керек. Не къадар тез олса, о къадар яхшы.

— Мумкюн. Лякин сизинъ дегенинъиз киби тез олмаз. Энгъ аздан бир афтадан... Январь 12 куню келип алырсынъыз, — деди «Отважный». — Мында келип олурсынъызмы?

— Келирим. Лякин не ичюн ойле кеч?

— Сымарышынъызны о вакъыткъа эда этип олсам, аферин, «Отважный», денъыз!..

«Отважный» шу гедже онгъа белли ёлнен Эски Къырым дагъларында курешкен партизанларнынъ Шаркъ бирлешмесине келип чыкъты. Керек адамынен корюшти. Онгъа разведмеркезге барып янгы рация кетирмек кереклигини айтты. О адам Шаркъ бирлешмесининъ командири В. С. Кузнецов, комиссары Р. Ш. Мустафаевнен корюшти. Орду разведкаджылары алякъаджысына аджеле суретте Краснодаргъа учмакъ ичюн ярдым косътерильди.

Экинджи куню партизан аэродромындан котерильген самолёт адий кийимли кишини Краснодаргъа Пашково аэродрома алып кельди. О киши «Отважный» эди.

Подполковник Захаров раатсызланмакъта эди. Къач куньден берли Джермай-Къачыкъ резидентинден хабер ёкъ. «София»нынъ чагъырувларгъа джевап бермегени Захаровны чешит тюшюнджелерде къалдырды. Джебэ аркъасында джаныны телюкелер ичине къойып чалышкъан Аня

озь ишинен теджрибели разведкаджыларны биле айретте къалдырды. Бойле вакъытта подполковник Захаров сёзге келип: «Билесингъизми, аркъадашлар, Аня секиз яшында ата-бабадан марум къалып, Ревиде къартанасынынъ элинде тербиелене. Коммунист Муедин дайысынынъ онъа буюк тесири ола. Не исе де эшкъ олсун къызгъа!» — дей эди. Шимди онынъ сускъаны Захаровны телаш ичинде къалдырды. О саат сайын ярдымджысы майор Зайцевден Аня хусусында хабер сорай эди.

Ичери невбетчи лейтенант кирди:

— Подполковник аркъадаш. Смирнов деген киши узурынъызгъа кирмеге рухсет сорай.

— Айт, кирсин, — деп Захаров еринден турды. Сабырсызлыкъле Смирновны къаршылап, селямыны алды.

«Отважный» не айтыр экен деп онъа дикъкъатле бакъып турды.

— Сизге резиденттен селям кетирдим. Онынъ рациясы бозулгъан. Радист рацияны тамирлеп оламагъан. Янъы рация ёлламангъызны риджа этти.

— Барсын, ойле олсун. Тек Анянынъ озю сагъ-селямет олсун. Кетирген хаберинъ ичюн сагъ ол. Биз мында беш кунъден берли Анянен багъ къуралмай, телаш ичинде къалдыкъ... — деди подполковник, — ярын рацияны алып кетерсинъ. Ярын гедже де учарсынъ! Анъладынгъмы?

— Анъладым. Ярын гедже учам, — деди о эмирни текрарлап.

— Айды, отур, энди вазифелерден тыш лакъырды этейик. Анянынъ корюниши насыл, тенджюристми?

— Меп онынъле биринджи корюшювим. Менде джесаретли, акъыллы къыз оларакъ тезссурат къалдырды.

— Янъылмадынъ. О, акъыкъатен, Ватанымызнынъ садыкъ къызы. Меним адымдан резидентни «Къызыл Байракъ» ордени иле мукафатланувы мунасебетинен хайырла.

О бу муяфаткъа та ноябрь 5-те такъдим этильген эди. Даа якъында, январь 5-те тасдыкъланылды. Буны онъа мытлакъа бильдир! Мен ондан бизни меракъландыргъан янъы малюматларны бермесини риджа эткен эдим. Бу акъта онъа хатырлатырсынъ. Озь эвинъде яшамакъны девам эт. Пароль эскидеки киби къала. Аня санъа насыл истекнен мураджаат этсе эписинде ярдым этмеге тырыш. Менде башкъа суаль ёкъ. Сизде?.. Ойле олгъанда, сагълыкълашамыз. Рация, самолёт меселесинен сени майор Зайцев темин этер. О бу акъта биле. Ишинъде мувафакъиет тилейим, — деп элини узатты Захаров.

Партизан аэродромына къонгъан самолёттан тюшкенлер арасында учъ кунъ огюне Краснодаргъа учкъан киши де бар эди. Гедженинъ бир вакъытында автомат ве гранаталарнен сиялангъан адамлар аркъасына эшъя чувалы багълы кишини дагъ ичинден озгъарып, Эски Къырым сокъакъларындан бириндеки мавы къапылы эвнинъ янында токътадылар. Аркъасында юкю олгъан киши эвге киргенге къадар олар коше башындан бакъып турдылар. Сонъ «Эр шей сырасында» деп, кельген ёлларынен гедженинъ къаранлыгъына сингип кеттилер.

Январь 12 куню бекчилер шлагбаум янында озьлерине таныш бедарканы токътаттылар. Бедаркадаки немсе кийиминде эркек ве къадын незакет иле селям бердилер. Тамирханеден тикиш машинасыны алмагъа кельгенлерини айттылар. Айдавджы, арпа толугъа торбасындан отуз йымырта чыкъарып бекчилерге берди. Байгъушлар мемнуниетле озь араларында нелердир айтышып, пишкен йымырталарны ашап къалдылар... Тикиш машинасыны тамирлеген рум уста: «Машинангъыз азыр, ала билесингъыз», — деди. Машинаны бедарка устюнде ерлештирип, сагълыкълаштылар. Сокъакълар теналыкъ. Гуя шеэрде кимсе къалмагъан, эр кес кочип кеткен. Бедарка мавы къапылы эв янына келип токъ-

тады. Полицай арпа торбасыны атнынъ башына кечирювен мешгуль олды. Эвеля бир къадын, онынъ артындан эркек киши азбардан чыктып, чувалгъа оралгъан «юк»ни бедарканынъ отургъычы тюбюндеки сандыкънынъ ичине ерлештирдилер. «Отважный» Аняны, девлет мукафаты алгъаны ичюн хайырлады. Шефнинъ селямыны айтты. Аня пальтосынынъ енъинден пакет чыкъарып «Отважный»ге берди, онынъ шефке такъдим этильмек кереклигини анълатты. Олар сёзсиз башларыны эгип, сагълыкълаштылар. Абдуракъип: «Чокъ арпа ашасанъ, емлерсинъ», — деп, атнынъ башындаки торбаны алды. Шлагбаум янындан олар сагълыкънен къалынъыз дер киби, эллерини салап кечип кеттилер.

Ёджулар койге къайтып кельгенде, орталыкъкъа къаранлыкъ чёккен эди. Эвден эвеля Азифе чапып чыкты, аптесининъ бойнуна сарылды. Ревиде абай, хош кельди айтып, Алимеге бакъты. Индемеди, къызынынъ къуванчлы козьлеринден эр шей сырасында экенини анълады.

Алименинъ къайтып кельгенини корьген Сейфедин: «Хош кельдинъ, къомшу, ушюмей яхшы-яхшы барып кельдинъми?» — деп онынънен, эль тутышты. О Алименинъ элине гизлиден кягъыт туттырып: «Бугунъ озюм корип кельдим. Адже хабар этмек керек», — деди гизлиден.

— Къана, эвге кирынъыз, ачыкъкъандырсынъ, Абдуракъип. Бугунъ джарлы омач шорбасы пиширдим, — деди къартана.

— Сагъ олунъыз, Ревиде абай. Апайгъа тикиш машинасыны теслим этип сеvindирмеге ашыкъам, — деди Абдуракъип ве бедарканы айдап кетти.

— Замет олса да, Стасягъа айтынъыз, бизге кельсин, — деп къычырды Алиме онынъ артындан.

Тезден радистка къыз кельди.

— Стася, янъы рацияны къабул этип ал, — деди Алиме, — мен шифрнен малюмат тизгендже радионы къу-

рып азырла. Бугунь, январь 12-де биринджи номерли радиограмма ёллайыкъ...

Къартана радистка къызгъа бунарлы назар атты. «Бакъ, Алиме насыл къыйын, телюкели ишлер япып кельди. Сен исе джыллы эвде соба артында отурып, къоркъасынъ» демек истеди, лякин индемеди. Бираздан Стасянынъ: «Рация яхшы чалыша, мен азырым» деген сеси эшитильди. Алиме еринден турды.

— Азыр олсанъ, къана, яз! «Багереве станциясында учъ эшелон тура, къыркъ беш вагон автоматик винтовка ве пулемётнен сиялы румын аскерлеринен юкю, къыркъ вагон да немсе аскерлери...»

— Стася, — деди Алиме, радистка радиограмманы берип битирген сонъ. — Авалар йымшады. Душман аретке кельди. Бизге, эр кунъ, бельки базы кунълерде эки радиограмма бермек керек олур. Сен эр дакъыкъа вазифеннинъ эдасына азыр тур!

Акъыкъатен, ойле олды. Радиограммалар бири-бири артындан ёлланылып, 13 январьда учъ 2—4 номерли, 14 январьда учъ 5—7 номерли радиограммалар берильди. Сонъки 7 номерли радиограммада: «Багерово аэродрома транспорт самолётларынен аскерлер кетириле», 13 январьда джебе тарафкъа ташёлнен снаряд юкю 8 автомашина кетти...», — деп хабер берильди.

1944 сенеси 17 январьда разведцентрден: «Ёлладыгъынъыз малюмат гъает къыйметли. Команданлыкъ гъает мемнюн. Илериде малюматлар насыл ёлнен, кимден алынгъаныны косътеринъыз. «Отважный» базагъа аманлыкъле къайтып кельди» деген учюнджи номерли радиограмма алынды.

Алиме Абденанованынъ «Сафие» имзасынен ёллагъан шу радиограммалары эсасында, бизим команданлыгъымыз, Таманъ ярымасындан кери чекилеяткъан душман къысым-

лары, къайсы тарафкъа арекет эткенлерини бильди, авиация къысымларымызгъа демирёл эшелонларынынъ ве буюк аскерий къысымларнынъ, оларнынъ сия ве техникасыннынъ топлу тургъан ерлерини бомбалав хусусында муим эмирлер берди. Бунынъле берабер, Совет команданлыгъы, Керич ярымадасында гитлерджилернинъ насыл къысымлары булунгъаны ве оларнынъ мудафаагъа азырлыкълары акъкъында дегерли малюмат алды.

Совет команданлыгъына энди къамачавда Къырымны къорчалав генерал-полковник Енеке Команданлыгъы алтын-даки 17-нджи немсе ордусына, бунынъ киби даа 5 немсе, 7 румын дивизиясы ве дигер арбий къысымларгъа авале этильгени малюм.

Душман Керич ярымадасында 70 километр теренлигинде дёрт мудафаа ёлагъы къурды. Бу ёлакъларны 73-нджи ве 98-нджи пияде немсе дивизиялары ве 91-нджи топчылар бригадасы, 6-нджы атлылар ве 3-нджи румын дагъ-окъчылары къорчалагъаны белли олды¹.

Йылбаштан сонъ баягъы адиселер олып кечти. Насыл да олса, аркъадашларгъа вазиятнинъ муреккеплигини бильдирмек керек деп тюшюнди Алиме. Козъ къыйыгъындан къардашы Азифеге бакъты. О, анасы огреткени киби, явлукъ нагъышламакънен мешгъуль эди.

— Азифе!

— Не дейсинъ, апте?

— Неджибе енгеге барып, аптем бу акъшам бир къач кишинен сизинъ эвде корюшмек ичюн разылыкъ истей, дерсинъ. Эгер разы олса, манъа керек кишилерни Неджибе енгенънинъ эвине чагъырысынъ.

— Я разы олмаса?

— Ойле олмакъ мумкюн дегиль, енгемиз къач керелер манъа озю теклиф эткен эди. — Алиме къардашынынъ

¹ Генерал-майор А. Н. Грилев. «Днепр, Карпат, Къырым». «Фен» нешрияты, 1970 сенеси 221-нджи саифе.

башындан сыйпады ве артыкъ чапа-чапа кеткен Азифенинъ артындан бакъып къалды. Вакъыт тез кече, кучюк къардашы энди он дёртке кирди, буюги Ферузе он едиге айланды. Ондан сонъки вакъытта бир тюрлю хабер ёкъ: «Меним кельгенимни эшиткенде, озю келип-кеткен эди. Къарангъыт узакъ ер дегиль, амма эр алда барып, корюшип, бир гедже къонып къайтмакъ ичюн эки кунъ керек. О эки кунъ къайда? Эр кунъ иш. Адамларгъа вазифе бермек керек. Кетирильген малюматлардан махсус шифр иле радиограммалар тизмек. Онынъ устюне, Стася эп къоркъакълыкъ ичинде яшай. Бир шей олса, башта о къалтырап башлар. Я дигер аркъадашлар? Абдуракъип къавий адам, Неджибе енгем — омюр билля сёзюнден къайтмаз. Васфие апте саф гонъюлли, садыкъ дост. Хайрулла — олер, дегенинден дёнмез. Я Сейфедин ве Джеват? — Эр кес олар киби олгъайды. Бу не аджеба? Не ичюн мен бойле тюшюнджелерге далдым? Эбет, немселер районда эки гизли тешкилят азаларыны къапагъанлар. Бу саткъын мельунларнынъ иши. Хаинлер... Куню келир, олар джезаларыны булурлар. Яшларгъа языкъ. Сербест бахтлы аят ичюн курешип, оны коръмей олюп кетмек не къадар буюк фаджиа...» деп тюшюнди Алиме.

Азифенинъ тез къайтып келюви Алимени терен ойлардан уянтты.

— Неджибе енгем оларнынъ эвинде корюшмеге разылыкъ берди. Достларынъа да хабер эттим, — деди Азифе бир нефестен. Енгем: Алимеге айт, эртедже кельсин, деди. — Сонъ, Алименинъ козьлерине тикилип: — Апте, мен де барайым да сенинънен! — деди.

— Яхшы, барырсынъ. Амма бизлер лакъырдыгъа киришкенимиз киби, тышарыгъа чыкъарсынъ. Этрафкъа козь-къулакъ олып турарсынъ. Бу сенинъ месуль вазифенъ, унутма! Мен санъа ишанам.

— Эрте кельгенинъ яхшы олды, — деди Неджибе, — тюневин гедже Рустем юкъусы арасында къач кере «бабам, бабам» деп сандыракълады. Онынъ янында отурып, юкълап кълалгъаным. Дайынъ дженкке кеткенде Рустем учъ яшында эди. Бабасыны унутмагъанына бакъ!

— Бала озюни севген кишини бир вакъыт унутмай. Дайым сизлерни корьмеге арз этсе керек. Онынъ ичюн Рустемнинъ тюшуне келе. Айды, корюшменъызге аз кълды. Тезден бизимкилер келир, о вакъытта ана-баба къавушырсынъыз, — Алиме чагъыргъан адамлары кельгендже енгесинен баягъы лакъырды этип отурды.

— Достларым, бугунъ сизлернен джиддий лакъырды этмекни зарур таныдым, — деди Алиме, бир кълмайып, вакътында джыйылышып кельген разведкаджыларгъа, — Эвеля шуны айтмакъ истейим ки, бизим ишимизге юкъарыда юксек къыймет кесиле. Сизинъ топлап кетирген малюматынъыз буюк эмиетке малик. Буны сизге бильдирмеге борджлум. Сизлерни хайырайым! Сагъ олунынъыз!

Бу сёзлерни эр кес мемнюниетле кълбул этти. Васфие кълуванчлы козьяшларыны силип: «Ватанымызнынъ телюкели кунълеринде онъа файда кетиргениме севинем», — деди.

— Лякин гитлерджилер топрагъымызны таптамакъны девам эткен вакъытта, бизлер даа исрарлы ве даа мукъайт чалышмакъ керекмиз, — деп сёзюни девам этти Алиме. — Биз ернинъ кълулагъы, этрафнынъ козю олмакъ керекмиз. Авалар тюзельгенинен, Совет ордусы десант мейданларында уджюмге кечер деп, немселер фааль арекет этип башладылар. Ялы кенары койлеринде буюк азырлыкълар корелер. Совет ордусы ичюн ярымаданынъ шаркъында стратегик эмиети олгъан Къамыш-Бурун районыны, дженюпте Къарангъыт кою къларшысындаки ялыны ве Чауда голю этрафыны яхшы козъ этип кельмек керек. Бу муим

вазифелерни эркеклерден бири япмакъ керек, — дегенде, эр кестен огюне Джеват еринден турды.

— Алиме апте, немселер манъа анъкъав койлю баласы, деп бакъалар Къамыш-Бурунъа барып кельмесини манъа ишанынъыз. Мен вазиятти кереги киби билип келирим. О районъа буюклерге бармакъ олмай. Хавфлы. Ред этменъиз, ялварам. Бу манъа комсомол сыфатында авале олунгъан хусусий вазифе олсун! — деп, ерине отурмадан, джевап беклеп турды.

— Яхшы, Джеват, мен разым. Сейфедин агъа бунъа насыл бакъа?

— Джеват чокъ вазифелер эда этти, буны да беджере-джегине эминим. Барсын! — деди о, къардашы шу месуль вазифени эда этеджегине ишанып.

— Яхшы, Джеват, бар. Эм азыр, Коп-Такъыл, Ново-Алексеевка койлерине де дикъкъат этерсинъ, — деди Алиме. Джеват, куреш мейданында биринджиликни алгъан адам киби, гъурурланып ерине отурды.

— Къарангъыт кою ялысына ве Чауда корфезине Абдуракъип агъа барып келир. Не дейсинъиз? — деп онъа бакъты. Болатов мемнюниетле разы олды.

Алиме сёзюни девам этти:

— Сейфедин Марфовкагъа дегирменге ун тартмагъа барып, андаки вазиятти билип кельсин. Бир ай огюне Султановкада немселернинъ арбий штабы ерлешкенини билесинъиз. Койнинъ этрафы бекчилернен сарылы. Шимди о ерде вазиятти бильмекни Хайрулла Мамбетджановгъа авале этем. Озюнъиз насыл дейсинъиз?

— Сизинъ сёзюнъиз меним ичюн эмир. Вазифени эда этмеге сёз берем.

Энъ эсас вазифени, яни демирёл станцияларыны Алиме, эр вакъыттаки киби, озю устюне алды. Васфие Аджибаева ве Неджибе Баталова да онъа бу меселеде ярдым этеджеклер.

— Энди, аркѣдашлар, сизни эпимиз ичюн фаджиалы вакъиа хусусында хабердар этмек истейим. Якъынларда «ГФП-312» агентлери Къоджалар ве Коп-Къыпчакъ татар койлеринде гизли ватанперверлер тешкилятынынъ изине тюшип, онынъ бир чокъ азаларыны къападылар.¹

Душман Къырымда озюнинъ сонъки кунълери яшагъаныны сезе. Кеттикче джанаварлаша. Койлюлерге, ёдджуларгъа чешит айнеджиликлернен якълаша. Адамларнынъ ишанчына кирип, озьлерининъ къара ишлерини япа. Эр къалпакълыгъа баба демек олмагъаны киби, танымагъан, бильмеген адамларынъыздан, сонъ дередже сакът олмакъ керексинъиз. Вазият кеткен сайын агъырлаша. Пек мукъайт олунъыз!

Достлар сагълыкълашып, бирер-бирер чыкътылар. Бири-бирине дуйдырмакъ истемеселер де, юреклерини агъырлыкъ сарды. Яш джаныны Ватан огърунда феда эткен беллисиз интикъамджылар ичюн окюндицер. Совет адамларынынъ бахтлы омюрини хырпалагъан, ватан интикъамджыларыны мисли корюнмез чекишювлерге огъраткъан гитлерджилерге къаршы даа исрарлы курешмек кереклигини анъладылар.

Болатов акъшам къарысы Ферузеге, ярын Къарангъыткъа Алименинъ къардашы Ферузени ёкълап бараджагъыны айтып, сабагъа бир асарчыкъ кубу майы, бир тегерек къоюн пенири, бираз да къоюн къакъачы азырламасыны риджа этти. «Енгенънинъ санъа селямы дерим» онъа.

Абдуракъип апайы азырлагъан эрзакъны ве ярым чувал унны бедаркагъа ерлештирди. Эр вакъыттаки киби, апайыны багърына басып, сагълыкълашты. Уйледе Къарангъыткъа келип Ферузенен, онынъ тизеси Эмине ве эништеси Фарикънен корюшти... Абдуракъип Фарикътен Къарангъыт ялысы миналангъаныны, анда тикенли тель

¹ А. Сгибнев, М. Корневский. «Разведкаджыларнынъ адлары бар». Москва, 1973 сенеси 25-нджи саифе.

кѳора чекильгенини анѳлады. Эшиткенлерини тешкерип, аслына еткен сонѳ, экинѳи куню койге кѳайтып кельди.

Джеват ташѳлда чалышкѳан вакѳыттаки эски ямавлы урбаларыны кийип, сабалейин дѳенеди. Рус Оскар, Кѳош-Кѳую койлеринден кечип, кунѳ баткѳанда Ново-Алексеевкагѳа келип чыкѳты. Ызан ичинде тобан сарпанына тырмашып тобан ичине комюлип, кой ичерисинде офицерлернинѳ о якѳкѳа бу якѳкѳа кѳатнавларыны сейир этип ятты. Кѳамыш-Бурун тарафкѳа якѳарлыкѳ ташыйѳджи машиналарнынѳ бош кетип, толу кѳайткѳанларындан, якѳын ерде бензин анбары олгѳаныны анѳлады... Сабадан Кѳамыш-Бурун этрафыны доланды. Бензин анбары, не ерде экенини бельгиледи. Ёлларда аскер, арбий эшѳянен юклю машиналар кечкенде, Джеват, алынѳыз мени машинагѳа деп элини котерди. Бир кере немсе аскери оны кѳуршунгѳа тутты. Яхшы ки, Джеват ерге ятып етиштирди... Ялыдан 7—8 километр узакѳлыкѳта Айман-Кѳую, Сараймен, Бештерек, Элькеджи-Эли койлери янындан отип, Коп-Такѳыл коюне кельди. Кой четинде насылдыр бир кѳорагѳа сыгѳынып отурды. Маяк янларында 4 дане узакѳ атыѳджи топ барлыгѳыны бельгиледи. Саба торбасындаки отѳмегининѳ сонѳ кесегини ашады... Буруны тюбюнден «комсомол» йырынынѳ макѳамыны ёл бою йырлай-йырлай кетти. Койден чыкѳкѳанынынѳ учюндѳи куню акѳшамына эвге кѳайтып кельди. Сейфедин Марфовка дегирменине барып, бираз ун тарттырды ве анѳаки арбий вазьетни анѳлап кѳайтты.

Резидентнинѳ озю эр кунѳ демирѳлдаки кергин арекетни козѳ этип турды, гѳает муим зарур малюматлар топлады. Эльде этильген малюматлардан акѳшамлары шифрлы радиограммалар тизди. Январь 12-ден 24-ке кѳадар он уч кунѳде «Меркез»ге 15 радиограмма ёллады. Шу джумледен разведка меркезининѳ махсус вазифеси эда этилюви хусусында эки радиограмма берди. Бириси — январь 23-те кеткен 14 номерли радиограмма: «Кѳарангѳыт коюне учюндѳи

румын дивизиясындан 200 минаджы кельди. Топлары ёкъ. Ялы кенарына бир къатлы тикенли тель къора чекильген. Ялы боюнда ер учъ ёлакъ этилип танкларгъа къаршы миналар иле миналангъан. Ялыдаки ве койдеки бутюн аскерлер джебеге кеттилер. Чауда голюнден денгиз теренлигинде 300 метр узунлыгъында скеле къурулды. Анда 4 дане зенит топы бар. Ялы миналы».

Экинджиси — январь 24-те кетти. 15 номерли радиограмма. «Марфовка коюнде немсе дивизиясынынъ штабы, румын ордусынынъ меркезий эрзакъ анбары ерлешкен. 12 дане зенит топы, 200 къадар немсе ве румын аскери бар. Султановка кою телефон ве радио алякъа меркезидир. Анда уфакъ бир немсе штабы бар. Коп-Такъыл коюндеки маякъта 3—4 дане узакъ атыджы топ тура. Койнен Къамыш-Бурун арасындаки ёлда — бензин анбары. Александровкада чокъ мыкъдарда юксек рутбели офицерлер яшайлар».

Керич ярымадасына Эльтиген десанты тюшюрийлген куньлерде, Краснодар шеэринде Къырым областы партия комитетининъ бюросы отъкерильди. Онынъ кунь тертибинде ялынъыз бир меселе: Маяк-Салын район партия комитетине секретарь тайин этиов меселеси тура эди. Бюрода, бу вазифеге тайин этильген адам районнынъ койлерини, эалисини, ходжалыкъларыны яхшы бильген, эм де районда танылгъан, итибарлы адам олмасы зарур экенлиги къайд этильди.

— Бойле адам бар! — деди бюро азаларындан бири. — Бу дженкке къадар дёрт йыл Узун-Аякъ МТСинде сиясий болюк башлыгъы олып чалышкъан Муедин Абденнанов аркъадаш. Лякин шимди о Краснодар ульке партия комитетинде кой ходжалыгъы болюги мудирининъ муавини вазифесинде чалыша.

— Муедин Абденанов джебэде, партизан арекетинде пишкинлешкен коммунист, — деди дигер бюро азасы. — Бу адам район партия комитети секретарлыгъына пек мунасиб.

Область партия комитетининъ бюросы Краснодар ульке комитетине Муедин Абденановны Къырым обкомы имае-сине ёлламасы ичюн риджада булунув ве оны Маяк-Салын райкомынынъ секретары вазифесине тайин этюв хусу-сында бир агъыздан къарар къабул этти.

Муедин Абденанов 1928 сенеси комсомолгъа, 1932 сенеси исе партия сафына кирди. О партия ве кой ходжа-лыгъы ишлерини беш пармагъы киби бильген теджрибели мутехассыс. 1943 сенеси ноябрь айында коммунист Муедин Абденанов юкъарыда анъылгъан къарар муджиби Керич шеэри Маяк-Салын район партия комитетининъ секре-тары вазифесине тайин этильди. Муедин Абденанов рай-ком секретары олып чалышкъан вакъытта буюк колемде тешкилятий, сиясий тербиевий ишлер алып барды. Немсе баскъынджыларындан азат этильген Енъи-Къале, Маякъ, Бакъсы, Опасное... койлеринде янъыдан колхозлар мейдан-гъа кетирди. Эалини эсапкъа алып, орду сафына чагъырыл-магъа ляйыкъларнынъ арбий хызметке алынмасына ярдым косътерди. Эалини мудафаа ишлерине джелъп этти.

Район балыкчыларынынъ Къырымнынъ азатлыгъы ичюн дженклешкен кыысыларнынъ бирине эки тонна тазе Керич селёдкасы багъышламаларыны¹, эалининъ 100 бинъ рублелик учюнджи Девлет заёмына язылмасыны тешкилят-ландырды².

Муедин Абденанов бутюн барлыгъынен ордугъа икъти-саций ярдым ишлерине берильди. Фашист баскъынджы-лары тарафындан дарма-дагъын этильген колхозларны пекитти, баарь сачувына азырлыкъ коръди... Бу гедже къор-къунчлы тюш корип уянды. Тюшюнде къарысы Неджибе яшагъан эвнинъ разаны сынып, апайы тюрбюнде къалгъа-ныны коръди. Балалары Рустем ве Ленуранынъ «ана-ана» деп къоркъушып кычыргъанларыны эшитти. Чокъ вакъыт

¹ «Красный Крым» газетасы, 1944 сенеси, январь 11.

² «Красный Крым» газетасы, 1944 сенеси, январь 12.

юкълап оламайып ятты. Къулакъларында балаларынынъ сеси инъледиди... Турып тышарыгъа чыкъты. Авлакътта вакът-вакът алев корюльди. «Топ атышмалары» деп тюшюнди. Уруш ёлагъындан, о тарафта, олса-олса, 30 километр узакълыкътта, Джермай-Къачыкъ. Анда онынъ севимли апайы Неджибе, огълу Рустем, кызы Ленура яшайлар... Э-эй, о апайы анда тек яшамакъ дегиль, къоркъу бильмез резидент Алиме Абденанованынъ етекчилиги алтында джесюр разведкаджы олып, душманнен курешмекте экенини бильсе эди!

Алиме Абденанова киби разведкаджы кызылар, сийрек олалар. О бутюн юреги ве гъайретинен душманнынъ арбий сырларыны огренип, команданлыккъа бильдирюв иле мешгъуль. Дёрт ай хызмети девиринде о озь штабына 60-тан зияде радиограмма ёллады. Сонъки вакътларда эр кунъ чалышув онъа аз олып корюнди. О достларына эп янъы-янъы вазифелер берди. «Февраль — Совет ордусынынъ догъгъан айы. Къысмет олса, 23 февральде Къызыл Ордунынъ 26 яшыны къайд этермиз. Шанлы кунъ шерифине озюме бельгиленген райондан тыш оларакъ Симферопольде, Джанкойде, Ор къапысында да нелер барлыгъыны бильсек, насыл олур!» деп тюшюнди Алиме, бу тюшюнджесини аль этти.

Симферопольге Джеватны, Джанкойге Хайрулланы, Ор къапыгъа Сейфединни йиберди.

Алиме Абденанова, затен, Джеватны, эсапкъа алмагъанда, резидентурада озю эр кестен яш олгъаны ичюн, озюнден уйкенлерге иш буюра бермек бираз къолайсыз келе эди. Буны сезген Мамбетджанов да, Менанов да, Болатов да: — Этрафта дженк кете, биз озюмизни арбий кишилер эсап этемиз ве бутюн барлыгъымызны Ватангъа хызмет этмеге борджлумыз. Шунунъ ичюн сен ич де сакъынмайып, насыл вазифе зарур олса, бизге буюр, — дейлер онъа.

Разведкаджылар Къызыл Орду куню шеревине, раатлыкъ бильмеден, чалыштылар. Олар койлерге, демирёл станцияларына барып-барып кельдилер. Бири-биринден къыйметли малюматлар кетирдилер. Геджелери къ Неджибелернинъ эвинден, къ кой четиндеки къая артындан, къ байыр артындаки эндек ерден... радиограммалар ёлланылды. Январь 25-тен февраль 10-гъа къадар он алты кунъде 13 радиограмма кетти. Яни 16-нджы номерден 33-нджи номерге къадар радиограммалар ёлланылды!

Февраль 10 акъшамына Джеват ве Сейфедин Менановлар, Хайрулла Мамбетджанов къайтып кельдилер. Оларнынъ кетирген малюматларындан 34-нджи радиограмма тизилип ёлланылды: «Гъарптан самолётнен Къурман-Кемельчиге аскерлер кетириле. Ондан олар Керичке ве Оркъапысына поезднен кетелер. Симферополь станциясында 40 паровоз бар. Бир къысымы Джанкойге, паровозларнынъ арматуралары чыкъарылып, Севастопольге алынып кетиле ве анда баржаларгъа юкленип, гъарбгъа ёлланылалар...»

Февраль 11-де невбеттеки 35-нджи радиограмма бериле-джекте рация ишлемеди. Тешкерювден сонъ, Стася рациянынъ къувети биткенини ве оны ишлетмек ичюн батареялар кереклигини бильдирди.

Ана сангъа бир беля даа. Мегер, «Меркез»ден кетирилген рация янгъы дегиль, батареясы эпши ишлетильген экен... Белянынъ тюбюнден чыкъмакъ ичюн ялынъыз бир ёл бар. Эски-Къырымгъа барып, алякъаджынен корюшмек. Башкъа чаре ёкъ.

Алиме поездгъа минип, Владиславовка станциясына келип тюшти. Ондан чет, айланчыкъ ве кестирме ёлларнен юрип, Эски-Къырымгъа барып чыкъты. Алякъаджы «Отважный»нен корюшип, онгъа меселени ангълатты. «Бу къыйын меселе дегиль, лякин сизингъ итияджынъызны темин этмек ичюн «Буюк топракъ»къа учмакъ керек, — деди алякъаджы. Сонъ иляве этти:

— Краснодаргъа бармакъ, шефнен корюшмек, сизге батареянынъ самолётнен ташланылмасыны темин этмек — буларнынъ эписине энъ аздан учъ кунъ керек, — деп пармакъларыны бирер-бирер букти. — Февраль 17 геджеси саат 2-де коюнъиз якъынларында самолёт давушы эшиткенинъиз киби, сиз келишикли ерде учъ атеш якъарсынъыз. Самолёттан сизге батарея быракъырлар. Анълашылдымы? Шефке не киби хабер бар?

— Джумлеси сагъ-селяметлер, ишлер сырасында кете. Эпимизден самимий селям сёйлерсинъиз, — деп Алиме еринден турды. — Сизге огъурлы ёллар!

...Бир кунъ эвель койнинъ шаркъындаки байыр артында бир чувал тобан, бир топ да къорай азырланып къоюлды. 17 февраль геджеси саат бир къарарларында кой четиндеки эвден дёрт киши чыкъып, байыр артына тараф ёл алдылар. Оларнынъ бири Алиме, дигери Стася, экиси агъа-къардаш Сейфедин ве Джеват эдилер. Тобаннен къорай къарышыкъ учъ оба азырладылар. Якъыладжакъ обаларны ель савурмасын деп узерине отурдылар. Озьлеринен бензин ве чакъмакъ-таш алып кельдилер. Самолёт сеси эшитильгени киби, Джеват чакъмакъ-ташнен озъ обасыны якъып, агъасы къоралап отургъан обаны, сонъра учюнджи обаны якъаджакъ олып анълаштылар... Саат эки къарарларында самолёт сеси эшитильди. Сес якъынлашкъанынен Алиме Абденанова якъынъыз деп пошусыны салап анълатты. Джеват бензин мельте къапагъыны ачкъаны киби, кучлю февраль ели бензинни учурып алып кетти. О, не къадар чакъмакъны туташтырмакъ истесе де, бир шей япып оламады. Ардысыра учкъунлар пейда олды, лякин мельте туташмады. Самолёт авада бир къач кере даа айланып, Азав денъизи тарафкъа синъип кетти. Достлар юректен окюнди, рухтан тюшюк алда отурып къалдылар... Сукюнетни Алиме бозды:

— Билесинъизми, достлар, башларынъызны ашагъы алманъыз. Учуджы атеш олмаса да, батареяны ташлая биле.

Шимди эвге къайтайыкъ. Саба орталыкъкъа ярыкъ тюшкенинен бу ерлерни келип бакъармыз, — деди о озюне хас котеринки давуш иле. — Эгер учуджы бугунъ ташламагъан олса, ярын мытлакъа кене келир. Ярын серник де алып келирмиз. Олар тобан обаларыны дагъытып, койге къайттылар.

Эртеси куню агъа-къардаш Сейфедин ве Джеват чёльден къуванчлы алда къайтып кельдилер. Алиме «ишлер сырасында олмалы» деп тюшюнди. Мегер учуджы бензин чакъмакънынъ учкъунларыны корип, алев обаларыны якъ-алмагъанларыны анълагъан, кучюк парашюткъа пекитильген батареяны быракъып, къайтып кеткен. Саба атларгъа минип, тарлада батарея араштырып бельки тапармыз деп юрьгенде, Джеватнынъ козюне ельден ельпиреп тургъан без шей корюнген.

Якъын келип бакъса, кучючик парашют. Онъа да фанер тахтасындан ясалгъан къутучыкъ пекитильген. Джеват, авлакъта атыны чаптырып юрьген агъасына «таптым, магъарыч меним» деген манада элинен ишмар этип оны чагъырды. Инсан омюринде чокъ къуванчлы адиселерге расткеле. Менановлар яшайышта даа бунынъ киби севинмеген эдилер. Батарея ерине ерлештирильди. Рация чалышып башлады. Февраль 18-де 35-нджи, 20-де 36-нджи радиограммалар ёлланылды. Эр шей сырасында киби эди. Лякин койде апансыздан насылдыр, шубели адам пейда олды. О Болатовнен корюшкенде: «Сен анъкъав полицей экенсинъ», — деп кечти.

«Отважный» дагъдан тюшкенде, гъафлетте къалып, фашист заставасына огърай. Оны «ГФП-312» гитлерджи контрразведка тешкилятына алып келелер. Полицай-комиссары Отто Кауш онынъ ады, фамилиясыны, къайда яшагъаныны ве ненен мешгъуль экенини сорай. Тильмач Рудольф Кюгер Каушнынъ суаллерини Смирновгъа, Смирновнынъ джевапларыны Каушкъа терджиме эте.

Кауш Смирновнынъ ким экенини, дагыгъа не ишнен баргъаныны ве кимлернен багълы олгъаныны яхшылыкътнен айтмасыны теклиф эте.

Смирнов ордуда яраланып, эвге къайтып кельгенини, бир ерде чалышмагъаныны, дагыгъа исе акъбардакъ джыймагъа баргъаныны айта.

— Сен мангъа кучюк баланы алдаткъан киби, шакъа этесинъ. Масалларыньны къартанангъа сёйлерсинъ, — дей Кауш. — Меним суаллериме догъру джевап бер. Мени асабилендирме.

— Мен сизге артыкъ бир шей айтмам, бир шейден хаберим ёкъ.

— А-а, хаберинъ ёкъ, ойлеми?! Кюгер, бар, Василий Дубогрейни, Николай Оленченконы чагыр, кельсинлер! — дей Кауш.

Дубогрей ве Оленченко совет ватанперверлерини джанаварджа эзген джеллатлар, гестапогъа садыкъ хызмет эткен ватан саткъынлары. Олар ичюн къурбанларнынъ тырнакъларыны сувурып чыкъармакъ, резина сопанен котеклемек, тюбю наллы немсе чызмаларынен тепмелемек, къадынларнынъ къурсагъыны тешмек, кокюслерини кесмек... бир шей дегиль. Шимди олар Каушнынъ узурьна келип, аякъ устюнде къатып къалды ве насыл иш буюраджагъыны беклеп турдылар. «Бу адам дагыгъа акъбардакъ джыймагъа баргъан, лякин тапмайып, бизге буюргъан экен, — деди Отто, мыскъылнен. — Сиз онгъа башлангъыч оларакъ бир-эки беден массажи япынгъыз».

Джеллатлар адам котеклемекни, тепмелемекни озьлери ичюн буюк «зевкъ» саялар. Экевлешип бар къуветинен, эсирнинъ не ери расткельсе, о ерини сопаладылар. О тишлерини сыкъып, сопа эндирильген сайын инъледи. Тизлери букюлип, ерге йыктылды. Чызмаларынен къабургъасыны, къурсагъыны бойнунынъ къан дамарларыны тепмеледилер. Эсир эсини джойды, инълемеге меджалы къалмайып сери-

лип къалды. Кошедеки къопкъадан къурбаннынъ юзюне арды-сыра бир къач кере салкъын сув тѣктилер. Эсир теренден кокюс кечирип, нефес алды. Козылерини ачты. Башы уджунда джанаварлар эллерини кокреклери устюне къавуштырып тургъанларыны коръди. Скемледе отургъан Кауш: «Шимдилик етер. Бираз тюшюнмеге имкян бермек керек, — деди «янъы низам» хызметчилерине. — Алып кетинъыз».

Эсирнинъ элинден тартып, суйреклеп бастырыкъкъа алып кельдилер. «Мусафир къабул этинъыз, бельки таныш чыкъарсынъыз» деп андаки мабуслерге яман-яман козь этип чыкъып кеттилер. Эсирни таныгъан чыкъмады. О да кимсени корьген кишилерине бенъзетмедди. Четке чекилип, диваргъа суйкенди. Балабан белягъа чаткъаныны анълады. Козю огюне кечмиш аяты кельди. О омюринде бир шейни башлап да сонъуна чыкъкъаныны хатырлап оламады. Онъа тувгъанлары: «Сен гузельсинъ, сен акъыллысынъ, сен къудретлисинъ», — дей экенлер. Шимди меджалсыз алда озюнинъ ирадесиз бир адам олгъаныны анълады. Бойле адамлар беден, рух къуветинден марум олып, онъа зорбалыкъ япкъан къувет тесири алтында къалалар. «Отважный» бойлелерден бири эди. Озь лагъабыны «джесаретли» деп къойса да, ильки силиштирювден сонъ экиге болюнди. Чекиштирювлерге даяналмайджагъыны анълады. Аятны сакълап къалдырмакъ керек деген нетиджеге кельди. Бастырыкътан биревлерни чыкъарып алып кете, къангъа боянгъан алда кетирип ташлай, сонъ дигерлерини чагъыралар... Невбет «Отважный»ге кельди.

Кауш:

— Сонъ, насыл? Тюшюнип, бир нетиджеге кельдинъми? Бизге догърусыны айтаджакъсынъмы, ёкъса аркъанъны бираз къыздырайыкъмы?.. Оленченко, машаны атешке къой!

— Мен сизге бир шейден хаберим ёкъ дедим де!

— Ойлеми?.. Дубогрей, Оленченко, бар манъа партизан комиссарыны алып келинъыз! — деди Кауш озюнинъ хызметчилерине.

Бир къач дакъкъадан сонъ гестапо «эрифлери» къангъа боялы, юзю танылмаз, кокрегине къызгъын демир иле бешкоше йылдыз тамгъасы басылгъан кишини котерип алып кельдилер.

— Машаны атешке къойынъыз! — деди Кауш садыкъ къууларына. Сонъ эсирге чевирильди: — Мына бу партизан комиссары, озюни джесюр туткъандан олып, бу алгъа къалды. Эгер о, бизим суаллеримизге джевап бермей, инатлыкъны девам этеджек олса, биз онынъ кокрегине экинджи йылдыз ясармыз. Оны батальон комиссарлыгъындан полк комиссары япармыз. Насыл, комиссар? Эшитесинъми? Партизан отряды къач адамдан ибарет, насыл силяларынъыз бар ве отряд не ерде гизлене, айтаджакъсынъмы? — деди о ерде яткъан яры эссиз адамгъа. Айтмасанъ, озюнъден корь... Бир даа текрарлайым... Эп бир айтырсынъ, сенинъ кибилерини корьгенмиз! — зияде иддетли Кауш: — Йылдызны басынъыз! —деп айкъырды... Тезден ода ичине янгъан инсан эти къокъусы яйылды. Киши зар-зорына юмрукъларыны сыкъты, тишлерини гъыджырдатты. Лякин сес-солукъ чыкъармады. Эсини джойды. Онынъ кокрегине бир къопкъа сув тѣкип, алып кеттилер.

Отто Каушнынъ усулы — бирини эскенджеге къойгъанда, невбеттеки къурбан бундан озюне нетидже чыкъарсын деп, оны бакъып турмагъа меджбур эте эди. Шимди де ойле япты ве эсирнинъ зайыф ирадели экенлигини деръал англады. Онъа кереги бу эди.

— Сен онынъ сускъанына бакъма. О эп бир теслим олур. Бизни меракъландыргъан суальге джевап берир. О вакъытта биз оны тедавийлемек дегиль де, атармыз... Эгер сен яхшылыкънен ким экенинъни, кимлернен, не ишлер-

нен мешгъуль олгъанынъны айтмай, инатлансанъ, сени де бойле эзиет беклей. Сонъундан эп бир теслим олурсынъ. О вакъытта энди сакъат алынъда бизге кереклигинъ ёкъ. Биз сени тедавийлеп отурмамыз. Лякин санъа сагълыгъынъны сакъламагъа, эвге къайтмагъа имкян берирмиз. Ихтияр озюнъде. Бир тюшюнип коръ. Санъа бир саат мухлет...

Гестапонынъ контрразведка комиссары Отто Кауш фашизмнинъ психологик ве криминалистик мектеплерини кечкен, адамны къыйнагда теджрибелери мутехассыс. Шимди бутюн илимни ортагъа къойып, эсирге рухий тесир япмагъа тырышты.

Лякин эсирни онсыз да энди къоркъу къаплап алгъан, о бу алдан къуртулмакъ чаресини ойланып башлагъан эди. Аман деми коръген партизан комиссарынынъ вазиятини козь огюне кетирди. «Мен эп бир бойле къыйнавларгъа чыдап оламам. Аятымны сакълап къалдырмакъ ичюн имкян бар экен, демек, тырышмакъ керек» деген нетиджеге кельди.

Озюнинъ фамилиясыны, кимлернен багълы олгъаныны ве насыл ишлер беджергенини сёйледі. Эки кере разведкаджи къызнен корюшкенини, онъа Краснодардан рация кетиргенини, къыз рацияны алмакъ ичюн полицей кийиминде 35 яшларында кишинен кельгенини ве янъы батареянен темин эткенини айтты. Къызнынъ ким экенлигини тариф этип, Джермай-Къачыкъ коюнде яшагъаныны сёйледі.

— Тешкерип корермиз, — деди Кауш элиндеки къалемини стол устюне быракъып, — Эгер алдатсанъ озюнъден коръ.

Деръал Джермай-Къачыкъкъа джасуслар ёлланылды. Резидентуранынъ пешине тюштилер. «Отважный»нынъ ялан айтмагъанына эмин олгъан Кауш Смирновны озъ узурна чагъырды. Отурмакъ ичюн ер теклиф этти.

— Сёйлегенлеринъни тешкердик. Меним кишилерим сенинъ айткъанларынъны тасдыкъладылар. Бунъа даа нелер

кѡша билесин? — деп еринден турды полицай комиссары Кауш.

— Манѡа малюм олѡан шейлерни айттым. Анянен ялынѡыз эки кере корюштим. Амма о кимлернен баѡлы экени манѡа малюм дегиль, — деди о ялварѡан бир тарзда.

— Демек, бильмейсинѡ? Ойле олѡанда, озюнѡе окюн. Буны масрафкѡа кѡшунѡ!

— Насыл масрафкѡа! Я меним сизге доѡѡрусыны айткѡанларым, меним хызметим, сизинѡ ишандырѡанларынѡыз? — деди Смирнов, отургѡан скемледен аякѡ устуне турып.

— Хызметинѡ ичюн сенинѡ саѡлыгѡынѡны сакѡладыкѡ. Кѡыйнамадыкѡ!

— Мен сизге ярдым эттим де...

— Ярдым? Сен бугунѡ озюнѡкилерни саттынѡ, ярын бизлерни сатарсынѡ. Биз бойле хаинлернен иш корьмеймиз! Кѡуршунѡа тизинѡыз оны!.. Сен кокреги тамѡалы комиссарны корьдинѡми? О башкѡа!

Резидентнинѡ бу койде яшаѡанына, чалышкѡанына тезден беш ай оладжакѡ. О ич бир вакѡыт разведкаджы достларыны назарындан бошамады. Оларны тенбилеп турды. Эр корюшювде оларѡа рух берди ве вазиятлерини дикѡкѡат алтында тутты. Ёкѡ, о кимсенинѡ лаф кѡачырмайджагѡына, артында «кѡуйрукѡ» алып кельмейджегине кефиль ола биле. «Ойле исе, койде ничюн шубели шахслар кѡокѡланып юрелер? Олар кой ичиндеки ёлдан кечелер, кѡаялар артында пейда олалар...» Не де олса, Абденанова озь аркѡадашларынен лакѡырды этмек кѡарарына кельди. Достларына Азифени ёллап, ятсы маалинде Батал кѡартбабанынѡ эвинде топлашаджакѡларыны бильдирди.

— Кѡыйметли достлар, сизлернен эр вакѡыт ачыкѡлакѡырды эткеним киби, шимди де озь шубемни бильдирмек истейим, — деди Алиме олар топланѡан сонѡ. — Кой

этрафында шубели адамлар пейда олдылар. Олардан бириси Абдуракъип агъанынъ янындан кечкенде: «Сен анъкъав полицаи экенсинъ», — деп кеткен. Ортагъа телеш чыкъармакъ истемейим, сизлер ичюн месулиетли адам оларакъ, сакътлыкъ тедбирлери корьмекни керек таныйым. Биринджи, шимдилик бири-биримизнен ве менимле корюшмекни токътатынъыз. Экинджи, рациянен чалышув да токътатыла. Булар эр итималгъа къаршы корюльмеси зарур тедбирлер. Бутюн арекетлеримизни бир къач кунъ токътатып турайыкъ, сонъ бакъармыз.

— Мен хызмет адамым, мангъа талимат боюнджа вазифемни быракъмакъ олмай, — деди Болатов. — Амма дигер аркъадашлар башкъа койлерде тувгъанларына барсалар, зарар олмаз, беллейим.

— Мен бир якъкъа кетмем, — деди Сейфедин.

— Агъам къайда, мен де андам, — деп агъасына сарылды Джеват. — Иште берабер эдик. Керек олса, берабер де джевап берирмиз.

— Мен ич бир вакъыт Хайрулла, достларындан айырылды деген сёзни намусыма сыгъдырмам, — деди Мамбетджанов кесен-кес.

Къызлар да Хайрулланынъ фикирине къошулдылар.

— Сагъ олунъыз, тувгъанларым! Мен сизлернен Ватанымызгъа юрек эмиринен хызмет этмектем. Не олса-олсун бизлер шу юрек эмирине садыкъ къаладжакъмыз, — деди Алиме ве аякъ устуне турды. — Сизлернинъ де аякъкъа турмангъызны ве меним иле шу сёзлерни текрарламангъызны риджа этем.

Эр кес еринден котерильди.

Абденанова буюк эеджаннен:

— Мен, совет разведкаджысы!

Эписи:

— Мен совет разведкаджысы!

Алиме:

— Чокъ джефалар корьген тувгъан топрагъымыз, бутюн халкъымыз огюнде...

Эписи бу сёзлерни текрарлады ве девам этилер: — Озюмнинъ мукъаддес борджум оларакъ эда эткен эр бир ишимни терен сыр этип сакъламагъа ант этем! Эгер бунынъ ичюн джанымны феда этмек керек олса, ич шубесиз аятымны къурбан этмеге азырым!..

— Я сен? — деди Алиме четте сесини чыкъармай отургъан Стасягъа.

— Мен радист вазифесини эда этмеге разылыкъ берген эдим, оны иджра этмеге борджлум, — деп четке бакъты...

— Ялынъыз шуму? — деди Алиме. — Сен, бир совет киши оларакъ, Ватан ичюн башкъа муим иш япмакъ истемейсинъми?

Стася индемени. Козылерини ашагъы догърултты, сусты.

Алиме, ёлдашы Гуляченконынъ бу умютсизден денъишювине пек тааджиПЛенди.

— Бугунъ тарихий кунъ, совет халкъы Къызыл Ордунынъ 26 йылыгъыны къайд эте, — деп сёзюни девам эти Алиме, энди озь ерлерине отургъан аркъадашларына хитап этип. — Бизлер, Къызыл Ордунынъ ярдымджылары, гъарез душман тарафындан тапталгъан ана-топракъта Ватан хызметиндемир. Къызыл Орду кысымлары ярым аданы алкъада къалдырып, душманнынъ чекилюв ёлларыны кести ве Тамандан, Ор къапыдан уджюмге кечмеге азыр туралар. Билесинъизми не, достлар? Биз Къырымнынъ азат этилюви арфесинде булунамыз. Эм бу азатлыкъ курешинде халкъымызнынъ ве шахсен бизим хызметимиз аз дегиль. Мангъа саф видждан иле япкъан самимий ярдымынъыз ичюн, озюме авале этильген вазифе муджиби, сизлерге Ватан адындан тешеккюр бильдирем! Илериде даа нелер олур, бильмейим. Лякин сизинъ хызметлеринъизни Ватан ве халкъ ич бир вакъыт унутмаз!

Бу сёзлер эр кеске бир джесюрлик мельэми олып тесир этти. Аркъадашлар рухланды, юзьлеринде тебессюм пейда олды.

Алимеге озь ишинен мемнюн олмагъа, аркъадашларыны хатырламагъа эсас бар эди. Чюнки декабрь айында къарарсыз къатты сувукълар себебинден ялынъыз беш радиограмма берильгенине, январьда рация бозулып, янъысыны кетиргендже он кунъ къадар тенефюс олгъанына ве февральде батарея кетирильгендже бир афта токъталгъанына бакъмадан, бу ерде чалышып башлагъан куню, яни октябрь 4-тен февраль 23-кедже йигирми афта зарфында къыркъ радиограмма ерине 81 радиограмма ёлланды. Ве эр биринде Орду команданлыгъы ичюн гъает муим, къыйметли малюматлар бар эди.

Орду штабынынъ разведка башлыгъы тарафындан огюне къоюлгъан джиддий вазифени эсас итибарынен беджергени ичюн Алименинъ гонгълю хош. Лякин этраф-таки вазиет оны раатсызлай. О, достларыны тенбилесе де, эеджанлы экенини кимсеге дуйдырмады.

Эр кес озюнен алып кельген емекни ортагъа къойды, софра донатылды. Тышарыда этрафны козь этип тургъан Азифенен Улькерни ичери чагъырдылар. Неджибе макъсыма ясагъан экен. Бардакънен о да ортагъа алынды.

Къызыл-Къую демирёл станциясы жандармериясынынъ хадимлери кой залисини эсапкъа алгъандан олып, эв-эвден юрьдилер.

Февраль 25-те яры гедже авгъанда Менановларнынъ къапысы къакъылды. Сейфединнинъ: «Ким о?» суалине тышарыдан уйдурма къадын сесинен: «Биз ёлумызны шашырдыкъ. Пек ушюдик. Эвге йиберингиз, бираз къызынайыкъ», — дедилер. Сейфедин: «Биз озюмиз тарашлыкъта яшаймыз, башкъа эвге барынъыз», — деп джевап берди. Къапы энди къуветли къакъылды, тышарыдаки сес къапы ачылма-

сыны талап этти. Сейфедин меселенинъ асылыны анълады. Янаша одада юкълагъан къардашыны уянтты. «Сен сырт къапыдан чыкъып къач, Абдуракъип агъанъа, Неджибе енгенъе, Стасягъа, Васфие татанъа, Хайрулла эништенъе барып, эвимизге гестапо кельгенини хабер эт», — деп, оны арт къапыдан чыкъарып йиберди. Эвни сарып алгъан жан-дармлар Джеватны якъаладылар.

Немсе офицери, тильмач ве эки полицай, зорлукънен къапыны парлап, ичери сокъуддылар. Олар къач кунълерден берли кой ичинде къокъланып юрьгенлерден эдилер. Немсе офицери тильмач вастасынен эв ичиндекилернинъ ады ве фамилияларыны сорады. Сейфединнинъ эллерини бугъавладылар. Экинджи одагъа кирдилер. Мында Джеват ве Мельбек абайнынъ кимлер экенини тешкерип, Джеватнынъ да эллерини бугъавладылар. Учюнджи одагъа кирдилер. Мында Ревиде абай, Алиме, Азифе, Ферузе энди меселенинъ асылыны анълап, къоркъушып отура эдилер. Оларнынъ адларыны тешкерип, Алимеге: «Сен бизнен кетеджексинъ! Джыллы кийин!» — дедилер. Тильмач офицернинъ айткъанларыны терджиме этип, Ферузенинъ ким экенини сорады. О: «Мен Алименинъ къардашым. Къарангъыт коюнде яшайым. Анамны, аптемни, къардашымны сагъынып, оларны ёкълап кельдим», — деди. Полицайлардан бири: «Догъру айта, мында тюневин кельди», — деп къызынынъ сёзлерини тасдыкълады.

Полицайлар одаларны аст-устъ этип, тинттилер. Мельбек абайнынъ ве Ревиде къартийнинъ, дёрт айлыкъ къунадакъ балалы Зекиенинъ, Ферузенинъ ве Азифенинъ адларыны, фамилияларыны, догъгъан йылларыны язып, Къызыл-Къую гестапосынынъ разылыгъы олмадан эвлеринден бир якъкъа кетмейджеклерине даир имза алдылар. Алимени, Сейфедин ве Джеват Меннановларны етеклеп Болатовнынъ звине алып бардылар. Олар кельгенде, мында Абдуракъипни сия-

сызландыргъан ве эвининъ эшъясынынъ астыны устюне чевирген эдилер. Абдуракъипнинъ агъыр хаста къадыны Ферузе кроватта ята, Неджибе, бабасы Батал къартнынъ янында балалары Рустем ве Ленураны багърына баскъан алда отура. Кошеге пыскъан Стася шыншыкълап агъламакъта. Онынъ элини къайырып, бу къыз татаргъа бенъ-земей, радист олмалы деп, рациянынъ не ерде сакълы экенини айтмасыны талап эткенлеринен, деръал азбарда тезек обасы тубюнде сакълы рацияны барып косътерди.

Васфие Аджыбаеваны, 13 яшындаки къызчыгъы Улькерни, эллери бугъавлы Хайрулла Мамбетджановны агъыраякълы къадыны Сайменен берабер итеклеп алып кельдилер. Сонъра Батал къартбабадан, Ферузе Болатовадан, Сайме Мамбетджановадан жандарма идаресининъ разылыгъы олмай тура койден чыкъмайджакъларына даир имза алдылар.

Аналар балалары иле ведалаштылар.

Васфие къызы Улькернинъ козьлеринден опип, онъа чокъ бакъып турды. «Мен сени джанымдан зияде севе эдим, сен меним кучюк ярдымджым эдинъ. Меним оксюз къалайткъан эвлядым, Алла сенинъ бахтынъны сакъласын, бабанъ дженктен сагъ-селямет къайтып кельсин!» дие ичинден дувалар окъуды, сонъра къызынынъ къулагъына бир шейлер даа айтып, оны тенбиледи. Гестаподжылар: «Етер энди!», — деп, Васфиени итеклеп алып чыкътылар.

Абдуракъип Болатов къарысы Ферузенен сагълыкълашкъан олып онынъ къулагъына: «Тезден бизимкилер келирлер. Санъа ве къызым Зейнепке ярдым этерлер. Къоркъмангъыз. Агълашмангъыз. Сагълыкънен къал!», — деп янагъындан опыти.

Немсе офицери: «Мабюслерни арабагъа отуртынгъыз!» — деп эмир этти.

Абдуракъипнен Хайрулланынъ да эллерини бири-бирине багълап, эркеклерни айры, къадынларны айры арабаларгъа

отуртып, Къызыл-Къую гестапосына алып барып къапатылар.

Алименинъ къардашы Азифе Абденанова 37 йыллыкъ кечмишни хатырлап шойле деди: — Алиме аптем къапатылмаздан эки кунъ огюне Эски Къырымгъа барып кельген эди. Анда кимнинъдир гестаподжылар къолуна тюшкенини анълап къайтты. О къасеветли эди, геджелери юкъламады, раатсызланды. Мени янына чагъырып: «Эски Къырымда бизим бир кишимизни къапагъанлар... Барып да, бизлерни де къапагъан киби олсалар, шуны яхшы биль: бизим буюгимиз Захаров деген киши. О бир девлет адамы оларакъ, сизлерни тапар. Меним имаемде булунгъан анамнынъ, сизлернинъ, къардашларымнынъ къайдыны чекер. Меним орду штабындаки шахсий весикъаларымда сизлернинъ адларынъыз, фамилияларынъыз язувлы», — деген эди.

Февраль 26-да сабадан «ГФП-312» контрразведка болюгининъ комиссары Отто Каушны телефонгъа чагъырдылар.

— Мен лейтенант Циммер олам. Джермай-Къачыкътa дёрт эркек, дёрт къадын, секиз кишиден ибарет совет разведкаджылары группасы якъаланды. Къызыл-Къую командасынынъ «мусафирханесинде» раатланалар, — деп макътанчакълыкънен кулды.

— Якъалангъан вакъытта къаршылыкъ косътердилерми? — деп меракъланды комиссар Кауш.

— Къаршылыкъ косътермек къайда, радист къыз, элинден туткъанымыз киби, агълап йиберди. Деръал, чапып-барып, азбарда рациянынъ тургъан ерини косътерди.

— Шимди сангъа къапавлы машина барыр. Оларны мангъа ёлла... озюм бир лакъырды этейим, — деди Кауш. «Ниает, мангъа шеревф, юксек унван, вазифе кетиреджек буюк иш беджердим, Къырымда энъ кучлю совет разведкаджылары группасынынъ устюни ачтым...» деп севиңди ве сабырсызлыкънен мабюслернинъ кетирильмесини бекледи.

Мабюслерни кетирип, къадынларны апсханенинъ айры камерасына къападылар. Камерада булунгъан насылдыр къадын, янъы кельгенлерге озюнинъ бу ерде ич бир къабаатсыз къапатылгъаныны айтты ве оларны бунгъа къандырмакъ истеди, оларнынъ кимлер ве не ичюн къапатылгъанларыны бильмеге тырышты. Чокъ кечмеден Стасяны чагъырып алып кеттилер. Алиме аркъадашларынен ана тилинде яваштан сёйлешип, ич кимсеге инанмамакъ кереклигини ангълатты. «Бизлерни дингълемек ичюн арамызгъа «узун къулакълар» йибере билелер», — деди.

Эркеклерни апсханенинъ умумий камерасына алып кеттилер.

Лейтенант Циммернинъ: «Эписи кой кишилери...» дегенине базанып, Отто Кауш разведкаджыларны тез тильге кетиреджек олды.

Стасяны бастырыкънынъ чет одаларындан бирине алып кельдилер. Мында стол устюнде чешит къыйнав алетлери: демирджи корюги, чапчакънен сув, къопкъа... бар эди. Джеллятлар озьлерини керекли эр тюрю васталарнен темин эткенлер. Бу — фашист Отто Каушнынъ иш одасы. О мында мабюслернен «чалыша». Дигер стол башында Отто Каушнынъ адъютанты, тильмач Рудольф Кюгер озь вазифесининъ эдасына кечмекни беклей.

Стасяны алып кельдилер. Офицер онгъа столгъа якъын отурмакъны теклиф этти.

— Бизде раатлыкъ ичюн шараит яхшы дегиль. Озюнгъизни насыл дуясынгъыз? Ярамай муамеле ичюн шикъяетингъиз бармы? — деп Кауш достане муамеле косьтерген олды. Тильмач Каушнынъ айткъанларыны рус тилине терджиме этти. Стася не дейджегини бильмейип, омузларыны къысты.

— Бизим хадимлеримизнинъ биринджи талабы муджиби рациянгъизнынъ ве шыфрлерингъизнинъ сакълъ ерлерини косьтергенсингъиз, — деди Отто Кауш. — Бу

яхшы. Сиз озюнъизни догъру туткъансынъыз. Эгер илериде де бизни меракъландыргъан суаллерге догъру джевап берсенъиз, сагълыгъынъызны, гузеллигинъизни сакъларсынъыз. Кошеде стол устюндеки алетлерни коресинъизми? Инатлыкъ этсенъиз, хадимлеримиз оларны сизинъ устюнъизде ишлетир. Эписини айтырсынъыз. Амма яхшылыкънен умумий тиль тапсакъ сиз бастырыкъта дегиль де, зийнетли одада яшай билирсинъиз. Сизге офицерлер даиресинде шенъленмеге, атта раатлыкъкъа чыкъып, Берлинге сеяткъа бармагъа имкян берилир. Сонъ, не дейсинъиз? — Кауш Стасягъа тикилип бакъып отурды, джевап бекледи. Тильмач онынъ немседже айткъанларыны рус тилине чевирди. Стася бир офицерге, бир тильмачкъа, бир де стол устюндеки алетлерге бакъты. Эти-тени титреди. Девамлы тюшюнджеден сонъ:

— Эгер сизинъ теклифинъизге разы олсам, не япмакъ керегим?

— Эвеля, сизинъ иле бирге якъалангъан мабюслернинъ кимлер экенини ве не иле мешгъуль олгъанларыны айтаджакъсынъыз. Догърусыны айтсанъыз, бу ерден чыкъкъан сонъ озъ зенаатынъыз боюнджа чалышырсынъыз. Сербест къуш олурсынъыз. Анъладынъызмы?

— Анъладым. Соранъыз! — деди Стася яваштан ве сигар якъмагъа разылыкъ истеди.

— Якъынъыз, — деди Отто Кауш ве къызгъа сигар теклиф этти, сонъра серник якъып, онынъ сигарыны тутандырды. — Догъру адынъыз, фамилиянъыз насыл?

— Лариса Гуляченко!

— Къапатылгъанларнынъ ребери ким?

— Къадынлар арасындаки яш къыз. О совет разведкаджыларынынъ буюги... резидент. Лагъабы «Сафия», акъикъий ады Алиме Абденанова. Русча онъа Аня деймиз. Татар къызы.

— Шимдилик етер. Рудольф, фройлен Ларисагъа бизим эвден алтынджы квартираны косътер. Бираз раатлансын. Сонъра этрафлыджа лакъырды этермиз. Озюнъ тез къайтып кель, — деп Кауш еринден турды. Сигар якъты. «Демек, элимизде совет резиденти Алиме Абденанова», — деп авучларыны бири-бирине окъалап, эльде этеджек къазанчларыны тасавур этип, кейфленди. Стол устюндеки чанъны бар къуветинен къакъты. Невбетчи аскер кирди. «Бугунъ кельген къадынлардан Алиме Абденанованы алып кельсинлер!» — деди. Озю стол башына кечип, мабюслернинъ джевелини козьден кечирди. Янъыларнынъ адларынен таныш олды. «Бу меселенинъ иши чокъ, лякин биз оны узатмамыз. Тез битирирмиз», — деп фысылдады озъ-озюне.

Аняны алып кельдилер. Кауш онъа столгъа якъын отурмакъны теклиф этти. Мабюс индемеди, аякъ устюнде къалды. «Мен сизге отурмагъа мусааде этем», — деди Отто асабийленгенини дуйдурмакъ истемейип. Мабюс теклифни къабул этмеди. Аякъ устюнде турды. «Инат табиятлы экен» деп тюшюнди Отто. — Ихтияр озюнъизде. Ишке кечейик. Мен сизинъ ким экенинъизни билем. Фаалиетинъиз алман ордусына чокъ зарар кетирди. Лякин сизге бизимле чалышмакъны теклиф этем. Дженктен сонъра сиз сербестлик ве чокъ акъча саиби олурсынъыз. Базылары бу теклифтен ред этелер, лякин эки-учъ саат кече, бизге чалышмагъа разылыкъ берелер. Эркеклер... Мен джеллятларымызнынъ элери, о эскендже алетлери сизге токъунгъанларыны истемез эдим. Сизинъ резидент экенлигинъиз бизге малюм. Баре, биз шойле англашайыкъ. Мен шимди сизинъ аятынъызны къорчалайым. Сиз исе, сонъундан меним шанымны...

— Мен сизинъле бойле мукъавеле япып оламайым, — деди Алиме.

— Сизинъ бойле вазиятинъизде меним теклифим гъает алидженап. Оны буюк севинчле къабул этеджегинъизге эминим.

— Сиз нафиле ерде вакъыт гъайып этесинъыз.

— Ойле исе, манъа адынъызны, фамилиянъызны айтынъыз.

Абденанова Каушнынъ суаллерине джевап бермеди. Индемей турды.

— Демек, айтмакъ истемейсинъыз. Догъру, малюм шейни текрарлай бермек не керек? Амма мен, эмин олмакъ ичюн, бир даа хатырламакъ истейим. Адынъыз Алиме, фамилиянъыз Абденанова, лагъабынъыз «София», — деди ичтен эеджанлы Кауш ве еринден къалкъып, юнлю юмругъыны бар кучюнен стол устюне эндирди. — Алынъыз буны козюмнинъ огюнден! — деп джекирди лейтенанткъа.

Лякин Каушта ишни узатув мерамы ёкъ... аксине, меселени тез битириув ниетинде эди. Тезден Гуляченконынъ чагъырымасыны эмир этти.

Кауш эвеля ондан, одасы насыл ве озю насыл ерлешкенини сорады, озьлерине догъру хызмет эткенлерге урмет этмеге бильгенлерини сёйледди. Бирер сигар якътылар...

— Вакъыт гъайып этювде мана ёкъ. Ишке башлайыкъ, — деди Кауш. — Сиз манъа Къырымда насыл пейда олгъанынъыз, кимлернен ве насыл ишлер япкъанынъыз, шахсен Абденанованынъ фаалиети неден ибарет олгъаныны тафсилятлы айтынъыз. Сизге белли рехберлернинъ вазифелерини, унванларыны, адларыны хатырланъыз! Меним суаллерим ич де къыйын дегиль. Бойлеликле, мен сизни динълейим. Ключер, сен яз!

Лариса Гуляченко, Алиме иле 1943 сенеси сентябрыннъ сонъунда разведка меркезинден Керич ярымадасына радист сыфатында, Алиме исе разведкаджы оларакъ ёллангъанларыны икяе этти. Эписини олгъаны киби айтты. «Манъа не? Мен радистка эдим. Не эмир эткен олсалар, оны яптым. Алман арбий къысымлары арасында къарышып юрьмедим. Гизли малюмат топламадым, — деп тюшюнди о.

— Озь акълымнен ич бир иш япмадым. Бу бея ичюн Абденанованынъ башы агъырсын».

Берген малюматларынынъ догърулыгъыны тасдыкълап, Лариса Гуляченко имза чекти ве «Абвер-302»; «Геркулес» контрразведка болюгине радист вазифесинде чалышмагъа кечти.

Отто Кауш озь хадимлеринден кимлер къайсы мабюслернен чалышаджагъыны бельгиледи. Файер — Васфие Аджибаеваны, Альфред Михельсон — Неджибе Баталованы соргъу япаджакълар, резидентнен Кауш озю огърашаджакъ. Василий Зуб, Николай Оленченко, Василий Дубогрей — онынъ ярдымджылары оладжакълар.

— Меним бу эмиримни соргъуджыларгъа бильдирингиз, деди о, адъютанты Рудольф Клюгерге. — Бугунъден итибарен ишке башласынлар. Разведкаджыларнынъ эписини бизге хызмет эттирге тырышсынлар. Акс алда, энъ къатты джезагъа огъратувдан чекинмесинлер.

Бойле эмирни гитлерджи джеллатларгъа озь агъызынен бильдирмек адъютант Рудольф Клюгер ичюн гъает агъыр эди. О, саатларнен бу эмир устюнде тюшюнди. Совет ватанперверлерининъ насыл агъыр, даянылмаз джезаларгъа огъратыладжакъларыны тасавур этти. Лякин оларгъа ярдым ичюн ич бир шей уйдурып оламады. Чюнки о, мукъайтсыз бир арекетинен озюни эльге бере биле эди. Душман разведкасында хызмет этеаткъан бу совет разведкаджысынынъ мында озюнинъ гъает муим вазифеси бар. Онынъ бедже-рилювини телюке алтында къалдырмагъа акъкъы ёкъ.

Меселе шунда ки, Рудольф Клюгер бу идареде эвеля тильмач олгъан, сонъра ишкирлиги саесинде «ГФП-312» контрразведка болюгининъ полицей комиссары Отто Каушнынъ адъютанты вазифесине къоюлгъан, акъикъатта совет разведкаджысы Ибрагим Хатямович Аганин эди¹.

¹ Разведкаджыларнынъ адлары бар. «Москва ишчиси» неш-рияты, 1973 сенеси, 12 саифе.

Алимени Каушнынъ иш одасына алып кельдилер. О этраф-таки адам, джезалайыджы алетлерге бакъты. «Сен Алиме, озюньни къолгъа ал, ираде саиби экенлигинъни душмангъа косътер», деди о озь-озюне. Джеллатларнынъ ребери озюнинъ адъютанты Рудольф Клюгернен берабер кельди. Селям берип стол башына кечти. Мабюснинъ насыл раатлангъаныны, онынъ берген теклифлери хусусында насыл нетиджеге кельгенини сорады. О мабюске гузель муамеле косътермеге тырышты, эгер умумий тиль тапсалар, оны бу фена алдан къуртармагъа икътидарлы экенини айтты ве бир къач суаль берди. Алиме индемей аякъ устюнде турды. Алиме озюни бойле туткъаны Каушны асабийлендирди.

— Мен сизге нафиле вакъыт гъайып этменъиз, дедим.

— Меним сизге айтаджагъым ич бир шей ёкъ. — деди Алиме.

«Анълашыла, яхшылыкънен иш олмайджакъ, барсын, юрдашы къызгъа бираз акъыл къойсын», — деп Кауш ачувланып, чыкъып кетти. Ичери 20—21 яшларында киши кирди. «Таныш олайыкъ, — деди о Алимеге. — Мен Николай Оленченком», — деп, къолундаки резина сопанен къызнынъ талагъына яндырды. О талагъыны тутып, эгильгенде, Николай сопаны мабюснинъ аркъасына урды, не ери расткельсе, о ерине бар къуветинен ура берди. Къыз де о тарафкъа, де бу тарафкъа бурулды, сес чыкъармадан инъледиди, ерге серилип къалды, Джанавар джеллат къопкъаны чапчакъкъа далдырып сув алды. Тосат-тосат Анянынъ бетине сепе берди. Къыз тезден нефес алды, козылерини ачты, ич бир шей демеден, бель устюне отурды. Оленченко оны наллы чызмаларынен тепип: «Бизим рехберимизге къаршы кеттинъми? Э? Къаршы кеттинъми? Мына санъа!», — деди, кене тепти, сонъра стол устюндеки чанъны къакъты. Ичери кирген немсе аскери мабюсни итеклеп алып чыкъты, къадынлар камерасына къапады. Неджибе иле Васфие, Алимени четке

кетирип яткъыздылар, сачларыны сыйпадылар. Онынъ бетиндеки мор тамгъаларны корип: «Ах, бизим сеvimли къардашымыз, — деп агълады-сызлады, козьяшлары т  к-тилер. — Бу насыл азап! Насыл вахшийлик!», — Алиме яваштан ынъранды: «Тувгъанларым, бизим эпимизге язы-кълар олды, — деди о. — Бизни биревлер сатты... Бирев-лер бизге мунафыкълыкъ япты. Кимдир бизим шанымызны лекеледи. Бизлерни, къызларымызнынъ, йигитлеримизнинъ намусыны акъаретледи. Лякин ичкен антынъыздан къайт-манъыз, тувгъанларым!».

«Сен, Алиме, ят... — деди онъа Васфие. — Биз чалыш-магъа бильдик, олюм къаршысында озюмизни тутмагъа да билирмиз. Къоркъкъанлардан дегильмиз. Тек... языкъ, биз-лер даа пек яшмыз».

Альфред Михельсон озюне оджапче Неджибе Баталова-нынъ иши берильгенинден мемнюн къалды. Чюнки озю де оджа. Оджа-оджанен тиль тапар деп белледи.

Къапы къакъылды. Иван Куприш Неджибе иле кирди. Михельсон Ивангъа ишмарнен тышарыда беклемесини, Баталовагъа исе курсюге отурмакъны теклиф этти.

— Таныш олайыкъ, меслекдеш. Мен дженктен эвель совет мектебининъ немсе тили оджасы Альфред Генри-хович олам, — деп элини узатты. Къадын башыны четке чевирди.

— Совет оджасы олсанъыз, мында не ишинъиз бар? — деди о нефретнен.

— Мен немсем. Меним ерим «янъы низам» курешчи-лери сафында.

— Меним ерим фашистлер сафында демек истейси-нъизми? — деди Неджибе.

— Тилинъизни йибере берменъиз. Бизге берабер чалышмакъ керек оладжакъ, — деди Михельсон, ачувланып.

— Мени джезалайджакълар, сиз бакъып отураджакъ-сынъыз. Берабер чалышаджакъмыз дегенинъиз шу мы?

— Етер! Ишке кечемиз. Адынъыз? Фамилиянъыз?

— Сизге эписи белли.

— Суаллериме джевап беринъыз. Догъгъан йылынъыз? — сораджы сесини юксельти.

— Онынъ эмиети ёкъ!

— Бир даа сорайым. Разведкаджы олгъанынъыз бизге белли. Бу саада япкъан ишлеринъызни тафсиятлы айтынъыз.

— Мен сизге бир шей айтмам, — деп кесип ташлады Неджибе.

— Сенден яхшылыкънен текрар сорайым. Нелер яптынъ, эписини айт!

— Мен де текрарлайым... мен бир шей бильмейим, бир шей де айтмам! — Неджибе, асабийленип, еринден къалкъты.

— Бильмейсинъ... айтмайджакъсынъ, ойлеми? Айтырсынъ. Ойле де айтырсынъ... Куприш, мында кель! Бу оджапче адден-ашыкъ акъыллы. Онынъле бир лакъырды этип бакъ... — деди Ивангъа, озю исе чыкъып кетти.

Иван Куприш мабюсни резина сопанен вахшийджесине котеклей башлады. Бичаре къадынны чокъ урдылар. Эсини джойгъан сонъра да урдылар. Бу зулумларнынъ биринде видждансыз Лариса Гуляченко да иштирак этти. О, озюнинъ Неджибенинъ эвинде яшагъаныны ве Неджибе дефаларджа койлерге барып, Германия арбий къысымлары акъкъында малюматлар алып кельгенини айтты.

Соргъуджы Файер, Баталованынъ балаларыны кетиртти, эгер анасы тилини ачмаса, эвлятларыны ольдюреджегини айтып, къоркъузмакъ истеди. «Сизлернинъ, джанаварларнынъ элинден эр тюрлю вахшийлик кельгенини билем, — деди Неджибе юрегине толгъан нефретнен. — Истегенинъызни япа билесинъыз. Эп бир, мен сизге башкъа шей айтмам. Барсын, балаларым да Ватан огърунда къурбан

кетсинлер!» — деп, элинен юзюни кѳапады. Балалары агѳлаштылар. Василий Зуб оны йип уджуна багѳлы шишенен урды, Николай Оленченко наллы немсе чызмаларынен тепмеледи.

Неджибе Баталованы девамлы кунѳлер агѳыр джезаларгѳа огѳраттылар. О агѳызыны ачып, бир сѳз айтмады.

Дженктен сонѳ Краснодарда бу джанаварлар узеринден олгѳан махкеме процессинде шаат сыфатында иштирак эткен Ибрагим Аганин шойле деди: «...Оджапченен соргѳуны Михельсон алып барды. Оджапче агѳызыны ачып бир сѳз айтмады, оны яман этип котекледилер. Цухер оджапчени бизим одамыздан сюйреклеп тышары тарткѳычлады. Михельсон, Цухерге япышты. Цухер исе Михельсонны кѳакѳыштырып, Неджибе Баталованы озю тындырмакѳ истеди. Михельсон оларнынѳ пешинден азбаргѳа чапып чыкѳты. Азбарда оджапчени атып ольдюрдилер.¹

— А-а, резидент! — деп кѳычырды Кауш, Алиме ичери киргенде. — Анѳлагѳаныма коре, сизинѳ джанынѳызны агѳырткѳанлар. Котеклегенлер. Олардан эр шейни беклемек мумкюн. Олар мени пек севелер, о себептен менимле разы олмагѳан, меним дегенимни япмагѳан шахысларнен кѳаба муамеледе булуналар. Меним янымда сизге пармакѳнен биле токѳунмазлар. Не япаджакѳсынѳ, оларнынѳ хызмети ойле. Мен эр вакѳыт сизинѳ янынѳызда отурып оламайым. Энѳ яхшысы, биз экимиз анѳлашайыкѳ. Сиз меним суаллериме джевап беринѳыз. Озюнѳыз акѳкѳында икѳе этинѳыз. Бизге «София» адындан «Меркез» ичюн бир кѳач телеграмма язынѳыз. Оларны Стася ёлласын. Мен де сизге пармакѳнен тийильмесин деген эмир этейим. Эр шей яхшы олур кетер. Иште, достунѳыз Лариса Гуляченко... озюни насыл тутмакѳ кереклигини бир кереден анѳлады. Фройлейн Лариса шимди сербест, айры оада яшай. Сизге меним

¹ С. О. Асановнынѳ архивинден «Буны унутмакѳ олмаз» кѳолязмасы, саифе 26.

киби саф гонъюлли киши ярдым кьолуны узаткъанда ред этмек — яхшы шей дегиль. Меним сизнен чокъ лакъырды этип отурмагъа вакътым ёкъ. Мен иш адамым. Сонъ? Не дейсинъиз?

Алиме индемеди.

— Ойле олса, озюнъиз билирсинъиз. Адам дегени бу къадар инат да ола экен! Рудольф, юрь кеттик.

Олар, кеткен сонъ ичери Дубогрей кирди. Алименинъ аркъасына наллы чызманен тепти. Къыз йыкъылды, йыкъылса да, токътамай-тынмай Абденанованы тепмелемеге девам этти. Бель кемигине, къабургъасына, аякъларына, кьолларына тепти. Эсини джойгъан сонъ устюне сув тёкти... къыз козьлерини ачты. Тураджакъ олды, турамады. Серилип къалды. Дубогрей онынъ сачларындан тартып, бели устюне отуртмакъ истеди. Къызнынъ нефес алгъаны дуьлмагъан сонъ, къапыдан коридоргъа: «Буны мындан алып чыкъынъыз!» — деп багъырды.

Соргъуджы Опалка эп Абдуракъип Болатовнен, соргъуджы Файер Хайрулла Мамбетджановнен, Михельсон Менановларнынъ ишлеринен огъраштылар. Олардан бири-бирининъ, Алиме Абденанованынъ, Неджибе Баталованынъ, Васфие Аджыбаеванынъ япкъан ишлери, къайдаларгъа барып кельгенлери, меркезге насыл малюматлар берювде иштирак эткенлери акъкъында сорадылар. Он бир кунъ девамында Ватан саткъынлары, джеллятлар Иван Куприш, Николай Капотин, Василий Зуб, яш разведкаджыларны чыдалмаз усулларнен джезаладылар, кьоллары, аякълары багълы алда, аякъларынынъ пармакълары арасына бензинли чул парчалары кьойып оны туташтырып якъып, тырнакъларыны чекип чыкъарып, пармакъларыны къапы арасына кыыстырып, кьолларыны, къабургъаларыны сындырды кокюслерине къыздырылгъан демирден бешкоше йылдызлар басып азапладылар.

Фашистлер, озь ватанына садыкъ бу кызылардан ве йигитлерден ич бир малюмат алмагъан сонъ, март 9 геджеси Алименинъ дёрт аркъадашы — Абдуракъип Болатовны, Хайрулла Мамбетджановны, агъа-къардаш Сейфедин ве Джеват Меннановларны Эски-Къырым дживарындаки Агъармыш дагъы этегинде къуршунгъа тиздилер.

Соргъуджы Файер разведкаджы Васфие Аджыбаеванынъ ишини алып барды. Озюнинъ бутюн джеллятлыкъ теджрибесинден файдаланып, Васфиенинъ кимлернен багълы олгъаныны бильмеге, гестапогъа хызмет ичюн джелъп этмеге тырышты. Васфие ич бир шей айтмагъан сонъ, оны котеклеп, агъыр джеза усулларынен къыйнадылар. «Биз айдут дегильмиз, совет адамларымыз. Сизлер ватан саткъынларысынъыз!» — деди Васфие оларгъа. Николай Капотин онынъ кокюслерини кесип алды... Васфие Аджыбаева эссиз алда цемент устюнде къалды.

Фашист Кауш, Лариса Гуляченконы «Абвер-302» контр-разведка тешкилятынынъ «Геркулес» болюгине ишке алды. Лякин «ГФП 312»де резидентнинъ тефтиш иши битмегендже онынъ хызметке киришмеге акъкъы ёкълыгъыны бильдирдилер.

— Кечкен акъшам казинода топландыкъ, — деди онъа Кауш. — Фройлейн Лариса келир деп бекледик. Не ичюн кельмединъиз?

— Бармагъа пек авес эттим. Устюме киймеге келишикли антерим ёкъ. Мында камерада къапавлы разведкаджы татар кызыларынынъ эвлеринде яхшы кийимлер бар. Дженап офицер мусааде этсе, оларнынъ коюне барып, эвлеринден оны-буны алып келир эдим. Азыр-джорукъ анда сакълы къалгъан эски рацияны кетирир эдим.

— Аджайип фикир. Бугунъ барып кетиринъиз! Мен сизге машина ве янынъызгъа эки де аскер беририм, — деди комиссар. Деръал аякъкъа къалкъып, пенджереден

тыштаки шофёрға ве эки немсе аскерине керек эмирни берди.

1944 сенеси март 6-да Джермай-Къачыкъ коюне енгиль машина келип токътады. Ондан тюшкен радист къыз озюни гестаподжыларнен сербест мунасебетте булунгъаны алда, Алименинъ анасына ве къардашы Азифеге селям кетир-генини айтты. «Итимал, Алиме бугуньлерде эвге къайтып келир, — деди о. — Онынъ ичюн Аня озюнинъ урбаларыны, аякъкъаплаарыны алып кельмемни риджа этти».

Ревиде абай Стасянынъ козьлерине бакъкъанда бу иште бир хынзырлыкъ барлыгъыны дуймай къалмады. Сачлары кесилип, бурдурулгъаныны, агъызында немсе сигарети тютөп тургъаныны корьгенде, ондан шубеленди. «Сен дууду къушу киби олгъансынъ, козьлерингъде чапкъын бакъышлар бар» деп тюшюнди ана. Не япсын, умят дюньясы... бельки къызым, керчектен де къайтып келир беллеп, Алименинъ кийимлерини сыйпап-сыйпап, узерлерине мунгълы козьашлары тёкип, озь элинен богъчалап берди.

— Биз эски бозукъ рацияны Алиме иле берабер ахырда комьген эдик. Оны не яптынъыз? — деди Стася. — Башкъа ерге алып сакъладынъызмы? — Догърусыны айт! — деп зорлады Азифеге.

— Меним бир шейден хаберим ёкъ. Къайда сакълагъан олсанъыз, анда къыдырынъыз, — деди Азифе.

Стася гестаподжыларгъа ахырдан сыгъырны тышаргъа чыкъарттырды ве тахта табанны сёкип, онынъ тюбюне комюльген рацияны чыкъарып алды. Рацияны, богъчаны машинанынъ юк болюгине къойдылар. Ондан Батал къартбабанынъ эвине барды. Сорамадан озюнинъ ве Неджибенинъ яткъан одаларына кирип, урба шкафы ве сандыкъ ичинден Неджибенинъ ярашыкъ кийимлерини сайлап алып богъчалады. Къартбабанен сагълыкълашмайып, Васфиенинъ эвине догърулды, мында Васфиенинъ чемоданындаки

кунъделик дефтерини алмакъ истеди. О Аджыбаеванынъ кок къаплы дефтерге нелердир язгъаныны корьген эди...

Васфие, гестаподжылар сюрип кельген геджеси кызы Улькернен сагълыкълашкъанда: «Меним дар дюньяда севимли Улькерим», — деп козьлеринден, янакъларын-дан опип, яваштан кызынынъ къулагъына чемоданда кок къаплы дефтерни якъмасыны тенбилеген эди. Улькер ана-сыны алып кеткен геджеси дефтерни якъты.

Шимди Стасянынъ койге кельгенини эшиткен Улькер, къачып сакъланды. Стася оны чокъ кыдырып, тапып ола-мады... «Гъаниметлерини» машинагъа юклеп кетти.

«ГФП-312» контрразведка гестаподжылары юкъарыдан: «Не япсанъыз-япынъыз, резидентнинъ тили ачылмасыны, бизге чалышмасыны эльде этинъыз», — эмирини алдылар.

Отто Кауш Алиме иле учюнджи дефа «яхшылыкъ-нен» субет этмек къарарына кельди. Резидентни узурьна чагъырды. Озюни онынъ къайдыны чеккен адам оларакъ косьтермеге тырышты... Ич бир тюрю нетиджеге ири-шалмагъан сонъ, стол устюндеки чанъны ачувлы суретте къакъты. Николай Оленченко иле Вася Дубогрей чапып кельдилер. Оларгъа не япмакъ кереклигини айтмакъ керекмей, озъ вазифелерини яхшы билелер. Николай элин-деки пошуны Алименинъ козю огюне сильтеп алды Кызы «ах» деп бетини къапатты. Дубогрей онынъ элини къайта-рып артына бурды. Оленченко элиндеки явлугъыны онъына, солына саллап, резидентнинъ бетине шыпырта берди. Явлукъ уджуна пекитильген къуршун кесеги эр кересинде Анянынъ юзюнде яралар къалдырмакъта эди. Буруны, къашы, козю, янакълары, дудакълары ярылып-ярылып кетти, юзю ал къангъа боянды. Алименинъ гузель сымасы тезден танылмаз алгъа кельди... «Бугунълик етер», — деди Дубогрей.

— Айтынъыз Ларисагъа мында кирсин, — деп окюрди Кауш.

Лариса, устюнде Неджибенинъ чечекли антери, дудакълары боялы, агъызында сигарыны тютетип кельди. Алименинъ огюнде, онынъ: Алиме Абденанова, резидент экенини, резидентуранынъ сафларыны айтты...

— Мен сени виджданлы адам беллей эдим. Меним ичюн энъ агъыр джеза — меним инсан беллеген аркъадашымнынъ саткъын олып чыкъувыдыр. Юзюнъ къара олсун, хаин! — деди Алиме къызгъа.

Оны кене котекледи, чекиштирдилер. Сол элини сындырды, сонъра сюйреклеп алып кетип, бир озюни камерагъа къападылар. Мында онъа ярдым этеджек, бир джыллы сёз айтаджакъ киши ёкъ эди. О, озъ башына сёйленди: «Эй, виджданым! Сен манъа къувет, къудрет бер! Душмангъа меним меджалсыз алгъа къалгъанымны косътерме!», — деп агълады. Сагъ элинен тез-тез козьлерининъ яшларыны сильди, душман онынъ козьлеринде яш корьгенини истемеди.

Резидентни дёртюджи соравгъа алып кельдилер.

Ондан ич бир тюрюю малюмат аламайып, текрар котекледи, юзюндеки яраларны тазерттилер, сыныкъ элини тарткъычлады, сагъ элини де къайырып, чыкъардылар.

Алименинъ одасына насылдыр бир къадынны кетирип къападылар. Къадын къызнынъ чыкъыкъ ве сыныкъ эллерини бойнуна асып, багълады. Онынъ агъызына къашыкъ узатмагъа, емек ашатмагъа, сув ичмеге ярдым этти. Къадын Алименинъ ким экенини ве не ичюн бойле мушкюль алгъа къалгъанынен меракъланды. Бичаре къыз: «Эй, виджданым! Сен мени ирадемден махрум этме!», — деп ялварды.

Немсе контрразведкасы, бутюн вакъыт совет арбий разведкасынынъ резидентини озъ менфааты ичюн файдаланув чарелерини корьмеге тырышты.

Резидент бильгенини, онынъ япкъаныны ич кимсе япып оламаз. Резидент озюнинъ меркезине къыйметли малюмат

бергени киби, душмангъа хызметке кечсе, совет команданлыгыны алдав макъсадынен янълыш радиограммалар йибериш, душмангъа буюк файда кетире билер. Гестаподжылар, Совет Ордусынынъ якъын кунълерде уджюмге кечеджегини биле эди. Немселернинъ Керич ярымадасы ве Азав ялыларындаки мудафаа азырлыкъларыны, аскерий ве сия мевджудияетини огренген совет разведкасынынъ резиденти бу малюматны радиограмма вастасы иле совет команданлыгына бильдире эди. Къызыл Ордусы команданлыгы исе алынган радиограммалар эсасында не ерлерде ве не киби кучълернен уджюмге кечмек кереклигини бельгилей эди.

Немсе команданлыгы янълыш малюматлар берип Къызыл Ордусыны янълыш стратегик планлар тизмеге меджбур этмек ниетинде эди. Буны анджакъ орду резиденти Алиме Абденанова япа билер эди. Шу себептен апс этильген Алимени 17-нджи немсе ордусы штабынынъ разведка болюгине хызметке джелъп этмек вазифеси къоюлды. Шунунъ ичюн гестапо реберлери, насыл ёлнен де олса, резидентнинъ мытлакъа тили ачылмасыны, ондан немселерге хызмет этмеге разылыкъ алынмасыны талап этип турдылар.

Резидентни текрар апсханенинъ джеза камерасына алып кельдилер. О бу камераны чокътан биле, стол устюндеки алетлер онъа таныш. Отто Кауш асабийлене, эвеллери озюни «незакетли» косътермек истеген олса да, шимди онда бойле шей сезильмей. Ода ичинде, къутургъан копек киби, дивардан диваргъа юререк, окюрмекте, къолуны тосат-тосат стол устюне урып, «джезалансын» деп джекире.

Джанавар Зуб къызынынъ пармакъларындан, чыкъарылмай къалган тырнакъларыны чекип чыкъарды. Алиме эсини джойды. Джеллят, онынъ устюне сув сепип, озюне кетирди, ойледже ишини девам эти. Бир кунъ дегиль, бир къач кунълер эп бойле. Яралары ачыкъ. Къанлар акъты, эт

чюрюди. Бу — джеллятлар ичюн пек эльверишли усул эди. Тырнакъ чекип чыкъарув алетини гитлерджи джанавар Зуб иджат эткен ве шунынъ ичюн онъа «къаба хирург» ады берильди.

Резидентнинъ джезаланувы вакътында шу ерде булунгъан тильмач Рудольф Клюгер, яни Ибрагим Аганин, озюни зорнен тутты. Геджелери юкълап оламады. Онынъ козю огюнде энди танылмаз бир алгъа кетирильген, къанларгъа боялгъан къызгъа ярдым этмек ёлларыны тюшюнди, къараман къызны азаплардан къуртармакъ чарелерини арады, лякин бунгъа ич бир тюрлю чаре тапып оламады. Ибрагим Аганиннинъ озю совет разведкаджысы. Ондан душман акъкъында озь вазифеси боюнджа муим малюматлар бекленильмекте эди.

Шимди 1944 сенеси, март 2 куню. Алиме йигирми дёрт кунъден берли джеза артындан джезагъа огъратылмакъта. Фашистлер озь мурадларына наиль олмакъ ичюн къызгъа къаршы инсан чыдаалмаз джезалар къулландылар. Онынъ башыны къыздырылгъан демир чубукънен сыкътылар. Алименинъ кестане ренкли гурь сачларыны топ-топ узип алдылар. Эсини джойгъан вакъытта бастырыкъ одасына кетирип ташладылар. Эси башына келип, козьлерини ачкъанда, дудакълары арасындан фысылдылар эшитильди: «Мен Алиме Абденанова, Совет девлети ичюн самимиетле хызмет эттим. Менден башкъа сёз эшитмейджексингиз», — деди Алиме.

АнтеЙ кучъни ерден алгъан, Алиме де сабыр, кучъ, чыдамны халкънынъ саф къальбинден, намусындан, саделик къудретинден алды. Алиме ич бир кере: «Мени атып ольдюрсинлер де, бу азаплардан къуртулайым» деген фикирни акъылына кетирмеді. О, теслим оламады, озюнинъ къараманане, рухунен, чыдамлылыгынен душмандан интикъам алмакъ ичюн олюмнен курешти.

Бир афта даа кечти. Отто Кауш озюнинъ юксек реберлеринден: «Абденанова тильге кельмеси ичюн бутюн чарелерни корюнъиз!», — деген эмир алды.

Отто Кауш, бу яш татар къызынынъ агъызыны ачтырып, ондан немсе команданлыгъы ичюн зарур малюматны алып оламагъаны ичюн асабийленди. Бу не демек? Кауш резидентнинъ текрар кетирильмесини эмир этти. Зуб ве Дубогрей къызны кене кетирдилер. Полицай-комиссары Алимининъ козылерине тикилип: «Сенден сорайым, догърусыны сёйледжексинъми? Кене инатланаджакъ олсанъ, шимди аякъларынынъ сындырып ташламаларыны эмир этеджегим. Сенден сорайым», — деп джекирди о. Къыз индемедди. Онда, джевап берюв ниети ёкъ эди. Бу Каушны пек акъаретлендирди. — Ойлеми? — деди о, ачувланып, — Дубогрей! Къана, демир токъмакъны ал! Ишке башла!»

Дубогрей, Каушнынъ эмирини эда этмей, эппи бакъып турды...

— Не? Аджыйсынъмы? Эй, сени, юфкъа юрекли, чаршенбе! «Къырым, бутюн татарлардан темизленип, Алман империясынынъ хусусий виляети оладжакъ».¹

— Буларны аджымагъа аджет ёкъ. Биз Къырым залисини шай да ёкъ этеджекмиз, — деп Отто Кауш эки стакангъа коньяк къойды, — Столгъа якъын келинъиз. Къана, котеринъиз! Зуб! Сен, бу агъызындаки сютю къурумагъангъа аякъ насыл сындырылгъаныны косътер. Бирини озюньяп! Дигерини Дубогрейге къалдыр. Айды, фюрерге садыкълыгъынъны исбат эт!

Зуб джанаварлыкъкъа кельгенде амансыз эди. Онъа инсанларнынъ кемиклерини къырмакъ, балаларны машинанынъ копчеги астына къойып ольдюрмек, адамларны тирилейин ерге коммек, къуюларгъа ташламакъ бир шей дегиль. Онынъ ичюн аякъ къырмакъ не? Каушнынъ эмирини бир

¹ «Джинай макъсадлар — джинанй васталар», Сиясий нешрият. Москва, 1968 сенеси, саифе 53—55.

сёзсюз эда эткен сонъ, токъмакъны Дубогрейнинъ къолуна туттырды. О, исе коньякнынъ тесири алтында къызынынъ экинджи аягъыны урып сындырды. Алименинъ сеси-седасы кетти, сонъра эсини джойды. Дюльберлик, назиклик, самимет ве алидженаплыкънынъ темсили дюньяларгъа берильмез бу аджайип къызынынъ устюне ярым къопкъа сув тёкип, эки киши котерип апсхане камерасына алып кетип ташладылар. Камерадаки къадын чул парчалары тапып, бедбахт къызынынъ аякъларыны сарып багълады. Манълайына без сылатып къойды! Алиме, азчыкъ эси кельген киби олып сандыракълады. Къадын, Абденанованынъ дудакълары арасындан чыкъкъан шу сёзлерни анълап олды. «Мен борджымны эда эттим. Стася Гуляченко мени... Меним достларымны ве совет команданлыгъыны фашистлерге сатты. Стася девлетимизнинъ душманы».

Апрель 3-те, гестапо башлыгъынынъ талабына бинаэн, резидент Алиме Абденанованы Симферопольге алып кеттилер. Юксек унванлы гестапо башлыгъы, Алиме Абденанованы соргъу япмакъ ичюн мабюслер одасына кирди. Тахта устюнде, юзю бичимсизленген, беденинде сагъ ери къалмагъан, аякълары сыныкъ, къан-реван, юреги зайыф олса да, эп ишлемекте олгъан къадын вуджудыны корип, дешет ичинде къалды. «Совет Ордусы резиденти дегенинъиз бумы? — деп сорады о, озюнен берабер кирген офицерлерден. — Манъа мында сорав иле мешгъуль олмагъа аджет къалмагъан. Онынъ ишини битиринъиз!» — деп чыкып кетти.

Апрель 5 геджеси гестапо кишилери Алимени къапавлы машинада Симферополь апсханеси азбарындан алып чыкып, шеэр четине чыкъарып аттылар.

Халкъымызнынъ къараман къызы Алиме Абденанова совет Ватаны огърунда къурбан кетти.

1944 сенеси майыс 17-де Девлет комиссиясынынъ Симферополь янындаки «Красный» совхозында немсе-фашист

арбий кучьлерининъ джанаварлыкъларыны тасдыкълап тертип эткен актынынъ «Къуюда джесетлер» деген болюгинде: «Къуюдан алтмыш адам джеседи чыкъарылды ве тыббий тешкерювден кечирильди, эки юз къадар джесет даа къуюдан чыкъарылмай къалды, — деп язылгъан. Симферопольден 3—4 километр узакъта Дубки деген койни эр кес биле. Дженктен эвель эали бу ерлерге келип, раатлана тургъан. Немсе фашистлери мында совет адамларыны тирилей чукъургъа комьгенлер. Бу ерде адам комюли йигирми чукъур бар. Олардан бирини ачтыкъ... Бу чукъурда эки юз къыркъ кишининъ джеседи бар эди¹.

Базы адамлар бу къоркъунчлы чукъурлардан чыкъарылгъанлар арасында озъ догъмушларыны таптылар. Олар арасында Алимени къыдырмакъ, танымакъ мумкюн олмады.

* * *

1944 сенеси апрель 11-де саба саат алтыда 16-нджы окъчылар корпусы Керич шеэрини душмандан азат эти. Апрель 12-де кунъдюз Акъ-Манай алынды, гедже саат 23-те Феодосия Совет Ордусы къолуна кечти. Апрель 14-те Симферополь душмандан азат олуңды. Апрель 12 куню Муедин Абденнанов, Маяк-Салын район партия комитетининъ секретары сыфатында, янъ азат этильген Джермай-Къачыкъ коюне кельди. Анасы Ревиде абайны, огълу Рустемни, къызы Ленураны, къардашы Азифени тапты. Къарысы Неджибе, къардашы Алиме ве дигерлер гестапо тарафындан якъалангъанларыны бильген сонъ, чокъ кедерленди. Краснодарда эв саибеси онгъа Алименинъ сагълыкълашып кеткенини айтты, лякин къайда кеткенини бильмей эди. Муедин кетти... Алимени къыдырып, таныш-билишлеринден сорады. Кимседен догъру хабер алып оламады. Ниает, Муедин, къыз къардашы Алиме Абденанова — Хусусий Денгъиз-Бою Ордусы-

¹ «Красный Крым» газетасы, 1944 сенеси, март 17.

нынъ разведкаджысы-резиденти олгъаныны бильген сонъ, гестапо элине тюшкен бу яшларнынъ сагъ къалмайджагъыны аңлады. Амма Алимени эп къыдырды.

Апрель 14-те Джермай-Къачыкъ кою дживарында ПО-2 самолёты келип къонды. Самолёттан тюшкен арбий киши Абденановаларнынъ эвини сорап тапты. Киши Алименинъ анасы Ревиде апте ве къардашы Азифе Абденановаларнен корюшти. Мельбек къартийнен, Сейфединнинъ къадыны Зекиенен, Абдуракъип Болатовнынъ апайы Ферузенен, Хайрулла Мамбетджановнынъ къарысы Сайменен, Неджибе Баталованынъ бабасы Батал Мырзаевнен, Васфие Аджыбаеванынъ къызы Улькернен таныш олды. Оларнынъ суретлерини алды. Маддий ярдым оларакъ эписине акъча берди. Разведкаджыларнынъ имаесинде олгъан тувгъанлары девлеттен маддий ве маневий ярдым алмагъа акълары барлыгъыны аңлатты.

Шу кунълерде Хусусий Денгъиз-Бою Ордусы штабынынъ разведка болюги башлыгъынынъ ярдымджысы майор Зайцев Джермай-Къачыкъ ватанперверлер тешкиляты азаларынынъ къапатылувы вакъиасыны тафсиятлы суретте огренип, махсус ресмий весикъа тертип этти. Весикъада тешкилятнынъ эльге тюшювинде провокатор «Отважный» къабаатлы экенини ве Стася Гуляченко немселер тарафына кечерек, озъ адындан «Меркез»ге душман файдасына учъ телеграмма берюви иле Ватан огюнде хайнлик япкъаныны бильдирди.

Сонъки сёз

Йылар кечти. Апте-къардаш Ферузе ве Азифе осьти, буюди, къоджагъа чыкъты — аналар олдылар. Шимди эр бири озъ севинчи ве кедери иле яшамакъта. Лякин аналарынынъ: «Бекленильгенлер бир кунъ ола илле къайтып келирлер», — деген сёзлерини унутмадылар. Севимли аптелери

Алиме келир деп умют этти, бекледилер. 1944 сенесининъ шу фаджиалы 26-нджы февраль геджесинден он беш йыл кечти. Не Алиме ве не де онынъ аркъадашлары хусусында хабер кельмеди.

1959 сенеси март 10-да «Труд» газетасында Алиме («Аня») акъкъында «Душман къобасында» деген макъале дердж олунды. Макъале Абденановалар аилесини дешет ичинде къалдырды. Онда, дженк йыллары фашист гестапосына хызмет этип, Ватангъа буюк хайнлик япкъан, ве шу джумледен, Хусусий Денгиз-Бою Орду штабынынъ разведкаджысы Аняны (Алимени) ве онынъ аркъадашларыны джанаварджа ольдюрген джеллятлар совет арбий трибуналы тарафындан махкеме этильгени хусусында язылмакъта эди.

О куньден сонъ Алименинъ ве онынъ гизли тешкиляты азаларынынъ талийи насыл олгъаны анълашылды. Къардашлары, догъмушлары бутюн халкъымыз Алиме Абденанованынъ Ватан огърунда къурбан кеткенини бильдилер.

Макъаледе, махкеменинъ къарары хусусында: Шималий-Кавказ арбий округынынъ трибуналы Ватангъа хайнлик эткен, совет адамларыны джанаварджа къыйнап ольдюрген ве къуршунгъа тизген джеллятларны — Михельсон, Дубогрей, Оленченко, Зуб, Круглов ве Василенконы олюм джезасына махкюм этти» деп язылы эди.

Гитлерджилернинъ «312-нджи ГФП» контрразведка тешкилятынынъ сабыкъ агентлери узеринден махкеме 1959 сенеси Краснодар шеэринде олды. Ватан саткъынлары озьлерини бильдирмемек ичюн, мемлекетнинъ чешит кошелеринде гизленип, аятларыны сакълап къалдырмакъ истеселер де, девлет телюкесизлиги идареси совет адамларынынъ ярдымынен чокъ йыл девамында алып баргъан араштырувлары нетиджесинде оларны якъаламагъа наиль олдылар.

Джинаетчилерден илькиде радистка Лариса Гуляченко зльге тюшти. Сонъра Къазахстанда Альфред Михельсон,

Минводы шеэринде Николай Оленченко, Запорожье областында Василий Дубогрей тапылдылар. Владимир Круглов Владивостокта, Александр Василенко исе Ставропольде якъаланып, къапатылдылар.

Краснодар чекистлери трибунал столы узерине арбий джинаетчилернинъ совет кишилерине, ватанперверлерге къаршы япкъан мисли ёкъ джанаварлыкъларыны исбат этиджи он эки джылтыкъ сорав-тефтиш материаллары къойдылар.

Ачыкъ махкеме процессинде Ватан саткъынлары, озьлерининъ джанаварлыкъларыны, ватанперверлерни чешит къыйнавлардан сонъ ольдюргенлерини таныдылар.

Шималий-Кавказ арбий округы трибуналынынъ укюм-къарары муджиби, фашистлерге хызмет эткен Михельсон, Оленченко, Дубогрей, Круглов, Зуб ве Василенко олюм джезасына укюм этильдилер. Укюм джезасы, Александр Василенкодан гъайры 1959 сенеси июнь 29-да бутюнлейин ерине кетирильди. Василенкогъа, джинает япкъан вакътында 18 яшыны толдырмагъаны ичюн, атмакъ джезасы 15 йыл мабюслик джезасынен денъиштирильди¹. Лариса Гуляченкогъа фашистлерге саткъынлыгъы ичюн узун джеза муддети берильди.

Хусусий Денъиз-Бою Ордусы штабынынъ резиденти Алиме Абденанова онынъ разведкаджы-ярдымджылары Неджибе Баталова, Васфие Аджибаева, Абдуракъип Болатов, Хайрулла Мамбетджанов, агъа-къардаш Сейфедин ве Джеват Меннановлар ве даа пек чокъ дигер ватанперверлернинъ буюк джесаретини, Ватан эшкъына япкъан мукъаддес хызметлерини халкъ ич бир вакъыт унутмайджакъ.

Алименинъ ады мемлекетимизде энъ намлы халкъ къараманлары арасында ер алды.

¹ Фашист оккупациясы вакътында Къырымда арекет эткен «Яш гвардия» гизли тешкият иштиракчилерининъ фаалиети хусусындаки весикъадан.

Алиме несиллер анъында халкъымызнынъ джесюр къызы, федакяр эвляды оларакъ эбедиен яшайджакъ. Я Алиме иле бир сафта джесюране хызмет этип, тюрлю себеплерден отърю сагъ къалгъан Алименинъ якъын кишилери... Олар къайдалар?

Муедин Абденанов, 1944 сенеси Озбекистаннынъ Сырдарья районына кельгенинден берли, гъайрет ве тешеббюс иле чалышмакъта. Бу федакяр коммунист Сырдарья район партия комитетининъ инструкторы, Ильич адына колхоз партия тешкилятынынъ секретары, памукъчылыкъ бригадасынынъ ребери ве агроном олып ишледи. Памукъчылыкътан юксек берекет эльде эткени ичюн орден иле такъдирленильди. 1976 сенеси пенсиягъа чыкъты.

Муедин Абденанов гестапода къыйналып ольдюрильген къарысы Неджибеден къалгъан балаларны Рустемни ве Ленураны окъутты, бильги саиби япты.

Рустем авиация мектебини битирген сонъ учъ йыл авиация арбий къысымында ава радиости вазифесинде хызмет этти. 1968 сенеси Душанбеде Таджикстан Политехника институтынынъ энергетика факультетини битирди, шимди Таджикистанда къуруджылыкъ трестинде баш инженер олып чалышмакъта.

Ленура Абденанова къоджасы Сыфат Газиев иле «Малек» совхозында памукъ асрамакъталар.

Ферузе Абденанова къоджагъа чыкъты, озю Къургъан-Тёпеде яшай.

Хайрулла Мамбетджановнынъ ве Сейфедин Менановнынъ балалары дженктен сонъки агъыр йыларда вефат этилер.

Васфие Аджибаеванынъ къызы Улькер Самаркъанд областы, Ингичка къасабасында булуна. Бабасы Абдуракъип Умеров дженкте эляк олды. Улькерни аджайип инсанлар, къары-къоджа Васфие Джангазиева ве Насибулла Шами-

лев, озъ эвлятлары киби, къанатлары астына алып тербие-ледилер. Улькер окъувны битирген сонъ Ингичкада ер асты геологик араштырувларында чалышты, сонъра Ташкентке кочип келерек 182-нджи мектепте мудир муавини вазифе-синде ишледи. Къоджагъа чыкъты.

Къоджасы Аджи-Эмин корюшювимиз вакъытында манъа шойле деди:

— 1955 сенеси Ингичкагъа ички ишлер идареси хадими келип, Улькернен корюшкен. Анасы, Васфие Аджыбаева акъкъында сорагъан. О адам Улькерге анасы арбий раз-ведкаджы олгъанына даир шеадетнаме къалдырып кеткен. Чокъ языкъ ки, шу шеадетнамени сакълап оламадыкъ. Биз Улькернен хош-бахт, муаббет омюр кечирдик. Языкъ... 1977 сенеси о агъыр хасталыкътан вефат этти...

1981 сенеси.

ВЛАДИМИР ЛОТА

АЛИМЕ КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА

(Повесть)

Предисловие

Бесценным духовным богатством народов Крыма являются легенды. В Керчи или Херсонесе, Севастополе или Бахчисарае, в других городах и селах люди бережно сохраняют доставшиеся им в наследство сказания, которые давно стали общим достоянием русских, крымских татар, украинцев, греков, армян и представителей других народов, проживающих на благодатной земле этого сказочного полуострова.

Несмотря на отсутствие документов и иных доказательств, подтверждающих достоверность событий, описанных в той или иной легенде, сказания живут, радуя души и сердца тех, кто считает Крым и крымскую землю своей малой Родиной. В Крыму хорошо известны легенды о Золотой колыбели, о гибели Гирея, о царице Феодоре, об основании Бахчисарая и другие.

Легенды имеют места постоянной приписки, то есть все они когда-то были привязаны к конкретным населённым

пунктам, где формировались их сюжеты. Родиной многих крымских легенд считаются Алушта, Бахчисарай, Старый Крым, Солнечная долина, Судак, Партенит и другие города, посёлки и сёла.

Авторов у легенд, как правило, нет, но были и есть рассказчики, которые их сохраняют, передают своим детям, друзьям и путешественникам. Таких хранителей народных легенд называют сказителями. Именно благодаря им многие легенды были записаны и опубликованы.

К тем, кто собирал и публиковал легенды, давая таким образом возможность ознакомиться с ними людям из близких и далёких земель, в Крыму относятся с особым уважением. Здесь помнят имена М. Н. Козакова, П. Е. Джоварджи, С. И. Верибрюсова, Ф. Хайбуллы, А. Афuzова, Х. Умерова, Н. Маркса и других. В Крыму сказителем считается и русский писатель Иван Бунин, написавший новеллу «Темир-Асак-Хан».

Героями легенд, как правило, являются боги или загадочные существа, но нередко встречаются и исторические личности, имена которых хорошо известны. Главные достоинства этих людей — сила духа, способность и готовность совершать добрые дела во имя своих соотечественников.

В XX веке местный фольклор пополнился новыми сюжетами. От рождения до обретения известности они прошли сложный путь: многократно проверялись, дополнялись, и наконец, те, что получили всеобщее признание, обрели право стать легендами. Всенародное принятие того или иного события, человеческого подвига или исторического факта было и остается главным критерием их значимости для жителей Крыма. Легендарным называют город Севастополь, легендарными стали герои Аджимушкайских каменоломен и десантники, которые первыми вступили в бой за освобождение Керчи от фашистских захватчиков.

В Крыму часто можно услышать рассказ о подвиге военной разведчицы Алимe Абденановой. Местные жители считают её героиней. О сложной судьбе этой крымскотатарской девушки, погибшей весной 1944 года, автор узнал по дороге из Керчи в Симферополь.

История короткой жизни Алимe, её судьба привлекли внимание автора своей необычностью и тем уважением, которое питают к ней жители Крыма: и татары, и русские. С помощью многих людей, проживающих в Крыму и Москве, удалось собрать уникальные документы о жизни и деятельности этой разведчицы. История о судьбе этой девушки, подкреплённая ранее неизвестными документами, легла в основу данной книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРЫМСКИЙ РУБЕЖ

Глава первая

ПАМЯТНИК У ДОРОГИ

Давняя мечта побывать в Крыму сбылась в конце мая 2014 года. В те дни в Донбассе и Луганске народные ополченцы сражались за свои права против нахлынувших на юго-восток Украины солдат киевской регулярной армии, а в Крыму, народ которого в марте провёл референдум и принял решение войти в состав Российской Федерации, царили тишина и спокойствие. Как только позволили обстоятельства, мы отправились в Крым.

Творческие планы на эту поездку были большими. Предполагалось посетить Севастополь, где должна была состояться военно-историческая конференция, посвящённая 70-летию освобождения Крыма от немецко-

фашистских захватчиков. Ожидалось, что в работе конференции примут участие министр обороны Российской Федерации С. К. Шойгу и начальник Генерального штаба В. В. Герасимов. На конференции должны были прозвучать доклады известных российских историков с новыми, как ожидалось, оценками военных событий, происходивших в Крыму в годы Великой Отечественной войны. Все это делало севастопольскую конференцию интересной и очень значимой.

На мероприятие были приглашены ветераны армии, флота и партизанского движения, принимавшие участие в оборонительных боях и в Крымской наступательной операции. Участникам тех решающих событий было уже за восемьдесят, и для них это была уникальная возможность ещё раз увидеть друг друга.

По дороге из Керчи в Симферополь творческие планы, предусмотренные на эту поездку, неожиданно пришлось существенно изменить. Сделать это заставила случайная встреча, которая произошла в городе Старый Крым.

Проехать мимо Старого Крыма, этого древнего города, расположенного вдоль шоссе, ведущего на юг полуострова, было невозможно. Он привлекает своей богатой историей, древними памятниками архитектуры и именами великих людей, живших здесь в разные времена. Отсюда управляли Крымом наместники Золотой Орды, эти места посещала императрица Екатерина II, здесь творили известные русские поэты, писатели, художники и скульпторы.

Первые упоминания о Старом Крыме, который когда-то назывался Солхат и был древней столицей полуострова, относят к 1266 году. Ученые утверждают, что когда-то этот город был крупным торговым центром, который посещали греки, армяне, генуэзцы и даже венецианцы. После того как степной Крым был завоеван Золотой Ордой и вошёл в её состав, город был переименован в Кырым и стал адми-

нистративным центром Крымского Юрта и резиденцией эмира Крыма. Однако европейцы по-прежнему называли его Солхат, и некоторое время город жил с двумя именами.

Солхат тоже был разделён на две части: мусульманскую и христианскую. В мусульманской части проживал наместник хана Золотой Орды. Историки утверждают, что по приказу хана Батыея для него в Солхате был построен дворец, вблизи которого располагались менее роскошные дома местной знати. Рядом с ними проживали торговцы, ремесленники и другой трудовой люд. Позже в этом городе была расположена ставка темника Золотой Орды хана Мамай, который был правителем Крымского Улуса. После поражения от войск законного наследника ханского трона Тохтамыш, которому Мамай не пожелал подчиняться, ему пришлось бежать в Кафу (ныне Феодосия), но жители Кафы в свой город Мамай не пустили. Тогда он попытался спастись в Солхате, но по пути был перехвачен конниками хана и по его приказу убит. Тохтамыш, однако, распорядился с почестями похоронить Мамай в районе селения Шейх-Мамай. Восток — дело тонкое.

Свое административное значение Солхат начал терять в середине XIV века, когда один из правителей Крымского ханства решил перенести столицу в Кырк-Ор (Чуфут-Кале), а в 1475 году, когда в Крыму появились турки, Солхат потерял и своё первоначальное название и стал именоваться Эски-Кирим, что означало «Старая крепость».

По дороге из Керчи в Симферополь мы остановились около дорожного знака, который называется «Екатерининская миля». Местные жители рассказали, что когда-то таких примечательных сооружений в Крыму было установлено около трёхсот. Их строительство было связано с посещением императрицей Екатериной II её новых южных владений зимой 1787 года. Путешествующую государыню сопровождала большая свита, в которую входили князь

Г. Потёмкин, австрийский император Иосиф II, граф А. Безбородко и другие высокопоставленные особы.

В Крыму Екатерина посетила Херсон, Бахчисарай, Севастополь, Ак-Мечеть, Симферополь, Карасубазар, Судак, Старый Крым и Феодосию. В Старом Крыму русскую императрицу встречал конный Таврический полк, который отдавал ей честь с преклонением штандартов.

Екатерина остановилась в построенном к её визиту дворце, где и принимала многочисленные депутации от татар, кабардинцев и других южных народов. Визит императрицы в Крым длился 12 дней и завершился в Феодосии.

По приказу князя Г. Потёмкина в честь посещения Екатериной II Крымского полуострова на бывшем ханском монетном дворе были изготовлены две золотые медали «Путь на пользу».

Эти медали Потёмкин подарил Екатерине и австрийскому императору Иосифу. Надпись на медали имела глубокий смысл. Во-первых, присоединение Крыма к России привело к значительному укреплению южных границ Российской империи; во-вторых, все народы, проживавшие на полуострове, попадали под надёжную защиту России. Былое величие и военная мощь Крымского ханства были утрачены безвозвратно. В новых условиях Крыму, на который с жадностью посматривала Османская империя, нужен был сильный защитник. В качестве него и выступила Россия, укреплявшая своё присутствие на Чёрном море. В Крыму формировались новые условия, которые обеспечивали спокойную жизнь и татарам, и русским, и другим народам, населявшим полуостров. Вместе легче было жить, работать и защищать свои и общие интересы.

XX век в истории Старого Крыма также связан с известными событиями и именами. В разные годы здесь проживали поэты Андрей Белый, Юлия Друнина, Сергей

Наровчатов, Марина Цветаева, писатели Александр Грин, Константин Паустовский и Аркадий Первенцев, скульпторы Татьяна Гагарина и Василий Стамов, кинорежиссёр Алексей Каплер, военачальники маршал Семён Будённый и адмирал флота Филипп Октябрьский, историк Никандр Маркс и другие знаменитости. Каждый подарил Крыму и его древней столице чуточку тепла своей души. Поэт М. Волошин, например, посвятил Крыму свои стихи; генерал-лейтенант русской армии Н. Маркс собрал крымские легенды, записал их и в 1913 году издал в Москве трёхтомник «Легенды Крыма»; скульптор Т. Гагарина создала проект памятника писателю Александру Грину.

Миновав Феодосию и проехав ещё километров двадцать, мы оказались у ворот Старого Крыма. На въезде в город мы обратились к двум инспекторам дорожного движения. Они подсказали, как проехать к зданию администрации города, где мы хотели получить сведения о действующих музеях.

В Исполнительном комитете Старокрымского городского Совета состоялась короткая беседа с ответственным сотрудником Исполкома Татьяной Панфиловой. Она была радушна и приветлива, помогла организовать наши визиты и посоветовала в первую очередь посетить музей Александра Грина и крымскотатарский культурно-этнографический центр. Что мы и сделали.

Встреча с директором культурно-этнографического центра, которого зовут Ильми Ильясов, внесла в нашу поездку существенные изменения. Произошло это вот при каких обстоятельствах.

Ильми Ильясов коротко рассказал нам об истории Старого Крыма, а также сообщил, что его отец, крымский татарин Кадыр Шерифович Ильясов, был участником Великой Отечественной войны. Весть о Победе над фашистской Германией старший Ильясов встретил в освобожденной

Чехословакии, был награжден орденами и медалями, а когда возвратился с фронта, вместе с семьёй был депортирован в Узбекистан, где и вырос Ильми, будущий директор крымскотатарского культурно-этнографического центра, который называется «Алемтаб», что значит «Освещающий мир».

Рассказывая об участии отца в Великой Отечественной войне, Ильми Ильясов отметил, что подавляющее большинство крымских татар, несмотря на то, что некоторые из них в годы оккупации сотрудничали с немцами, хранили верность своей стране. Они самоотверженно воевали против захватчиков на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанских отрядах, действовавших в Крыму в период немецкой оккупации.

Отвечая на просьбу конкретизировать своё утверждение, Ильясов назвал имена легендарного летчика дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана, который совершил 130 боевых вылетов и лично сбил 30 немецких самолётов. Прозвучали имена Героев Советского Союза сапера Узеира Абдураманова, пулеметчика Сеитнафе Сеитвелиева, командира полка Фетисляма Абдураманова. Была названа и фамилия крымскотатарской девушки Алимэ Абденановой, проживавшей в одном из селений, расположенных в Ленинском районе Крыма. В годы войны она была разведчицей, руководила действиями разведгруппы, добывала ценную информацию о дислокации немецких войск и их перебросках через железнодорожную станцию Семь Колодезей.

— В феврале 1944 года, — рассказал Ильясов, — Алимэ и её товарищи были схвачены немецкой контрразведкой. Они мужественно перенесли все мучения, которым их подвергали гестаповцы. Жизнь Алимэ оборвалась в Симферопольской тюрьме, а шестерых её боевых товарищей фашисты расстреляли у подножия горы Аргамыш.

В голосе рассказчика чувствовались и гордость за подвиг, совершённый этой девушкой, и сожаление о её ранней гибели.

— В татарской школе Старого Крыма, — продолжал Ильми Кадырович, — каждый подросток знает имя Аlime. — И добавил:

— В степи у дороги, ведущей в посёлок Ленино, установлен памятник Аlime. Создан он был только в апреле 1988 года...

Оказалось, что в посёлке Ленино, неподалёку от Старого Крыма проживают близкие родственники Аlime Абденановой. Мы решили встретиться с ними, посетить школу в Старом Крыму и возложить цветы к памятнику у дороги...

Глава вторая

АБДЕНАНОВЫ

Жизненный путь Аlime Абденановой начался 4 января 1924 года в пригороде Керчи. В тот день в пятой квартире дома № 4 на Первой подгорной улице жена рабочего Керченского металлургического завода имени Войкова Сеит-Османа Боросанова родила девочку. Назвали её Аlime, что в переводе на русский язык означает «мудрая» или «учёная». Видимо, мать новорождённой — татарская крестьянка Месельме Абденанова и её муж Сеит-Осман очень хотели, чтобы их дочь стала умной, красивой и счастливой. В начале 20-х годов, когда в Крыму укреплялась новая рабоче-крестьянская власть, и русские, и татары, и другие жители Крымского полуострова мечтали, чтобы их дети получили образование и стали равноправными гражданами Крымской Республики, которая была создана в октябре 1921 года. С образованием этой республики все

жители полуострова получили равные права и равные возможности, русский и татарский языки были объявлены государственными, надписи на этих языках присутствовали на гербе и флаге.

Через несколько дней в квартире Сеит-Османа и Месельме Боросановых собрались их близкие родственники. Старшей среди них была бабушка Ревиде Усеинова, которая была на седьмом небе от счастья. У нее было три сына и дочь, и вот родилась первая внучка.

В тот день маленькую квартиру Сеит-Османа посетили и братья Месельме — Исмаил, Муедин и Аедин.

Старший брат Исмаил, родившийся в 1906 году, окончил профессиональное училище и тоже работал на Керченском металлургическом заводе. В тот воскресный день он приехал к Боросановым, чтобы поздравить их с рождением дочери и встретиться с другими родственниками. Его мать Ревиде проживала в селении Джермай-Кашик. В Керчи она бывала редко. Вместе с ней в селе жил её средний сын Муедин. Он родился в 1909 году, и в то время ему было 15 лет. Мальчик учился в местной татарской школе и подрабатывал у одного богатого татарина.

Третий брат, Аедин, которому едва исполнилось 12 лет, проживал в семье Сеит-Османа и учился в татарской школе в Керчи. Ревиде очень хотела, чтобы её младший сын обязательно научился читать и писать. Ей самой не удалось окончить школу, и она хорошо понимала, что без знаний её дети успеха в жизни не добьются. Это подсказывали ей накопленный жизненный опыт и общение с членами одной русской семьи, в которой она помогала по хозяйству.

Ревиде родилась в 1881 году в тех же краях. Она выросла в многодетной семье. Дети из татарских семей, проживавших в сельской местности, учиться в школе не могли потому, что таких школ в округе почти что не было. Кое-какой грамоте Ревиде училась, работая у русского врача, который лечил местных жителей.

Ревиде вышла замуж рано, когда ей исполнилось 15 лет. Мужем её стал бедняк Асан Абденанов, который, как и она, был наёмным работником. В семье росли три сына и три дочери. В засушливом и голодном 1921 году умерли её муж Асан и две дочери. В тридцатилетнем возрасте Ревиде стала вдовой, и должна была одна воспитывать дочь Месельме и трёх сыновей Исмаила, Муедина и Аедина. Чтобы прокормить детей, она бралась за любую работу, которую только можно было найти в Джермай-Кашике и в окрестных поселках. Часто она по несколько недель трудилась в семье русского доктора, который занимался врачеванием в Старом Крыму. Местный староста не один раз запрещал ей помогать русскому врачу. Иногда запреты превращались в угрозы, но Ревиде не испугалась. Она хотела вырастить своих детей и поэтому должна была зарабатывать на хлеб.

В 1922 году, когда в Крыму укрепились новая власть, население полуострова получило возможность организовать свою жизнь по-новому. В Джермай-Кашике, как и во многих других поселениях, было создано коллективное хозяйство. Колхоз получил название «Красная Звезда». Новое хозяйство должно было помочь людям объединить усилия и выжить в тех трудных условиях, в которых, казалось многим, выжить было невозможно.

Ревиде первой вступила в колхоз. Её примеру последовал и средний сын Муедин. Ему было всего 13 лет, но его желание было удовлетворено.

Активная, рассудительная и трудолюбивая молодая женщина, Ревиде пользовалась авторитетом у селян, и они избрали её в состав правления колхоза. В правлении Ревиде была единственной женщиной, что удивляло одних и несколько возмущало других. По татарским традициям женщина должна заниматься домашним хозяйством и воспитывать детей. Ревиде успевала делать и то, и другое, и

третье, то есть принимать активное участие в жизни сельской общины. Пригодился ей и опыт, приобретённый во время работы у русского доктора: когда в колхозе была создана амбулатория, Ревиде стала работать в ней медицинской сестрой. Она хорошо знала всех своих соотечественников, проживавших в Джермай-Кашике и других ближайших поселениях, и особенно тех, кто стал членами колхоза «Красная Звезда».

Когда по настойчивой инициативе Ревиде в Джермай-Кашике были открыты сельский клуб и первая библиотека, жители хотели избрать её председателем сельского совета. Ревиде, сославшись на состояние своего здоровья и уже достаточно приличный возраст, отказалась от этого почетного для неё предложения...

Приехав в Керчь, Ревиде с большой радостью встретила дочь Месельме и своих сыновей. Но более всего она радовалась, качая на руках свою первую внучку — Алиме.

День праздничной встречи в доме Боросановых пролетел быстро. И уже на завтра все Боросановы и Абденановы были заняты своими делами: кто-то плавил металл на Керченском металлургическом заводе, кто-то лечил больных в Джермай-Кашике, кто-то продолжал учиться в школе.

С завидным постоянством в семье Боросановых стали появляться новые дети. В 1926 году родилась Ферузе. В 1929 году на свет появилась еще одна девочка, которую называли Азифе. В пятой квартире дома, располагавшегося на Первой подгорной улице, стало тесновато, но заводская администрация ничем не могла помочь многодетной семье. Таких семей становилось всё больше и в Керчи, и в Старом Крыму, и в других городах и сёлах Крыма.

В 1930 году неожиданно для всех в трудолюбивую и дружную семью Боросановых ворвалась беда. Вначале тифом заболела Месельме. В том же году и от той же болезни

умер и Сеит-Осман. Осиротевших малолетних девочек вначале приютила бабушка Ревиде.

В 1933 году дядя Муедин Абденанов завершил службу в Рабоче-крестьянской Красной Армии и возвратился в родной город.

По направлению Керченского райкома партии он был направлен на работу секретарём Червашской партийной организации. Когда Муедин окончил Симферопольский сельскохозяйственный институт, его назначили на должность руководителя политотдела машинотракторной станции в Узун-Аяке.

Дядя Исмаил Абденанов тоже, видимо, обладал многими талантами. Одним из них было умение понимать людей, их заботы и горечи, и руководить трудовыми коллективами. Научился он этому сложному искусству во время службы в Красной Армии, в рядах которой прослужил два года. Уволившись из армии в 1929 году, Исмаил ещё некоторое время работал на металлургическом заводе имени Войкова, а затем в 1934 году его назначили на ответственную должность в отдел кадров Камышбурунстроя. Должность была достаточно высокая, и городские власти выделили Исмаилу новое жилье в Керчи, куда он и переехал с женой. Частыми гостями в его квартире были бабушка Ревиде и её внушки Азифе и Ферузе. В тесноте, да не в обиде, говорит русская пословица. Татарская пословица гласит: «Арекетте — берекет бар», что значит: «Труд — источник изобилия».

Трудности, какие бы они ни были, — явление временное. Трудности сближали Абденановых. Старшие Абденановы часто видели своих подрастающих детей и племянниц, заботились о них, а дети росли добрыми и трудолюбивыми. Так было в те далёкие времена.

В доме, в одной из квартир которого поселилась семья Исмаила Абденанова, проживали не только ответственные работники Керченского порта и металлургического завода,

но и городской военный комиссар. Полковник, имя которого в Керчи уже никто не помнит, был человеком строгим, но справедливым. За это его уважали все соседи и считали за большую честь, если полковник к кому-то приходил в гости, но это случалось нечасто. Военком был очень занятым человеком и домой, как правило, приезжал поздно вечером.

Самый младший из сыновей Ревиде Аедин после окончания школы уехал в Алушту, где устроился на должность помощника киномеханика городского Дома культуры, а позже и сам стал киномехаником.

Работая в Доме культуры, Аедин поступил в институт, а когда успешно закончил обучение, был назначен на должность заведующего отделом снабжения в Маяк-Салынский уполнаркомзаке (управлении наркомата государственных закупок).

Все три брата Абденановых были членами партии большевиков. Они старательно работали на своих важных должностях, гордились своими трудовыми успехами, помогали друг другу, воспитывали детей и племянниц Алиме, Азифе и Ферузе.

В 1939 году семилетняя школьная жизнь Алиме завершилась. Школа помогла ей получить необходимые для жизни и работы знания. Многое она узнала и о Советском Союзе, стране, в которой она жила и частью которой являлась её Крымская автономная республика.

После окончания школы Алиме Абденанова была принята на работу в качестве секретаря в Узун-Аякский сельсовет Ленинского района. Внимательную, исполнительную и аккуратную девушку, примерно выполнявшую обязанности секретаря, в начале 1940 года пригласили на работу в качестве заведующего общим отделом в Ленинский райисполком. Новые обязанности, новые заботы. Алиме быстро

освоилась в новом коллективе. В начале 1940 года она вступила в ряды Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ).

Дядя Исмаил был доволен трудовыми успехами своей племянницы. Радовалась её успехам и бабушка Ревиде, которая тоже жила в Керчи.

Работая в исполкоме, Алиме, несмотря на молодость, научилась быстро и качественно решать многочисленные и часто внезапно возникавшие задачи, пользовалась уважением своих руководителей и местных жителей, которые часто обращались к ней за помощью со своими просьбами. Через год Алиме стала секретарём первичной комсомольской организации молодых сотрудников райисполкома.

По решению комсомольской организации лучшие выпускники местных школ, дети русских и татарских семей, направлялись на обучение в высшие учебные заведения Крыма. В Симферополе действовали медицинский, педагогический и сельскохозяйственный институты, различные техникумы и училища. Рекомендации комсомольцам, направлявшимся на учёбу, подписывала Алиме Абденанова.

Алиме старалась работать и жить так же, как и её бабушка Ревиде Усеинова и ее дяди, ставшие уважаемыми людьми.

Заветной мечтой Алиме было поступление в институт, но она ещё не могла точно определить, какая профессия ей больше нравится. Она хотела бы стать врачом или школьным учителем, но кем точно, она и сама пока не знала.

В начале 1941 года семья Абденановых жила, училась и трудилась, как и многие другие русские и татарские семьи Крымского полуострова, который вскоре оказался охваченным безжалостным огненным смерчем Великой Отечественной войны...

Глава третья

ПРИШЛА ВОЙНА

Война в Крым ворвалась рано утром 22 июня 1941 года. На рассвете боевые самолёты с крестами на крыльях нанесли бомбовый удар по Севастополю, сбросили мины в бухту. Одна из них взорвалась на отмели у Приморского бульвара; другая — в городе. Пострадали дома на перекрёстке улиц Щерба и Подгорной. Вечером на выходе из Севастопольской бухты подрывался буксир¹.

Налёт немецкой авиации на город, видимо, был предпринят не по плану. Бомбардировщики должны были нанести удар по кораблям Черноморского флота, но сделать этого не смогли: 22 июня приблизительно в час ночи корабли вышли в море. Произошло это потому, что чуть раньше, 21 июня в 23 часа 50 минут, командование флота получило из Москвы указание перейти на оперативную готовность № 1 в связи с возможным нападением Германии на СССР. Указания прислал адмирал Н. Г. Кузнецов. На флоте была объявлена боевая тревога, своевременный манёвр спас корабли. Налёт немецкой авиации на Севастополь оказался менее разрушительным, чем в других районах внезапно возникшего советско-германского фронта.

В связи с вероломным нападением Германии на Советский Союз во второй половине дня 23 июня руководители городских и сельских советов Крыма получили указание из Симферополя. Руководство республики требовало незамедлительно привести в боевую готовность все гражданские учреждения и все средства противовоздушной обороны. Какие средства ПВО имелись в многочисленных прибрежных и подгорных районах, не уточнялось.

¹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941—1945. — М., 1987. — С. 17.

Далее, в соответствии с указаниями симферопольских властей, требовалось срочно сформировать и вооружить боевым оружием отряды самообороны, мобилизовать для них автомашины, организовать сеть постов наблюдения за самолётами и возможными парашютными десантами противника, усилить охрану предприятий и важнейших объектов...¹

В тот первый день войны такие указания поступили и в Ленинский райисполком, в котором работала Алим Абденанова. Руководители района постарались выполнить указания симферопольских властей. Они начали срочно проводить мероприятия, которые позволили бы населению района и его предприятиям жить и работать в условиях начавшейся войны. Как всё это будет действовать и как будут развиваться события, никто ещё предположить не мог, но к трудным временам начали готовиться все.

Военные комиссариаты республики начали мобилизацию мужчин, пригодных по возрасту и состоянию здоровья для службы в Красной Армии. 28 июня 1941 года со станции Семь Колодезей отправился первый эшелон. Мужчины Ленинского и Маяк-Салынского районов отправились на пункты комплектования будущих воинских частей. Многие из них примут участие в боях за Киев, кто-то будет сражаться под Сталинградом, кому-то предстояло оборонять Крым и Кавказ. Большая часть, если не все, военнообязанные пассажиры этого первого эшелона не вернутся в родные края. Они погибнут на разных фронтах или попадут в списки пропавших без вести...

В числе первых крымчан, отправившихся на фронт, хотел оказаться и Исмаил Абденанов. Имея опыт службы в Красной Армии, он желал записаться добровольцем, как

¹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941—1945. — М., 1987. — С. 19.

и его товарищи. Однако в военном комиссариате Исмаилу сказали, что его воинская специальность пока ещё не востребована. Отказ получил и Аедин Абденанов.

Первым из Абденановых военную форму надел средний брат Муедин. В июне 1941 года он стал политруком одной из воинских частей, дислоцированных в Крыму.

Алиме продолжала работать в райисполкоме. Она выполняла различные текущие задания своего руководства, поддерживала связь со своими одноклассниками и членами комсомольской организации. Её друзья тоже хотели бы записаться в добровольцы, но фронт был далеко, а в армию призывали только тех, кто уже имел опыт военной службы.

В июле 1941 года в Старом Крыму и в посёлке Ленино, где работала Алиме, никто не мог предположить, что обстановка и в районе, и в Крыму, и в стране может резко измениться, но это произошло. Часть немецких войск, добившихся успехов в боях на Украине, во второй половине сентября подошла к Крыму и готовилась захватить его. Жители полуострова не знали, что 17 сентября Гитлер приказал одному из самых опытных командиров вермахта генерал-полковнику Э. Манштейну, командовавшему 11-й армией, захватить Таврию.

Под командование генерала Манштейна Гитлер передал немецкие и румынские войска, которые уже имели большой опыт участия в боевых действиях в Европе. Они и должны были выполнить приказ фюрера, пройти полуостров и овладеть Севастополем. В распоряжение Манштейна поступили дополнительные танковые, артиллерийские, саперные и другие части, которые совместными действиями должны были обеспечить успех операции.

Советскими войсками, оборонявшими Крым, командовал генерал армии Павел Иванович Батов. Он был опытным командиром, в 30-х годах участвовал в гражданской войне

в Испании. Батов и другие советские офицеры добровольно сражались на стороне испанского народа в национально-революционной войне против генерала Франко, который при поддержке гитлеровской Германии устроил в Испании фашистский переворот.

В конце сентября Манштейн и подчинённые ему немецкие и румынские дивизии предприняли несколько попыток прорвать на севере Крыма советскую оборону. В октябре 1941 года, когда германские войска на центральном участке фронта стремились захватить Москву, силы генерала Батова с большим трудом удерживали свои позиции. Не выдержав натиска германских дивизий, советские войска, оборонявшие северную часть Крыма, стали отходить к Керчи и Севастополю.

В начале ноября фронт приблизился к населённым пунктам Семь Колодезей, Старый Крым, Ленино. На промежуточном рубеже советские войска использовали даже укрепления старого Турецкого вала. Противника удалось задержать, но ненадолго. Началась эвакуация. В первую очередь на Большую землю вывозили секретные документы, раненых, женщин и детей, а также дорогостоящее оборудование и другие материальные ценности. 6 ноября Алиме вместе с важными документами райисполкома была отправлена вначале в Керчь, а затем в Темрюк.

В Краснодаре после передачи всех документов сотрудникам Наркомата внутренних дел, Алиме поступила на работу контролером-учетчиком на завод «Октябрь». Новая должность её не вдохновляла, но она понимала, что работа на заводе, выпускающем продукцию для Красной Армии, тоже важна и полезна.

Тем временем обстановка на Керченском полуострове становилась всё сложнее и сложнее. Утром 11 ноября противник начал штурм Керчи. Опасаясь захвата стратеги-

ческих объектов, Керченский городской совет обороны, сформированный 22 октября, принял решение о ликвидации складов горючего и основных производственных цехов завода имени Войкова. Подрыву подлежали также электростанция, водопровод и плавдок. Через пролив продолжалась интенсивная эвакуация раненых бойцов, личного состава войск, орудий, машин, другого военного имущества. Эвакуацией руководил генерал П. И. Батов, прибывший в Керчь. Перевозки людей и грузов осуществляли команды пароходов «Енисей», «Чкалов», «Красный моряк» и другие, а также несколько сейнеров и кораблей Дунайской флотилии.

В один из тех напряжённых дней, когда Керчь подвергалась налётам немецкой авиации, и войска противника начали угрожать городу, военный комиссар, проживавший в том же доме, что и многочисленная семья Исмаила Абденанова, встретив бабушку Ревиде, посоветовал ей выехать из города в какое-нибудь село. Ревиде вспомнила о своих родственниках, которые проживали в Джермай-Кашике, но как туда добраться, она не знала. Полковник сказал, что он вечером должен по служебным делам выехать в тот район и может вывезти на своей машине Ревиде, Азифе и Ферузе. В тот день Ревиде с внучками покинули Керчь. Вскоре они оказались в Джермай-Кашике. Родственники приняли их в свой дом.

После прекращения работы основных промышленных предприятий, освобождавшиеся рабочие, способные служить в Красной Армии, подлежали мобилизации. Они должны были пополнить формировавшиеся отряды. В составе одной из команд оказался Исмаил, в составе другой — Аедин Абденановы. Это была их последняя встреча.

Дом, в котором находилась квартира семьи Исмаила Абденанова, через несколько дней был разрушен. В него попала немецкая авиационная бомба. Вскоре и все осталь-

ные дома на улице Первой подгорной, были уничтожены то ли авиационными бомбами, то ли артиллерийскими снарядами противника. Улица эта находилась в районе горы Митридат, за которую в 1942 году шли ожесточенные бои, так как эта высота поднималась над Керченской бухтой и позволяла контролировать важное для обороны города пространство.

16 ноября эвакуация закончилась. Восточный Крым был захвачен немецкими войсками. На юге продолжал сражаться непокорённый Севастополь.

История борьбы за Крым в 1941—1942 годах — свидетельство особой стратегической значимости этого полуострова в военных планах генеральных штабов вермахта и Красной Армии. По указанию из Берлина немецкие войска, которыми командовал генерал-полковник Манштейн, в начале 1942 года продолжали наращивать усилия, чтобы сломить оборону Севастополя и захватить эту ключевую военно-морскую базу, которая во многом позволила бы им контролировать обстановку на Чёрном море. Германская армия готовилась к захвату Северного, а затем и всего Кавказа.

Советское Верховное Главнокомандование после разгрома немецких войск под Москвой укрепляло оборону столицы, но решило провести ряд наступательных операций, в ходе одной из которых войска Красной Армии должны были освободить Керченский полуостров, сорвать блокаду Севастополя и изгнать немцев из Крыма. В Москве эта операция представлялась важной акцией, которая позволила бы ограничить активность немецких и румынских войск на южном фланге фронта.

В начале 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандования созрел план операции, позволившей бы советским войскам добиться успеха в Крыму. 26 декабря 1941 года, в ходе проведения этого наступления, получив-

шего название «Керченско-Феодосийская десантная операция», и началась высадка крупных десантов на Керченский полуостров, на его северное и восточное побережья, а также в Феодосию. Всего на захваченную ранее противником территорию Крыма до 31 декабря 1941 года было переброшено около 42 тысяч солдат и офицеров, 236 орудий и минометов, 43 танка, 330 автомашин и значительное количество другой техники и грузов. Высадка десантов застала противника врасплох.

Успех проведённой операции ошеломил немецкое руководство. Командующий обосновавшейся в Крыму 11-й немецкой армии генерал-полковник Манштейн с большим трудом справлялся с управлением своими отступавшими вглубь полуострова войсками. Опасаясь поражения, Манштейн запросил Берлин оказать его армии активную воздушную поддержку. Немецкая авиация получила приказ бомбить основные города полуострова, летчикам удалось также нанести серьезные бомбовые поражения советским транспортам «Ташкент», «Красногвардеец», «Зырянин» и «Ногин», которые затонули у крымского побережья Чёрного моря.

Некоторое время обстановка на Керченском полуострове складывалась в пользу войск Красной Армии, успешно перебрасывались десанты через Евпаторию, Судак и Феодосию. Несмотря на упорное сопротивление войск Манштейна, 27 февраля силы Крымского фронта, как и планировалось, начали наступление. Их поддержали Черноморский флот и партизанские отряды, сформированные к тому времени в восточной части полуострова. В связи с наметившимся успехом в борьбе за Крым Крымский обком ВКП(б) в начале января возвратился из Новороссийска в Керчь. В те же дни в Ленино прибыло руководство райисполкома. В родной поселок приехала и Алиме Абденанова. Предстояла трудная задача — восстановить управление районом, нала-

дить производство и обеспечение войск Красной Армии. Все верили, что скоро немецкие войска будут разгромлены и в Крыму будет восстановлена привычная мирная жизнь.

В Керчи также возобновили работу уцелевшие заводы, которые стали оказывать помощь Крымскому фронту. На заводе имени Войкова ремонтировали танки, орудия, тягачи и другую технику. В портах Керчи и Камыш-Бурун были созданы команды, которые занимались погрузочно-разгрузочными работами и охраняли важные объекты; от Керчи к станции Семь Колодезей была в короткие сроки построена шоссейная дорога.

Находясь в Ленино, Алиме нашла время и навестила своих родственников в Джермай-Кашике. Бабушка Ревиде и сестры Азифе и Ферузе были рады встрече с Алиме. Они старались узнать подробности ее жизни в Краснодаре, интересовались, когда же Красная Армия окончательно изгонит немцев из Крыма.

Работа Алиме в Ленино продолжалась недолго. В мае на Керченском полуострове вновь начались тяжёлые бои. Командование германских войск, планировавшее в 1942 году захватить Северный Кавказ, решило ликвидировать группировку советского Крымского фронта и окончательно овладеть Керченским полуостровом. Главная операция немцев по захвату Кавказа получила условное наименование «Эдельвейс». Гитлер потребовал от своих генералов начать боевые действия на юге — в Крыму и в направлении Ростова-на-Дону, являвшегося воротами Кавказа.

В директиве верховного германского командования № 41, утверждённой Гитлером 5 апреля 1942 года, было сказано: «Последующие задачи в рамках этих операций: очистить от противника в Крыму Керченский полуостров и овладеть Севастополем...»¹.

¹ Дашичев В. И. Банкротство, стратегии германского фашизма: в 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1973. — С. 321.

В мае германское командование начало реализовывать свой замысел на Крымском направлении. Советские войска, не подготовившиеся своевременно к обороне, понесли большие потери и под давлением наступавшего противника вынуждены были второй раз покинуть Керченский полуостров. Вместе с администрацией посёлка Ленино Алиме Абденанова снова перебралась вначале в Краснодар, а затем в Сочи. На одном из переправочных средств в числе тяжело раненных был доставлен в Краснодар на излечение Муедин Абденанов.

После эвакуации советских войск из Керчи Севастополь оказался в очень трудном положении. 3 июля 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам оставить город, защитники которого сражались 250 дней. Газета «Правда» 4 июля по этому поводу писала: «Пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершили чудеса воинской доблести и героизма в деле обороны Севастополя... Оборона Севастополя войдёт в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких её страниц...»

Командование немецких войск приступило к реализации замысла руководства Германии — превратить Крым в бастион Гитлера на Чёрном море, а после окончания войны сделать полуостров зоной отдыха и развлечений верхушки Третьего рейха. Для достижения этой цели требовалось избавить Крым от большинства местных жителей. Сделать это планировалось путём обострения межнациональных отношений, привлечения местного населения на службу германским военным властям, уничтожения партизан и целенаправленной пропаганды.

Глава четвертая

КРЫМ: СЕНТЯБРЬ 1943 ГОДА

В 1943 году в Крыму обосновалась 17-я немецкая армия, которой командовал генерал-полковник Э. Енеке. Эта армия была изгнана с Кубани, оставила Тамань и, форсировав Керченский пролив, закрепились на Крымском полуострове. В её состав входили пять немецких и семь румынских дивизий, всего 195 тысяч солдат и офицеров, 3600 орудий, 215 танков и около 300 самолетов 1-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота Германии и части румынских ВВС, базировавшиеся в Крыму¹.

На севере полуострова находился 49-й горнострелковый корпус, 50-я пехотная дивизия которого заняла оборону на Перекопском перешейке. Район Сиваша и берег Азовского моря прикрывала 336-я немецкая, а также 10-я и 19-я румынские пехотные дивизии. Севернее и южнее Керчи располагался 5-й армейский корпус в составе немецких 98-й, 73-й пехотных дивизий и румынской 6-й кавалерийской дивизии. Румынский 1-й горнострелковый корпус отражал удары советских партизан в горах Яйла и держал оборону на южном побережье Крыма.

17-я армия имела и резерв, в составе которого была 111-я пехотная дивизия.

Крымскую группировку немецких войск поддерживали корабли германских военно-морских сил. Несмотря на то, что армия Енеке понесла некоторые потери во время напряжённых боёв на Таманском полуострове, она была достаточно мощной и боеспособной.

По замыслу немецкого командования, 17-я армия должна была сыграть важную роль в ходе дальнейших боевых дей-

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Т. 4. Освобождение советской территории. — М., 2012. — С. 215.

ствий на Украине и в защите германских интересов в акватории Чёрного моря.

Гитлер потребовал от Енеке укрепить оборону Крыма и удерживать полуостров до получения особых указаний. Крым представлял для германского командования важный рубеж обороны, который имел не только большое военное, но и политическое значение: благодаря своему географическому положению он позволял немцам обеспечивать операции на южном фланге фронта. Крым нужен был Германии еще и потому, что его потеря могла бы подтолкнуть Турцию к вступлению в войну на стороне антигитлеровской коалиции, а также спровоцировать выход из войны Румынии, которая была важным союзником и поставщиком нефтепродуктов для германской армии.

В 1943 году Гитлер приложил немало усилий, чтобы захватить Северный Кавказ и его богатые нефтью районы, но выполнить приказ фюрера германская армия не смогла. В сентябре 1943 года в Берлине уже поняли, что операция «Эдельвейс» провалилась.

Генерал Енеке, как профессиональный военный, тоже понимал, что война — это чередование побед и поражений. Поражение 17-й армии под Новороссийском и на Таманском полуострове заставило его трезво оценить обстановку на советско-германском фронте. Он понял, что Крым — это временное убежище. Он даже начал разрабатывать планы эвакуации своих войск через Севастополь и другие портовые города полуострова в Румынию. Однако Гитлер приказал укрепить оборону Крыма и удерживать его.

Первые оборонительные сооружения на полуострове были созданы в 1942 году по указанию генерал-полковника Манштейна. Енеке произвёл инспекционную поездку по Крыму и приказал в отдельных районах значительно укрепить систему обороны, которая включала не только вос-

становленные сооружения, но и использовавшиеся советскими войсками в 1941 — 1942 годах.

Готовясь к отражению возможного наступления советских войск с севера и востока, Енеке приказал создать несколько рубежей обороны. Всё местное работоспособное население, которое ещё не было отправлено на принудительные работы в Германию, было мобилизовано. Мужчины и женщины рыли окопы, строили блиндажи и другие сооружения. На Перекопском перешейке были оборудованы три укрепленные полосы в глубину на 35 километров. Первая полоса занимала ишуньские позиции и оборонительный рубеж по реке Чатырлык. Там находились 240 орудий, в том числе 65 противотанковых пушек, 550 пулеметов, 50 танков и штурмовых орудий¹.

На Чонгарском перешейке и Арабатской стрелке укрепленные позиции были слабее, Енеке надеялся на естественные препятствия, которые могли сильно затруднить продвижение советских войск.

Укреплялось побережье Сиваша, где кроме основных рубежей обороны создавались опорные пункты. По приказу Енеке на этом участке фронта было сосредоточено 425 орудий, 16 минометов, 1050 пулеметов и 40 штурмовых орудий.

На Керченском полуострове система немецкой обороны имела четыре оборонительных рубежа общей глубиной до 70 километров. Несколько высот и населенных пунктов были превращены в хорошо оборудованные и укрепленные узлы сопротивления. Серьезные подготовительные работы проводились и в тылу обороны. Формировался мощный оборонительный рубеж по линии Саки — Карасубазар — Старый Крым — Феодосия.

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Т. 4. Освобождение советской территории. — М., 2012. — С. 215.

Восточное побережье полуострова также было укреплено батареями береговой артиллерии, которые поддерживали корабли германских военно-морских сил и авиация.

Полуостров превращался в хорошо оборудованную в инженерном отношении крепость, обладавшую эшелонированной обороной.

В городах и селах Крыма ужесточились административное управление и система учета населения и сбора налогов, от которых освобождались лишь те, кто сотрудничали с оккупантами.

17-я армия испытывала перебои с поставками продуктов питания из Германии, поэтому у местного населения изымались излишки продовольствия, скот, домашняя птица. В сельской местности жители Крыма выживали благодаря натуральному хозяйству, а в городах немецкие власти выдавали скудные продуктовые пайки только тем, кто работал на ремонтных заводах, в портах, обеспечивал движение железнодорожного транспорта, то есть помогал немецкой военной администрации.

Енеке приказал усилить борьбу против партизан. Стремясь лишить их поддержки со стороны местного населения, немцы ввели строгую систему контроля за передвижениями людей. Все жители Крыма были подвергнуты двойной или даже тройной регистрации, осуществлявшейся в немецких военных комендатурах, на биржах труда и по месту работы. Каждый человек должен был лично еженедельно проходить перерегистрацию в германских органах управления. О появлении в городах и селах неизвестных лиц сразу же становилось известно представителям германских властей. Неизвестных мужчин и женщин выявляли, арестовывали и отправляли в Симферопольскую тюрьму, из которой арестанты на свободу выходили редко.

Лица, пытавшиеся нарушить установленный немецкими властями порядок, подвергались строгим наказаниям.

Особо сурово наказывались те, кто покушались на жизнь немецких и румынских солдат и офицеров. В Ялте власти объявили, что в случае убийства немецкого офицера или солдата расстрелу будут подвергнуты 100 местных жителей, за убийство румынского военнослужащего — 40, а за ликвидацию одного местного предателя или коллаборациониста — 20. В других городах Крыма существовали подобные санкции.

За выполнением всех требований оккупационных властей строго следили кадровые сотрудники управлений гестапо и созданных с помощью германской тайной полиции комитетов, в состав которых входили активные противники советской власти из местных жителей.

С первых же дней оккупации Крыма на полуострове обосновались несколько специальных команд абвера — немецкой разведки и контрразведки, деятельностью которой руководил адмирал В. Канарис. Одна из них, «Абверкоманда 301», действовала при армейской группировке немецких войск «Зюд А» и вела контрразведывательную работу на территории Северного Кавказа и Крыма. Руководил деятельностью этой команды майор Эрих Суков, уроженец Саксонии, опытный контрразведчик. С первых дней Второй мировой войны он действовал в Польше в составе управления военной контрразведки АСТ «Краков».

В состав «Абверкоманды 301» входили семь специализированных (301, 302, 303 и др.). Штаб команды дислоцировался вначале в Ставрополе. В апреле 1943 года «Абверкоманда 301» была придана 17-й немецкой армии, вместе с ней оказалась в Крыму и обосновалась в Симферополе. Отделы этой команды вели работу против партизан, подпольщиков и советских военных разведчиков.

В восточной части Крыма активно действовала «Абверкоманда 302», которая имела условное наименование «Гер-

кулес». Этой командой, штаб которой дислоцировался в совхозе Тарханлар близ Джанкоя, руководил капитан Бруно Вечорек¹. Команда вела контрразведывательную работу против партизан в населённых пунктах Сейтлер, Джанкой, Карасубазар и в Керчи. В августе 1943 года абверкоманда «Геркулес» переместилась в Феодосию, а одно из её подразделений обосновалось в Старом Крыму. Командовал этой группой капитан Вигениб. В Старый Крым в октябре 1943 года была переброшена и вся команда во главе с капитаном Бруно Вечорек. Штаб и подразделения «Геркулеса» были расположены в домах по улицам Воровского, Свердлова и Кольцова.

На Северном Кавказе при 17-й немецкой армии действовала и «Абверкоманда 320». В сентябре 1943 года вместе со штабом генерал-полковника Э. Енеке эта команда тоже оказалась в Крыму.

В период оккупации на полуострове присутствовала и немецкая военно-морская контрразведка. Её группа называлась АСТ «Крым» и имела штаб-квартиру в Симферополе.

В борьбе против партизан немецким оккупационным властям помогали добровольцы из местного населения, входившие в состав батальонов «Schuma». В 1943 году действовало девять таких батальонов, которые дислоцировались в Симферополе, Карасубазаре, Бахчисарае, Ялте, Алуште, Джанкое, Феодосии и Евпатории².

Несмотря на усилия генералов Манштейна и позже Енеке, уничтожить партизан и подпольщиков оккупантам не удалось. В 1943 году в Крыму активно действовали партизанские отряды, которыми руководили М. Македонский,

¹ Начальником команды «Геркулес» в июне 1944 года назначен лейтенант фон Форнер, а в конце 1944 года команду возглавил лейтенант Деверэ.

² Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крымская АССР в годы Второй мировой войны. — Симферополь, 2014. — С. 237.

В. Кузнецов, П. Ямпольский и другие¹. Партизанские базы находились в лесных массивах и в горных районах полуострова. Ими руководил Крымский штаб партизанского движения².

Осенью 1943 года у советского командования появились реальные планы освободить Крым. Это стало возможным после победы Красной Армии в Сталинградском сражении и разгрома отборных немецких танковых дивизий в битве на Курской дуге. Немцы не получили доступ к Бакинской нефти; операция «Эдельвейс» провалилась. Красная Армия освободила Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область, а также часть Украины. Настало время освобождения Крыма.

В начале октября 1943 года войска 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал армии Ф. И. Толбухин, подошли к Восточному валу, прикрывавшему Крым с севера, а войска Северо-Кавказского фронта, которым командовал генерал-полковник И. Е. Петров, освободив Таманский полуостров, вышли к Керченскому проливу.

Разведывательным отделам штабов 4-го Украинского и Северо-Кавказского фронтов предстояло установить крымскую группировку противника и выявить систему её оборонительных сооружений.

Важные задачи по добыванию сведений о противнике были определены и Разведывательному отделу штаба Черноморского флота. Военно-морскими разведчиками в 1943 году командовал полковник Д. Б. Намгаладзе.

Генштаб, отвечавший за организацию операции по освобождению Крыма и координировавший усилия в этом направлении 4-го Украинского и Северо-Кавказского фрон-

¹ Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос» 1941—1945 гг. — Симферополь, 2009. — С. 117.

² Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941—1945. — М., 1987. — С. 212.

тов и Черноморского флота, потребовал расширить взаимодействие их разведывательных отделов в области обмена данными о противнике. К предстоящей операции подключались силы и Азовской военной флотилии, у штаба которой были свои морские разведчики.

Осенью 1943 года основным источником информации о Керченском полуострове был Разведывательный отдел штаба Отдельной Приморской армии, сформированной из войск ликвидированного Северо-Кавказского фронта. Отделом командовал генерал-майор Н. М. Трусов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САФИЕ

Глава первая

В РАЗВЕДШКОЛЕ

Войска 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал армии Ф. И. Толбухин, в начале сентября 1943 года начали наступление на южном фланге советско-германского фронта. В результате напряженных боёв им удалось разгромить 6-ю немецкую армию, выйти к низовьям Днепра, прорвать укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке и захватить плацдарм на южном берегу Сиваша.

В это же время с востока в направлении Керчи наступали войска Отдельной Приморской армии, но развить наступление и продвинуться в глубь Крымского полуострова они не смогли, столкнувшись с усиленной обороной противника. Скорее всего, в штабах советских войск было недостаточно сведений о реальном составе немецкой группировки в Крыму и организации его обороны, что не позволило выявить слабые точки в расположении противника,

организовать взаимодействие войск и добиться успеха. Заблокированные на полуострове 17-я немецкая и румынская армии упорно сопротивлялись.

Перед разведотделами штабов 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии была поставлена задача: добыть точные данные о составе крымской группировки противника, системе обороны и планах удержания полуострова.

Разведотделом штаба Отдельной Приморской армии руководил генерал-майор Николай Михайлович Трусов, опытный военный разведчик и бывалый командир. Он начал службу в рядах Красной Армии в 1929 году, окончил Орловскую бронетанковую школу и Военную академию механизации и моторизации имени И. В. Сталина, но служить в танковых войсках Николаю Трусову больше не довелось. Его, как талантливого командира, отобрали для прохождения службы в военной разведке. В 1937 году Трусову снова пришлось учиться, на этот раз в разведывательной школе. Он успешно изучал иностранные языки, овладел немецким и вскоре стал одним из руководителей среднего звена той же разведшколы. Но преподавательская и административная работа Трусову была не по душе, и он в феврале 1941 года перешел на службу в центральный аппарат РУ Генштаба Красной Армии. Когда же началась Великая Отечественная война, полковник Трусов, назначенный на должность начальника разведки Южного фронта, воевал и на других фронтах, а в середине 1943 года был назначен на должность начальника разведотдела Отдельной Приморской армии.

Генерал-майор Трусов приложил немало усилий, чтобы создать на оккупированной немецкими войсками территории Крыма разведывательную сеть, способную получать достоверные сведения о противнике. Однако, несмотря на все старания, успехов у Трусова и его разведчиков было всё

же немного. На полуострове действовала опытная и многочисленная военная контрразведка противника, которая за годы оккупации сформировала на полуострове жесткий режим, позволявший немецким военным властям держать под контролем всё, что происходило в Крыму. Немецкие агенты активно противодействовали партизанам и советским разведчикам, которые под видом местных жителей забрасывались на полуостров.

В августе 1943 года на должность начальника разведотдела штаба 4-го Украинского фронта был назначен генерал-майор Михаил Яковлевич Грязнов. Он был старше генерала Трусова, в Красной Армии служил с 1919 года, окончил несколько военных учебных заведений, некоторое время был начальником разведотдела штаба Южного фронта и успел проявить себя в работе на Дальнем Востоке.

В служебной биографии Трусова была одна интересная деталь, — в годы гражданской войны он тоже воевал на Южном фронте, поэтому хорошо знал Сиваш, Перекоп и, в целом, Крым.

Передавая генерал-майору Грязнову управление разведотделом 4-го Украинского фронта, Тусов подробно рассказал ему об особенностях обстановки на полуострове и о сложностях, связанных с переброской в Крым военных разведчиков. Главной проблемой были трудность скрытого проникновения в заданный район, поиск жилья и налаживание работы. Из большого количества агентов, заброшенных в 1942 году, лишь немногим удалось устроиться на жительство в городах Крыма и установить радиосвязь с разведотделом штаба фронта. Сведения, которые добывали эти разведчики, говорили о многом, но далеко не обо всём, что нужно было знать советскому командованию о противнике в период подготовки наступательной операции.

Были у разведчиков и потери. Зачастую группы, направлявшиеся в Крым, на связь с Центром не выходили.

Пропала без вести разведгруппа «Стальной», направленная в район Джанкоя, в состав которой входили Алексей Моисеев, Степан Какуркин, Михаил Белов и Иван Яковлев. Полной неудачей закончилась операция по заброске в тыл противника разведывательно-диверсионной группы «Петров», состоявшей из Павла Машкова, Павла Борисова и Владимира Миловзорова. Они были захвачены немецкой контрразведкой и расстреляны. По неизвестным причинам на связь с Центром не вышли группы «Чёрный» и «Фадеев».

Генералы Трусов и Грязнов пришли к выводу, что забрасывать в Крым следует разведчиков разных национальностей, в том числе и подобранных из немцев-антифашистов и крымских татар.

Одним из первых немцев-антифашистов, заброшенных в Крым, был Генрих Вольштайн. Он вместе с радистом Вернером Унбенгауном прошёл ускоренную подготовку в разведшколе 4-го Украинского фронта, некоторое время действовал в Крыму, а затем был направлен в Тирасполь.

Вторая группа, в состав которой входили немцы-антифашисты резидент Зепп Бихлер, его заместитель Герхард Вернке и радистка Алевтина Ползунова, обосновалась в Одессе в 1934 году.

Подобрать для разведывательной работы кандидатов из крымских татар оказалось делом сложным: среди них не было таких, которые могли бы устроиться в Керчи, Джанкое, Владиславовке или других населенных пунктах этого региона.

Помощники генерал-майора Трусова с трудом выявили среди красноармейцев несколько крымских татар, которые согласились отправиться на полуостров для выполнения специального задания. Однако после переброски в тыл противника эти разведчики тоже бесследно исчезли.

Трусов попросил сотрудников разведотдела подобрать для выполнения задания в тылу противника несколько

татарских девушек. Сотрудник отдела майор Вергасов, проходивший лечение в одном из госпиталей Сочи, вспомнил, что встречал там девушку по имени Алиме. До войны она проживала в посёлке городского типа Ленино, где находилась железнодорожная станция Семь Колодезей. Это всё, что знал майор, но он попытался найти её. В госпитале сказали, что Алиме теперь работает в Краснодаре.

Не веря в успех, но надеясь на удачу, Вергасов решил всё же разыскать Алиме. И ему повезло: одна знакомая девушка работала техническим секретарём в отделе совхозов Краснодарского крайкома ВКП(б).

На первой же встрече Вергасова с Алиме та согласилась оправиться в Джермай-Кашик для выполнения разведзадания.

Алиме Абденанова была представлена Трусову, который после беседы с ней, рекомендовал зачислить девушку на подготовку в разведшколу.

Обучение Алиме, которой был присвоен оперативный псевдоним Сафие¹, продолжалось около месяца. Подготовкой разведчицы руководил майор Вергасов, ему помогали шифровальщик, специалисты в области агентурной разведки и парашютно-десантной подготовки.

Алиме готовилась к выполнению задания как резидент разведгруппы, которую ей предстояло сформировать в Джермай-Кашике. Радиисткой в группу была назначена красноармеец Лариса Николаевна Гуляченко.

Освоив непростое шифровальное дело, Алиме приступила к изучению основных принципов конспирации, необходимых мер предосторожности при организации сеансов радиосвязи и прошла парашютно-десантную подготовку под руководством инструктора старшего лейтенанта Курилко.

¹ Сафие на крымскотатарском языке означает «чистая», «незапятнанная».

Наступил трудный день, когда нужно было совершить первый прыжок с самолета. Алимэ была к этому готова, но ей необходимо было преодолеть свой страх высоты. Помог ей старший лейтенант Курилко. На первом занятии по парашютно-десантной подготовке инструктор научил Алимэ определять расстояние между отдалёнными предметами и сказал, что ей это пригодится во время приземления. «Прыжки с парашютом, — говорил Курилко, — дело рискованное, но не безумное. Тот, кто умеет рассчитывать, тот меньше подвергает себя опасности».

Алимэ задала инструктору только один вопрос: что ей делать, если парашют не раскроется?

Инструктор сказал, что парашют для десантника — первый друг, которого следует любить и уважать, и тогда он никогда не подведёт своего хозяина. Курилко научил Алимэ правильно укладывать парашют и объяснил, как вести себя во время приземления.

В тот же день Алимэ совершила свой первый прыжок с самолёта «СП». Он относился к лёгким транспортным летательным машинам и в середине 30-х годов предназначался для перевозки советских «особо важных персон». Особенностью этого биплана была его трехместная кабина, в которой помещались пилот и два пассажира. В годы Великой Отечественной войны самолёт использовался для вывоза из-за линии фронта раненых партизан, а также для переброски в тыл противника разведчиков. Летчики называли «СП» младшим братом поликарповского «ПО-2».

Первый прыжок с парашютом дался Алимэ нелегко. Тем не менее она с честью справилась с этим испытанием. В секретном оперативном деле Алимэ Абденановой появилась новая страница, на которой было написано: *«Справка. Выдана секретному сотруднику «Сафие» в том, что она прошла курс парашютной подготовки при 2 отделе*

Разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского фронта и совершила парашютный прыжок с парашютом ПД-41 с самолета СП»¹. От руки старший лейтенант Курилко написал «1-й прыжок». Произошло это 8 сентября 1943 года.

Подготовка в разведшколе завершилась в конце сентября. В ночь со 2 на 3 октября майор Вергасов проводил секретного сотрудника разведотдела штаба фронта красноармейца Сафие на аэродром. Вместе с ней в тыл противника направлялась радистка Лариса Гуляченко, которой был присвоен псевдоним Гордая.

Улетая на задание, Алиме думала о том, что первый прыжок сделать было не так уж и страшно. Слушая, как гудит мотор самолёта, разведчица поняла, что сделать второй прыжок, от которого зависела судьба задания генерал-майора Трусова, будет труднее...

Глава вторая

НОЧНОЙ ПОЛЁТ В ОЙСУЛ²

Ночь со 2 на 3 октября 1943 года в Краснодаре была тёмной, дождливой и ветреной. Моросивший дождик тем не менее не помешал разведчикам прибыть на закрытый военный аэродром, располагавшийся на западной окраине города. Красноармейцы Алиме Абденанова и Лариса Гуляченко, одетые в темные куртки, сапоги и чёрные береты, отправлялись в Крым для выполнения специального задания. У каждой девушки за плечами был вещевой мешок, в котором находились их личные вещи: блузки, юбки, чулки и поношенные туфли. После приземления в заданном районе они должны были переодеться и стать

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 50.

² Село в Ленинском районе Керченского полуострова.

похожими на двух девушек-подружек, которые пробираются к своим родственникам, проживающим на территории, занятой немецкими войскам. Одна следовала на станцию Ойсул, а вторая — в Черкассы.

Операцией по заброске разведчиков в тыл противника руководил лично генерал-майор Н. М. Трусов, который и принимал решение о создании разведгруппы из татарских девушек, одной из которых стала Алиме. Вторую в Краснодаре найти не удалось, поэтому Трусов согласился с предложением майора Вергасова включить в состав группы украинку Ларису Гуляченко в качестве радистки.

Гуляченко была сверстницей Алиме. Она родилась в 1923 году в Черкассах в семье партийного работника¹. В 1926 году её отец умер, и некоторое время девочку воспитывала мама. В 1929 году она вторично вышла замуж. Отчим, Николай Федорович Кучеренко, по профессии киноработник, был человеком занятым. Он часто уезжал в творческие поездки, где принимал участие в съёмках новых кинофильмов, поэтому дома бывал редко.

В 30-х годах большинство советских юношей и девушек мечтали стать лётчиками. Та же мечта появилась и у Ларисы, когда ей едва исполнилось 10 лет, но осуществить её она не успела, — началась война.

Отчим Николай Кучеренко был призван в армию, а его семья, жена и приёмная дочь, были эвакуированы в посёлок Грайворон, Курской области. Через два месяца Лариса и её мать перебрались в город Тихорецк, где проживал дядя Иван Илларионович Гуляченко, в то время командовавший школой военных лётчиков. В Тихорецке Лариса вышла замуж и поступила в авиационную школу, в которой начала изучать теоретический курс пилотирования, но к практическим лётным занятиям приступить не успела.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 52.

В конце 1942 года обстановка на Северном Кавказе резко изменилась. Немецкие войска захватили Ростов-на-Дону, начали быстро продвигаться на юг в направлении Тихорецка. Лётная школа, в которой училась Лариса, была переброшена в Грузию. Девушка осталась в Тихорецке и добровольно записалась на курсы стрелков-радиистов гидроавиации Черноморского флота, но учиться в этой школе ей тоже не пришлось. С ней познакомился капитан Валерий Поздняк, который предложил Ларисе стать военной разведчицей. Что такое военная разведка, она не знала, но понимала, что, как и авиация, — это что-то очень серьёзное и романтическое.

Приняв предложение капитана Поздняка, Лариса Гуляченко вскоре оказалась в разведшколе штаба Северо-Кавказского фронта. Школой, которая дислоцировалась в станице Павловская Краснодарского края, командовал майор Познахирко. Красноармеец Гуляченко была зачислена в группу курсантов, которые готовились стать радистами для выполнения заданий в составе разведгрупп, отправлявшихся в тыл противника.

Обстановка на Северо-Кавказском фронте изменялась стремительно. Войска Красной Армии под натиском превосходящих сил противника продолжали отступать. В конце 1942 года разведшкола и батальон парашютно-десантной службы, который обеспечивал деятельность разведотдела штаба фронта, эвакуировались в Грузию. По дороге эшелон, в котором находились и курсанты разведшколы, и личный состав батальона, попал под удар немецких бомбардировщиков. Батальон остался защищать станцию Гирей, в районе которой был разбит эшелон, а будущие радисты-разведчики стали группами выбираться из района боевых действий. Уцелевшие инструкторы и большинство курсантов добрались до станции Ходыженская и оттуда были отправлены в Хосту, где командование фронта предпола-

гало продолжить работу разведшколы, но этот план реализовать не удалось. Школу перебросили в грузинский город Зугдиди. Затем она оказалась в Адлере, где в июне 1943 года Лариса Гуляченко завершила обучение. В её служебной характеристике было отмечено, что *«за время прохождения подготовки по радиогелу тов. Гуляченко к занятиям относилась добросовестно. Специальностью радиста овладела хорошо. На слух принимает: цифр — 15 групп, букв — 15 групп в минуту. Передаёт на ключе: цифр — 13 групп, букв — 16 групп в минуту. Материальную часть рации и код усвоила хорошо»*¹.

Далее инструктор школы лейтенант Гашенко написал: *«Для выполнения спецзадания пригодна»*.

В служебной характеристике на секретного сотрудника Гордая, которую написал начальник 2-го отделения специальной школы разведотдела штаба Северо-Кавказского фронта старший лейтенант Бочков, Гуляченко тоже, в целом, характеризовалась положительно. В ней говорилось, что она *«в практической работе на рации «Север» имела семь связей (каждая по 50 минут). Работает отлично»*.

Далее в характеристике указывалось: *«Дисциплинирована, правдива. Трудностей не боится, побороть трудности может, находчива. По характеру — спокойна, ведёт себя замкнуто. К занятиям относится серьёзно, занимается хорошо. Очень мечтательна. Хранить военную и государственную тайну может»*.

Старший лейтенант Бочков сделал вывод, что *«тов. Гуляченко Л. Н. вполне может быть использована на работе в качестве радиста при резиденте...»*.

Так на одном из многочисленных перекрёстков бушевавшей на просторах союзных республик Великой Отечественной войны сошлись судьбы Алимe Абденановой

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 70.

и Ларисы Гуляченко, которые по приказу генерал-майора Трусова были включены в состав одной разведгруппы.

В секретном деле разведотдела штаба Отдельной Приморской армии группа, направленная в район станции Ойсул, числилась под кодовым именем «Дая». Руководителем группы была Алиме Абденанова (Сафие), а радисткой — Лариса Гуляченко (Гордая).

Отправляясь в тыл противника, девушки имели при себе свои настоящие паспорта с определёнными отметками, которые должны были помочь им устроиться в Ойсуле, Джермай-Кашике или в другом населённом пункте под их собственными именами. Это условие было одним из сильных моментов замысла операции, разработанной генерал-майором Трусовым. Для обеспечения устройства в Крыму и Алиме, и Ларисе не надо было готовить какие-либо фальшивые документы, оправдывавшие их появление в районе железнодорожной станции Ойсул. Выдавая себя за беженку, перебиравшихся к своим родным и уходившим подальше от районов, занятых войсками Красной Армии, девушки должны были при содействии родственников Алиме Абденановой обосноваться в Джермай-Кашике и приступить к выполнению задания. Начальник разведотдела надеялся, что девушкам удастся наладить получение секретных сведений о дислокации войск противника в этом важном районе Керченского полуострова.

Генерал Трусов знал, что вскоре начнётся операция советских войск по освобождению Крыма, и поэтому разведчицам надо было продержаться в заданном районе не более шести месяцев. Для того чтобы выполнить эту задачу, Алиме и её радистка должны были проявить находчивость, осторожность, смелость и мужество, так как в Крыму их ожидали большие трудности. Обстановка в этом районе была очень сложной. Там активно действовала немецкая контрразведка, которой помогали некоторые местные

жители. От них и исходила наибольшая угроза. Местные были всюду, а кто из них помогал немцам, часто было трудно установить. У немецкой контрразведки были свои тайные агенты, о существовании которых можно было только догадываться. Для советских разведчиков эти тайные осведомители были более опасны, чем те, кто открыто сотрудничали с оккупантами.

По указанию генерала Трусова 15 сентября 1943 года в район города Старый Крым была заброшена группа разведчиков-диверсантов. В разведотделе штаба армии эта группа числилась под кодовым названием «Баст». В её состав входили капитан Абрам Иванович Полежаев и два офицера-разведчика Сторожук и Петров, а также шесть разведчиков: радист Леня, подрывники Смелый, Орёл и Плот, связники Володя и Карс.

С большим трудом группе удалось обосноваться в районе Старого Крыма. С трудом, потому что при приземлении возникла перестрелка с карателями, которые случайно оказались в районе прибытия десанта. В коротком бою был убит подрывник Плот. Второй разведчик Карс сломал ноги, и его пришлось выносить в безопасной район, а затем организовывать его отправку в Краснодар с помощью партизан. Два других участника группы Смелый и Орел в октябре тоже серьёзно заболели и были эвакуированы. По счастливой случайности к партизанам прибыл самолёт «СП» с грузом боеприпасов, питанием для радиостанций и продуктами. На его борту и улетели Смелый и Орёл.

Капитан Полежаев, имевший псевдоним Николаев, поселился в Старом Крыму. Вскоре к нему из Краснодара прибыли новые члены группы. Несмотря на активное противодействие германской контрразведки, уже в конце октября 1943 года Полежаев с помощью местных жителей смог создать в 11 населённых пунктах агентурную сеть, в состав

которой вошли 32 источника. С их помощью «Баст» начал собирать достоверные сведения о противнике, дислокации его частей, строительстве оборонительных сооружений и воинских перевозках. Эта информация представляла большую ценность для командования Отдельной Приморской армии, войска которой готовились к прорыву обороны противника на Керченском полуострове.

Источники капитана Полежаева действовали в восточной части Керченского полуострова. Они взяли под контроль обстановку в районе, который ограничивался городами Старый Крым, Карасубазар, Феодосия, Владиславовка и станция Ички. За шесть месяцев группа Полежаева направила в Центр около 300 радиogramм о противнике.

Белым пятном для разведотдела штаба Отдельной Приморской армии оставался район посёлка Ленино, где находились стратегически важная железнодорожная станция Семь Колодезей, а также оборонительные сооружения противника на побережьях Арабатского и Казатинского заливов и в прилежавшем к ним районе от Уварово до Останино. Трусов предполагал, что там тоже проходила линия обороны 17-й армии генерала Енеке, поэтому он и решил направить в Ойсул разведгруппу «Дая»...

Полет проходил на малой высоте. Самолёт пересёк Азовское море и вскоре оказался в заданном районе.

Пилот дал команду. Разведчицы одна за другой покинули самолёт и упали в ночную бездну. Мгла поглотила Алиме Абденанову и Ларису Гуляченко; пилот, уверенный в том, что доставил разведчиц по назначению, развернул самолёт и лёг на обратный курс. В Краснодаре его ждали друзья по эскадрилье, а Алиме и Ларису, которые на шелковых парашютах в полной темноте опускались на землю, в степи не ждал никто. Две девушки с рюкзаками быстро опускались с небес на землю. Теперь они были одной маленькой коман-

дой, которая должна была проникнуть в тыл противника и наладить добычу сведений, которые были так нужны генералу Трусову и командованию Отдельной Приморской армии, готовившимся к броску через Керченский пролив.

Глава третья

САФИЕ ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Приземление прошло не так, как планировала Алиме. Земля приблизилась слишком быстро и, коснувшись её ногами, разведчица, не удержав равновесие, упала. Она не смогла встать из-за сильной боли в правой ноге, на мгновение парализовавшей сознание. Преодолев её, Алиме подтянула к себе купол парашюта и попыталась избавиться от него, но не смогла. Боль в ноге не проходила, и разведчица поняла, что сильно ударила её о выступ горной породы при первом касании земли. Превозмогая острую боль, Алиме присела, освободилась от парашюта и, вытащив из бокового кармана своей куртки фонарик, включила его, подавая сигнал напарнице.

Радистка приземлилась удачно. Она оказалась недалеко. Через несколько минут девушки были вместе. Действуя в полной темноте, они, помогая друг другу, быстро закопали парашюты. Надо было срочно покинуть место приземления. Алиме сказала, что не может передвигаться. Радистка стала помогать ей. Медленно, опираясь друг на друга, разведчицы преодолели около километра и сделали привал. Было около двух часов ночи. До рассвета, который в октябре наступает поздно, было еще далеко. Надо было точно установить место приземления и разработать план дальнейших действий.

Когда наступил рассвет, девушки, с трудом передвигаясь, отыскивали удобное для тайника место в правом склоне ближайшего холма. Оно было недоступно для воды, что гарантировало полную сохранность радиостанции. Выкопав

яму, разведчицы уложили в неё радиостанцию, питание и некоторые вещи; быстро переоделись и стали походить на местных жителей. Алимe знала, как они выглядят, ведь она выросла в этих местах.

Вскоре парашютистки вышли к дороге. По каким-то только ей понятным признакам Алимe поняла, что пилот самолёта выбросил их слишком далеко от назначенного места. Ошибка пилота, а также острая боль в ноге вынуждали Алимe, как руководителя группы, внести изменения в план действий, утверждённый в Краснодаре генерал-майором Трусовым, и направить в Джермай-Кашик Ларису, но она отказалась от этой мысли. Первой в деревню, несмотря ни на что, следовало ехать ей самой.

Она кое-как вышла на дорогу и стала ждать. Часа через три показалась старая бедарка, ею управлял один человек. Алимe узнала его — это был дядя Абдуракип Болатов. Он и доставил девушку в Джермай-Кашик.

Во время поездки на бедарке Алимe сказала дяде Абдуракипу, что ехала из Керчи домой на немецкой грузовой автомашине. Немцы уехали в Старый Крым, а её высадили на повороте, где она подвернула ногу и не смогла самостоятельно передвигаться. Рассказ был мало похож на правду, но Абдуракип лишних вопросов не задавал.

Ревиде с внучкой Азифе проживала у родственников братьев Сейфедина и Джевата Меннановых, сестра которых учительница Неджибе Баталова ещё до начала Великой Отечественной войны вышла замуж за её сына Муедина. Ревиде с радостью встретила свою старшую внучку. Она тоже не задавала Алимe ненужных вопросов. Она наблюдала со стороны, как искренне рады встрече две сестры, Алимe и младшая Азифе, и сожалела, что третья внучка Ферузе живет у тёти Эмине в соседнем селе Карангыт.

К вечеру вместе с младшей сестрой Алимe на телеге съездила к тому месту на дороге, где её ожидала Лариса

Гуляченко, с которой она якобы познакомилась, работая на чулочной фабрике, и представила её Ревиде как Таисию. Алиме объяснила, что Таисия вскоре отправится в Черкасск, где живут её родственники.

Так завершился день 3 октября 1943 года. Так началась работа в тылу противника разведывательной группы «Дая».

На следующий день Алиме стала чувствовать себя несколько лучше. Нога продолжала болеть, но боль ушла куда-то в глубь тела. С помощью палочки, которой, возможно, когда-то пользовался её дед Асан Абденанов, Алиме начала передвигаться сначала по дому, а затем и по двору. Ревиде сопровождала внучку к сельскому фельдшеру Васфие Аджибаевой. Осмотрев ногу, Васфие сделала тугую повязку и сказала, что через неделю Алиме будет бегать.

Алиме не стала ждать, когда боль пройдет окончательно. 5 октября вместе с радисткой они вышли из села и отправились к тайнику, где хранилась радиостанция.

Прибыв наместо, Алиме подготовила свою первую радиограмму. Лариса настроила радиостанцию и вышла в эфир. В Центр полетело первое сообщение: *«5.10. Сброшены плохо, 25 километров от Кашик. Живём у себя. Нелегально. Завербован осведомитель. «Дая»¹.*

В Центре ждали это короткое сообщение. Оно содержало в себе множество сведений, которые безотлагательно следовало оценить.

Генерал-майор Трусов, читая донесение Сафие, не мог не спросить у своих подчинённых, почему группа была сброшена так далеко от места назначения и, видимо, с самого начала попала в трудное положение. Такое начало операции, которой начальник разведотдела придавал большое значение, могло привести к провалу группы, так как в районе приземления могли быть позиции немецких или румынских войск. Во-вторых, Трусова не могло не порадо-

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 9.

вать сообщение о том, что Сафие и Гордая «живут у себя», то есть в доме у бабушки Ревиде Усеновой, как и планировалось. И конечно, Трусов недоумевал, когда читал последнюю строчку донесения: «Завербован осведомитель». У генерала, профессионального разведчика, возникло множество вопросов, требовавших ответа: Кто завербован? Как завербован? На каких условиях? Может ли этот человек быть полезен или нет? Как относятся к нему немцы? Кто он по национальности?

На все эти и другие вопросы предстояло получить ответы от Сафие. Это можно было сделать и несколько позже. Главное — 5 октября Сафие вышла на связь. Резидентура «Дая» начала работать.

В тот же день начальник разведки получил от Сафие ещё одно донесение. Оно было коротким, конкретным и освещало переброску немецких войск через железнодорожную станцию *Семь Колодезей, недалеко от которой находилось село Джермай-Кашик. Сафие сообщала: «5.10. В 9:35 на Керчь отправлен эшелон из 12 пустых вагонов. В 12:30 на Феодосию ушел эшелон из 23 вагонов. Немцы-автоматчики. В 14:00 на Феодосию проследовала 51 подвода с боеприпасами под охраной двух немецких солдат»*¹.

Следующее донесение поступило в Центр утром 7 октября. Сафие сообщала о новых перебросках немецких войск. *«6.10. На Феодосию: эшелон из 23 вагонов. Немцы, румыны с винтовками и 4 паровоза. 60 велосипедистов — немцы с винтовками. Следом — 5 противотанковых пушек на мехтяге, 12 крытых автомашин, 31 подвода с катушками телефонных проводов»*².

Вечером 7 октября в разведотдел поступило ещё одно донесение из Джермай-Кашика: *«6.10. На Керченском полуострове войска не задерживаются. Оборонительных работ*

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 9.

² Там же.

нет. Идёт эвакуация населения на 20 километров от побережья. По слухам, войска укрепляются на южном берегу Крыма и Ак-Манай. Остаются большинство румын»¹.

«Дая» стала выходить в эфир ежедневно. Сафие сообщала о перебросках войск, количестве эшелонов, проходивших через железнодорожную станцию, о войсках, перебрасываемых по шоссе на Керчь и в Феодосию, о количестве проходивших танков, артиллерийских орудий и строительстве оборонительных укреплений. Сведения были детальными. Видимо, Сафие привлекла кого-то из местных жителей, ежедневно незаметно для немецкой охраны следивших за переброской войск через железнодорожную станцию и по шоссе, которое вело от Джанкоя к Феодосии и Керчи. Информация, поступавшая от Сафие, дополнялась донесениями капитана А. И. Полежаева, командовавшего спецгруппой разведчиков «Баст», действовавшей в районе Старого Крыма. Эти сведения позволяли командованию Отдельной Приморской армии комплексно оценивать обстановку, складывавшуюся на Керченском полуострове и особенно в районах Керчи и Феодосии.

Обобщая все сведения, поступавшие в разведотдел, генерал-майор Трусов докладывал командующему Отдельной Приморской армии о том, что гитлеровское командование направляет в Крым новые войска.

Немецкий штаб, обеспокоенный выходом 4-го Украинского фронта к Перекопу и Сивашу и ожидая высадки десанта через пролив, действительно в то время стремился не допустить смыкания советских войск, наступавших с севера и востока, и предпринимал значительные усилия, направленные на укрепление обороны в наиболее вероятных для высадки советских десантов местах.

В докладах командующему Отдельной Приморской армии Трусов использовал не только сведения, добытые

¹ Там же.

его разведчиками, которые уже действовали в Феодосии, Старом Крыму, Керчи, Владиславовке и других населённых пунктах Крыма, но и донесения агентов разведотдела штаба Черноморского флота, которыми командовал полковник Д. Б. Намгаладзе.

Генералы Трусов и Грязнов, а также полковник Намгаладзе в сентябре 1943 года организовали систематический обмен наиболее важными сведениями о противнике, что позволяло им объективно оценивать обстановку, складывавшуюся на Крымском полуострове и особенно в его северной и восточной частях, где назревали основные события, связанные с предстоящим наступлением.

Используя данные своих разведчиков, а также информацию, полученную от полковника Намгаладзе, генерал-майор Трусов докладывал командующему Отдельной Приморской армией: *«На побережье создана система опорных пунктов, насыщенных огневыми средствами, опоясанных минными полями и густой сетью проволочных заграждений, установленных на берегу и в воде, в нескольких десятках метров от берега. В состав противодесантной обороны включены корабли, базирующиеся в портах Керчь, Камыш-Бурун и Феодосия, всего 37 торпедных и 25 сторожевых катеров, шесть тральщиков и свыше 60 быстроходных десантных барж. В малых кораблях противник превосходит нас и может серьёзно препятствовать десантированию».*

В выводах о ситуации на Керченском полуострове генерал-майор Трусов обращал внимание командования на то, что крупные немецкие сухопутные силы, занявшие оборону на укреплённом рубеже и выгодных высотах по восточному побережью полуострова и поддерживаемые сильной авиацией, могут оказывать наступающим войскам упорное сопротивление как при высадке десантов, так и в ходе боевых действий¹.

¹ Карпов В. Полководец. — М., 1985. — С. 372.

В глубоком тылу противника действовали разведывательно-диверсионные группы «Львов» и «Юрий» разведотдела штаба 4-го Украинского фронта и группы Отдельной Приморской армии «Ястреб», «Стёпа», «Сара» и другие. Они докладывали Центру о том, что командование немецких войск в глубине полуострова тоже оборудует дополнительные рубежи обороны.

11, 12 и 13 октября Сафие продолжала сообщать Центру сведения о перебросках немецких и румынских войск через железнодорожную станцию Семь Колодезей и по шоссе-ной дороге.

11 октября от Сафие в Центр поступило донесение, в котором она сообщала: *«Сведения от осведомителя-полицейского: на днях весь Керченский полуостров очищается от населения, оставшихся признают партизанами. Сообщите, как действовать»*¹.

Несмотря на резко осложнившуюся обстановку, Сафие 12 октября докладывала в Центр: *«10 октября в 16:00 на Феодосию проследовал эшелон. 42 вагона, 8 зениток, 6 дальнобойных орудий и 12 автомашин»*².

13 октября Алиме сообщила о том, что вновь на Феодосию проследовал горнострелковый батальон, 30 связистов, около 100 санитаров, строительные машины и материалы.

Полученные от Сафие сведения в Центре были использованы для донесения командованию армии об активном укреплении противником оборонительных рубежей в районе феодосийского побережья и в Керчи.

12 октября генерал-майор Трусов направил Сафие радиogramму, в которой сообщал: *«Сведения хорошие. Благодарим. При эвакуации постарайтесь остаться на нелегальном положении. В случае принудительного выселения исполь-*

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 9.

² Там же.

зуйте связи полицейского для переезда во Владиславовку или Ислам-Терек»¹.

Генерал Трусов внимательно следил за работой резидентуры «Дая», своими советами и рекомендациями оказывал ей помощь, старался уберечь резидента от ошибок, которые в боевых условиях неминуемо привели бы к гибели и резидента, и радиста, и осведомителей. Доставляемая ими информация в значительной степени дополняла общую картину действий противника в период подготовки советских войск к наступлению в направлении Крымского полуострова.

Во второй половине октября радиостанция резидентуры «Дая» почти каждый день выходила в эфир, не только освещая переброску немецких войск на северное и восточное направления, но и раскрывая дислокацию штабов немецких и румынских войск в районе действий резидентуры, расположение командных пунктов, складов боеприпасов, горюче-смазочных материалов и военной техники. Разведотдел передавал эти сведения в штаб 210-го авиационного полка, который поддерживал действия Отдельной Приморской армии. Военные летчики наносили бомбовые удары по местам скопления войск противника, о которых сообщала Сафие.

Генерал-майор Трусов был доволен деятельностью резидентуры. 25 октября по его указанию для Сафие была отправлена радиограмма следующего содержания: *«За большевистскую работу в тяжёлых условиях Вы и Ваша подруга представлены к Правительственной награде. Пришлите полные данные на бабушку, а также на осведомителя-полицейского для представления к награде»*².

Отвечая на запрос начальника разведотдела, Сафие 31 октября сообщила в Центр: *«Осведомитель: Абдуракип*

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 10.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 11.

родился в Кашике в 1897 году, татарин, малограмотный, беспартийный. Родители — крестьяне. До войны — колхозник. В августе 1941 года призван в РККА. В октябре 1941 года попал в плен. В мае 1942 года прибыл в Кашик. Избран полицейским»¹.

5 ноября в разведотделе было подготовлено представление к награде орденом «Красного Знамени» красноармейца и резидента разведгруппы «Дая», в котором отмечалось, что Алиме Абденанова, «работая в непосредственном расположении боевых порядков войск противника, разведала характер и систему оборонительных сооружений на Керченском полуострове, установила дислокацию и расположение частей и штабов противника в районе Семь Колодезей и в других селах».

Далее указывалось, что «А. Абденанова... точно ориентировала командование о направлении движения противника в период отхода его частей, указывала цели для бомбёжки нашей авиацией, места нахождения железнодорожных эшелонов, крупные скопления войск и техники, точно ориентируя на местности. По её данным, наша авиация неоднократно бомбила боевые порядки и скопления войск противника... В дальнейшем, работая в тяжёлых условиях, в момент эвакуации с Керченского полуострова мирного населения, не раз рискуя жизнью, ежедневно разведывала перевозки войск и войсковых грузов по железной дороге Керчь — Владиславовка — Феодосия — Джанкой, а также перевозки войск автотранспортом в направлениях Керчь — Феодосия, Керчь — Джанкой».

Завершали представление к награде такие слова: «Тов. Абденанова Алиме — преданная дочь Советской Родины и достойна правительственной награды ордена "Красного Знамени"».

¹ Там же. Л. 10 а.

Заместитель начальника штаба Отдельной Приморской армии и начальник разведотдела армии генерал-майор Н. М. Трусов утвердили это представление 13 ноября 1943 года.

Тем временем напряженная работа разведгруппы «Дая» продолжалась. В ноябре и декабре 1943 года Сафие направила в Центр еще около 20 радиogramм, которые представляли значительный интерес для командования Отдельной Приморской армии.

Глава четвертая

БОИ НА ТРЕТЬЕМ ФРОНТЕ

В конце 1943 года на севере и востоке Крымского полуострова сформировались два фронта. На первом из них войскам 4-го Украинского фронта противостояли основные силы 17-й немецкой армии: 49-й горнострелковый корпус и 50-я немецкая пехотная дивизия, которые обороняли Перекопский перешеек. Еще три дивизии — одна немецкая и две румынских обороняли Сиваш и берег Азовского моря.

Второй фронт проходил по Керченскому полуострову. Здесь войска Отдельной Приморской армии вели боевые действия против 5-го армейского корпуса армии генерала Э. Енеке, в состав которого входили четыре дивизии — две немецких и две румынских, а также немецкая бригада штурмовых орудий.

На побережье Крыма дислоцировались 1-я и 2-я горнострелковые дивизии румын, которые осуществляли противодесантную оборону побережья от Феодосии до Севастополя.

После первой неудавшейся в ноябре 1943 года попытки с ходу ворваться в глубь полуострова и освободить Крым, советское командование в связи с возникшей выгодной

стратегической обстановкой в Правобережной Украине, где войска Красной Армии вели успешное наступление, провело перегруппировку и временно приостановило свои действия на крымском направлении.

Подготовку новой операции по освобождению Крыма было поручено возглавить представителю Ставки Верховного Главнокомандования генералу армии А. М. Василевскому¹, начальнику Генерального штаба, владевшему всей информацией о ситуации на советско-германском фронте.

Василевский внёс в Ставку ВГК предложение провести операцию по освобождению Крыма в феврале 1944 года. В соответствии с его планом советские войска, действуя одновременно с севера и востока, должны были разгромить 17-ю немецкую армию и создать благоприятные условия для наступательных действий Красной Армии на Балканах. Однако предложение Василевского не было принято. Ставка решила провести эту операцию лишь после того, как вся территория от нижнего течения Днепра до Херсона будет освобождена от противника, который был ещё силен и не собирался отступать. Реализовать план Василевского помешала и погода: в середине февраля над Сивашем пронёсся сильнейший шторм, который разрушил уже наведённые переправы. Переброску войск через Сиваш пришлось приостановить, а затем и прекратить.

Ставка ВГК приняла решение операцию по освобождению Крыма провести в марте 1944 года². Замысел операции, разработанный в Генштабе Красной Армии, на первый взгляд был прост: силы 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, одновременно действуя на двух фронтах, должны расчленили группировку противника

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Т. 4. — М., 2012. — С. 217.

² Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. Вторая. — М., 1990. — С. 101.

и не допустить её эвакуации из Крыма. Черноморский флот своими силами должен поддерживать наземные войска на приморских флангах и противодействовать силам противника на морских коммуникациях. Азовская военная флотилия, которая тоже привлекалась к участию в операции, своими силами должна поддерживать Отдельную Приморскую армию.

План операции был утверждён Верховным Главнокомандующим, однако, реализовать его в марте не удалось. Вновь помешала природа. В марте 1944 года в Таврии прошёл необычно большой для этих мест снегопад, сугробы были более метра высотой. Снегом занесло все дороги, засыпало траншеи и боевую технику, использовать которую стало практически невозможно. Срок начала наступления пришлось опять передвигать, на этот раз на первую декаду апреля.

Генерал Енеке, чья армия была блокирована в Крыму, использовал оказавшееся в его распоряжении время для укрепления обороны полуострова. Усиленные работы продолжались на Перекопе и побережье Сиваша, а также на Керченском полуострове. Там на всю его глубину ускоренно строились новые и укреплялись старые оборонительные линии. Енеке, неоднократно докладывавший в Берлин о трудном положении своей армии, получил подкрепление в количестве двух дивизий, доставленных в Крым по воздуху с юга Украины.

Енеке трезво оценивал сложившуюся обстановку и понимал, что две резервные дивизии, переданные ему по распоряжению Гитлера, его войска не спасут, а это означало, что рано или поздно настанет время, когда надо будет эвакуировать 17-ю армию из Крыма, чтобы избежать её полного уничтожения. Енеке не хотел повторить судьбу фельдмаршала Паулюса, армия которого была окружена

под Сталинградом, и, прекратив сопротивление, сдалась на милость победителей.

Несмотря на указания из Берлина, которые требовали сражаться до последнего солдата, Енеке разработал секретные планы вывода подчинённых ему войск по воздуху и морем в Румынию, где германская армия всё ещё сохраняла свои позиции.

Одновременно генерал Енеке предпринял усилия по укреплению морального духа подчинённых ему войск, пытался привлечь на свою сторону население Крыма и приказал максимально активизировать борьбу с партизанами и подпольщиками, создавшими в Крыму третий фронт.

Наибольшее беспокойство оккупационным войскам доставляли партизанские отряды в северной и восточной частях Крыма, то есть там, где и должны были развернуться основные боевые действия. Северным соединением крымских партизан командовал П. Р. Ямпольский. Ему подчинялись 1-я и 5-я партизанские бригады, в составе которых были 774 человека.

Действиями партизан Восточного соединения, дислоцировавшегося в Старокрымских лесах, руководил капитан В. С. Кузнецов¹. В состав Северного соединения входили 2-я и 3-я бригады. Всего — 687 человек.

В декабре 1943 года в штабы 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии регулярно поступали донесения о боевой деятельности партизанских бригад и отрядов. В донесении от 22 декабря говорилось о прибытии в Крым маршала Антонеску, выдвижении немецких войск к Перекопу и румынских — к Керчи, передислокации на Керченский полуостров националистических батальонов, о

¹ В Крыму в начале 1944 года действовало и Южное соединение партизан, которым командовал И. А. Македонский. Оно дислоцировалось в заповеднике Южного берега Крыма (район Алушта — Бахчисарай — Ялта). В составе бригады были 2218 человек.

прибытии в Крым самолётами немецкой части с эмблемой «цветка»...¹

Партизаны, подпольщики и советские агенты не только занимались разведкой, но и наносили по оккупационным войскам внезапные удары, поэтому Енеке придавал борьбе против партизан и ограничению их возможностей первостепенное значение. Вокруг лесов были уничтожены (сожжены) 81 селение и 5286 крестьянских дворов².

В указаниях штаба 17-й армии по борьбе с партизанами, подготовленном 31 января 1944 года для начальников оперативного отдела и военной разведки, так оценивалась обстановка на третьем фронте: *«В настоящее время в горах... снова появились три следующие бандгруппы:*

а) Южнее дороги Старый Крым — Карасубазар:

Действуют 2-я, 3-я и 4-я бандбригады. Общая численность 1500—1800 человек. Эти соединения в предыдущих боях потеряли 15—20 % своего состава.

б) В Зуйском лесу:

Находится 1-я, 5-я и 6-я бандбригады. Общая численность — 1200—1500 человек. До сего времени потеряли 50 % своего состава.

в) В районе восточнее Бахчисарая:

Состоит из трех банд бригад (обозначение пока неизвестно). Общая численность 2000 человек. До сего времени потери небольшие. Очень активная группа...»³

Разведка 17-й армии пыталась установить место дислокации штаба Крымского партизанского движения, но не смогла этого сделать. Однако разведотдел штаба армии получил сведения о том, что в районе 18 километра юго-

¹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. — М., 1987. — С. 225.

² Там же. С. 222.

³ См.: Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Освобождение Крыма. — М., 1994.

западнее Карасубазара созданы посадочные площадки, восстановлено воздушное сообщение с советской территорией, *«и это сообщение действует без помех»*, — отмечалось в одном из отчётов начальника разведотдела армии Енеке.

Оценивая моральный дух партизан, командование 17-й армии вынуждено было признать, что *«настроение у бандитов хорошее, и действуют они уверенно»*.

Требую повысить эффективность действий военной разведки, командование 17-й армии напоминало: *«...Действенной борьба против бандитов станет только тогда, когда будут проводиться действенная разведка и изучение разведанных. Проведение разведки и изучение данных поручено штабу по борьбе с бандитизмом при СС и полицей-фюрере. Из всех источников информации, а также авиаразведки и допроса пленных нужно добывать важные сведения»*.

В указаниях рекомендовалось держать партизан в *«постоянной тревоге, вызывать у них неуверенность, брать пленных, чтобы после их допросов готовиться к большим наступлениям и акциям»*, а также *«чаще проводить ночные облавы, устраивать засады, неожиданно прочесывать населённые пункты»*.

Штаб армии требовал при проведении *«таких небольших, местного характера операций против бандитов связываться с разведкомандами штаба по борьбе с партизанами, получать от них новейшие сведения о конкретных целях, что будет гарантировать успех предприятия...»*.

Активно на третьем фронте действовали и советские разведчики-диверсанты. Их малочисленные, мобильные группы имели постоянную радиосвязь с Центром. Своими неожиданными действиями диверсанты наносили противнику ощутимый ущерб. Немецкие специальные службы предполагали, что группы советских военных разведчиков действуют в районах Керчи, Владиславовки, Феодосии,

Бахчисарая и Севастополя, но выявить и полностью уничтожить их немецкая контрразведка не могла.

В начале весны 1944 года, несмотря на обильные снегопады, партизаны Северного и Восточного соединений активизировали борьбу против оккупантов. В Феодосии действовала резидентура советской военной разведки. Её работой руководил разведчик, известный под псевдонимом Хитрый, который смог устроиться на работу переводчиком в немецкую комендатуру и привлёк к сотрудничеству несколько местных жителей. В состав резидентуры входил и военный разведчик Борисов, который выполнял специальные задания командования Отдельной Приморской армии и занимался организацией диверсионных акций в тылу противника.

В результате предательства одного из членов группы, который имел псевдоним Зайцев, сотрудникам команды «Геркулес» удалось выявить и арестовать разведчика Борисова и его помощников Жигана, Гарика и других. Все они оказались в Старом Крыму, в тюрьме, где их допрашивал капитан Вечорек. Он приложил немало усилий, чтобы склонить Борисова и его помощников к сотрудничеству с абвером, но все его старания были тщетны. Разведчиков избивали до полусмерти, обливали холодной водой, чтобы привести в чувство, снова предлагали пойти на сотрудничество с немецкой разведкой и, услышав очередной отрицательный ответ, начинали снова избивать с ещё большей яростью.

В Старом Крыму действовал командир специального отряда советской военной разведки «Баст» капитан Абрам Иванович Полежаев (псевдоним Николаев). Он умело выдавал себя за местного жителя, ничем не привлекал к себе внимания местных помощников тайной немецкой полиции и выполнял задания разведотдела штаба Отдельной Приморской армии. Полежаев был профессиональным

военным разведчиком. Начиная с июня 1941 года он принимал участие в боевых действиях, в 1942 году прошёл подготовку в Высшей разведывательной школе Генштаба Красной Армии, в течение пяти месяцев находился в тылу противника, где выполнял задания начальника разведотдела штаба Северо-Западного фронта. В РУ Полежаев характеризовался как смелый, находчивый и инициативный офицер военной разведки, *«который любит и умеет принимать самостоятельные решения и добиваться их реализации»*.

В феврале 1944 года капитан Полежаев узнал о провале резидентуры Хитрого. Полежаев также узнал об аресте Борисова и его помощников и сообщил об этом в разведотдел штаба Отдельной Приморской армии.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЕГЕНДА ОБРЕТАЕТ КРЫЛЬЯ

Глава первая

ПРОВАЛ

В конце октября 1943 года войска Отдельной Приморской армии были готовы к форсированию Керченского пролива. Азовское море штормило, и в таких условиях отправлять десант на побережье было рискованно. Командующий армией генерал Е. И. Петров, отвечавший за подготовку операции и организовывавший взаимодействие войск, 27 октября в своём штабе провёл совещание, на которое прибыли командующий Черноморским флотом вице-адмирал Л. А. Владимирский и командующий Азовской военной флотилией контр-адмирал С. Г. Горшков. По прогнозам морских командиров, шторм должен был продлиться ещё

трое суток, и они рекомендовали Петрову перенести начало операции на первые числа ноября.

Десантная операция началась в ночь с 31 октября на 1 ноября. Командный пункт армии находился в Темрюке. Командир 56-й армии генерал К. С. Мельник и командующий Азовской флотилии контр-адмирал С. Г. Горшков доложили Военному совету армии о полной готовности войск и переправочных средств к десантной операции. Ещё раз были уточнены порядок погрузки и переброски войск первого эшелона.

Для захвата плацдарма на побережье Крыма первыми на полуостров должны были переправиться войска 11-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал В. Ф. Сергацков. Через сутки планировалась высадка второго эшелона десанта, в составе которого была 32-я стрелковая дивизия полковника В. Т. Василенко.

Для введения противника в заблуждение относительно направления главного удара на флангах основных сил, приступавших к форсированию пролива, планировалось организовать два отвлекающих десанта, один — в районе мыса Тархан, на северо-восточном побережье Керченского пролива, второй — в районе горы Опук, юго-западнее Эльтигена.

30 октября в 21:00 началась погрузка десантов на плавсредства. Вскоре они вышли в Азовское море и к полуночи должны были прибыть к противоположному берегу. Одновременно начали действовать и отвлекающие десанты.

Когда суда Азовской флотилии уже были в море, неожиданно подул сильный ветер, волнение усилилось, и вскоре шторм достиг шести баллов. Крутые волны разбросали десантные корабли в разные стороны, и они стали малоуправляемыми. Возникла реальная угроза срыва операции и существенных потерь, которые могли значительно осложнить все последующие действия Отдельной Приморской армии.

Учитывая неожиданно возникшую на море неблагоприятную обстановку, генерал Петров приказал приостановить десантную операцию и вернуть суда на исходные позиции.

Проведение основной операции было остановлено, но отвлекающие десанты преодолели водную преграду и высадились на берег, занятый противником. Десантники захватили плацдарм в районе Эльтигена — кусочек земли длиной два километра и глубиной всего восемьсот метров, но оказались без поддержки и попали в крайне тяжёлое положение.

Им нужна была помощь, но шторм, достигший уже восьми баллов, не позволял генералу Петрову перебросить войска через пролив. Он приказал усилить действия бомбардировочной авиации, налёты которой сдерживали противника от уничтожения позиций десантников. Помогала солдатам, сражавшимся на плацдарме, и дальнобойная артиллерия.

Начальник разведотдела штаба армии генерал-майор Трусов доложил командующему армией о том, что противник перебрасывает дополнительные силы для уничтожения эльтигенского десанта. Эти сведения стали известны из донесения разведчиков о посещении генералом армии Э. Енеке района Багерovo и проведённом там совещании с командным составом 5-го армейского корпуса. Енеке потребовал максимально усилить оборону в районе Керчи, где, по его данным, должна была произойти высадка основного советского десанта.

В этот напряженный период «Дая» продолжала свою работу. 4 ноября она докладывала: *«По слухам в Камыш-Буруне высадился десант, минимум 2000 человек. Десант не разбит. Ожидают подкрепление. По берегу Чёрного моря к востоку идёт много войск. В деревне Мескичи скопление немецких войск и много пушек»*¹.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 11 а.

Вечером в тот же день Сафие ещё раз вышла в эфир и отправила в Центр две радиogramмы. В одной из них резидент сообщила о том, что обстановка в Джермай-Кашике становится опасной. Среди некоторых местных жителей стали возникать разговоры о том, что Алимe Абденанова в 1942 году выехала в Краснодар, и её появление в селе вызывает подозрения: не помогает ли она партизанам. Об этой тревожной новости ей сообщил полицейский Абдуракип, поэтому Алимe и её радистка перешли на нелегальное положение.

Сафие также сообщила, что ей продолжают оказывать помощь проверенные местные жители.

Во второй радиogramме, также отправленной 4 ноября, Сафие доложила о том, что *«штаб 3-й румынской пехотной дивизии переброшен в деревню Кенегез. Дивизией командует генерал Мачулисский»*¹.

Резидент информировала о том, что противник произвёл *«минирование отдельных участков железной дороги, население ближайших деревень мобилизовано на строительные работы, производится укрепление оборонительных рубежей на линии Арма-Эли, Семисотка, Ак-Манай»*².

Алимe попросила Центр прислать новое питание для радиостанции.

Пока в Центре решали, как перебросить в Джермай-Кашик запасные батареи, резидентура «Дая» продолжала выполнять срочные задания.

14 ноября генерал-майор Трусов направил Сафие три радиogramмы. В одной из них разведчикам рекомендовалось безотлагательно *«принять все меры к выяснению сосредоточения войск, подготовки и состояния обороны противника в районах Палапа, Султановка, Марфовка, Чокул-*

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 11 а.

² Там же.

Татарский, Челтамир и Бат-Кир»¹. Видимо, эти сведения для разведотдела имели большую оперативную значимость, поэтому генерал-майор Трусов прислал Сафие дополнительные указания: «Постарайтесь послать в эти районы человека. Все данные сообщите нам срочно. При получении ценных данных сходявшего маршрутника представьте нам для награждения. Постарайтесь выявить нумерацию частей»².

Выполняя это задание, Сафие направила в указанные Центром районы своих помощников, которые установили, что у населённых пунктов Челтамир и Чокул-Татарский войск противника нет. С большим трудом собранные сведения Сафие передала в Центр 18 ноября. Она также попросила *«уточнить названия пунктов Кеничи и Бак-Тур, которые здесь никому не известны»*.

Штаб Отдельной Приморской армии готовился к решительным наступательным действиям, поэтому начальник разведотдела рекомендовал резиденту Сафие *«в случае быстрого подхода фронта эвакуироваться в глубь Крыма...»*.

Питание для радиостанции было практически на исходе. Сафие ещё раз напомнила Центру о необходимости переброски по воздуху комплекта новых батарей.

«Шлите питание, — просила Сафие. — Район — два километра на запад от Кашике. Ориентир — один мигающий костер. Время между 23 и 24 часами. Ждём самолёт во все безоблачные ночи»³.

19 ноября Центр прислал Сафие срочную радиограмму: *«Принимайте груз по Вашим условиям»*.

Резидент, радистка и Азифе, младшая сестра Алиме, в тот же день ближе к полуночи отправились в указанный район, но принять долгожданный груз им не удалось. Сафие

¹ Там же. Л. 12.

² Там же.

³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 11 а.

сообщила в Центр: *«Видели самолёт в указанном месте. Зажечь костры помешали окружающие условия. Ждём самолёт на тех же условиях»*¹. Помешавшие «окружающие условия» — посторонние люди, неожиданно оказавшиеся в ночной степи поблизости от условленного места. Заметив этих подозрительных ночных странников, которые могли стать случайными свидетелями операции, Алимe от приёма груза отказалась.

19 ноября, выйдя в эфир, Сафие получила неожиданное сообщение от генерала Трусова: *«19 ноября сброшен груз на мигающий фонарь. Если груз не получили и сигналов не давали, то в этот район не выходите во избежание провала. Подыщите новый район и сообщите немедленно»*².

Понимая, что разведчик, который сопровождал груз, ошибся и принял сигнал, подававшийся фонарём, за мигающее пламя костра, Алимe доложила в Центр: *«Сигналов фонарём не давали. Ждём самолёт в безоблачные ночи между 1 и 2 часами в районе один километр юго-западнее Кашика. Груз бросайте только на мигающий костёр...»*³

Время и место приёма груза изменились, но могли ли эти новые условия позволить безопасно провести операцию? Первый груз, сброшенный на огонёк мигающего фонаря, скорее всего, оказался в руках немецкого патруля и попал в управление тайной полиции. Этот «подарок» с неба не мог не насторожить её руководителей, что неизбежно должно было привести к увеличению количества ночных патрулей. Требования комендантского часа жёстко ограничивали передвижение местного населения в тёмное время суток.

В те дни на Керченском плацдарме уже шли напряжённые бои. На Крымский полуостров были переброшены основные силы десанта. Вместе с ними на берег, где ожесточённо

¹ Там же. Л. 12 а.

² Там же. Л. 13.

³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 12 а.

оборонялся противник, прибыл и командующий Отдельной Приморской армии генерал армии Иван Ефимович Петров. Десантники знали, что командующий с ними, и сражались с утроенной силой. Бои за расширение плацдарма велись упорные, но продвижение в глубь полуострова проходило крайне медленно, — сказывалось упорное сопротивление противника, который смог создать эшелонированную систему обороны. О части этих оборонительных сооружений Сафие заблаговременно сообщила в Центр.

Ожесточённое сопротивление противник оказывал на восточном побережье Крыма, особенно в районе Керчи и Феодосии. Развитие обстановки подтверждало достоверность сведений о концентрации в этом районе немецких и румынских войск, которые Сафие и другие разведчики передавали в Центр в октябре 1943 года.

Десантники, героически сражавшиеся в Эльтигене, из последних сил сдерживали атаки противника. В ночь на 18 ноября по радио был передан Указ Президиума Верховного Совета СССР: за мужество и героизм 34 солдатам, сражавшимся на плацдарме под Эльтигеном, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Десантники продолжали удерживать захваченный плацдарм 37 дней. Звание Героя Советского Союза было присвоено ещё 27 бойцам.

К побережью с большим трудом пробивались одинокие суда Азовской флотилии. Они подвозили боеприпасы, подкрепление и медикаменты. Генерал армии Петров приказал для переброски грузов на Эльтиген использовать и «небесные вездеходы» — самолёты «ПО-2». Видимо, один из них после полётов на Эльтиген и был направлен 19 ноября с грузом для резидента Сафие в район Джермай-Кашика.

Сброс груза на мигающий сигнал фонаря был грубой ошибкой, которая вскоре повлекла за собой появление других опасных для резидентуры «Дая» обстоятельств.

Командование группы «Геркулес» пришло к выводу, что где-то в районе Джермай-Кашика или рядом действует советская разведка. Выявить и уничтожить агентов стало для команды одной из первостепенных задач.

26 ноября Сафие ещё раз вышла в эфир и сообщила в Центр о том, что *«в районе Марфовки выявлен центральный румынский склад продовольствия и горючего около роты румын и 3 зенитки»*¹.

Добыть сведения о том, что происходит в Султановке, было значительно труднее. Этот район охранялся усиленными патрулями и был объявлен запретной зоной, проход в которую местным жителям был строго запрещён. Выяснить, что там происходит, Алиме попросила фельдшера Васфие Аджибаеву, которая уже выполнила несколько её заданий. Васфие отправилась в Султановку, взяв с собой дочь Улькер, но немецкий патруль не пропустил их на территорию деревни².

Стараясь выполнить задание Центра, Алиме попросила старосту Абдуракипа достать пропуск для прохода в закрытую зону. Абдуракип ответил, что сделать этого не может, так как немцы сразу же заинтересуются, кому и для каких целей понадобился такой документ. Он решил помочь Алиме иначе.

В начале ноября в Джермай-Кашике разместились немецкая рота. Деревенский староста Абдуракип Болатов оказал содействие офицерам в расквартировании, а солдат разместил в здании местной школы. Командиру роты староста предложил поселиться в его доме. Офицер оценил его помощь и стал благожелательнее относиться к нему, чем и решил воспользоваться Абдуракип. Он накрыл стол и пригласил немецких офицеров в свой дом на обед, во время

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 12 а.

² Умеров А. Дочь Родины. Симферополь, 2008. С. 61.

которого предложил им попробовать водку местного производства. Немцы не отказались.

Во время обеда хозяин дома произнёс приятный для немцев тост, поблагодарив их за освобождение Крыма от большевиков. Тут на пороге дома появилась Алиме. Офицеры пригласили её к столу, но Абдуракип сказал, что татарским женщинам запрещено употреблять спиртное.

Как бы случайно он упомянул, что в Султановке проживают его дальние родственники, и он хотел бы их навестить. Командир роты посоветовал этого не делать, так как там разместились штаб армии и главный госпиталь. Офицер добавил, что местных жителей в Султановку не пропускают.

На том случайно возникший разговор о Султановке прекратился. Офицеры продолжали обед, слушали лестные здравницы в адрес немецкой армии, которые то и дело произносил староста. Алиме незаметно для всей компании удалилась.

26 ноября в Центр поступило донесение от резидента Сафие: *«В Султановке штаб немецкой армии, главный лазарет, более шести дальнобойных пушек, противотанковые рвы...»*¹

Содержание этой радиограммы свидетельствует о том, что Алиме Абденанова проявила большую настойчивость и смогла выполнить сложное задание начальника разведотдела.

Используя последние возможности своей обессилившей из-за отсутствия питания радиостанции Алиме 28 ноября ещё раз напомнила Центру, что *«питание кончилось...»*, и передала сведения о том, что *«в деревню Палапа прибыло с востока больше роты румын-артиллеристов, установлено 12 дальнобойных орудий и шесть зениток»*. А также: *«В деревню Ново-Николаевка прибыло с востока 30 крытых машин и шесть средних танков»*.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 12 а.

Центр продолжал ставить резидентуре «Дая» очередные задания. Одно из них поступило 13 декабря. Генерал-майор Трусов сообщал: *«Ночью 7 декабря сбит наш самолёт над Эльтигеном. Проверьте судьбу экипажа во главе с Героем Советского Союза капитаном Горкуновым. Для принятия груза с самолёта выходите по прежним условиям»*¹.

Перебросить груз для Сафие по воздуху всё-таки не удалось, поэтому генерал Трусов посчитал нужным подключить к решению этой задачи специальную разведывательную группу «Баст», действовавшую в районе Старого Крыма. Командиру группы капитану А. И. Полежаеву было отправлено указание встретиться с командиром Северного соединения партизан капитаном В. С. Кузнецовым, подобрать из партизан связника и организовать передачу батарей для радиостанции одному из разведчиков, действовавших в данном районе. Точное место нахождения разведчика и его имя еще не назывались.

Встреча двух капитанов состоялась. Она произошла в первой половине декабря на базе партизанского отряда. Кузнецов выделил для выполнения задания партизана Александра Павленко, который имел псевдоним Отважный.

Павленко родился и вырос в посёлке при железнодорожной станции Семь Колодезей, хорошо знал окружающую обстановку и не один раз выполнял сложные задания командира партизанского отряда.

Капитан Полежаев доложил в Центр о результатах встречи с Кузнецовым и попросил разрешения провести операцию.

17 декабря 1943 года старший радист разведгруппы «Баст» Владимир Бастинец получил из Центра радиogramму, в которой указывалось: *«Басту. Человека, данного Кузнецовым, посылайте в Ленинский район село Джермай-Кашик, колхоз «Красная Звезда». Дайте комплект питания и проинст-*

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 13.

руктируйте, где его зарыть и как потом найти. Там спросить старушку Усеинову Ревиде. У старушки спросить девушку Абденанову Алимe и ей сказать пароль. Связник: «Как пройти на Салы». Она ответит: «Идите по дороге на Ленинск. Там можно подъехать». Связник: «Покажите дорогу». После этого оба выходят во двор, там связник скажет: «Я от Ильи Захаровича». Она: «Привет, Дая»¹.

В ходе подготовки операции у Кузнецова, видимо, возникла идея познакомить Алимe Абденанову с дежурным по станции Е. Г. Ивановым и стрелочником А. А. Очкаловым, которые работали на станции Семь Колодезей. Они передавали в партизанский отряд сведения о перебросках немецких и румынских войск через станцию Семь Колодезей. Решение было правильным, так как упрощало процесс передачи данных о противнике в разведотдел.

Центр поддержал предложение капитана Кузнецова, однако дал указание «Басту»: *«Знакомить Абденанову со стрелочниками разрешаю только при условии, что они завербованы и уже работают на нас»*².

Павленко приступил к выполнению задания. Получив питание для радиостанции, он закопал батареи в снег вблизи поселка Джермай-Кашик и вечером 12 января 1944 года постучал в дверь дома, в котором жила бабушка Ревиде Усеинова.

Встретившись с Алимe, связник назвал пароль и, получив условленный ответ, сообщил, где находится тайник с питанием для радиостанции.

Партизан также сообщил Алимe, что она может установить связь с Ивановым и Очкаловым, работающими на станции Семь Колодезей, и они готовы передавать ей сведения о перебросках немецких и румынских войск по железной дороге.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 13.

² Там же.

В начале января 1944 года в восточных областях Крыма установилась суровая зима, по ночам морозы достигали 30 градусов. Снега было много. Несмотря на эти суровые условия, затруднявшие пешее передвижение между населёнными пунктами, резидентура «Дая» продолжала сбор сведений о противнике. Добывать их Сафие помогали семидесятилетний Батал Баталов, давний друг Ревиде Усеиновой, его дочь Неджибе, учительница начальных классов, и фельдшер Васфие Аджибаева. До войны она окончила Симферопольский медицинский техникум и оказывала местным жителям всяческую медицинскую помощь, что позволяло ей бывать в соседних сёлах и на железнодорожной станции.

Алиме помогал и староста деревни Абдуракип Болатов, он выполнял указания немецких военных властей и делал всё, чтобы оказать своим соотечественникам посильную помощь в условиях немецкой оккупации.

Алиме также привлекла к работе в своей разведгруппе общинника села Кашик Хайрулу Мамбетджанова. До войны Хайрула работал в колхозе «Красная Звезда», был бригадиром, женился на сестре братьев Меннановых. Старшего брата звали Сейфедин, с ним Алиме была знакома ещё до начала войны, когда работала в Ленинском райисполкоме. До оккупации Сейфедин был секретарём комсомольской организации села Кашик¹. Младший брат Джеват, которому было 16 лет, также выполнял отдельные поручения Алиме. Староста Абдуракип назначил Джевата почтальоном, и юноша получил возможность посещать Дёрт-Кульскую районную почту, что позволяло ему встречаться со знакомыми подростками, которые сообщали ему новости о действиях немецких солдат в соседних сёлах.

¹ Иванченко Б. Резидента звали Аня. Крымская правда. 5 апреля 1988 г.

16 января 1944 года Сафие сообщила в штаб о том, что на Багерово проследовал эшелон, в составе которого было шесть цистерн с бензином, 21 платформа с боеприпасами и двумя тяжёлыми артиллерийскими орудиями.

17 января через станцию Семь Колодезей в направлении Багерово проследовал ещё один воинский эшелон, состоявший из 23 вагонов с немецкими и румынскими солдатами и грузовыми машинами. О переброске этой группы солдат Алиме Абденанова тоже сообщила в Центр. Сведения эти дежурный по станции Семь Колодезей Е. Г. Иванов¹ сообщил фельдшеру Васфие Аджибаевой, которая по просьбе Алиме периодически посещала жителей посёлка около железнодорожной станции якобы для оказания им медицинской помощи.

В тот же день 17 января 1944 года из Центра в Джермай-Кашик поступило сообщение: *«Ваши сведения важны. Впредь сообщайте, от кого и как получаете сведения...»*²

В январе и начале февраля 1944 года резидентура «Дая» продолжала активно действовать. В Центр поступали донесения о передвижении немецких и румынских подразделений по грунтовой и железной дорогам с указанием их количества и направления движения, о строительстве оборонительных рубежей, в частности на Ак-Манайском рубеже, о переброске артиллерии в направлении Керчи, о дислокации румынской дивизии и её штаба в районе Марфовки и другие сведения, которые использовались офицерами разведотдела для подготовки обобщенных сводок о положении противника на Керченском полуострове.

Алиме Абденанова и её радистка Лариса Гуляченко нелегально проживали в селе Джермай-Кашик, рацию держали в хлеву у Ревиде Усеиновой. Радистка выходила в эфир в

¹ Вольфсон М. Смысл жизни. — Симферополь, 1993. — С. 96.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 13.

случае получения резидентом сведений, о которых, как считала Алимe, следовало срочно сообщить в Центр.

10 февраля в Центр была направлена радиogramма, в которой сообщалось о том, что *«с запада в Курман-Кемельчик на самолётах доставляются солдаты. Оттуда они поездом едут в Керчь и Красный Перекоп. На станции Симферополь стоят 40 паровозов. Часть из них увозят в Джанкой, а часть в Севастополь...»*¹.

11 февраля 1944 года при попытке установить в очередной раз связь с Центром, рация вновь перестала работать. Оказалось, что батареи, которые Сафие передали из партизанского отряда, уже были в употреблении. Вновь нужна была помощь Центра, но связаться с разведотделом Сафие не могла. Тогда она решила вызвать на встречу партизана Александра Павленко, который при первой встрече сообщил ей, как вызвать его в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств.

Алимe сама отправилась в Семь Колодезей, поставила сигнал в условленном месте и через два дня встретила с Павленко. Партизан, выслушав просьбу разведчицы, обещал через неделю передать ей новое питание для рации. Согласовали место, день и час будущей встречи.

Через неделю Павленко выполнил своё обещание. После встречи с Алимe он отправился в обратный путь — в партизанский отряд.

Резидентура «Дая» вновь вышла в эфир.

Александр Павленко, ночью возвращавшийся на базу партизанского отряда, наткнулся в степи на стог сена и решил дождаться рассвета. Когда Павленко проснулся, он увидел около стога несколько немецких солдат и добровольцев. Это был патруль. Павленко попытался оказать сопротивление, но был схвачен².

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 13.

² Дальнейшая судьба А. Павленко неизвестна.

...26 февраля в два часа ночи в окно дома Ревиде Усеиновой кто-то постучал. Затем послышалась просьба пустить на ночлег. Хозяйка ответила, что в доме свободных мест нет. Тогда раздался сильный стук в дверь, и мужской голос потребовал немедленно открыть.

Как только Ревиде ослабила задвижку, дверь распахнулась, и в дом ворвались немецкие автоматчики. Один из них спросил, где Алимe?

Старший патруля приказал Алимe Абденановой и Ларисе Гуляченко одеться. Девушек вывели во двор, где стояла автомашина. Около неё толпились ещё несколько вооружённых человек. Арестованных увезли в Старый Крым.

Перепуганная Азифе, младшая сестра Алимe, в ночной рубашке застыла в хлеву. Она стояла на половицах, под которыми был тайник, где хранилась радиостанция...

Глава вторая

ВЫБОР

Начальник команды «Геркулес» капитан Б. Вечорек был доволен работой своих подчинённых. Они захватили в Джермай-Кашике двух русских разведчиков. Их имена были Алимe Абденанова и Лариса Гуляченко. Той же ночью 26 февраля 1944 года в Джермай-Кашике были арестованы другие члены разведгруппы.

Выявить радиста контрразведчики смогли в ходе операции, которую разработал сам капитан Вечорек. Выполняя указания командующего 17-й армии генерала Э. Енеке, командир команды «Геркулес» попросил направить в его распоряжение специальную группу радиоразведки и пеленгаторную установку. Пеленгатор прибыл из Симферополя в Старый Крым в начале февраля 1944 года.

Курсируя в районах местных сел, в которых могли находиться русские разведчики, группа пеленгации засекла

выход в эфир неизвестного передатчика, который действовал, предположительно, в селе Джермай-Кашик.

Вечорек накопил опыт борьбы с партизанами в Польше и Украине. После получения первых сведений о работе неизвестного радиста капитан усилил контроль за селом Джермай-Кашик. Вскоре немецким контрразведчикам удалось установить дом, где находился радист. Дом принадлежал Ревиде Усеиновой.

Начальник «Геркулеса» не стал торопиться с захватом радиста. Он решил выявить его помощников, доставлявших разведывательные сведения в засыпанное снегом село.

По приказу Вечорек за домом Ревиде Усеиновой был установлен негласный и непрерывный контроль. Через неделю сотрудники «Геркулеса» установили, кто часто приходил в дом Ревиде Усеиновой.

Рано утром 27 февраля «Геркулес» ещё раз нагрянул в дом Ревиде, вместе с ними прибыла и Лариса Гуляченко. Она вошла в дом и, обратившись к Азифе, спросила, где спрятана радиостанция. Азифе попыталась промолчать, но солдаты пригрозили убить Ревиде и спалить дом. Азифе сказала, что радиостанция спрятана в хлеву в подполе.

Солдат вскрыл половицы и вытащил мешок с радиостанцией и другим секретным имуществом.

Лариса попросила Ревиде выдать ей зимнюю одежду Алиме. После этого немецкие солдаты и Гуляченко сели в машину и покинули Джермай-Кашик. Ревиде поняла, что ночью была не обычная облава, в ходе которой немцы забирали молодых мужчин и женщин для отправки на работы в Германию. Её внучка и радистка были арестованы. Поэтому Ревиде без промедления отправила Азифе к родственникам в ближайшее село, где находилась её третья внучка Ферузе.

После ареста русских разведчиков в Джермай-Кашике капитан Вечорек приступил к допросам Алиме Абденановой

и радистки Ларисы Гуляченко. Остальных арестованных он передал для проведения дальнейшего расследования обер-лейтенанту Рудольфу Циммеру, который командовал подразделением тайной полиции ГФП-312, также дислоцировавшемся в Старом Крыму.

Радистка, которой в «Геркулесе» продемонстрировали методы обращения с партизанами, не стала сопротивляться и согласилась оказывать помощь немецкой разведке. Лариса владела шифром, поэтому капитан Вечорек предложил ей продолжить сеансы радиосвязи с Центром. Он надеялся в ходе радиоигры получить сведения о других советских разведчиках, действовавших в районе Старого Крыма, а также передать в штаб Отдельной Приморской армии военные сведения дезинформационного характера. В начале марта радистка Гуляченко, действуя под контролем сотрудников «Геркулес», вышла в эфир и передала фальшивую радиограмму.

Для начальника команды «Геркулес» было бы значительно интереснее привлечь к сотрудничеству руководителя группы Алиме Абденанову. Капитан не сомневался в том, что резидент знает больше, чем радистка, и, несомненно, имеет связь с местным партизанским подпольем. Когда в ходе бесед капитану не удалось склонить Алиме к сотрудничеству, он приступил к истязаниям арестованной, пытаясь выбить из неё нужные ему сведения. Издеательства и жестокие пытки не сломили волю Алиме, она упорно молчала. Убедившись в том, что ему ничего не удастся добиться от арестованной, Вечорек приказал передать Алиме Абденанову в подразделение ГФП-312, сотрудники которого умели выбивать из арестованных информацию. В середине марта 1944 года судьба Алиме оказалась в руках обер-лейтенанта Рудольфа Циммера, а тайные сотрудники «Геркулеса» были брошены на выявление других советских разведгрупп и партизан, действовавших

в Старом Крыму, Феодосии и других городах этой части Керченского полуострова.

Особый интерес для капитана Вечорека представляла новая операция, в ходе которой он хотел выявить и захватить ещё одну группу советских разведчиков, о которой ему сообщил согласившийся сотрудничать с немецкой контрразведкой местный житель Зайцев. Ему капитан поручил проникнуть в эту разведгруппу и установить место дислокации её основной базы.

Арестованные члены группы Алиме Абденановой интереса для обер-лейтенанта Циммера не представляли, поэтому, убедившись в ходе допросов в том, что бывший полицейский Абдуракип Болатов, Батал Баталов, Неджибе Баталова, братья Сейфедин и Джеват Меннановы, а также Васфие Аджибаева и Хайрула Мамбетджанов сотрудничали с разведчиками, он приказал вывезти их всех в горный массив и расстрелять. Казнь состоялась 9 марта 1944 года в пустынном районе у подножия горы Агармыш¹.

Алиме Абденанова представляла для Рудольфа Циммера особый интерес. Радистка сказала, что Алиме — резидент. Несмотря на это, сама она отрицала свою причастность к советской военной разведке и не признавала, что арестованные односельчане помогали ей. Для Циммера работа Алиме на разведку был уже установленный и бесспорный факт, который подтверждался захваченной радиостанцией и показаниями радистки.

Упорное нежелание Алиме признать, то, что о ней уже было известно, приводило Циммера и его помощников в бешенство. Особо усердствовали во время допросов сотрудники группы ГФП-312 Михельсон, Зуб, Василенко, Круглов и Дубогрей. В бессильной злобе они стремились заставить Алиме признать свою вину. Палачи не могли понять, что

¹ Иванченко Б. Резидента звали Аня. Крымская правда. 5 апреля 1988 г.

Алиме не могла признать себя виновной, потому что она ни в чём не была виновата. Красноармеец Алиме Абденанова, секретный сотрудник разведывательного отдела штаба Отдельной Приморской армии, сражалась против немецких оккупантов и таких предателей, как Михельсон и Дубогрей, добровольно согласившихся сотрудничать с противником. Она так поступить не могла. Она давно сделала свой выбор, и для неё вера в победу над оккупантами, вера в скорое освобождение Крыма от ненавистных врагов была источником той силы, которая помогала ей переносить пытки и не терять надежду на то, что победа близка и ей удастся вырваться из рук палачей.

Так наступила весна для Алиме Абденановой. Палачи сломали ей руку, вырвали из пальцев ногти, выдирали пучки волос с головы, перебили ноги, изуродовали её красивое лицо. Когда Алиме во время пыток теряла сознание, её обливали холодной водой и продолжали истязать.

Тем временем в Керчи, Джанкое, Владиславовке, в Старом Крыму и Феодосии на третьем фронте ожесточённые бои продолжались. Выполняя указания начальника команды «Геркулес», предатель Зайцев проник в расположение разведгруппы, которой командовал капитан А. И. Полежаев. Командир группы подозревал Зайцева в предательстве и приказал его арестовать. На допросе Зайцев сознался и был расстрелян.

После провала операции по внедрению провокатора в отряд «Баст» спецгруппа абвера «Геркулес» в целях маскировки была переброшена из Старого Крыма в Карасубазар, а в Старый Крым прибыла группа контрразведки, действовавшая в Карасубазаре.

Командование 17-й армии стремилось укрепить боевой дух немецких солдат и офицеров, понимавших, что они блокированы на полуострове. 8 марта начальник штаба

армии фон Ксиландер подготовил докладную записку командующему группы армий «А» генерал-фельдмаршалу фон Клейсту. В записке была обоснована необходимость безотлагательного восстановления работы радиостанции «Крым». В докладной указывалось, что *«возвращение радиопередатчика «Крым» будет хорошо воздействовать на настроение немецких и румынских войск»,* окажет *«пропагандистское влияние на местное население»* и подтвердит *«стремление и волю немецкого командования оборонять Крым»*. Фон Ксиландер просил Клейста «как можно скорее возвратить передатчик в Крым».

Генерал армии Енеке тоже стремился поднять настроение командиров подчинённых ему корпусов и уверял их в благополучном выходе 17-й армии из сложной ситуации. Оценивая обстановку в Крыму, Енеке писал командиру 49-го горнострелкового корпуса генералу Конраду, что, по оценке разведки 17-й армии, *«...не вытекает, что противник так уж силён, что в ближайшее время предпримет решительное наступление против наших войск в Крыму. Это подтверждают наши данные о его силах, группировке его дивизий и артиллерии»*. То ли разведка штаба армии ошиблась в своих оценках, то ли сам Енеке умышленно вводил в заблуждение командиров подчинённых ему немецких корпусов и румынских дивизий, заблокированных в Крыму.

«Противник пока не имеет больших танковых и механизированных соединений в глубине своей обороны, — информировал Енеке командира 49-го корпуса. — Если противника не будут подталкивать сверху, то он будет ждать нашей эвакуации, чтобы избежать наступления на нашу хорошо оборудованную позицию и тем самым сохранить силы для преследования и боёв в Севастополе».

В завершение Енеке сообщал, что *«по данным разведки, на Перекопском фронте пехотная и артиллерийская группировки противника изменились мало. Поэтому на западной*

части фронта можно в настоящее время держать меньшие силы».

По указанию Енеке максимально активизировались действия германских секретных служб, обеспечивавших 17-й армию. Гестапо, военная разведка и контрразведка, а также подразделения полевой жандармерии ужесточили контроль за местным населением, расширили борьбу против партизан, подпольщиков и главное — против советских военных разведчиков, заброска которых, как предполагали в штабе Енеке, активизируется по мере приближения срока начала решительных действий Красной Армии на крымском направлении.

Секретные группы полевой жандармерии действовали во многих крупных городах и населённых пунктах северной и восточной частей Крыма. В Старом Крыму продолжала действовать 312-я группа полевой жандармерии, которой командовал обер-лейтенант Р. Циммер.

21 марта 1944 года Циммер в дневнике о деятельности своей группы за период с 23 февраля писал, что его подчинённые максимально усилили свою работу против партизан. Оценивая деятельность группы, Циммер отметил, что *«лагерь пленных в Семи Колодезях постоянно проверялся с целью выявления бандитов и лиц, связанных с ними. Особенно занимались бандитами из каменоломен Багерovo. С 4.03 можно считать, что каменоломни Багерovo от них очищены»*¹. И далее: *«Работа агентуры была успешной...»*

С помощью одного агента сотрудники Циммера выявили и арестовали в Семи Колодезях местных жителей Галину Парамещенко и Евгения Беспалова. В Эйтене были арестованы три человека, подозревавшиеся в поддержании связей с партизанами. Отчитываясь перед вышестоящим штабом,

¹ Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 — май 1944 г.). Документы свидетельствуют. — М., 1994.

Циммер писал: *«За отчётный период арестовано 86 человек, казнено 30 человек, отпущено — 3. Остальные переданы в другие инстанции для дальнейшего расследования».*

Циммер также доложил своему командованию о том, что запланировал радиоигры «Тамара» и «Анна», в ходе которых намерен дезинформировать советское командование.

Кто такие Тамара и Анна, установить не удалось. Однако в книгах учёта радиogramм резидентуры «Дая» в Центр есть три донесения, которые были направлены в Центр от имени резидента Сафие 8, 9 и 13 марта 1944 года. Эти уникальные радиogramмы — свидетельство напряжённого противоборства Алимe Абденановой с сотрудниками немецкой контрразведывательной команды «Геркулес». Циммер и его помощники с 26 февраля по 8 марта пытались сломить Алимe и заставить её включиться в радиоигру с Центром.

В период с 26 февраля по 8 марта из Джермай-Кашика в Центр не было отправлено ни одной радиogramмы. Такого перерыва в деятельности резидентуры «Дая» не было ни разу. Этот факт не мог не насторожить генерал-майора Трусова.

8 марта от Сафие в Центр поступила радиogramма, в которой сообщалось о том, что *«арестованы Иванов и Очкалов»*. И далее просьба: *«Мы в большой опасности. Немедленно сообщите, что делать?»*¹

Эта радиogramма — попытка Циммера начать радиоигру с Центром, её содержание — свидетельство того, что начальник команды «Геркулес» не знал о том, что резидент Сафие получила строгие рекомендации на случай возникновения опасности со стороны немецкой контрразведки.

Циммер, видимо, очень торопился. Он хотел получить сведения о дислокации советских групп разведчиков и партизан в районе Старого Крыма, где находилась штаб-квар-

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 20 об.

тира «Геркулеса», поэтому очередную радиограмму от Сафие Центр получил 9 марта. В ней сообщалось: *«Есть возможность переехать к родным в деревни Карангыт или Салы. Сообщите, куда лучше переехать»*.

Генерал-майор Трусков 10 марта в ответной радиограмме рекомендовал Алиме: *«Уходите туда, где можно лучше устроиться и полностью замести следы. Если такой возможности нет и опасно, что вас могут проверить по старому месту жительства, то уходите к партизанам. Передвигайтесь конспиративно, об уходе доложите»*¹.

В Центре было известно, что в селе Карангыт проживают родственники Алиме и там же находится её сестра Ферузе. Было это известно и Циммеру. Он, видимо, был уверен, что Центр не согласится с предложением Алиме поселиться в Карангыте. Для Циммера было важно убедить командование разведки Отдельной Приморской армии в целесообразности поселения Алиме и её радистки в Старом Крыму, поэтому 13 марта в Центр была направлена ещё одна радиограмма, в которой сообщалось, что *«перейти в Салы или Карангыт невозможно. Отправляемся в город Старый Крым, где есть возможность устроиться. Выходим 14 марта»*. Центр ответил: *«Устроившись на новом месте, немедленно дайте связь. Соблюдайте строгую конспирацию, так как в Старом Крыму сильные органы контрразведки...»*²

Сведения о деятельности немецкой контрразведки на Керченском полуострове поступали не только в центральное управление абвера, кое-что становилось известно и начальнику разведотдела штаба Отдельной Приморской армии генерал-майору Трускову. Узнав, что в Старом Крыму арестован разведчик Борисов, а в Джермай-Кашике — Алиме Абденанова и Лариса Гуляченко, Трусков приказал спецотряду «Баст» совместно с партизанами Северного соедине-

¹ Там же. Л. 21.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 21.

ния капитана Кузнецова организовать налёт на старокрымскую комендатуру и освободить захваченных разведчиков.

Налёт был проведён 27 марта 1944 года. Начальник «Геркулеса» об этом нападении докладывал в Берлин: *«На Старый Крым было организовано большое нападение приблизительно 300 бандитов. Ими были освобождены из тюрьмы 40 заключённых, 30 из которых были посажены отделом № 312 фельджандармерии. Среди освобождённых были очень важные агенты из радиоагентгруппы в Кашике».*

Среди «очень важных агентов» был и военный разведчик Борисов. Он был вызволен из камеры смертников и переброшен на базу партизанского соединения капитана Кузнецова. Через несколько дней Борисов на одном из самолётов «ПО-2», доставившим партизанам очередную партию оружия и боеприпасов, был вывезен в Краснодар. Остальных разведчиков группы Хитрого спасти не удалось. Они были расстреляны палачами из команды обер-лейтенанта Рудольфа Циммера. В камерах старокрымской тюрьмы 27 марта 1944 года не оказалось и Алиме Абденановой. Если бы она оставалась в застенках ГФП-312 в Старом Крыму, то была бы спасена в ходе операции. Что имел в виду Циммер, сообщая своему командованию об освобождении партизанами «очень важных агентов из радиогруппы в Кашике», установить не удалось.

Разведчик Борисов, прибыв в Краснодар, написал полный отчёт о своей работе в тылу противника, а также обо всём, что с ним произошло в старокрымской тюрьме. В агентурной справке, подготовленной 5 мая 1944 года в разведотделе штаба Отдельной Приморской армии, было отмечено, что *«...20 марта секретный сотрудник «Сафие» в числе других арестованных была уведена на расстрел, что подтверждает в своем докладе Борисов»*¹.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7881. Д. 4. Л. 51.

Сообщённый Борисовым факт включения Алимэ Абденановой в группу лиц, вывезенных фашистами на расстрел 20 марта 1944 года, — документальное подтверждение тому, что Циммеру не удалось склонить Алимэ к сотрудничеству с германской контрразведкой. 20 марта он, видимо, отправил Алимэ Абденанову в Симферополь, а остальных приказал расстрелять. Возможно, что остальные члены Джермай-Кашикской разведгруппы расстреляны именно 20 марта 1944 года.

Трудно найти какое-либо объяснение тому, почему после 13 марта радиоигра, которую затеял Циммер с разведотделом, неожиданно прервалась. Известно, что после этого дня Циммер не направил в Центр ни одной радиогаммы. Этот факт свидетельствует о том, что попытка немецкой контрразведки выявить адреса советских разведчиков не удалась, поэтому радиоигра, в которой техническое участие приняла радистка Лариса Гуляченко, никаких результатов не дала.

В Симферополе Алимэ бросили в одиночную камеру. Очередные допросы также не смогли сломить волю отважной разведчицы.

В крымской легенде об Алимэ Абденановой говорится, что она расстреляна фашистами во дворе симферопольской тюрьмы 5 апреля 1944 года. Однако при посещении тюрьмы в мае 2014 года и в ходе бесед с её руководством факт расстрела А. Абденановой в тюрьме не был подтвержден. Судя по другим источникам, казнь отважной разведчицы проведена фашистами на окраине города. В акте Государственной комиссии от 17 мая 1944 года, подтверждающем уничтожение фашистами советских граждан в совхозе «Красный» близ Симферополя, в разделе «Трупы в колодце» сказано: *«Из колодца извлечено 60 трупов людей, осталось около 200 трупов. В селе Дубки в 3—4 км от Симферополя немецкие фашисты живьем закапывали в ямы советских граждан.»*

Таких ям здесь двадцать. Вскрыли одну из них. Из этой ямы были извлечены трупы 240 человек»¹. Фашисты торопились. Опасаясь неминуемой кары за совершённые преступления, они заметали следы.

Война на третьем фронте, которую в Крыму вели оккупанты и их пособники, была жестокой и бесчеловечной.

За время работы в тылу противника секретный сотрудник разведывательного отдела штаба Отдельной Приморской армии направила в Центр 81 радиogramму, в которых содержались важные сведения о перебросках войск противника, его оборонительных укреплениях и местах дислокации штабов, районах сосредоточения военной техники, по которым советская авиация наносила бомбовые удары...

Глава третья

ОСВОБОЖДАЯ КРЫМ

Главный удар по группировке немецких войск в Крыму должен был нанести 4-й Украинский фронт. Готовясь к предстоящей операции, командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин в начале марта 1944 года пригласил для доклада начальника разведотдела штаба фронта генерал-майора М. Я. Грязнова.

Заслушав доклад своего главного разведчика о дислокации немецких и румынских войск в Крыму, Толбухин начал задавать уточняющие вопросы. Командующий сразу определил свои интересы: ему для разработки плана наступления нужны свежие и точные сведения о противнике. День начала операции еще не был утвержден Верховным Главнокомандующим, но, предположительно, максимальная

¹ Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). — М., 1968. — С. 53—55.

готовность войск к наступлению должна быть достигнута к концу марта. В операции, сообщил Толбухин, примет участие Отдельная Приморская армия, силы которой нанесут удар по противнику с Керченского плацдарма.

Толбухин сообщил начальнику разведки общий замысел предстоящей операции. Он состоял в том, 4-й Украинский фронт из района Перекопа и Сиваша, а силы генерала А. И. Еременко, назначенного командующим Отдельной Приморской армией, — с востока согласованными действиями взломают оборону противника и, расчленив группировку, двинутся в общем направлении Симферополь — Севастополь. С моря наземные войска Красной Армии поддержат Черноморский флот и Азовская флотилия. Общими силами армии и флота Крым должен быть освобождён.

Толбухин отметил, что весна создала сложную метеорологическую обстановку, затрудняющую использование воздушной разведки, однако он потребовал от генерала Грязнова обеспечить сбор достоверных сведений о 17-й армии генерала Енеке.

Готовя войска к наступлению, Толбухин хотел бы точно знать не только количество рубежей обороны противника, но и места сосредоточения резервов, которыми мог бы воспользоваться генерал Енеке, а также понять, какие командные пункты и узлы связи оборонявшихся войск могут быть уничтожены разведчиками-диверсантами Грязнова в момент, когда войска начнут общее наступление.

В ходе встречи командующий приказал генералу Грязнову сосредоточить усилия разведки на решении двух основных задач. Первая — организовать регулярное освещение крымской группировки противника; вторая — направить в тыл 17-й армии несколько хорошо подготовленных разведывательно-диверсионных групп. Они должны были провести специальные операции, которые ослабили бы

оборону Енеке и позволили войскам фронта завершить разгром противника.

Решая поставленные задачи, начальник разведки принял следующие решения. Во-первых, разведку в Крыму организовать и вести силами опытных разведчиков-диверсантов, которые уже неоднократно выполняли боевые задания в тылу противника. Во-вторых, каждая группа должна состоять из трех-пяти человек, иметь радиосвязь со штабом фронта. И в-третьих, следовало наладить взаимодействие с партизанскими отрядами и шире использовать их возможности.

В марте разведотдел штаба 4-го Украинского фронта сформировал и направил в тыл противника девять разведывательно-диверсионных групп. В район Старого Крыма — Феодосии была направлена группа «Львов», в район Симферополя — Бахчисарая заброшена группа диверсантов «Юрий». Разведчики-диверсанты также были направлены в другие районы Крыма.

Генерал армии Толбухин приказал на период Крымской операции передать разведотделу штаба фронта ещё 22 специальные разведгруппы, в состав которых входили диверсанты-минеры из 17-го Гвардейского сапёрного батальона. Группа минеров-диверсантов «Неустрасимый» была направлена в район Сейтлера — Ички, группа «Лев» — в Курман-Кемельчи, группа «Васильев» — в район Владиславовки. В тыл противника также были заброшены группы диверсантов «Вольный», «Гром», «Беркут» и др. К 15 марта все секретные силы разведотдела штаба 4-го Украинского фронта были приведены в полную боевую готовность.

Генерал-майор Н. М. Трусов в марте 1944 года также максимально активизировал деятельность разведчиков на Керченском полуострове. Попытка немецкой контрразведки организовать радиоигру против штаба армии не

удалась. Трусов по содержанию радиogramм, поступивших к нему из Джермай-Кашика, понял, что группа Алиме Абденановой действует под контролем контрразведки противника и сведениям, которые были в тех радиogramмах, доверять нельзя. Причины и последствия провала Алиме предстояло выяснить. Для сбора сведений о противнике из Семи Колодезей требовалось направить в Ойсул новую группу разведчиков. Этой группе был присвоен оперативный псевдоним «Смелая». В её состав были включены две девушки: резидент Мария Александровна Карамушкина (псевдоним Люся) и радистка Анна Ивановна Калимова (псевдоним Валя).

8 апреля войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление. За пять суток до начала боевых действий тяжёлая артиллерия нанесла удар по значительному числу целей, заблаговременно выявленных разведчиками. Вечером 7 апреля была проведена разведка боем, подтвердившая прежние сведения о группировке противника в районе Перекопа и Сиваша. После двухдневных упорных боёв немецкая оборона была прорвана.

Войска Отдельной Приморской армии начали наступление в ночь на 11 апреля и уже утром овладели Керчью. Противник на всех направлениях стал отходить к Севастополю. Новый командующий Отдельной Приморской армией генерал А. И. Еременко вёл войска через Карасубазар, Феодосию, Старый Крым на Симферополь.

Передовой отряд разведчиков 227-й стрелковой дивизии приблизился к Старому Крыму 12 апреля. 13 апреля освобождены Семь Колодезей, Джермай-Кашик и Старый Крым. После длительного боя в городе захвачены около ста немецких солдат и офицеров, несколько танков, более трёх десятков автомашин. Вместе с войсками Красной Армии в боях за Старый Крым приняли участие и бойцы Северного

партизанского соединения, которым командовал капитан В. С. Кузнецов.

Освободив Керченский полуостров, войска генерала А. И. Еременко двинулись в направлении Симферополя...

В конце апреля 1944 года на пустыре около освобождённого от немцев села Джермай-Кашик приземлился самолёт «ПО-2». На нём прибыл генерал-майор Николай Михайлович Трусов. Он спросил у селян, где живет Ревиде Усеинова. Генерал познакомился с бабушкой Ревиде, сказал, что он командир Алим Абденановой, и поблагодарил Ревиде за хорошее воспитание Алим, выполнившей несмотря ни на что доверенное ей задание.

Генерал спросил Ревиде, в какой помощи она нуждается, и передал ей две тысячи рублей в качестве единовременного пособия. Затем он встретился с родственниками других членов группы «Дая» и искренне поблагодарил их за помощь, оказанную войскам Красной Армии, освобождавшей Крым от немецких захватчиков...

Глава четвертая

СЛЕЗА НА МРАМОРНОЙ ЩЕКЕ

День 28 мая 2014 года в Крыму был тёплый и солнечный. По небу бежали редкие лёгкие облака. Черная «Тойота», на которой мы ехали, легко и уверенно бежала по шоссе. Из поселка Ленино мы направились к памятнику Алим Абденановой.

На заднем сиденье автомашины расположились две милые женщины — племянницы Алим — Джевар Асанова и Назмие Бехтемирова. Они говорили о своей тёте Алим, вспоминали историю её трагической гибели, которую им когда-то поведала их мама Ферузе.

Джевар Асанова вспомнила, что памятник Алиме был установлен в 1988 году. Его соорудили там, где когда-то находился посёлок Джермай-Кашик. Точнее, недалеко от того места, где когда-то ещё до начала Великой Отечественной войны располагались небольшие, но по-своему уютные домики членов коллективного хозяйства «Красная Звезда». Сейчас этого посёлка уже нет, как нет и других небольших селений, исчезнувших с этой земли после изгнания германских солдат из Крыма и депортации крымских татар в Узбекистан.

Джевар и Назмие длительное время жили в Узбекистане. Когда представилась возможность, они вместе с родителями вернулись в Крым. Девушки окончили институты, их семьи постепенно обустроились, преодолевая обычные трудности, вызванные переездом. Джевар стала директором Ленинского районного центра социальных служб для семей, детей и молодёжи, а Назмие — сотрудником банка.

Муж Джевар, Вельмур Асанов — газосварщик по профессии, когда-то работал в Сибири, осваивал нефтяные и газовые месторождения. После распада Советского Союза он потерял свою высокооплачиваемую работу. В Украине, которая построила новую независимую жизнь, найти применение своим талантам Вельмур не мог. Поэтому он вынужден был ездить на заработки в Россию. То в Подмосковье, то в других благополучных российских районах он занимался газификацией частных коттеджей. Такая работа его не радовала, но давала заработок, который стал важной частью семейного бюджета.

Вдоль обочины извилистого шоссе, по которому мчалась наша машина, то и дело мелькали дорожные указатели на украинском языке. На некоторых из них украинские названия поблекли, и из-под этой уже не блокидной краски чётко пробивались русские, нанесённые тридцать и более лет тому назад.

Наконец Джевар попросила остановить машину. Действительно, справа недалеко от шоссе был виден небольшой памятник, к которому вела узкая дорожка, аккуратно выложенная бетонными плитками.

Молча мы подошли к памятнику у дороги. Он скромно стоял в бескрайней степи. Над землёй в гордом одиночестве возвышалась небольшая плита из чёрного мрамора. На ней — фотография разведчицы Алиме Абденановой, её имя и годы жизни 1924—1944.

Алиме прожила только двадцать лет, не успев осуществить свои мечты. Однако в двадцатилетнем возрасте она, столкнувшись с невероятными трудностями, совершила поступок, который люди справедливо называют подвигом и рассказывают о ней легенды.

Вокруг памятника бушевали весенние травы, степь была покрыта небольшими красными мачками, белыми ромашками и другими не такими яркими полевыми цветами. Это многоцветное половодье создавало цельную и волнующую душу картину. Возникало желание сравнить эту живую степную акварель с человеческим сообществом, в котором рядом живут и работают люди разных национальностей, среди которых есть и яркие, и менее заметные личности. Совместными усилиями и те и другие создают мир, который живет и развивается уже на протяжении тысячелетий. Бережно сохраняя прошлое, совершенствуя настоящее и строя будущее, человеческое сообщество совместными усилиям борется со злом, которое возникает по вине тех, кто не видит трогательные и нежные полевые цветы и хочет для достижения своих корыстных целей подчинить себе мир.

Мы подошли к памятнику Алиме. О том, какой была эта татарская девушка, мы уже узнали. Первый рассказ о ней, который мы услышали от Ильми Кадыровича Ильясова в Старом Крыму, полностью подтвердился во время бесед с другими жителями Крыма. В нашем представлении сло-

жился образ красивой, умной, целеустремлённой и самостоятельной девушки, который был дополнен скупыми, но немаловажными деталями, сохранившимися в рукописных воспоминаниях об Алиме её родной сестры Азифе, которая, будучи четырнадцатилетней девчонкой, жила в Джермай-Кашике и помогала своей сестре выполнять её трудное задание.

Джевар и Назмие первыми возложили красные гвоздики на небольшое мраморное основание памятника. Мы тоже бережно возложили цветы, выразив сердечную благодарность военной разведчице Алиме, которая, рискуя собственной жизнью, смогла выполнить задания разведывательного отдела штаба Отдельной Приморской армии.

Неожиданно в небе над нами появилась небольшая тучка. На разогретые весенним солнцем бетонные плитки вокруг памятника упали крупные дождевые капли. Они быстро испарились и не помешали нам продолжить разговор.

Слушая рассказ Джевар и Назмие, мы смотрели на лицо Алиме, изображённое художником на мраморной плите памятника. Одна из редких капель упала на лицо девушки, задержалась около её правого глаза и потекла по плите. Создалось впечатление, что по щеке Алиме катится слеза. Это было необычно, неожиданно и даже символично. Эту слезу заметили все. Мы даже успели сделать один-единственный фотоснимок. Капелька быстро испарилась.

Когда капелька исчезла, Джевар и Назмие посмотрели друг на друга, и старшая из них сказала, что Алиме прослезилась от радости.

Тетя Алиме, конечно, была бы рада видеть своих племянниц и других родственников, часто навещающих её памятник.

Алиме была бы рада узнать, что о ней знают не только в Крыму, но и в Москве. Она бы прослезилась, если бы могла увидеть акварели этих весенних цветов, украсивших май-

ским ковром мирную крымскую степь, и множество разноцветных легковых автомашин, которые, преодолев керченскую переправу, мчатся по шоссе в направлении южных курортных городов. И это движение, это оживление — свидетельство того, что подвиги, которые совершила в годы Великой Отечественной войны Алимe Абденанова и другие её соотечественники, не забыты. Сражаясь против германских солдат, слепо выполнявших указания верховных жрецов нацистской Германии, Алимe помогла в 1944 году освободить от порабощения Крым, который был и является частью нашей великой страны.

ЛЕНТАРА ХАЛИЛОВА

АЛИМЕ

(Повесть)

Помним...

*Мудрец сказал:
«Не знающий своей истории обречён учить чужую»
и был тысячу раз прав...*

Много ли сегодня найдётся тех, кто сможет назвать героев крымскотатарского народа, вспомнить имена тех, кто защищал свою Родину? Назовут немногих — дважды Героя Советского Союза Аметхана Султана, нескольких Героев Советского Союза, Героя России Алиме Абденанову, но членов её разведгруппы уже перечислят немногие. Не говоря уже о многих других наших героях, воевавших и погибших в той войне. И сколь много бы мы о них ни рассказывали, этого будет мало.

Если война — не женское дело, то говорить о разведке, крайне опасном и, как принято считать, мужском деле, и говорить не приходится. Во время работы над книгой мне на глаза попала публикация Валерия Павлова «Женское

лицо разведки», в которой шла речь о женщинах-разведчицах, действовавших в годы войны. Но о легендарной Алимe Абденановой и её группе, которая провела огромную разведывательную работу на Керченском полуострове, была предана и в результате зверски убита, в ней нет ни слова, как, впрочем, и в других книгах о разведчиках. Причин несколько. В результате огульного обвинения всего народа в коллаборационизме с последующей депортацией его с родной земли, последовало замалчивание подвигов крымских татар. Так произошло и с именем разведчицы Алимe, поскольку в документах она значилась как Аня. К сожалению, партийным бюрократам такое недоразумение оказалось на руку. Кроме того, долгое время информация об Алимe и её группе была закрытой, что для их близких превратилось в годы мучительного ожидания. Почти 20 лет оставались непризнанными и не отраженными в официальных документах заслуги Алимe и её разведгруппы после их страшной гибели. Не сохранились официальные документальные подтверждения, а показания свидетелей, периодически всплывавшие то в публикациях, то в отдельных разговорах, никем не брались в расчёт. Из-за тяжёлой бюрократической партийной машины 2-й половины XX века, а, особенно первых послевоенных десятилетий, не так-то просто было открыто свидетельствовать или доказывать само существование в военные годы конкретных фактов подпольной деятельности или событий, где любое слово могло обернуться против тебя самого...

В последние годы, наконец, о нашей национальной легенде Алимe, жизнь которой была яркой и, отделившись от реальной биографии, стала служить одной из опор самосознания народа, стали появляться публикации, изданы книги, вышел фильм.

Важно помнить, что обычные в мирное время люди в дни суровых военных испытаний смогли выстоять, не дрогнуть перед пытками, проявив при этом лучшие человеческие качества: патриотизм, духовную цельность, моральную чистоту, бесстрашие. Ведь ценность любого человека — стар он или молод, с особой силой проверяется в дни больших трудностей и великих испытаний в жизни всего народа.

Подвиг этой 20-летней девушки и её разведгруппы и сегодня не перестаёт поражать своим мужеством, стойкостью, любовью к Родине, к Крыму. Они погибли страшной смертью, защищая будущее Родины. И нам надо использовать любой повод, чтобы писать о них. И помнить...

Путь этот рассказ станет ещё одной страницей памяти о наших бесстрашных героях.

Часть первая

СЕЛО, ВОШЕДШЕЕ В ИСТОРИЮ НАРОДА

«Джермай-Кашик — мое родное село, я здесь родился, здесь прожил всю жизнь, здесь состарился. Пахал землю, пас скот, работал в колхозе. В моём родном селе прошла моя жизнь, здесь встретил старость. Наша деревня — это край изобилия, здесь добывали нефть — джер майы, потому и название у него такое — Джермай-Кашик...»

Так говорил о своём селе его старейшина Батал Мирзаев.

— Наше село богатое, в нем 7 прудов, 5 колодцев, а какие холмы!... Здесь, за Сюрлю-Кая, Маяк-Кая, Джантык-Кая, когда-то копали землю, нашли нефть. Его называли Джермай Каячик — Джемай-Качик, теперь вот Джермай-Кашик...

Любимая деревня, родная степь, Чёрное море служили уроженцам этих мест символическим воплощением свободы, силы, могущества, веры. Родина отождествлялась, пре-

жде всего, с красотами природы и степью. Вольные степи отразились в свободолобивом характере родившихся здесь людей, в степи всё дышит свободой и простором. В степи могут жить только мужественные люди, гордые, сильные, смелые, наделённые широтой души и щедростью сердца, она во все времена была родиной настоящих героев.

Бескрайнее поле... Так выглядит сегодня это село. Трудно поверить, что когда-то здесь кипела жизнь, рождались дети, колосилась пшеница, зрели фрукты, игрались свадьбы. Место, где находилось село, нынче пустует. Сейчас здесь уже ничего не напоминает ни о селе, ни о его жителях. А до войны здесь проживало 272 человека, в том числе 267 крымских татар, трое русских и двое украинцев.

Джермай-Кашик на века вошёл в историю благодаря резиденту разведывательного отдела Отдельной Приморской армии, руководителю Джермай-Кашикской подпольной группы Алиме Абденановой и членам её разведгруппы — Васфие Аджибаевой, Неджибе Баталовой, Абдуракипу Болатову, Сейфедину Меннанову, Джевату Меннанову, Хайрулле Мамбетджанову.

Многовековая история этого и близлежащих сёл закончилась в трагическом 1944-м... Джермай-Кашика, родины настоящих сынов и дочерей Крыма, давно нет на карте Крыма, но память о нём осталась. Его заселили чужие люди, ещё какое-то время оно носило новое название «Слюсарёво», но не восстановилось, пришло в упадок и в 1968 году исчезло из географических карт Керченского полуострова. Так прервалась многовековая история этого села, сохранившаяся лишь в памяти старожилов.

А природа предчувствовала любое изменение в жизни людей, она словно откликалась на их беду. Одинокие деревья, курганы, скальные глыбы, пережившие трагедию самой страшной в истории человечества войны, молчаливо хранят

в себе тайну тех лет, напоминая, что здесь когда-то кипела жизнь.

Именно здесь находилось основное место дислокации разведчиков группы Алиме Абденановой. Через эти места, расположенные рядом с основными транспортными путями, идущими с запада на восток по направлению к Керчи, несколько раз проходила линия фронта. В ряды Красной Армии в 1941-м отсюда было призвано 30 мужчин, из которых 17 человек отмечены как погибшие. В рассекреченных документах, размещённых в отдельных базах данных, можно найти подтверждения этим сведениям.

В ноябре 1941-го сюда пришли германские и румынские войска, а в конце декабря Красная Армия начала Керченско-Феодосийскую десантную операцию. Немцы отступили, но после поражения войск Крымского фронта в мае 1942-го Керченский полуостров был вновь оккупирован. В апреле 1944-го фашисты вынуждены были отступить окончательно. Отдельная Приморская армия преследовала противника, занимая оставляемые им города и сёла Восточного Крыма. Трагические события разворачивались здесь в октябре 1943-го... И, хотя природа ещё пребывала в разноцветных осенних красках, наступил холод — Крым был оккупирован нацистскими войсками. Это было время всеобщей растущей скорби и последних робких надежд.

Сколько надо иметь воли и мужества тем, кто действовал так, как они — жители Джермай-Кашика? Сейчас это невозможно даже представить. Но пока живет легенда о подвиге героев — жива память о них, жива история наших городов и сёл, получивших славу благодаря тем, кто родился в этих местах.

Взрослые мужчины и подросток, женщины с детьми, — они сражались до конца. Патриоты своей Родины, они мужественно и упорно не сдавались, несмотря на страшные пытки, которые придумала им война.

Запомним их имена: Сейфедин Меннанов, вернувшийся раненым с фронта и продолживший борьбу в подполье, его 16-летний брат Джеват, женщины с детьми — учительница Наджибе Баталова, медсестра Васфие Аджибаева, бухгалтер Хайрулла Мамбетджанов, участвовавший в Керченском десанте и защищавший Аджимушкой, председатель колхоза Абдуракип Болатов, назначенный старостой, который был активным подпольщиком. И их помощники, делившие с ними все невзгоды и тяготы — Ревиде Усеинова, сёстры Алимe, Ферузе и Азифе, отец Неджибе Баталовой Батал Мирзаев.

ИХ ИМЕНА ДОЛЖЕН ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ НАРОД

Патриотичной была молодёжь в те годы: целое поколение, жившее не столько своими интересами, сколько интересами своего края, стремившееся получить как можно больше знаний, чтобы принести пользу своему народу, Родине. Поколение романтиков, борцов, оптимистов. Поколение, устремлённое в будущее. Светлое, благородное, мужественное...

Тяжёлой была неравная борьба и полная лишений жизнь тех, кто вёл открытую борьбу против захватчиков. Но едва ли не в самых тяжких условиях приходилось действовать тем, кто вёл с ними тайную борьбу — нашим подпольщикам. Им приходилось всячески скрывать свою ненависть, постоянно притворяться, порой таиться даже от родных и близких людей, вынуждало исполнять обязанности старосты, как это довелось Абдуракипу Болатову. Ему, Неджибе Баталовой, Васфие Аджибаевой, Сейфедину и Джевату Меннановым, Хайрулле Мамбетджанову, вошедшим в состав разведгруппы Алимe Абденановой, надо было сочетать в себе смелость и осмотрительность, решительность и

осторожность, изобретательность и изворотливость. И при этом всегда помнить: если потерпят неудачу, будут выселены или выданы предателем, то их неминуемо ждёт страшный конец — нечеловеческие избиения и зверские пытки, все те изощренные муки, которыми гитлеровские палачи старались «развязать язык» даже самым стойким. Более того — они знали, что такая же участь может постигнуть и их семьи. И все же люди сознательно и смело шли на это.

Живя среди оккупантов и зная, что за ними следит гестапо, что каждый их неосторожный шаг подстерегают явные и тайные пособники врага, они не прекратили своей борьбы. Героические, преданные Родине крымскотатарские подпольщики погибли в смертельном состязании с опытным, мощным аппаратом гестапо и полиции, и, выданные провокаторами и предателями, погибли под пытками, бестрепетно шли на казнь, ничем не запятнав своей совестью.

К сожалению, время ушло, их героическая история ещё остаётся не до конца раскрытой, мало известной народу. Но есть родные и близкие, которые поделились воспоминаниями тех, кого успели застать в живых.

Они действовали в особых условиях: в населённых пунктах Керченского полуострова, где свирепствовал кровавый фашистский режим, где размещались воинские гарнизоны, карательные и разведывательные органы противника. Это требовало от них тщательного соблюдения конспирации, секретности, исключало ведение документации, личных записей, но ведь именно в таких условиях добывали они важную информацию, которая, к сожалению, не нашла отражения в документах. Как и оставались не признанными и не отраженными в официальных документах их заслуги уже после войны.

Советские органы в послевоенные годы долго скрывали тот факт, что группа мужественных крымских татар —

самому младшему едва исполнилось шестнадцать, женщины с детьми, пройдя тяжёлые испытания, перенеся нечеловеческие муки и страдания, не дрогнули перед врагом, не стали на колени, выстояли. В них пытались истребить дух свободы, беззаветную преданность Родине. Но ничто не сломило их волю. Через всю их жизнь наглядно просматривается та особая духовная цельность и моральная чистота, которые свойственны настоящим патриотам — мужественным и вольнолюбивым, бесстрашным и гордым, людям с открытой душой и благородным сердцем.

Разве возможно победить народ, в котором были такие дочери и сыновья, как Алиме и ее разведгруппа? Если женщины и дети безоружными готовы воевать с врагом? Эту самоотверженную любовь к Родине, к Крыму они доказали своими подвигами, ежеминутно подвергаясь смертельной опасности.

НАВСЕГДА ОСТАЛАСЬ 20-ЛЕТНЕЙ

Памятник у дороги

В степи, на трассе Симферополь — Феодосия — Керчь, стоит памятник легендарной Алиме Абденановой. Его установили в память о ней благодарные соотечественники.

На памятнике надписи на двух языках:

Алиме Абденановой —
Славной дочери Крыма

Резиденту разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского фронта и Отдельной Приморской армии руководителю Джермай-Кашикской подпольной группы, кавалеру Ордена Красного Знамени от соотечественников.

Алиме, сен джан берген
Ватаннынъ кенъ коксюнде,
Матем тутты солгъун чёллер,
Къая, дере, озен, гюллер.
Кельген-кечкен саф рухунъа
Бир фатиха окъусын.
Шаирлер де санъа йырлар,
Эм дестанлар токъусын.

Памятник, установленный там, где проживали и работали разведчики из легендарной группы «Дая» на Керченском полуострове, не самый грандиозный. Но для местных жителей, уроженцев этого края (а многих его деревень и сел уже не найти на современной карте Крыма), он самый дорогой. Соотечественники останавливаются у памятника почтить память зверски замученной и расстрелянной гестаповцами разведчицы и ее группы. Одни беззвучно читают молитву, другие молча смотрят на красивое лицо на памятнике, а женщины, смахнув слезу, обнимают своих детей. Они расскажут им о подвиге бесстрашной разведчицы, так же, как и о легендарном лётчике-испытателе Аметхане Султане и многих, многих крымских героев, прославившей свой народ, показавших, как можно любить свой народ, свою Родину, чтобы отдать за это свою жизнь.

Соотечественники не забывают своих героев. Они с огромным уважением, гордостью и почитанием произносят её имя. Время не в силах стереть из памяти людей светлый молодой образ, на все времена Алиме останется легендой, которая во все века будет улыбаться им с мраморной плиты, где всегда живые цветы.

А она девочкой бегала здесь, любила свою родную степь, где ей дышалось особенно легко, свободно. Восхищалась морем, собирала полевые цветы. Здесь, у Петровских каменоломен, в годы Гражданской войны, действовал парти-

занский отряд, который создавал Эюп Каракаев и Сергей Кацелов.

Эюп, родом из этих мест, погиб мученической смертью в застенках деникинцев. Алиме знала историю этого отряда и его командиров и восхищалась их бесстрашием и мужеством. Её всегда привлекали настоящие герои, патриоты, готовые пожертвовать жизнью за родную землю. Его жизнь и подвиг оставили глубокий след в сознании и сердце девочки.

Личное дело резидента советской разведки в Крыму «Сафие». В нём всего 15 листов. В нём — жизнь, отданная за Родину, бесстрашный подвиг, который советская военная разведка многие годы скрывала, и рассекретила спустя целых 64 года — в январе 2008 года. 64 года — жизнь целого поколения, жизнь взрослого человека...

Документы, документы... Со многих разведопераций, которые были в годы войны, гриф «секретно» был снят совсем недавно. За казёнными, скупыми словами: «Родилась в пригороде Керчи 4 января 1924 г., татарка, окончила семилетку» — самоотверженный подвиг, жизнь, в мучениях отданная Родине. Здесь же расписка Алиме о неразглашении военной тайны, комсомольский билет, наградной лист к ордену Красного Знамени. Многие факты из биографии Алиме, показывающие ее неординарность.

За этой обычной характеристикой агента советской военной разведки — жизни спасенных солдат, воевавших за освобождение Крыма, и его мирных жителей.

ОТ КОЛЫБЕЛИ — К БЕССМЕРТИЮ

Будущая разведчица родилась 4 января 1924 года в Керчи в семье Сеит-Османа и Месельме Борасановых. Молодая семья проживала в пятой квартире дома № 4 на Первой подгорной улице. Сама Месельме была родом из деревни

Маяк- Салын, выросла в многодетной семье Ревиде и Асана Усеиновых. В 17 лет Месельме вышла замуж за Сеит-Османа Борасанова из Керчи, работавшего бухгалтером на табачной фабрике им. Месаксуди. В свое время он окончил мужскую гимназию им. Короленко, был образованным, интеллигентным человеком. Когда в семье родился первый ребенок — девочка, которую называли Алимe, для Ревиде ханым это стало самым радостным событием — на свет появилась её первая внучка! Через 2 года родилась Ферузе, в 1929-м — Азифе. Но счастье было недолгим: в 25 лет молодая мать умерла от тифа, через год скончался и отец, дети остались сиротами. Всех взяла на воспитание мать Месельме Ревиде ханым, заменив им мать и отца.

У Алимe была простая, ясная довоенная жизнь в окружении родных людей. Даже оставшись сиротой, она, как и её сестры, была окружена любовью и заботой в семье своих близких людей. Девочки, которые почти не помнили свою маму, называли мамой бабушку, а она отдавала им всё тепло своего сердца, став самым дорогим человеком.

В доме Ревиде ханым царил тот довоенный уклад, который был присущ крымскотатарским семьям, с уважительным отношением друг к другу, почитанием старших. Соблюдались национальные традиции, обычаи. Она прививала детям тягу к учебе, они и сами стремились получить образование, профессию.

Алимe успевала помогать по дому и отлично учиться в русской школе № 7 им. Горького в Камыш-Буруне. Одноклассники и друзья называли её Аней. В 1940-м, как и все советские юноши и девушки, вступила в комсомол. Её, жизнерадостную и отзывчивую, любили и сверстники, и взрослые. Она много читала и пыталась писать о своих мечтах, о Крыме. Старалась жить и работать так же, как и Ревиде ханым и её близкие, которые пользовались среди односельчан особым уважением, и многие на них равня-

лись. Помогала во всём бабушке, в свободное время ухаживала за цветами, которые любила, хорошо в них разбиралась, знала их названия. Как же хорошо ей было в родном Крыму!

Но с войной детство ушло. Некогда было играть, учиться, надо было помогать Ревиде ханым растить младших сестёр, — ведь все легло на плечи пожилой женщины.

Алиме хорошо владела русским языком, поэтому после окончания школы в 1939-м году была принята на работу в Узун-Аякский сельсовет Ленинского района секретарём. Через год исполнительную работницу назначили заведующей общим отделом Ленинского райисполкома. Общительная, доброжелательная, она быстро освоилась в новом коллективе, ответственно и добросовестно исполняла обязанности, в каждое порученное дело вкладывала свои силы и душу. Алиме хорошо понимала, что ее работа — часть общей задачи.

Не по годам мудрая, серьёзная, Алиме Абденанова решала многие вопросы, которые требовали скорого решения, пользовалась уважением как у руководства, так и у местных жителей, которые нередко обращались к ней со своими наболевшими проблемами. Была избрана комсоргом райисполкома, а Ревиде ханым, Исмаил ага радовались её успехам. По решению комсомольской организации лучшие выпускники местных школ отправлялись на учебу в вузы Крыма. В столице функционировали медицинский, педагогический, сельскохозяйственный институты, ряд техникумов и училищ. Алиме подписывала рекомендации направлявшимся на учебу комсомольцам. Она и сама мечтала поступить в институт, ведь когда началась война, ей исполнилось всего 17 лет. Вся жизнь впереди...

Война разрушила все мечты. Это было так не похоже на вчерашнее, привычное, казавшееся таким прочным. Люди не знали, что все, о чём они думали и хлопотали, чему радо-

вались и о чём переживали в это чистое июньское утро, было не таким важным, как им казалось: началась самая страшная в истории человечества война. Иные мерки возникли для понятия доброты, подвига, жестокости, любви. Величайшему испытанию подвергались отношения между людьми. Вставали те сложные моральные задачи, которые приходилось решать каждому человеку. Мы узнаем о необычайных примерах крепости духа, благородства, исполнения долга, но и о неслыханных страданиях, мучительных лишениях, смертях...

Вначале на фронт ушёл Муедин Абденанов, который стал политруком одной из воинских частей в Крыму. Во время войны всё было подчинено фронту, местные комсомольцы провели субботник, перечислив для его нужд заработанные деньги. Аlime участвовала в переселении жителей из опасных мест на окраину, выполняла важные задания. Она подала заявление с просьбой отправить ее на фронт, но получила отказ.

Работая в Ленинском исполкоме, она всё же нашла время и встретила с Ревиде ханым, Ферузе и Азифе. Вечером собрались родственники — жена Муедина Неджибе с детьми Рустемом и Ленурой, Батал къартбаба. Рассказали о последних событиях. Неджибе с горечью поведала о том, как немцы измываются над местным населением, грабят, отнимают имущество, жестоко расправляясь с теми, кто им не подчиняется. Батал къартбаба с сочувствием относился к Ревиде ханым. Сказав о том, как ему дорого его родное село Джермай-Кашик, тяжело вздохнул. В наступившей тишине каждый подумал о том, что не отдадут врагу родное село, свою родную землю.

В начале ноября 1941 года фронт приблизился к ст. Семь Колодезей — Еди Кую. Началась эвакуация. Аlime было поручено с важными документами райисполкома поехать в Темрюк, затем в Краснодар. Там, после передачи этих

документов сотрудникам Наркомата внутренних дел, Алимe поступила на работу контролёром-учётчиком на завод «Октябрь». Чтобы быть полезной фронту, окончила курсы медсестёр, ухаживала в госпитале за ранеными.

16 ноября 1941 года Восточный Крым был захвачен немецкими войсками.

26 декабря началась Керченско-Феодосийская десантная операция. На Керченский полуостров, в Феодосию высадились десанты. Всего на захваченную ранее противником территорию Крыма до 31 декабря 1941 года было переброшено около 42 тысяч солдат и офицеров, артиллерия и танки. Эта крупная десантная операция прошла успешно. В конце февраля 1941-го советские бойцы освободили Керчь, Феодосию и в Ленино прибыло руководство райисполкома.

Вернулась и Алимe. Исполкому необходимо было восстановить управление районом, наладить производство и обеспечение войск Красной Армии. Работа Алимe в Ленино продолжалась недолго. В мае 1942 года на Керченском полуострове вновь начались тяжёлые бои.

Советские войска, своевременно не подготовившиеся к обороне полуострова, понесли большие потери и под давлением превосходящих сил противника вынуждены были второй раз покинуть Керченский полуостров. Вместе с администрацией Ленинского района Алимe Абденанова снова выехала в Краснодар, затем в Сочи. На одном из переправочных средств в числе тяжелораненых был перевезён в Краснодар и политрук Муедин Абденанов. 16 сентября 1943 года Северный Кавказский фронт освободил Новороссийск, на подходе — Таманский полуостров, оттуда немцы могли отступить только в Крым.

Враг отступал, сжигая за собой города и села, вешая и расстреливая его жителей. При виде такой жестокости в Алимe росла жгучая ненависть к фашистам.

«...ОТПРАВИТЬ В РАЗВЕДКУ ЧЕЛОВЕКА ИЗ МЕСТНЫХ, КРЫМСКИХ ТАТАР»

Для разведотдела штаба Отдельной Приморской армии территория посёлка Ленино у железнодорожной станции Еди Кую — Семь Колодезей оставалась сложной, не охваченной советской разведкой, несмотря на продолжающуюся третий год войну, тогда как для Красной Армии полуостров имел важное значение. Необходимы были также данные о немецких оборонительных сооружениях, которые были размещены на побережьях Арабатского и Казантинского заливов и в прилежавшем к ним районе от села Кыят (ныне Уварово) до села Ойсул (Останино).

По данным историка Владимира Лота, в Крым периодически направляли разведчиков, но эти попытки не имели успеха: пропала без вести разведгруппа «Стальной», направленная в район Джанкоя, исчезли разведчики Алексей Моисеев, Степан Какуркин, Михаил Белов и Иван Яковлев. Неудачно закончилась заброска в тыл противника разведывательно-диверсионной группы «Петров» в составе разведчиков Павла Машкова, Павла Борисова и Владимира Миловзорова, которая была захвачена немецкой контрразведкой и расстреляна. По неизвестным причинам на связь с Центром не вышли разведывательные группы «Чёрный» и «Фадеев». Разведчасть Отдельной Приморской армии в Краснодаре решила направить на полуостров разведчика из числа крымских татар. Так было принято решение организовать разведывательную группу «Дая» в Джермай-Кашике.

Выбор пал на Алиме Абденанову: умная, ответственная, исполнительная, учитывалось её желание идти на фронт, была комсомолкой, и, что немаловажно, девушка была родом как раз из тех мест. Летом 1943 года Алиме работала в тыловом госпитале Сочи, когда ей было предложено

пройти подготовку в разведшколе и отправиться в тыл противника. Её вызвали в разведчасть Приморской армии в Краснодаре, и подполковник Н. Трусов (Захаров), поговорив с ней, предложил:

— Учитывая ваше желание ехать на фронт, мы хотим вам предложить работу в разведке.

Когда Алиме дала согласие, сказал:

— Информацию о местах дислокации врага, местах передвижения немецких войск в Крыму смогут предоставить только разведчики, которые будут работать в тылу врага. Собранные сведения будете высылать нам 2 раза в неделю. Подберите надёжных людей, чтобы довести дело до конца.

Как писал известный деятель культуры, фронтовик, автор повести «Ватан кызы» («Дочь Родины») Аблямит Умеров, она превосходно знала родные места.

У карты Крыма он попросил её назвать железнодорожные станции Керченского полуострова. Алиме быстро перечисляла:

— Кызыл Кую, Ойсул, Ташлы Яр, Салын, Керчь, Ак-Монай, Владиславовка.

— Верно. А теперь название деревень около Джермай-Кашика.

— На севере: Чукул, Сундук-Ой, Мескечи, Аджи-Эли. На востоке: Карамыш-Кельчи, Аскар-Бешкуй, Темеш, Дейре-Салын, Сеит-Эли, Кош-Кую, Такыл-Чумаш, Султановка, Пьялы-Сарай, Карлы-Сырт. На юге: Аргын-Тебечик, Мамат, Тайгуч, Чалтемир, Коп-Кыпчак, Кары, Коп-Алчин. На западе: Кара-Кую, Ходжалар, Кенегез и др.

Подполковник похвалил Алиме и сообщил приятную весть том, что её близкие находятся в Джермай-Кашике, куда она направляется.

Её деятельность началась под другим именем.

— Буду называть вас Аней. Впредь должно быть так.

Велел сдать комсомольский билет, ей выдали новые документы. В одном из них значилось: Аня едет с территории Кубани, где ныне проживает, в родные места, к родственникам.

Радисткой была назначена Лариса Гуляченко с позывным «Стася», «Гордая». Подполковник рассказал девушкам их «легенду»:

— Вы работали на Кубани, на швейной фабрике ст. Старо-Титоровка. Там подружились. Аня едет в Крым, к родным, а Лариса поедет в Воронеж, когда откроется дорога.

Пожелав счастливого пути, их отправили в разведку.

Так начался героический путь нашей крымской легенды. В свои 19 лет осознанно пошла на самую трудную работу — в военную разведку. Патриотизм, доведённый до самопожертвования, был тогда обычной нормой жизни для многих наших соотечественников, и первые среди них — разведчики из группы Абденановой.

Природная смелость, ум, мудрость помогли Алиме стать руководителем разведгруппы. Ей многое было по плечу, она всё быстро усваивала. За 2 месяца прошла курсы разведки (краткосрочные, ввиду военного времени), научилась многому: методам вербовки агентуры, шифровальному делу, мерам предосторожности при организации сеансов радиосвязи, прошла парашютно-десантную подготовку, изучила требования конспиративной работы разведгруппы. Она училась добывать информацию, запоминать, анализировать. Её подробно инструктировали, посылая на это опаснейшее задание даже для опытных разведчиков.

Она знала наизусть все пароли и отзывы, старалась узнать и запомнить всё, что могло ей понадобиться, и узнала многое, кроме одного: как сохранить, как сберечь жизнь свою и близких людей, когда опасная подпольная деятельность станет реальной угрозой для жизни?..

Ей многое пришлось испытать уже в начале пути. От второго парашютного прыжка, который она сделала в ту роковую ночь, приземлившись в родных краях, зависела судьба разведывательного задания.

ЖИЗНЬ ПОД ДРУГИМ ИМЕНЕМ

Операцией по заброске разведчиков в тыл противника руководил лично генерал-майор Николай Трусов, который и принимал решение о создании этой разведгруппы. По данным историка Владимира Лота, офицеру было известно, что вскоре начнется операция советских войск по освобождению Крыма от немцев, поэтому разведчикам надо было действовать в Ленинском районе не более 6 месяцев.

Тем временем, обстановка на Керченском полуострове становилась сложной, напряжённой, здесь активно действовала немецкая контрразведка. И в таких сложнейших условиях предстояло работать разведгруппе «Дая». Эти оставшиеся до освобождения полуострова месяцы были наполнены невероятными трудностями, опасностями, однако, несмотря ни на что, разведчики должны были выполнить задание командования Отдельной Приморской армии.

Алиме и радистка с тревогой и волнением ожидали назначенного дня — 2-го октября 1943-го года. С закрытого военного аэродрома в Краснодаре Алиме Абденанова и Лариса Гуляченко вылетали в Крым для выполнения боевого задания.

Было темно, дождливо и ветрено. Ветер доносил запах спелых яблок, казалось, будто везде тихо, спокойно. У каждой девушки за плечами был вещевой мешок, в котором находились личные вещи, а сами они, похожие на двух девушек-подружек, будто направлялись к родственникам, проживавшим на оккупированной немецкими войсками

территории. Одна следовала на станцию Джермай-Кашик, вторая — в Воронеж. Алимe хорошо понимала, что ожидает её там, где сейчас гибнут люди... Самолёт ПО-2, пролетая над Азовским морем, стал снижаться. Алимe первой бросилась в ночную темноту, приземлившись среди скал близ деревни Ташлы-Яр (ныне Зеленый Яр). Земля приблизилась слишком быстро, коснувшись её ногами, она не удержала равновесия, упала и сильно ударилась о выступ горной породы. Попыталась встать, но из-за сильной боли в правой ноге не смогла. Превозмогая боль, Алимe подтянула парашют. Вдруг со стороны моря послышались немецкие голоса. Вытащив пистолет, Алимe держала его наготове. Осмотрев прибрежную полосу, немцы ушли. Подавая знаки Ларисе, Алимe стала хлопать в ладони. Та приземлилась, через некоторое время отозвалась хлопками. В темноте разведчицы закопали парашюты.

Они оказались в 2–3 км от деревни Джермай-Кашик, которая находилась среди холмов, окружённая тополями и акациями. Перешли железную дорогу, но Алимe из-за боли в ноге идти было трудно. Когда рассвело, сказала Ларисе:

— Ты пойдёшь одна, дойдёшь до мечети. Увидишь здание школы. Перейдёшь на другую улицу, в последнем доме живёт Абдуракип Болатов. У него спросишь, как найти Ревиде Усеинову. Объяснишь всё, мама все устроит. Иди, удачи тебе.

Увидев мужчин у дома Батала Мирзаева, Лариса спросила, как найти Абдуракипа Болатова. Мужчина в немецкой форме отозвался и пригласил войти в дом. Когда Лариса ему передала слова Алимe, попросил знакомого позвать фельдшера Васфие, после чего поехали за Алимe.

А тем временем она, ожидая их, любовалась полевыми цветами, собрала букет из нивяника, вдохнула аромат. Запах родины, запах детства. Вспомнила то беззаботное

время, когда гуляла в степи с подругами, собирая цветы. Они всегда вызывали у неё искреннее восхищение своей свежестью, нежностью красок, чарующим запахом и первозданной красотой. Подростками, они делали из них бусы, плели венки. Когда над головой весело зачирикал воробей, Алиме и вовсе забылась. Война, тревоги, трудная и опасная работа, которая ожидала ее, отошли куда-то, остались только эти просторы, неописуемая красота, мирное чирикание птиц, цветы...

С начала войны она успела побывать во многих местах — в Тбилиси, Моздоке, Армавире, Краснодаре, Сочи, но родные места, пение степных птиц, мирно переливающих свои трели, так замечательно вписывающиеся в этот знакомый до боли ландшафт, придавал им нечто особое.

Из забытья и приятных воспоминаний её вывела показавшаяся за холмом линейка Абдуракипа. Кроме радистки, в ней сидела ещё одна женщина. После приветствий, мужчина представил:

— Я привёз тебе фельдшера. Знакомься, это наш доктор Васфие.

Фельдшер хотела осмотреть Алиме здесь же, но девушка попросила сделать это дома.

Не передать словами, как замирало сердце Алиме в предвкушении встречи с близкими, когда она подъезжала к родным местам.

Ревиде ханым и младшая сестра Азифе проживали у родственников — братьев Сейфедина и Джевата Меннановых, сестра которых, учительница Неджибе Баталова, была женой сына Ревиде — Муедина. Ревиде с радостью встретила Алиме. Она не задавала ей вопросов, с улыбкой наблюдая, как искренне рады встрече Алиме и Азифе, и сожалея, что Ферузе сейчас живёт у Эмине в соседнем селе Карангыт. После приветствий, расспросов о здоровье, жизни, Алиме и

бабушка уединились. Алимe с детства ничего не скрывала от неё и сейчас всё ей рассказала.

— Алимe, ты взяла на себя ответственное задание, да поможет тебе в этом Аллах, — сказала бабушка. Воспитывая детей истинными патриотами своей Родины, своего народа, она не сомневалась, что внучка поступила правильно.

Она приняла в свой дом и Ларису, которую Алимe представила как Стасю. И добавила, что та вскоре отправится в Воронеж, где живут её родственники. 3 октября 1943-го началась работа разведывательной группы «Дая» в тылу противника. История крымскотатарских разведчиков скреплена их общей деятельностью, они оперативно снабжали фронт информацией о характере и системе оборонительных сооружений, дислокации войск, штабов, скоплении живой силы и техники врага. В личном деле резидента значится, что «Аня» смогла организовать обширную разведывательную сеть — группу «Дая», состоявшую в основном из её ближайших родственников: Абдуракипа Болатова, Хайруллы Мамбетджанова, Неджибе Баталовой, Васфие Аджибаевой, братьев Сейфедина и Джевата Меннановых и их помощников — Ревиде Усеиновой, Батала Мирзаева др. Были задействованы и младшие родственники: никто не догадывался, что маленькая девочка выполняла ответственное поручение: во время сеансов радиосвязи Азифе выходила во двор и, заметив чужаков, мела улицу так, что пыль стояла столбом — это был знак опасности для радисток.

Боль в ноге Алимe ещё не проходила, когда 5 октября она с радисткой вышла к тайнику, где хранилась радиостанция, и, составив из первых донесений радиограмму, отправила в Центр. «5.10. В 9.35 на Керчь отправлен эшелон из 12 пустых вагонов. В 12.30 на Феодосию ушёл эшелон из 23 вагонов. Немцы- автоматчики. В 14.00 на Феодосию проследовала 51 подвода с боеприпасами под охраной двух

немецких солдат». И подпись — позывной Алиме «Сафие». Как рассказала автору близкая родственница Абденановых Несибе Борсеитова, она часто видела, как Алиме, в целях конспирации завернув рацию, словно ребенка, качала её на руках, ожидая сеанса связи. То, что качала она рацию, Несибе ханым поймет уже позже...

Алиме часто меняла место нахождения передатчика. Полная тезка Алиме Абденановой рассказывает, как разведчица велела ей и другим детям во время сеанса бегать, шуметь, кричать, пока они со «Стасей» проводили сеанс связи.

Историк Айше Сеитмуратова, уроженка соседней деревни, вспоминает: когда Алиме появилась в Джермай-Кашике, она попросила её тётю уехать в Аджи-Эли, к Сеитмуратовым.

— Тётя послушалась, и с тремя детьми приехала к нам, а в её доме на чердаке подпольщики установили рацию для передачи в Центр добытой разведывательной информации.

Разведчики вели круглосуточное наблюдение за железной дорогой и шоссе. Передачи также велись с расположенной недалеко от села Скалистой горы.

В 1943 году в Крыму обосновалась 17-я немецкая армия, которой командовал генерал-полковник Енеке. Эта армия, изгнанная из Таманского полуострова и обосновавшаяся на Крымском, несмотря на потери, была мощной и достаточно боеспособной, на неё была возложена задача до последней возможности удерживать Крым. Гитлеровцы создали мощные оборонительные рубежи.

В состав 17-й армии входили 5 немецких и 7 румынских дивизий, всего 195 тысяч солдат и офицеров. Крымскую группировку немецких войск поддерживали корабли немецких военно-морских сил. Германское верховное командование планировало, что 17-я армия должна была сыграть

важную роль в ходе дальнейших боевых действий на Керченском полуострове. В городах и сёлах Крыма Енеке ужесточил режим, приказал усилить борьбу против партизан. Те, кто нарушал установленный фашистами порядок, подвергался строгим наказаниям. С первых же дней оккупации Крыма здесь расположились несколько специальных команд немецкой военной разведки, деятельностью которой руководил адмирал Канарис.

81 РАДИОГРАММА В ЦЕНТР

Алиме была истинной патриоткой Родины, решительной, бесстрашной девушкой, отважной подпольщицей, она отличалась твёрдостью убеждений, умением вселять уверенность в других. В ней сочеталось всё, что было необходимо для этой работы: она была сильной, одарённой личностью. Надо признать, личностью уникальной... Сочетание времени и места рождения, обстоятельств, ситуаций. Она была щедро наделена обострённым чувством справедливости.

Крымскотатарские разведчики под её умелым руководством работали на полуострове около 5 месяцев — срок по тем временам небывалый. На Большую землю беспрестанно шли радиогаммы — результат важной и труднейшей работы Джермай-Кашикской подпольной организации. Руководствуясь этими сообщениями, советская армия наносила сокрушительные удары по немецким военным объектам, бомбила места дислокации эшелонов, крупных воинских частей, их живую силу и технику. Радиогаммы шли в Центр почти каждый день вместо одной в неделю, как оговаривалось ранее. Используя данные только одной шифровки, советские бомбардировщики уничтожили 42 вагона с живой силой противника. О характере и важности переданных Алиме Абденановой радиогамм можно судить по отдельным из них.

Уже 5 октября «Сафие» вышла на связь, сообщив о переброске гитлеровских войск через железнодорожную станцию Еди Кую — Семь Колодезей.

7 октября «Сафие» сообщала: «6.10. На Феодосию: эшелон из 23 вагонов. Немцы, румыны с винтовками и 4 паровоза. 60 велосипедистов — немцы с автоматами. Следом — 5 противотанковых пушек на мехтяге, 12 крытых автомашин, 31 подвода с катушками телефонных проводов». Передатчик резидентуры «Дая» выходил в эфир ежедневно, порой не раз в день. Вечером 7 октября в Разведотдел штаба армии поступило еще одно донесение от «Сафие»: «6.10. На Керченском полуострове войска не задерживаются. Оборонительных работ нет. Идёт эвакуация населения на 20 километров от побережья. По слухам, войска укрепляются на Южном берегу Крыма и с. Ак-Монай. Остаётся большинство румын». Сообщалось о перебросках войск, количестве эшелонов, проходивших через железнодорожную станцию, о войсках, перебрасываемых по шоссе на Керчь и в Феодосию, о количестве проходивших танков, артиллерийских орудий и строительстве оборонительных укреплений. Сведения были конкретными.

Алиме обладала большими организаторскими способностями, непреклонной волей, находчивостью и, видимо, она привлекала к работе надёжных местных жителей, которые ежедневно, незаметно для немецкой охраны, также следили за переброской войск через железнодорожную станцию и по шоссе, которое вело от Джанкоя к Феодосии и Керчи.

11, 12 и 13 октября сообщила в Центр новые сведения о перебросках немецких и румынских войск через железнодорожную станцию Еди Кую — Семь Колодезей и по шоссе на дороге. 11 октября в Разведотдел штаба армии из Джермай-Кашика поступило донесение, в котором сообщалось: «Сведения от осведомителя-полицейского: на днях

весь Керченский полуостров очищается от населения, оставшихся признают партизанами. Сообщите, как действовать». Несмотря на резко осложнившуюся обстановку в районе действий разведывательной группы, «Сафие» 12 октября докладывала в Центр: «10 октября в 16.00 на Феодосию проследовал эшелон: 42 вагона, 8 зениток, 6 дальнобойных орудий и 12 автомашин». 13 октября Алиме сообщила о том, что вновь на Феодосию проследовал горно-стрелковый батальон, 30 связистов, около 100 санитаров, строительные машины и материалы. Как отмечает В. Лота, сведения, полученные от «Сафие», в Центре были использованы для донесения командованию армии об активном укреплении противником оборонительных рубежей в районе феодосийского побережья и в Керчи. При этом генерал Н. Трусков внимательно следил за работой резидентуры «Дая», оказывая Алиме помощь советами и рекомендациями.

А в Центр от неё непрерывно шли радиogramмы:

«На станцию Ташлы-Яр прибыл эшелон с румынскими и немецкими солдатами. Выгруженные из вагонов крупные пушки, ящики с минами и снаряды перевозятся в село Мескечи. Идёт подготовка к защите Азовского побережья».

«Продовольствие, боезапасы, перевозимые по Феодосийской трассе, выгружаются в Дёрт-Кульские каменоломни. Объекты огораживаются колючей проволокой».

«В русском и болгарском селах Узун-Аяк разместились батальоны немецких автоматчиков. В тени деревьев спрятались мотоциклы».

Сходя в Камыш-Бурун, которое буквально кишело гитлеровцами, Алиме дала еще одну важную радиogramму: «В Камыш-Буруне находится десант, приблизительно до 2 тыс. человек. Сосредоточен в одном месте, ждёт подкрепления. С берега Чёрного моря к востоку движется многочисленная армия. В деревне Мескечи скопились немецкие солдаты. Много замаскированных пушек. Сафие».

На железнодорожных вокзалах Керченского полуострова обычно было много народу, рядом со встречающими здесь продавали или обменивали свой товар жители деревень. Побывав на станциях Ойсул, Ташлы-Яр, Салын, Алим Абденанова отправила в Центр радиogramму такого содержания: «Два взорванных железнодорожных моста восстановлены. Вся железная дорога от Ойсула до Керчи заминирована. На Ойсульском карьере стоят прибывшие из Ташлы-Яра 240 пустых вагонов. Дальнобойные пушки перевезены на станции Салын. Всё население мобилизовано на оборонительные работы линии Арма — Эли — Семисотка — Ак-Монай».

А задания — сложные и опасные, продолжали поступать из Краснодара. Вслед за последней радиogramмой пришла очередная: «Изыщите возможность разведать скопление солдат в окрестности Палапана, Султановки, Марфовки, Чокула, Чалтемира, Баткыра, их мощь и боеспособность». Разведчики, разделившись, изучили места нахождения штабов, цистерн с топливом, складов в этих деревнях.

«Радиogramма № 16 от 19.10.43. г. В деревне Семь Колодезей — штаб третьей румынской пехотной дивизии. Здание штаба выделяется цинковой крышей — 200 метров от шоссе к северу, 400 метров юго-западнее железнодорожной станции Семь Колодезей, за школой — склад горючего...».

С 26 по 31 октября Алим Абденанова отправила 8 радиogramм — с № 18 по № 24, работая день и ночь. Работа, которая становилась все опаснее, стала беспокоить и пугать Гуляченко. «Эта работа нас когда-нибудь выдаст», — сетовала она.

Кто знал, что пройдёт совсем немного времени, и она выдаст всю группу...

Алим Абденанова старалась её успокоить, но для надёжности, чтобы радистка не видела возвращающихся с заданий разведчиков, переселила её к Неджибе Баталовой.

4 ноября «Сафие» передавала: «По слухам, в Камыш-Буруне высадился десант, минимум 2000 человек. Десант не разбит. Ожидают подкрепление. По берегу Чёрного моря к востоку идет много войск. В деревне Мескичи скопление немецких войск и много пушек».

Вечером отправила в Центр еще 2 радиogramмы, в которых сообщала о том, что обстановка в Джермай-Кашике становится опасной. Стали возникать разговоры о том, что Алиме в 1942-м выехала в Краснодар, и её появление в селе вызывает подозрение: не помогает ли она партизанам? Об этой тревожной новости ей сообщил Абдуракип Болатов, призвав быть осторожнее. В 27-й радиogramме шла речь о том, что штаб 3-й румынской пехотной дивизии «перевброшен в деревню Кенигез. Дивизией командует генерал Мачулисский».

Сейфедин Меннанов, сходя в деревню Марфовка, принёс оттуда 6 мешков зерна и поведал, что там стоит военная немецкая часть, а в местной школе расположился гитлеровский штаб.

В эту же ночь в Центр об этом было сообщено в 28-й радиogramме.

На железнодорожную станцию селяне выходили, чтобы обменять вещи на продукты питания, были и такие, кто встречал эшелоны. Среди них можно было встретить и жителей Джермай-Кашика. На этот раз Алиме, сходя в железнодорожные станции Ойсул, Ташлы-Яр, Салын, вернулась, заметив, что «женскую одежду ни на что не обменяешь», послала 29-ю радиogramму такого содержания: «Два взорванных моста восстановлены. С Керчи до Ойсуды вся железная дорога заминирована. Готовятся взорвать ее при помощи электричества. На карьере Ойсуды стоят 240 пустых вагонов, прибывших с Ташлы-Яра. Местное население деревень Арма-Эли, Семисотка, Ак-Моная и близлежащих окрестностей мобилизуют на военную службу».

В селе время от времени останавливались немецкие, румынские солдаты, которые через некоторое время уходили. Вскоре пришла немецкая часть, солдаты заполнили школу, расположенную у кладбища. Обследовав дома, искали подходящее для офицеров жилье. Осмотрев дом Абденановых, где проживало 9 человек, ушли, сказав, что «условий для проживания нет».

С той поры, как в селе обосновалась немецкая рота, работа разведгруппы Алиме гораздо усложнилась. Когда ей нужно было отправить очередную, 31-ю радиogramму, попросила Ревиде ханым принести воду с колодца, расположенного у скалы Джантык кая. Сестре Азифе велела стоять во дворе так, чтобы видеть ее. Девочка знала, что, если к дому направится кто-то из посторонних людей, Ревиде ханым с ведрами, полными водой, подойдет к дому. Азифе, заметив ее, сообщит об этом Алиме, которая в доме работает с передатчиком. Так они помогли ей отправить очередную радиogramму.

Когда Центр поручил Алиме разведать обстановку в селах Палапан, Султановка. Марфовка, Чокул, Чалтемир, Баткыр, разведчики побывали там, разузнав расположение военных частей противника, штабов, военной силы, военных складов.

Центр интересовало село Султановка, и в это селение на разведку пошла Васфие с дочерью Улькер, которая с огромным риском, но всё же добыла нужную информацию.

26 ноября резидент дала радиogramму: «Район Султановки окружён патрулями, объявлен запретной зоной. Там штаб немецкой армии...». И следом ещё одну: «Согласно данным, в Султановке находятся штаб 17-й немецкой армии, главный лазарет, 6 дальнобойных пушек», а 3-го декабря передала в Центр 41-ю радиogramму: «С востока в с. Палапан прибыли румынские артиллеристы, 12 дальнобойных и 6

зенитных пушек. В с. Ново-Николаевка с востока прибыло 30 крытых автомашин и 6 танков средней величины».

Затем «Сафие» в очередной раз вышла в эфир и сообщила о том, что «в районе Марфовки выявлен центральный румынский склад продовольствия и горючего, около роты румын и 3 зенитки». В те дни, в ноябре 1943-го, Алиме была представлена к награде. В наградном листе отмечалось: «На работу в разведорганы тов. Абденанова пошла добровольно. Пройдя подготовку, она со своей напарницей — радисткой Гуляченко направилась в тыл противника. Работая в непосредственном расположении боевых порядков войск противника, разведала характер и систему оборонительных сооружений на Керченском полуострове, установила дислокацию и расположение частей и штабов противника в районе Семь Колодезей и в других селах. В момент отхода частей противника с Таманского полуострова точно ориентировала командование о направлении движения противника. Указывала цели для бомбёжки нашей авиацией: места нахождения ж. д. эшелонов, крупное скопление войск и техники, точно ориентируя на местности. В дальнейшем, работая в тяжёлых условиях, в момент эвакуации с Керченского полуострова мирного населения, не раз, рискуя жизнью, ежедневно разведывала перевозки войск и войсковых грузов по железной дороге Керчь — Владиславовка — Феодосия — Джанкой, а также перевозки войск автотранспортом в направлениях Керчь — Феодосия, Керчь — Джанкой».

Завершалось представление к награде словами: «Тов. Абденанова Алиме — преданная дочь Советской Родины и достойна правительственной награды — ордена Красного Знамени».

Такой же награды была удостоена и Гуляченко, предательство которой стало причиной гибели крымскотатарских разведчиков.

Радистка тем временем продолжала жаловаться Алиме, что их работа опасна, говорила о том, что постоянно испытывает страх:

— Боюсь, поймают нас, расстреляют! Очень боюсь, аж сердце разрывается от страха.... Боязно продолжать это дело, по ночам снятся страшные сны.

На что Алиме отвечала ей:

— Если ты так будешь паниковать, то нанесёшь вред нашему делу. В таком случае я сообщу в Центр, что отстраняем тебя, пусть присылают другую радистку. Что скажешь, ты согласна?

— Нет, нет, не надо, не согласна. Я продолжу работу, — заверила «Стася», будто пожалев о сказанном.

Алиме согласилась.

— Хорошо, в таком случае пусть этот разговор останется между нами. Но чтобы я больше не слышала таких слов. Лариса, ты думаешь те, кто пошёл на страшный бой, на верную смерть, — они не боятся? Геройство в том, чтобы побороть в себе страх, идя навстречу опасности. Вот мы, ты и я, поклялись до последней капли крови защищать свою Родину. Мы — живые люди, и нам ведомо, что такое страх, но мы должны оставаться верными священной клятве. Скоро Красная Армия освободит нашу землю от врага, и мы тоже боролись против него. И тогда будем радоваться, разве что-то может быть счастливее?!

Тем временем приближалась холодная зима. На Керченском полуострове нередко холодные ветры. Зимой температура опускается до 30 градусов мороза, просёлочные дороги леденеют, движение на дорогах приостанавливается. Мало кто в такую погоду выходил из дому, но разведчики продолжали работать.

7 декабря 1943-го над Эльтигеном был сбит самолёт, Алиме поручили узнать о судьбе экипажа. Задания и операции становились опаснее.

В эти дни — 10-го, 16-го, 24-го, 30-го декабря она оправила с № 42 по № 45 важные радиোগраммы.

Тайная полевая полиция ГФП-312 начала поиск разведчиков.

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНАЯ РАБОТА

Зима в январе 1944-го на полуострове была суровой, по ночам морозы достигали 30 градусов, дули сильные ветры. Снега выпало много. Несмотря на такие суровые условия, когда приходилось в мороз идти пешком в другие села, разведчики работу не прекращали ни на один день, продолжая собирать сведения.

В этот напряжённый период резидентура «Дая» продолжала сообщать: «14.01.44 г. На аэродром Багерова в транспортных самолётах прибывают войска... 13.01. по шоссе в сторону фронта прошло 8 автомашин со снарядами...».

На станции Семь Колодезей Алиме установила связь с дежурным по станции Е. Ивановым, сцепщиком вагонов А. Ачкаловым, которые были связаны с Семиколодезянской патриотической группой.

Земляки поддерживали группу молодой радистки, комиссар Восточного соединения партизанских отрядов Крыма Рефат Мустафаев, до войны занимавший пост секретаря обкома партии, не раз интересовался, как действует разведгруппа Алиме, какая помощь ей нужна...

А тем временем отступающая из Тамани на Керченский полуостров фашистская армия укрепляла линию обороны. Однако по радиограммам подпольщиков лётчики 210-го авиационного полка бомбили склады боеприпасов, эшелоны, военную технику, железные дороги и мосты, места скопления противника.

Далее Алиме сообщила в Центр о том, что противник произвёл «минирование отдельных участков железной дороги,

население ближайших деревень мобилизовано на строительные работы, производится укрепление оборонительных рубежей на линии Арма-Эли, Семисотка, Ак-Монай». Насколько важным и опасным было то, что делала группа «Дая», свидетельствуют указания, которые шли с «Большой земли»: еще в ноябре 1943-го «Сафие» получила сообщение о том, что «если подозрения окружающих вызовут угрозу, спрячьтесь. перейдите на нелегальное положение. Но работу продолжайте».

Работа на передатчике являлась постоянным источником опасности. Фашистское командование догадывалось, что где-то действуют советские разведчики. Вблизи Керчи оно использовало радиопеленгатор, но ничего не добилось.

В январе-феврале резидентура «Дая» продолжала действовать, направив в Центр 42 радиогаммы, содержащих важные разведывательные сведения. Из донесений в феврале 1944-го: «С запада в Курман-Кемельчик на самолетах доставляются солдаты. Оттуда они поездом едут в Керчь и Красный Перекоп. На станции Симферополь стоят 40 паровозов. Часть из них увозят в Джанкой, а часть в Севастополь...».

В один из дней при попытке передать очередную радиогамму, рация из-за закончившегося питания не заработала. Аlime направила радиогамму с просьбой выслать питание для рации. «...Район — 2 км на запад от Кашика. Ориентир — один мигающий костер. Время: между 23 и 24 час. Ждем самолет во все безоблачные ночи».

Вместе с Абдуракипом Болатовым Аlime отправилась к связному «Отважному» в Старый Крым. Тот велел ей выйти за деревню в 2 часа ночи 17 февраля:

— Как услышите звук приближающегося самолёта, в удобном месте разожгите 3 костра, — это будет условный знак. И вам с самолета сбросят рацию.

Днём раньше за холмом недалеко от деревни разведчики приготовили солому. В условленное время Алиме, Сейфедин, Джеват и Лариса вышли в поле. Когда послышался звук самолёта, Джеват стал разжигать траву, но из-за порывов ветра костер не разжегся. Самолет, сделав несколько кругов, вернулся назад. Ребята расстроились, но Алиме их успокаивала:

— Летчик может выбросить батарею, даже не обнаружив огня. Завтра утром придем сюда и поищем её. Если её не будет, значит, самолет вернется завтра.

Наутро Сейфедин с Джеватом обнаружили в поле батарею, закреплённую к миниатюрному парашюту, которую пилот все же сбросил, видимо, заметив искорки огня. Батарея, чтобы её не унесло ветром, была в фанерной коробке. Джеват первым обнаружил ценную находку, гордо сообщив об этом брату. Обрадованные, они быстро вернулись назад. Тут же в Центр были направлены очередные радиограммы. Руководство было довольно работой разведчицы и ее группы.

Над подпольщиками нависла угроза, Алиме догадывалась о ведущейся за ними слежке, замечала подозрительных людей, которые неожиданно появлялись то за скалами, то в селе. Она решила предупредить об этом свою разведгруппу. Маленькая помощница Азифе сообщила разведчикам о встрече в доме Батал ага.

Их последнюю встречу Аблямит Умеров описал очень трогательно.

Поделившись опасениями со своими верными помощниками, Алиме сказала:

— Не буду заранее паниковать, но так как я за вас несу ответственность, считаю, что нам нужно предпринять меры осторожности. В первую очередь, надо прекратить встречи со мной и друг с другом. Временно прекращаем работу с

рацией. Приостановим на несколько дней нашу работу, а там будет видно.

Наступившую тишину прервал Абдуракип Болатов:

— Я, как полицей, не имею права уйти из деревни, а вам всем лучше уехать в другие села, к родственникам.

— Я никуда не пойду, останусь здесь, — сказал Сейфедин.

— Где брат, там и я, — вступил в разговор Джеват. — Мы вместе работали, если надо, вместе и ответим.

— Оставаться до последнего вместе с вами считают долгом чести, — твердо сказал Хайрулла Мамбетджанов.

Молодые женщины тут же присоединись к его словам...

До освобождения родной Керчи оставалось каких-то 40 дней...

Итак, за время их работы в Центр сообщались важные донесения о передвижении немецких и румынских подразделений по грунтовой и железной дорогам, о строительстве оборонительных рубежей, в частности, на Ак-Монайском рубеже, о переброске артиллерии в направлении Керчи, сведения о дислокации румынской дивизии и её штаба в районе Марфовки и другая информация, весьма важная для подготовки обобщенных разведывательных сводок о положении вражеских войск на Керченском полуострове.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

И хотя гитлеровцы догадывались, что против них на Керченском полуострове действуют разведчики, но кичливым, надменным фашистам и в голову не могло прийти, что это у них под носом, в татарской деревушке, работает совсем ещё девочка, но так быстро обретшая мудрость разведчица, и её разведгруппа из местных жителей. Они и мысли не допускали о том, что здесь против них действует

серьезная военная резидентура, организованная из крымскотатарских патриотов, которая нанесла столь огромные потери немецкой армии.

Когда у них на этот счёт стали возникать подозрения, под видом взятия на учёт населения, работники жандармерии начали обходить дома на железнодорожной станции Кизил-Кую.

Тем временем подпольщик Александр Павленко — позывной «Отважный», возвращавшийся ночью на базу партизанского отряда, переночевал в стогу сена в степи, а утром был схвачен фашистами.

Узнав о его аресте, 19 февраля Алимэ сообщила в Центр: «По донесению Иванова, в деревне Русский Карабай несколько дней назад задержаны жандармерией Отважный с неизвестным нам человеком».

Павленко, оказавшийся далеко не отважным подпольщиком, а малодушным трусом, испугавшись пыток, выдал наших разведчиков.

20 февраля Алимэ получила указание: «В связи с арестом заматайте следы. В случае показаний на вас категорически отказывайтесь под предлогом гонения на татар. Создайте круговую поруку... При дальнейшей опасности уходите к партизанам». 24 февраля пришло еще одно: «Сафие уйти к родственникам в другое село. Вашего адреса никто не должен знать». Но уходить уже было поздно...

Гитлеровцы, чтобы не вспугнуть Алимэ и её разведгруппу, установили в специальном вагоне пеленгатор и оставили его на полустанке Ойсул. Им удалось засечь источник информации, деревню оцепили, никто не смог уйти. За домом Меннановых установили непрерывный контроль.

Гестаповцы жестоко расправлялись с теми, кто противостоял им. Ночью 26 февраля они ворвались в дом Меннановых, арестовали Сейфедина и Джевата Меннановых, Алимэ

Абденанову и Ларису Гуляченко. Той же ночью в Джермай-Кашике были арестованы другие члены разведывательной группы. Их увезли на допрос в Старый Крым.

Радистка Лариса согласилась сотрудничать с немцами, сообщив им, что Алиме — резидент советской военной разведгруппы, выдала всех, кто входил в группу.

АРЕСТ

Фашисты вели для разведки тщательный отбор. Среди них были отъявленные негодяи, настоящие изверги. Одно их нацистских подразделений расположилось на станции Еди Кую — Семь Колодезей, руководил им комиссар Рудольф Циммер. Это был опытный разведчик, сочетавший в себе наклонности садиста и убийцы. После войны этот нацист так замаскировался в немецком городе Кёльн, что советские разведчики долго не могли напасть на его след. Этот кровавый убийца мирно разводил розы, торговал ими, надеясь, что избежал расправы. А его люди посещали окрестности Джермай-Кашика, которые под видом бежавших из плена солдат в поношенных бушлатах и шинелях просили у местных жителей приютить и покормить их.

Итак, в феврале 1944 года немецкий лейтенант Циммер доложил командованию отдела контразведки, что в селе Джермай-Кашик арестована группа советских разведчиков. Тайная фашистская полиция — контрразведывательная организация «ГФП-312», переселившаяся в 1943 году с Северного Кавказа в эти места, отличалась особым зверством и жестокостью. В эту карательную организацию, кроме проверенных людей, вошли и те, кто совершил преступление против своей Родины. Когда Северный Кавказ и Крым временно перешли в руки фашистов, они с помощью предателей арестовывали советских развед-

чиков, членов подпольных организаций и, подвергая их невыносимым мучениям, расстреливали. «ГФП-312», которой руководили гестаповец Гюбнер Вернер и полицейский Отто Коуш, вместе со своим штабом находилась в городе Старый Крым. В штаб вошли и местные жители, предавшие Родину. Фамилии этих нелюдей — Зуб, Капотин, Дубогрей, Оленченко, Куприш, Михельсон. Об их зверствах над заключёнными с ужасом говорили селяне. В арсенал их способов «обращения» с заключёнными патриотами входили такие изуверские методы, как выкалывание глаз, прокалывание животов, вырезание груди у женщин, ломание рук, ног, а, изрядно помучив, они расстреливали патриотов, не сказавших ни слова, или, что ещё мучительнее, сжигали живьём, обернув в красное знамя.

Однако, несмотря на кровавые зверства фашистов, совсем рядом продолжала работать наша отважная разведгруппа. Как ни старались, гитлеровцы не могли напасть на их след, если бы не предательство...

Так трагически подошли к концу 5 месяцев работы разведгруппы Абденановой. Когда разведчиков взяли под стражу, никто из них, несмотря на зверские издевательства, не сказал ни слова, и только Гуляченко стала сотрудничать с нацистами, хладнокровно предав разведгруппу. От радистки нацистам стало известно о роли Алиме и её разведгруппе в подпольном движении.

ПЫТКИ, ПЕРЕД КОТОРЫМИ ИНКВИЗИЦИЯ МЕРКНЕТ

Гестаповцы допрашивали и пытали Алиме 40 дней. 40 мучительных дней, полных нечеловеческой боли. Вся её разведгруппа была расстреляна, а Алиме продолжали терзать, не оставляя живого места на теле. Немецкая контрразведка

надеялась, сломив резидента советской разведки, использовать в своих интересах. Учитывая знания и возможности, которыми обладала резидент, согласись Алимe под нечеловеческими пытками сотрудничать с фашистами, могла бы принести большую помощь немцам. Её пытали в застенках гестапо Старого Крыма. Допрос следовал за допросом.

Во время коротких передышек в камере, чтобы забыться, Алимe окуналась в мир воспоминаний. Перед глазами проходила вся её такая короткая жизнь... Как мало в ней было светлого, радостного! Как обидно умирать, возможно, накануне освобождения Крыма от немцев. Но с момента ареста она понимала, что из гестапо живой ей не выйти. Перед глазами прошла её жизнь, всё время стояли мама, сестры, родная степь, море, дом. Она вспоминала своих родных, одноклассников, подруг, друзей.

Снова пытки, нечеловеческие страдания, страшные боли. Гестаповцы получили приказ любой ценой добиться показаний Алимe. Они отдавали приказы, а избивали Алимe предатели — Зуб, Оленченко, Дубогрей, Купрыш, изощрённые в жестоких пытках палачи. Ей продолжали обещать сохранить жизнь, если только даст согласие работать на фашистов. И опять гестаповцы встречались с поразившей их непоколебимой твёрдостью этой девушки.

Не добившись признаний, её отправили в Симферополь, в гестапо, однако и здесь у гестаповцев ничего не вышло. Алимe подвергалась зверским издевательствам, у неё вырывали ногти и волосы, перебили ноги и сломали руку, обливали холодной водой, постоянно подвергая избиениям, непрекращающимся допросам. Это продолжалось долгие нескончаемые дни...

Откуда только брались такие великие силы для преодоления всех невзгод, которые пришлось испытать ей и её разведгруппе! Смерть постоянно летала вокруг них в виде

чёрных полицейских мундиров и гестаповских начищенных сапог, которые потом били без капли милосердия...

Алиме знала, что её ждет смерть, но она не просила пощады. Раскалённым железом, плетью, самыми изощрёнными пытками враги не смогли поколебать воли и стойкости девушки. Когда во время пыток она теряла сознание, её обливали холодной водой, она на время приходила в себя, и пытки продолжались с новой силой. Она продолжала молчать.

В тюрьме её видела партизанка Тамара Строганова. Каждое слово партизанки — это новый штрих к образу и характеру Алиме, новое свидетельство её большой душевной красоты. Позже Тамара расскажет: «Я часто встречала Алиме в райисполкоме, где она работала. Она была невысокого роста, подвижная, с удивительно красивыми глазами. По воскресным дням комсомольцы устраивали у нас в маленьком клубе танцы, диспуты, вечера, в которых Алиме всегда принимала участие. Мой старший брат выступал с ней в конкурсах, где они брали призы. Она жила той же активной жизнью, что и её сверстники до войны. Строила планы о дальнейшей учёбе, работе. Но грянула война. Не смогла она оставаться в стороне от судьбы Родины. Брат погиб на фронте, а судьба Алиме оказалась ещё трагичнее. Последний раз мы встретились в Старокрымской тюрьме. Она приложила палец к губам, дескать, не знаешь меня, молчи... А что было говорить фашистским палачам? Нас обеих ждала смерть. Если бы Алиме не отправили в Симферопольскую тюрьму, её, возможно, спас бы партизанский отряд Алексея Вахтина». Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения: если бы...

Если бы... Вместо Гуляченко, этой подлой трусливой радистки, предавшей Алиме и её разведгруппу, и непонятно почему решившей стать разведчицей, в Крым должна

была ехать Галина Новосёлова. В 1950-е годы она рассказывала о том, что во время войны обучалась на радистку в одной группе с Алиме Абденановой и Ларисой Гуляченко. В Джермай-Кашик должна была ехать Галина Новосёлова, но в последний момент её заменили Ларисой. «Она выдала код и всю группу», — рассказывала Галина.

ЕЁ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

27 марта партизаны отряда Вахтина совершили налёт на комендатуру, освободив многих заключённых, но, не нашли Алиме, — она в это время уже находилась в Симферопольской тюрьме, в одиночной камере.

Лишь палачи знают, как они издевались над Алиме. Узники, оставшиеся в живых в результате налета на тюрьму отряда Вахтина, видели эту отважную девушку с переломанными ногами, вырванными ногтями, истекающую кровью... Красивое лицо её было обезображено побоями, густые каштановые волосы вырваны целыми прядями. Трудно было узнать в изуродованной девушке прежнюю красивую Алиме.

Ничего не добившись, 3 апреля, незадолго до освобождения Крыма, по приказу начальника «ГФП-312» Алиме Абденанову увезли в Симферопольскую тюрьму. И там немцы безрезультатно пытались сломить волю разведчицы. Но она все также стойко переносила мучения, поразив своих палачей силой духа. Впервые они видели человека, который выдержал нечеловеческие муки, но не заговорил. Чтобы допросить её, начальник сам зашел в камеру узников. Он ужаснулся тому, что увидел: обезображенное лицо, окровавленное тело девушки с переломанными ногами и руками. «Резидент советской армии — она? Мне здесь делать нечего, — бросил он. — Заканчивайте её дело сами».

Разведчик Ибрагим (Игорь) Аганин, работавший в логове врага переводчиком, потом многое расскажет о подвигах наших соотечественников.

Приходя в себя, Алиме вспоминала родных и близких, детство, к ней приходили воспоминания, уводящие далеко назад, где не было войны, горя и страданий, не было фашистов, но были мечты и планы — светлые, заветные, и только о хорошем. Родина... Перед глазами — море травы, которую колышет ветер, полевые цветы. Словно кадры из какого-то хорошего фильма, проплывала её короткая жизнь. Вот она девочкой бегает с сестрами, собирая цветы... Прибегают домой, радостно протягивая их маме, а она зовет их обедать. Неужели она больше никогда не увидит их, не встретит пробуждение степи, когда она покрывается цветущими травами. Первым зацветает чудо степи — любимые тюльпаны с их неповторимым ароматом, и куда не кинь взор — повсюду пушистые серебристые стебли цветущего ковыля, которые плавно колышутся от дуновения ветерка, и, кажется, будто стоишь среди безбрежного седого моря. И она больше никогда не увидит всего этого?..

Что ж, она сделала всё, что смогла. А как хочется жить! Отгремит война, и жизнь в родном Крыму станет ещё прекрасней. Жаль, что не придется увидеть всё это своими глазами. Ведь никакой надежды на спасение. Это — конец. Вот и весна долгожданная наступила... Неужели последняя?

После всего, что довелось испытать, Алиме уже ничего не чувствовала: дух её парил высоко над Крымом, как только может парить преданный ему дух человека...

Она приняла мученическую смерть, как герой, как дочь великого народа, который никому не сломить. Народ будет помнить свою дочь во все времена.

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО

Казнь отважной разведчицы была проведена фашистами 5 апреля 1944 года.

По одним источникам, она была расстреляна фашистами во дворе симферопольской тюрьмы 5 апреля 1944 года, согласно другим данным, разведчицу казнили на окраине города. В акте Государственной комиссии от 17 мая 1944 года, подтверждающем расстрел фашистами советских людей в совхозе «Красный» близ Симферополя, в разделе «Трупы в колодце» сказано: «Из колодца извлечено 60 трупов людей, осталось около 200 трупов».

В селе Дубки в 3–4 км от Симферополя немецкие фашисты живьём закапывали в ямы советских граждан. Таких ям здесь 20. Вскрыли одну из них. Из этой ямы были извлечены трупы 240 человек».

Совхоз «Красный» (до 1945 года) ныне входит в состав села Мирное (Сарайлы Кият) Симферопольского района.

В годы войны территория этого села была использована немецкими захватчиками под места массового захоронения людей. Здесь преданы земле тела легендарных крымско-татарских подпольщиков времен Великой Отечественной войны: из отряда Абдуллы Дагджи — самого командира Абдуллы Дагджи, его жены Хатидже Дагджи, Хатидже Чапчакчи — главного врача 1-й городской больницы Симферополя. Здесь же лежат останки казнённого гестаповцами комиссара 9-го отряда из Ялты Бекира Аметова...

В этом скорбном месте нашли свой последний приют бесстрашные разведчики, выходцы Керченского полуострова Алим Абденанова и Баки Газиев.

Здесь похоронены многие патриоты, пожертвовавшие своими жизнями во имя Родины.

Вечная память им и десяткам тысяч людей, погибшим в борьбе с фашизмом, для которых эта земля стала местом последнего упокоения.

Часть вторая

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

В надёжности своих помощников Алим не сомневалась. Она о каждом из них вкратце доложила в Центр, попросив утвердить их разведчиками.

Когда разведгруппа начала работать, сразу же появились первые результаты, командование отметило её успехи. Все шестеро привлечённых для работы крымскотатарских патриотов были утверждены как разведчики, им объявили благодарность.

Тем временем немцы вели себя как хозяева, движение по железной и шоссейной дорогам Феодосия-Джанкой стало оживляться. Алим и её разведгруппе предстояли первые задачи: изучить действие врага, готовность его частей, места расположения штабов, складов вооружений, топлива, давая каждый день в Центр новые сведения. Чтобы быстрее добывать нужные сведения, она распределяла между разведчиками места, зоны особо важного значения.

Тайно собираясь, давали сведения.

Абдуракип Болатов докладывал: «На станции Кизил-Кую целый эшелон румынских всадников готовится к отправлению в сторону Джанкой».

«В русском и болгарском сёлах разместились батальоны немецких захватчиков. Под деревьями спрятаны мотоциклы».

«В здании с крышей с красной черепицы, правее станции Кизил-Кую, разместилась тайная полицейская команда «ГФП-312». Здесь же находятся и предатели Родины».

Ревиде Усеинова сообщала о том, что на станцию Ташлы-Яр прибыл эшелон с румынскими и немецкими солдатами. Выгруженные из вагонов крупные пушки, ящики с минами, снарядами перевозятся в село Мескечи. Идет подготовка к защите Азовского побережья. И далее рассказывала:

— На станции Салын я виделась с дядей Аджигельды Челебием, попросила у него закваску для брынзы. Он засмеялся: «Ты что, ради закваски приехала сюда из Джермай-Кашика?» — Не за закваской, я вас проведать приехала. Жителей сёл Чистополь и Дайре-Салын румыны погнали копать траншею.

Юный Джеват серьезно докладывал: «На Керчь спешно отправлено 6 машин с колючей проволокой». Мальчик также рассказал о передвижениях по трассе:

— Когда я стал считать количество пушек, немецкий солдат, пиная меня, закричал: «Что ты считаешь? Я приблизил ладонь к лицу и ответил, что я мусульманин и молюсь. «А-а-а, мусульман, Коран, гуд-гуд», — сказал немец и отошёл. Так я насчитал 16 пушек.

Старшие товарищи похвалили подростка.

Следом за ним брат Сейфедин Меннанов сообщал: «Продовольствие, боеприпасы, перевозимые по феодосийской трассе, выгружаются в Дёрт-Кульские каменоломни. Объекты огораживаются колючей проволокой».

Поручив Сейфедину узнать обстановку на мельнице в Марфовке, а Хайрулле Мамбетджанову — в Султановке, где разместился немецкий военный штаб, а село окружено часовыми, Алиме сказала: «Теперь хочу сообщить трагическую для всех нас весть. Недавно агенты «ГФП-312» в татарских селах Коджалары и Коп-Кипчак напали на след подпольной патриотической организации и арестовали многих её членов. Враг чувствует, что пребывает здесь последние дни, звереет. Будьте очень осторожны...».

Но как осторожно ни действовали бы разведчики, им не удалось избежать провала, причиной которому стало предательство.

Имя Алимe значитсe в списке известных героев страны. Разведгруппа в тайной, полной внезапностей борьбе в подполье добилась огромных успехов.

Народ никогда не забудет отважного руководителя Джермай-Кашикской подпольной организации Алимe Абденанову, её верных помощников Васфие Аджигаеву, Неджибе Баталову, Абдуракипа Болатова, Хайруллу Мамбетджанова, братьев Метановых — Сейфедина и Джевата, которые отдали свои жизни во имя Родины, мужественно сражаясь с гитлеровскими захватчиками. Чем больше узнаешь о них, тем более убеждаешься — это настоящие герои, простые, вышедшие из народа люди, беззаветные и убеждённые борцы.

Часть третья

БЕССТРАШНЫЕ КРЫМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Любовь к Родине, долг перед ней для многих женщин был даже сильнее материнских чувств — имея малолетних детей, они рисковали жизнью их и своей ради того, чтобы отстоять свою землю, их будущее....

Молодые женщины, имеющие малолетних детей, — Васфие Аджигаева и Неджибе Баталова, были активными участницами Джермай-Кашикской разведгруппы Алимe Абденановой, собирая в тылу врага разведывательные сведения. После зверских пыток в застенках гестапо «Семь Колодезей» и Старокрымской тюрьме, они были расстреляны вместе со всей разведгруппой 16 марта 1944 года у подножия горы Агармыш.

ПЕРВАЯ СВЯЗНАЯ РАЗВЕДГРУППЫ. ОПАСНЫЕ БУДНИ ВАСФИЕ АДЖИБАЕВОЙ

Много дней пролетело с тех пор над землёю,
Над землёю, израненной прошлой войною,

Где и мой не молчал в те года автомат.
И меня выводили на эти дороги
Партизанских отрядов ночные тревоги.
До сих пор слышу я голоса тех солдат,

Что в бою за Отчизну великую пали,
Что гранитом и вечною славою стали.
Снег в степях холодной поземкою вьётся.
На ветру вражий флаг над Отчизною бьётся.

Иванов... Васфие... Сейфедин... Наджибе...
Вы погибли за правду, за Родину нашу.
Нет на свете судьбы ни достойней, ни краше,
Чем погибнуть в святой и великой борьбе.

Не забыть этих дней и ночей этих страшных.
Не забыть мне старушек седых в Озенбаше,

Что сгорели живыми в закрытых домах.
Слышу крики детей по оврагам зарытых.
Слышу крик палачей на допросах и пытках.
Но не страх пробуждается в сердце. Не страх.

Пробуждается скорбная память о павших,
О великой победе своей не узнавших,
Не узнавших о счастье на нашей земле.

Сеитумер Эмин.

Когда началась война, Васфие с дочкой переехала в Джермай-Кашик. Скрывала, что является медиком, опасалась, что немцы заставят работать в санитарном пункте гестапо.

Когда Алиме вывихнула ногу, прыгнув с парашютом, староста деревни Джермай-Кашик Абдуракип Болатов привёз к ней Васфие. Она сделала тугую повязку и, улыбнувшись, сказала:

— Через неделю будешь бегать!

Так они и познакомились. Васфие рассказала о себе.

Родилась в 1918-м году в селе Сараймен. В числе первых девушек — крымских татарок поехала учиться в Симферопольский фельдшерско-акушерский техникум. Как и многие студентки в те годы, вступила в члены ВЛКСМ. По окончании техникума работала заведующей медицинским пунктом в своей деревне, где организовала секцию по охране здоровья. Позже стала работать медсестрой в медпункте Керченского металлургического завода, затем — дежурной медсестрой в городском отделе «Скорой помощи». На заводе познакомилась с Абдуракипом Умеровым, родом из деревни Джермай-Кашик, вскоре вышла за него замуж. Семья проживала в Керчи. В 1931-м году родила дочь Улькер. Когда муж ушёл на фронт добровольцем, переехала с дочкой в его деревню. «Вот уже 2 года, как мы здесь. Работа медработника известна: лечу больных. А когда надо, бываю и акушеркой», — добавила она. Кто бы ни обратился к ней за помощью, безотказно всех лечила. Её очень любили в деревне, она пользовалась здесь огромным уважением.

Как писал Аблямит Умеров, Васфие что немцы узнают о её профессии, Староста Абуракип Болатов старался её успокоить: «Пока я здесь, тебя никто не тронет...». А односельчан строго-настрого предупредил, что никто, кроме

своих, не должен знать о том, что Васфие — медик, а её муж Абдуракип — коммунист, воюет на фронте.

Она ненавидела фашистов и готова была бороться против них. Этими чувствами и поделилась с Алиме, которая была рада такому разговору и предложила ей работать вместе. Старшие братья Васфие — Вайд и Насыр, сестра Гулизар тоже стали помогать разведгруппе Алиме. Тайно лечила Сейфедина Меннанова, когда тот получил контузию в боях под Севастополем.

Чуть позже Васфие пришла проведать Алиме.

— МашАллах! Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, ты, я вижу, перестала хромать, — сказала она с радостью.

— Лечиться у такого медика, как вы, долго хромать стыдно, — с улыбкой ответила Алиме и обратилась к младшей сестре:

— Азифе, ты походи во дворе, мне надо поговорить. Если появится незнакомый человек, дашь знать — начнёшь мести двор.

Убедившись в безупречной надёжности Васфие, Алиме предложила ей: «Я собираю подпольную группу из патриотов». Так Васфие стала первой участницей группы «Дая». Алиме рассказала ей, как надо вести себя в сложных ситуациях, что предстоит ей выполнять. Она была уверена, что Васфие станет очень полезной делу.

Злодеяния фашистов вызывали в людях гнев и ненависть. Селяне противились оккупационному режиму. Алиме понимала их, не сомневалась в их стремлении во что бы то ни стало освободить свою землю от захватчиков. Сравнительно быстро Алиме организовала разведгруппу. Её работа шла полным ходом. Бывая в доме Васфие, Алиме с горечью замечала, как оскудела жизнь её земляков, теперь они перебивались кое-как. Практически не было ценных вещей, ни фигурных кувшинов, ни посуды, ков-

ров — всё, что представляло ценность, Васфие обменяла на продукты.

Алиме нужно было изучить действия врага, готовность его частей, места расположения штабов, вооружения, о чём следовало передавать в Центр.

Для оперативного сбора данных распределила между членами группы зоны особо важного значения, оставив для себя станцию Кизил-Кую; Абдуракипу Болатову — станции Ойсул, Ташлы-Яр и Салын; Васфие должна была быть в курсе происходящего в деревнях Сеит-Эли и Кош-Кую. Сейфедин Меннанов собирал сведения о состоянии дел на шоссейных дорогах, Неджибе Баталовой, у которой были маленькие дети, поручила наблюдать за деревней Карамыш-Келечик, Хайрулле Мамбетджанову — за окрестностями Ак-Моная.

Идя на задание, Васфие обула дочку в постолы (обувь, сшитая из сыромятной кожи, которую обычно носили бедняки), одела её в латаное пальто, на голову — старую шапку, сама же была похожа на нищенку. Мать с дочерью отправились по деревням Сеит-Эли, Кош-Кую, Такыл-Чумач. Прохожие и встречавшиеся по дороге немецкие офицеры старались обходить их стороной. В таком виде они вернулись через 4 дня, добыв важные сведения. Полностью выполнив порученное задание, Васфие сказала Алиме: «Этот поход для меня с дочкой был первым. Теперь я готова выполнять задания и потруднее».

26 октября 1943 года А. Абденанова получила из Красnodара задание: «Найдите возможность изучить оборону побережья, как и чем она защищена». Для выполнения этого важного задания Алиме отправила Васфие в деревни Карангыт и Опук, в село Ени-Кале и Опасное направила Абдуракипа Болатова, в Буюк-Тархан и Кучук-Тархан на берег Азовского моря — Сейфедина Меннанова, в

Сюйрюташ — Неджибе Баталову. Хайрулла Мамбетджанов наблюдал за станцией Владиславовка и селом Ново-Михайловка. Сама пошла в Камыш-Бурун, но прежде дала всем наставления быть осторожными, прикидываться нищими, сделав вид, что направляются на рынок что-либо менять.

Под видом медсестры Васфие бывала в соседних сёлах. Не раз случалось, что её звали к больным, где она оказывала первую помощь. Потом шла с дочерью дальше. Запоминала всё что видела и слышала.

Отправляясь на очередное задание, они по-прежнему одевались по-дорожному. И на этот раз, укутав дочь в старую шаль, концы которой провела под рукавами, завязав их на спине, сказала:

— Ты, Улькерочка, не ребенок, тебе 12 лет, понимаешь, куда и зачем мы идем. Ты — моя помощница! Что надо делать, объясню потом. Иди, доченька, попрощайся с тётей!

— Васфие, ты сама мотаешься по дорогам и сёлам, и дочку мучаешь, — ворчала та.

— Мы не боимся... Вот вернется, иншаАллах, Абдуракип с войны живым и здоровым, обязательно скажет: «Какие молодцы, мои дочь и жена!», — отвечала Васфие, прижав к себе Улькер.

Село Карангыт расположено в 14—15 км от Джермай-Кашика. По дороге им встречались немецкие солдаты, некоторые из них, желая поговорить с женщиной, подходили поближе, но, при виде изношенной испачканной одежды, отходили. В назначенное село мать с дочерью пришли к полудню и, дойдя до здания бывшего до войны детского санатория, сели поодаль. Помыв руки, достали припасённый чурек из кукурузной муки, съели по кусочку. От запаха румяного чурека, выпеченного в тандыре, мало кто отказался бы. К ним тут же подошли румынские часо-

вые. «Соскучились, наверное, от домашней выпечки, милости прошу, наши защитники, — сказала им Васфие. В это время Улькер, бросая в море камешки, уходила всё дальше по берегу.

— Дочка до войны лечилась здесь, теперь вот, видя знакомые места, радуется, — добавила Васфие, чтобы отвлечь внимание солдат от Улькер. Когда румынские солдаты ушли, Васфие с дочкой стали возвращаться.

По дороге дочь рассказала об увиденных танках и пулемётах, покрытых маскировочной сеткой. Мать с дочерью сильно рисковали, направляясь к деревне Опук, поскольку это место было объявлено запретной зоной, а его население эвакуировано в соседние деревни. Делая вид, что заблудились, они приближались к Опуку, как вдруг солдат, дежуривший на дороге, выстрелив в воздух, крикнул: «Назад!». Наши путницы остановились, подчинившись приказу:

— Хорошо, хорошо, извините, — поспешно сказала Васфие, вернувшись назад, но всё же успев заметить замаскированные пушки, заминированную набережную, колючую ограду. Возвращаясь через деревни Суин-Эли, Беш-Аул, Кыз-Аул, Чукур-Кояш, увидела, как румынские батальоны, руководимые немецкими офицерами, готовили линию обороны. Лишь на 3-й день поздним вечером, изрядно устав, они вернулись домой.

Наступил вечер 31 декабря 1944-го... Дети с нетерпением ждали новогоднего праздника. Утром 1-го января родственники и подруги поздравляли друг друга. При входе в дом, посыпав зерно, загадали желания. Аlime пожелали добиться своей цели — стать хорошим архитектором, Васфие — окончить медицинский институт и стать врачом, Неджибе — написать книгу о советских военных разведчиках. Но уже сразу после Нового года положение seriously осложнилось, и Аlime решила поделиться этим со своими товарищами. Она сообщила о том, что командование

высоко оценивает работу разведгруппы, собранные ею сведения представляют большую ценность, при этом призвала быть всем осторожнее. Распределила новые задания, взяв себе сбор сведений о железнодорожных станциях, в чём ей окажут помощь Васфие и Неджибе.

16 января 1944 года «Сафие» сообщила в штаб Отдельной Приморской армии о том, что на Багерово проследовал эшелон, в составе которого 6 цистерн с бензином, 21 платформа с боеприпасами и двумя тяжелыми артиллерийскими орудиями. Сведения эти дежурный по станции «Семь Колодезей» Е. Иванов сообщил фельдшеру Васфие Аджибаевой, которая часто посещала жителей посёлка у железнодорожной станции якобы для оказания им медицинской помощи.

17 января 1944 года из Центра в Джермай-Кашик поступило сообщение: «...Ваши сведения важны. Впредь сообщайте от кого и как получаете сведения...»

Разведгруппа успешно выполнила последнее задание, когда её подло предали, а всех членов арестовали.

Пришли и за Васфие Аджибаевой. Она прощалась с дочерью, словно чувствуя, что навсегда, сказав на прощание:

— Я люблю тебя больше жизни! Ты была моей маленькой помощницей. Дай Аллах тебе счастья, пусть отец твой вернётся с войны живым и невредимым....

Про себя прочитала дуа (молитву), потом что-то прошептала на ушко дочери. Но гестаовец, крикнув: «Хватит!», вытолкнул Васфие во двор. Посадив мужчин в одну телегу, женщин — в другую, их отвезли в гестапо на станцию Кизил-Кую.

Там распределили, кто с кем из схваченных разведчиков будет работать. Файер станет допрашивать Васфие Аджибаеву, Михельсон — Неджибе Баталову, а Алиме Абденановой займется Отто Кауш.

Когда Алиме первую, измученную после пыток, привели в камеру, Неджибе и Васфие, уложив девушку, успокаивая, гладили её, плакали, глядя на обезображенное лицо:

— Ах ты, наша девочка... Это же какое мучение! Какое зверство!

Алиме сквозь стон с трудом проговорила:

— Родные мои, нас кто-то предал... Но данную клятву не нарушайте, дорогие мои....

— Ты лежи, Алиме, — успокаивала её Васфие. — Мы сможем выстоять до конца. Мы не из трусливых.

Предавшая их радистка Гуляченко как-то заметила, как Васфие что-то записывала в тетрадь с синей обложкой. В ночь, когда ворвались гестаповцы, прощаясь с дочерью, Васфие велела ей сжечь эту тетрадь. Улькер выполнила просьбу мамы. Узнав, что в село приехала «Стася», девочка, чтобы не видеться с ней, ушла из дома. Та долго искала тетрадь, но так и не нашла... Дело Васфие вел Файер. Пользуясь всем своим опытом матерого палача, он всячески пытался привлечь её к работе на гестапо, но ничего не добился. «Мы — не предатели, мы — советские люди! Вы же — предатели Родины!», сказала ему Васфие. Над ней издевались, Николай Капотин вырезал ей груди. Васфие после пыток, без сознания, оставили истекающую кровью погибать на цементном полу одиночной камеры...

Потомкам остались её последние слова:

Мы работать умели,
Выстоим и перед смертью,
Не из трусливых мы,
Только жаль, что очень молоды...

НЕДЖИБЕ БАТАЛОВА: ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ И МАТЕРИНСКОЕ ЧУВСТВО

Неджибе Баталова родилась в селе Джермай-Кашик в 1918 году. По окончании школы поступила на биологический факультет Симферопольского педагогического института, вступила в комсомол. Во время учёбы в институте познакомилась с Муедином Абденановым из Коммунистического вуза. В 1937-м окончила учебу, была направлена учителем естествознания в село Багатыр Куйбышевского района. Муедин по окончании вуза был назначен начальником политотдела Узун-Аякской МТС им. Войкова. Через год Неджибе перевели в школу деревни Сарылар, располагавшуюся близ деревни Узун-Аяк. Дружба переросла в любовь, молодые поженились. В семье родилось двое детей, они были счастливы, но война, разлучив, разрушила их семейное счастье.

Джермай-Кашик славилось своими долгожителями. Одним из них был Батал Мирзаев, которому исполнилось 85 лет. Неджибе была единственной дочерью в его семье, где росли еще три сына — Ваит, Насыр, Энвер.

Значительная часть жизни Батал ага прошла в батрачестве, он мечтал работать на своей земле и, когда были созданы колхозы, надеялся: «Наконец я буду работать на своей земле, для себя». Его любимым изречением, которое он повторял в беседе с молодыми людьми, была народная мудрость: «Башкъаларына эйилик япмагъандже, озюнъ де бахтлы оламазсынъ» — «Пока другим не сделаешь добро, сам счастлив не будешь». И сам поступал так всю свою жизнь.

С началом войны он проводил на фронт троих сыновей. Пригласив в военкомат, ему предложили:

— Товарищ Мирзаев, вы имеете право требовать возвращения с фронта одного из своих сыновей-кормильцев», на что он твёрдо возразил:

— Я не беспомощный старик, смогу позаботиться о себе. Кроме того, у меня есть дочь». И с гордостью добавил: «Она у меня учительница, будет ухаживать за мной».

Но его младший сын Энвер погиб в августе 1944 года и был похоронен в Братской могиле. Старший, Вайт, ещё год после войны будет служил в Красной Армии, а, вернувшись с боевыми медалями, был отправлен в ссылку, в 1-е отделение совхоза Дальверзин Бекабадского района Ташкентской области.

РОДИНЕ

Средний сын, Насыр, участвовавший в кровопролитных боях за Сталинград, дошёл до Берлина, где встретил Победу, затем был выслан из родных мест в Узбекистан, посёлок Ингички Самаркандской области...

Когда гитлеровские войска оккупировали Крым, Неджибе с двумя детьми переехала к отцу, в Джермай-Кашик. Прошло два года жизни в оккупации, но жандармерия, к счастью, так и не узнала, что она была коммунисткой во многом благодаря тому, что старостой был Абдуракип Болатов, который, хотя и носил полицейскую форму, но всегда тайно помогал своим селянам. Их судьба теперь зависела от этого преданного и верного своему народу человека.

Абдуракип приехал на линейке в деревню Сарылар, где Неджибе учительствовала:

— Я приехал за вами. Батал ага беспокоится о внуках.

Когда Неджибе вошла в дом, встретила там Алиме. Племянница взяла её за руку, и со словами: «Я скажу сейчас что-то хорошее», — увела её в сторонку.

— Вы должны знать, что я виделась с Муедином ага, правда, не перед самым приездом сюда. Мы с ним много говорили, он очень скучает и беспокоится о вас. Когда фашисты

заняли Крым, он с советским майором Панариным отступил в горы, где организовали партизанский отряд. Несколько раз успешно провели боевые операции. Муедин ага заболел, его направили в сочинский санаторий. Там я с ним и увиделась. После выздоровления его направили на ответственную работу в партийный комитет Краснодарского края. Он там сейчас и работает.

— Сав бол, Алиме! Ты меня очень обрадовала! — сердечно поблагодарила Неджибе. Она собиралась порадовать детей и отца, сообщив им об этом, но Алиме её остановила:

— Не торопитесь, пожалуйста. То, о чем я сообщила, кроме вас, никто не должен знать. Если узнают, что эту весть принесла я, сразу догадаются, что я прибыла сюда, и меня посадят. Об этом должны знать только вы. Договорились? — Алиме посмотрела в глаза Неджибе. Та её крепко обняла, погладила густые каштановые волосы:

— Моя любимая Алиме, сав бол и не переживай! Дай Аллах тебе хорошего жениха.

Уходя, заметила, как, погруженная в свои мысли, Неджибе задумчиво смотрела в сторону...

Неджибе, как и другие члены разведгруппы, с первых же дней вступила в подпольную группу Алиме. Одним из первых заданий для неё стало изучение обстановки в деревне Сюйрюташ, куда она и направилась к знакомой учительнице Авашерфе.

Аблямит Умеров в своей повести «*Ватан кызы*» писал о их разведывательной деятельности. Женщины делились последними нерадостными новостями, говорили о зверствах и издевательствах нацистских солдат и офицеров. Утром пошли побродить по берегу, делая вид, что собирают ракушки, но дежуривший немецкий солдат потребовал немедленно вернуться.

— Что вы здесь делаете? — закричал он.

— Ракушки собираем, из них делаем коробочки и меняем на хлеб, — жалостливо, будто осозная свою вину, промолвила Неджибе.

— Немедленно убирайтесь отсюда! Ещё раз увижу, вам будет плохо, — крикнул солдат.

Сбор подпольной организации проводился тайно в доме Мирзаева Батала, а разведанные передавались по радиции в разведотдел Северо-Кавказского фронта. С первых дней работы этой группы вместо двух установленных в неделю отправлялось по 16 сообщений, а за 4 месяца — с октября 1943-го по февраль 1944 года — более 80 радиограмм, благодаря которым нацистские войска понесли серьёзные потери.

Шёл январь 1944-го... Над разведгруппой уже нависла беда. Муж Неджибе Муедин Абденанов был направлен в Маяк-Салынский райком, где днём и ночью занимался оказанием армии материальной помощи, организовывал подготовку к весеннему севу, создавал колхозы в освобожденных от фашистов деревнях Ени-Кале, Маяк, Бахсы, Опасное. В ту страшную ночь, когда арестовали Неджибе, он проснулся от страшного сна. Ему приснилось, что сломалась балка их дома, и Неджибе осталась под ней, а дети испуганно кричали: «Ана! Ана!». Муедин долго не мог заснуть, в ушах звучали голоса детей... Так и не заснув, вышел во двор. В 30 км от фронтовой полосы — Джермай-Кашик. Там живёт его семья: любимая жена, сын Рустем, дочь Ленура. Муедин не знал, что Неджибе под руководством племянницы, ныне резидента Алиме Абденановой, стала отважной разведчицей, но нехорошее предчувствие не отпускало его. Если бы знать, что героическую разведгруппу, в которую вошли близкие ему люди, ожидал провал из-за предательства!

Когда пришли за Неджибе, она, крепко обняв детей, находилась возле отца, Батала Мирзаева. В углу на корточках, хныкая, сидела радистка «Стася» — Гуляченко, которая,

испугавшись пыток, раскрыла гестаповцам разведгруппу. Она сообщила им обо всем, что знала.

Гестаповцы разделились: Неджибе допрашивал Альфред Михельсон. В одном из допросов участвовала и Гуляченко. Она подтвердила, что жила в доме Неджибе, которая добывала в селах сведения о нацистских воинских частях. В один из допросов было приказано привести её детей: если мать не заговорит, то под угрозой убийства детей он добьётся признания.

— От вас можно всего ожидать! Можете делать всё, что хотите. Все равно я вам ничего не скажу! Пусть и дети мои умрут за Родину! — Неджибе закрыла лицо руками. Дети заплакали, и в этот момент В. Зуб ударил её бутылкой.

Неджибе Баталову мучали долго, но она не проронила ни слова. После войны, на судебном процессе над палачами, участвовавший в качестве свидетеля Ибрагим Аганин сказал:

— Учительницу допрашивал Михельсон. Она не сказала им ни слова. Тогда они её сильно избили. Цукер протащил её через нашу комнату во двор. Михельсон придержал Цукера, но тот, оттолкнув его, сам хотел расправиться с Неджибе Баталовой. Учительницу расстреляли во дворе...

Потом Гуляченко, нарядившись в красивое платье Неджибе, которое эта потерявшая остатки совести женщина прихватила, когда её повезли за рацией, с ярко накрашенными губами и дымящейся сигаретой сидела на допросе Алиме. При очной ставке подтвердила, что знала о резидентуре, и о том, что Абденанова являлась руководителем разведгруппы.

9 апреля 1944 года Неджибе Баталова была поставлена под стволы немецких автоматов на горе Агармыш в Старокрымском лесу, и как вся её разведгруппа, расстреляна...

Часть четвертая

ХАЙРУЛЛА МАМБЕТДЖАНОВ: ПРОШЁЛ ПЕРЕКОП, АДЖИМУШКАЙСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ, КАЗНЁН ГЕСТАПО

Военная биография этого человека мирной профессии богата на события, произошедшие в годы войны. Хайрулла Мамбетджанов, бухгалтер по специальности, участвовал в Керченском десанте.

Хайрулла Мамбетджанов родился в 1917 году в селе Джермай-Кашик. Работал в колхозе учётчиком, окончив бухгалтерские курсы, стал работать бухгалтером. В 1938-м был призван в армию, где окончил курсы младших командиров. Службу проходил в Хабаровске. В 1941-м воевал в кровопролитных боях, защищая Перекоп, затем высадился с десантом в Керчи. Он был и среди тех героических воинов, кто сражался против врага в Аджимушкайских каменоломнях.

В январе 1943-го вернулся в своё село, вскоре женился на односельчанке Сальме, родной сестре братьев Сейфедина и Джевата Меннановых.

Когда разведгруппа начала свою работу, каждый стал ходить на задание, которое давала резидент Алиме Абденанова: под предлогом «проведать родственников», они узнавали, где расположены гитлеровские части, наличие их техники. Услышав какие-либо сведения от селян, разведчики проверяли их достоверность, и только потом докладывали Алиме, которая передавала данные в Центр. Уже в первые дни им удалось собрать ценную информацию. Каждый день, собираясь после заданий, информировали о своих делах. Как обычно, Хайрулла старался подбодрить, развеселить ставших такими близкими членов разведгруппы.

Вот и на этот раз, как пишет А. Умеров, смешно рассказывал о том, как на станции Владиславовка, надев старую шапку-ушанку, менял на что-нибудь свою губную гармошку.

Все смеялись:

— Хайрулла, ты не бухгалтер, а настоящий артист!

Несмотря на доброту, мягкость характера, он был человеком ответственным, справедливым, исполнительным. Никто в его семье, даже молодая жена, не знали о том, что он входит в разведгруппу Отдельной Приморской армии. Как-то раз он признался Алиме:

— Иду на задание, а самого тревожат мысли о том, что дома правду не говорю.

— Хайрулла ага, на свете существуют два вида лжи: одна порочит достоинство человека, а другая — ложь во благо, — успокаивала его Алиме. — Ваша ложь для доброй цели, в вашей искренности никто не сомневается.

После разговора он пошёл на очередное задание. Теперь это было село Ак-Монай, где с Меносманом ага они шли на станцию, чтобы разузнать обстановку. Хайрулле удалось собрать много важной информации.

До войны он исходил эти дороги, излазил все окрестные горы. Здесь всё навевало воспоминания. Но сейчас он не смотрел по сторонам, находясь во власти своих дум о будущем, о новом этапе своей жизни. Нельзя сказать, что долгие фронтовые дни и месяцы были лёгкими, но впереди — еще более трудное время. Он понимал, чтобы справиться с новым заданием, понадобится немало выдержки, силы воли, знаний. Так и произошло...

Много лет позднее, в депортации, где выходила газета «Ленин байрагъы» («Ленинское знамя»), о нём будет опубликована небольшая статья по следам письма, присланного его родственницей Шейде Сулеймановой, проживавшей тогда в Гулистане Сырдарьинской области Узбекистана,

а ныне — в селе Ильичево (ранее Кара Кую) Ленинского района. Она писала, что Хайрулла Мамбетджанов — старший брат её матери Зубейде Мамбедиевой. В 1938 году он был призван на военную службу, принимал участие в кровопролитных боях в Крыму, участвовал в обороне Аджимушкайских каменоломен. Вошёл в разведгруппу «Дая», но в конце войны был схвачен из-за предательства радистки «Стаси» и подпольщика «Отважного». Как писала Шейде ханым, беззаботность и весёлость его была наигранна, в жизни он был человеком немногословным, тихим, очень ответственным.

«Мама рассказывала, что он выполнял важные поручения, для чего ходил пешком в другие населённые пункты и города, — рассказывает сегодня Шейде ханым. — Она со слезами говорила, что её брата в тюрьме подвергли нечеловеческим издевательствам: ему вырывали ногти, жгли между пальцами фитили, зажимали в дверях пальцы, нещадно избивали, раскалённым железом на спине выжгли 5-конечную звезду...».

Такие же страшные мучения испытали все члены разведгруппы, но не сказали ни слова.

Ранней весной в камере, в которой зверски пытали крымскотатарских разведчиков, наступила тишина.

Часть пятая

СЕЙФЕДИН МЕННАНОВ: ИЗ СЕМЬИ ПАТРИОТОВ РОДИНЫ

Сейфедина Меннанова Алиме знала ещё до войны, когда работала в Ленинском райисполкоме. Знала как человека ответственного, честного, принципиального, на которого всегда можно было положиться.

До оккупации Сейфедин был секретарём комсомольской организации Джермай-Кашика, считая, что так он принесёт пользу своему краю, народу. И в самом деле, объединившись, молодёжь по его инициативе принимала активное участие в важных для селян мероприятиях.

Мельбек Меннанова, проживавшая в селе Джермай-Кашик, была многодетной матерью. Сыновья Эбузия, Ментар, Сейфедин с началом войны ушли на фронт, с ней остались дочери Сайбе, Сайме и младший сын Джеват. В 1942-м, получив ранение, Сейфедин вернулся в село, судьба старших сыновей на тот момент оставалась неизвестной.

Во время двухгодичной военной службы Сейфедин окончил 4-месячные курсы при аэродроме, получив звание сержанта. В начале войны служил в батальоне военно-воздушных сил. Батальон обслуживал самолёты, защищавшие Краснодарский край, Севастополь.

Получив контузию от вражеской бомбы, Сейфедин Меннанов потерял слух. Местные жители лечили его, пряча от фашистов. Линия фронта проходила далеко, и Сейфедин решил, что ему лучше вернуться в родное село, вылечить. «Возможно, пойду к партизанам», — думал Сейфедин.

Он лечился у Васфие Аджибаевой, а после стал работать в колхозе. Выполнял разную работу: летом работал в степи, осенью возил сено. Рассказывая Алиме о сыне, Мельбек ханым поделилась:

— В последнее время Сейфедина что-то тяготит. Кто знает, чем он так обеспокоен и что задумал... Наверное, сожалеет, что вернулся в село, и при первой же возможности планирует уйти в партизаны.

Когда он вошёл в разведгруппу, предложил Алиме привлечь к ней своего младшего брата Джевата и мужа сестры Хайруллу Мамбетджанова, недавно вернувшегося с фронта.

В сёлах Керченского полуострова был установлен «новый порядок» — режим насилия и террора, призванный увековечить германское господство. Собравшись в доме Сейфедина и его жены Зекие, члены разведгруппы завели разговор о зверствах, грабежах, чинимых над местным населением со стороны оккупантов. У населения изымали собранный урожай, домашнюю скотину. Каждый житель должен был давать в контору сведения о количестве скотины, птицы, урожае, при этом без согласия немецкой комендатуры никто не имел права ничего продавать, а также без их ведома резать свою скотину. Отнятый у жителей скот поставлялся в Германию.

Каждый член группы приносил ценные сведения, которые Алиме передавала в Центр. Джеват ежедневно сообщал о передвижениях на трассе, Сейфедин, съездив в село Коп-Кыпчак, привёз печальные вести: гестаповцы усилили охрану, подозрительных людей арестовывают, отслеживают и расстреливают смельчаков, которые поджигают их продовольственные амбары, подрезают телефонные провода, на фасадах и стенах домов расклеивают листовки с информацией от Совинформ-бюро. Он также сообщил, что в селе Чалтемир стоят немецкие пушки, роются противотанковые рвы, а их солдаты проходят учения.

Патриот Родины, Крыма, он привлек в работе разведгруппы своего младшего 14-летнего брата, который, несмотря на возраст, проводил большую разведывательную работу. Он понимал, что несёт ответственность за него и, забыв о себе и своих тревогах, переживал за него и Хайруллу, мужа сестры, которая ждала ребёнка.

Чёрным днем стал для Сейфедина Меннанова и всей его семьи день ареста, когда гестаповцы схватили всю группу, не пощадив ни брата подростка, ни женщин...

Часть шестая

АБДУРАКИП БОЛАТОВ: БОЕЦ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Ему каждый день приходилось надевать ненавистную немецкую форму и общаться с фашистами. Но это в условиях оккупации позволяло приносить большую помощь селянам и быть незаменимым в разведгруппе. Рассудительный, мудрый, до последнего вздоха преданный Родине, Абдуракип Болатов, находясь в самом логове врага, не допустил ни одной ошибки, ни одного промаха...

Он ехал на своей линейке по степи, погруженный в свои мрачные мысли, по привычке замечая растительность, ковром расстилающейся перед ним. Он уже не чувствовал ни горьковатого аромата полыни, ни запаха тимьяна, цветов ромашки, полыни, — всего этого степного разнотравья, по-прежнему издававшего свой аромат. Как не видел волн серебристого ковыля, которые прежде давали возможность ощутить себя человеком свободным, не имеющим серьезных проблем. Он помнил изречение мудрецов о том, что степь даёт возможность соприкоснуться с вечностью, но сейчас и степь, раньше поглощавшая его проблемы, была бессильна перед тем, что мучило его все эти месяцы.

Тревога за своих родных, за своих земляков не давала Абдуракипу Болатову покоя, ни на минуту не отпускали его мысли о том, что ему, как старосте, приходилось иметь дело с ненавистными ему фашистами. Вот и вчера, отвечая на вопрос, вернувшейся в село Алиме, почему ему пришлось стать полицаем, отвечал: «Не хотел я, конечно, но люди настояли. Мы тебя, мол, с детства знаем, выбирали председателем колхоза. Ты — хороший руководитель, никогда

ничего плохого не делал. Время такое: в каждом селе должен быть полицей, мы тебя просим стать им в нашем. Я пытался им объяснить, что из меня полицей не получится, тут нужен человек другого склада, более грубый, но не получилось. Они меня уговорили, сославшись на то, что тот, которого выберут в случае моего отказа, сделает жизнь невыносимой. Ты меня не знаешь, но можешь спросить обо мне у Сейфедина Меннанова...».

Ревиде ханым, отвечая на вопросы Алиме, так отзывалась об Абдуракипе Болатове:

— Он приходится мне родственником по материнской линии, поэтому можешь считать его даи — дядей. На его полицейскую форму не нужно обращать внимания, так положено. Несмотря ни на что, он оказывает неоценимую помощь нашим людям. Уберёг от угона в Германию нашу молодежь, предупредил их и она вовремя ушла в степь. Помогает семьям фронтовиков, да много чего хорошего делает для людей Абдуракип... Он пользуется большим авторитетом, его в селе уважают.

Одному ему было известно, как трудно ему охранять спокойствие, общаясь с немцами, соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не выдать себя.

Он был уроженцем Джермай-Кашика. Родился здесь в 1907 году, в 19 лет окончил Дёрт-Кульскую школу. В 1930-м, в только образовавшемся колхозе «Къызыл йылдыз» («Красная звезда») стал работать бригадиром, а в 1935 был избран председателем колхоза. Через 3 года окончил в Феодосии курсы повышения квалификации сельхозработников, был высокопрофессиональным специалистом по земледелию и животноводству, а руководимый им колхоз числился в передовых. Был женат на Перузе из своего же села, слыл хорошим семьянином, опытным и добросовест-

ным руководителем, умел ладить с людьми, находить с каждым общий язык. Эти качества позволили ему в дальнейшем пользоваться доверием у нацистов, но при этом Абдуракипу удавалось отстаивать интересы своих земляков. Те, кто был одет в немецкую форму, особой проверке не подвергались, чем часто и пользовался Абдуракип, посещая закрытые зоны Керченского полуострова. При необходимости доставал аусвайсы (удостоверения личности) для разведчиков своей группы.

Положение на фронте менялось, враг догадывался, что наступили его последние дни на полуострове, и от того стал обходиться с местным населением еще ожесточеннее.

Когда Алиме в первый раз попала на глаза немцам из «ГФП-312», Абдуракипу в разговоре с Циммером удалось отвести подозрения от неё и её семьи. Чтобы выведать у нацистов ценные сведения, ему приходилось приглашать их домой, где за разговорами те выбалтывали много лишнего. Пользуясь своим положением, бывал там, куда порой другим дорога была закрыта, сопровождал Алиме в поездке за новой рацией в Старый Крым, откуда они благополучно вернулись.

Как рассказала автору Месуре Кешвединова, проживающая в Чистополье (ранее Дерё-Салын), Абдуракип Болатов был ответственным человеком, начатое дело всегда доводил до конца.

— Он был родным братом моего къартбаба Узеира Болатова. Он часто вспоминал о нём, рассказывал маме — Периде ханым. Мы всегда гордились тем, что у нас был такой герой — Абдуракип Болатов, разведчик из группы Алиме Абденановой, бесстрашный родственник, который занимался подпольной работой в логове врага. К сожалению, детей у них с женой не было.

Часть седьмая

НЕДЕТСКИЕ ПОДВИГИ ЮНЫХ ГЕРОЕВ, ИЗВЕСТНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ...

Ещё со школы мы знаем о подвиге Володи Дубинина, юном герое, участнике Великой Отечественной войны. Он был одним из членов партизанского отряда, воевавшего в каменоломнях Старого Карантина вблизи Керчи. Советский детский писатель Лев Кассиль в 1949 году написал повесть «Улица младшего сына». По её мотивам в 1962 году вышел одноимённый фильм Льва Голубева, а в 1985-м — фильм Романа Виктюка «Долгая память». Композитором Владимиром Шаинским на стихи Наума Олева была написана «Песня о Володе Дубинине». Благодаря этим произведениям, жизнь и подвиг Володи стали широко известны, он был включен в пантеон юных героев, портреты которых были установлены в каждой советской школе. В 1964-м в городе Керчь В. Дубинину установлен памятник в виде скульптуры, вытесанной из цельного камня. Также бронзовый бюст Володи Дубинина есть на территории керченской школы № 1, где он когда-то учился. В 1961 году его именем был назван посёлок в Красноярском крае, основанный комсомольцами-строителями.

И это замечательно, что героя, отдавшего на той страшной войне свою юную жизнь, помнят и чтут.

Но вот мало кто среди сегодняшних 16-летних назовёт других юных крымских героев времен войны среди. Время было сложное, история не сохранила их имен. И сегодня мы пока не можем назвать их всех, но будем помнить имена Джевата Меннанова, Сейдали Куртсеитова, Васфие Аединовой.

Маленькие герои большой войны... Они сражались рядом со старшими — отцами, братьями, вместе с подполь-

щиками и партизанами. Сражались повсюду — в подполье, как Джеват Меннанов с Керченского полуострова, в горах рядом с партизанами Южнобережья как Сейдали Куртсеитов, в Бахчисарае, где с другими партизанами была повешена 13-летняя Васфие Аединова. Памятник «Дерево скорби» на Долгоруковской яйле посвящен Сейдали Курсеитову. Став партизаном в неполные 17 лет, Сейдали был разведчиком, проводником, пускал под откос эшелоны противника, участвовал в боях с карателями, был трижды ранен. Четвёртое ранение 29 января 1944 года оказалось смертельным. Фашисты нашли умирающего Сейдали и казнили его жестоким, варварским способом. Посмертно юный герой был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Надпись на памятнике гласит: «Здесь зверски замучен фашистами 29.01.1944 г. командир 1-й группы 18-го партизанского отряда Куртсеитов С.».

В первый день вступления в Бахчисарай нацисты повесили 8 человек, среди них была Васфие Аединова. В архивных данных значится: пионерка, 13 лет. На её груди висела табличка с надписью «Партизанка». Больше о ней ничего не известно.

До войны это были самые обыкновенные мальчики и девочки. Учились, помогали старшим, играли, иногда даже участвовали в потасовках. Но пришёл час тяжёлых испытаний, и они доказали, каким огромным может стать обыкновенное детское сердце, когда разгорается в нём большая любовь к Родине, боль за судьбу своего народа и ненависть к врагам.

Как и на взрослых, на их хрупкие плечи легла тяжесть невзгод, бедствий, горя военных лет. Но не согнулись они под этой тяжестью, стали сильнее духом, мужественнее, выносливее, совершив великий подвиг.

Часть восьмая

БЕССТРАШНЫЙ ЮНОША. КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ И ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ДЖЕВАТА МЕННАНОВА

Война для него началась в 14 лет...

Он рос обычным мальчиком — учился в школе, играл с ребятами на пустыре, читал книги, таскал вёдра с водой, помогая матери, работал в огороде. Казалось бы, его ожидало светлое будущее, но радость жизни омрачилась внезапной войной.

Крым был оккупирован гитлеровскими войсками. Фашисты свирепствовали, горели города и сёла, погибали тысячи людей на фронтах и на оккупированной врагом территории. Трудно было усидеть юношам на месте в такое время.

Повзрослевшее детство Джевата было наполнено такими испытаниями, что не будь оно на самом деле, в это трудно было бы поверить. Но это было. В истории нашего народа, в судьбе этого юноши.

Он окончил семилетку, мечтал стать ветеринаром. До оккупации работал ремонтником шоссе, помогал возить камни из Дёрт-Кульской каменоломни. В повести Аблямита Умерова юному разведчику также отведено немало места.

Предлагая Алиме привлечь Джевата в разведгруппу, его брат Сейфедин сказал о нём:

— В школе он был одним из пионеров, которые занимались общественной работой. Ответственный, честный малый, ему можно доверять. Сейчас он занят на ремонте дороги Феодосия — Керчь. По ней часто проезжают немцы.

После знакомства с Джеватом, Алиме дала ему первое задание:

— Работая на шоссе, сможешь запомнить, в каком направлении движутся немецкие войска, бронетехника, сколько их, какие машины едут, что в них везут? Сможешь?

— Конечно! — уверенно ответил юноша.

— Твой брат и я не сомневались, что ты станешь хорошим помощником.

Джеват с помощью Абдуракипа был принят на работу почтальоном. Привозил почту из Дёрт-Кульской районной почты. Эта работа позволяла ему встречаться со сверстниками из других сёл и узнавать от них новости. От природы наблюдательный и памятливый, он быстро уяснил азы подпольной работы.

Аблямит Умеров описал и идеологическое влияние тогдашнего строя на молодёжь.

Собрав группу 7-го ноября, Алиме поздравила всех с праздником, поблагодарила за отличную работу и предложила:

— Мы все знаем, что пионер Джеват активно участвует в нашей борьбе против врага. Недавно ему исполнилось 16 лет, и, если бы не война, его бы приняли в ряды комсомола. Приняв во внимание заслуги Джевата перед Родиной, предлагаю принять его в члены ВЛКСМ.

Так Джеват, как и его сверстники, уверенные что должны быть в авангарде патриотов Родины, стал комсомольцем.

На другом собрании Алиме, сообщив, что «командование высоко оценило работу группы», поблагодарила своих верных помощников. Она рассказала о том, что немцами в сёлах ведётся большая подготовка, следовало бы внимательно изучить район Камыш-Буруна, имеющего для Красной Армии большое стратегическое значение, а также берег напротив села Карангыт и побережье залива Чауда.

— Это поручение очень важное, его должен выполнить кто-то из мужчин, — добавила она.

Первым откликнулся Джеват:

— Меня немцы принимают за сельского простака. Взрослым идти в тот район опасно, доверьте мне это поручение. Я съезжу в Камыш-Бурун, узнаю обо всём, что там происходит. Не отказывайте мне, прошу... Пусть это будет первым комсомольским поручением.

Подросток ждал ответа стоя.

Алиме спросила разрешения у брата. Сейфедин не возражал:

— Джеват не раз уже выполнял задания, уверен, справится и с этим.

— Хорошо, Джеват, иди. А заодно посмотри, что творится в деревнях Коп-Такыл, Новоалексеевке, — разрешила Алиме.

Словно выйдя победителем в этом разговоре, он с гордостью сел на свое место.

Надев старую рабочую одежду, Джеват с утра отправился на задание. Миновав Русский Аскар, Кош-Кую, к вечеру дошёл до Новоалексеевки. Поднялся на стог сена, спрятавшись в нём, и со своего убежища стал наблюдать за передвижением немецких офицеров, автомашинами. Юноша терпеливо, часами наблюдал. Заметил, как в Камыш-Бурун машины едут пустыми, а оттуда гружёнными. «Значит, там у них склад с горючим», — отметил он про себя.

Наутро следующего дня точно установил, где они находятся. Когда мимо проезжали машины, гружённые солдатами, военной техникой, поднял руку. Вдруг один из солдат открыл огонь, но Джеват успел вовремя лечь на землю. Затем через села Айман-Кую, Сараймен, Бештерек, Элькеджи-Эли дошёл до села Коп-Такыл. Сев у изгороди на краю села, стал наблюдать. Заметил у маяка 4 дальнобойные пушки. Продолжая наблюдать, съел последний кусок хлеба. Домой вернулся лишь на третий день.

Джеват шёл с задания, думая по дороге: «Брат, Алиме и вся группа будет довольна мной. Я выполнил ещё одно поручение». Устав, присел на камень, посмотрев на небо. На него смотрели ночные звезды. Джеват задумался, стал мечтать о том, как они будут жить после того, когда закончится эта война, и он снова сможет вернуться в школу, учиться дальше. Вспоминая то беззаботное время, не заметил, как заснул. Проснулся так же внезапно: чувство острой опасности, которое вдруг возникло где-то в самых отдалённых глубинах сознания, мгновенно выхватило его из сна. Он поспешил дальше.

Место под рацию разведчицы Алиме и Лариса при первой же опасности меняли. Когда решили её спрятать в степи, вместе с ними пошел Джеват, чтобы показать надёжное место. Уйдя подальше от села, рацию, завернутую в чекмень, спрятали в условном месте. Оттуда же отправили очередную радиограмму.

Когда их схватили, фашисты никаких снисхождений подростку не делали, его ожидала та же участь, что и всех.

Глядя в камере на своего избитого, замученного младшего брата, которого он опекал всю жизнь, а тот оправдывал его ожидания и никогда не подводил его, Сейфедин думал: «Как найти слова, которые придали бы этому дорогому родному человеку силы в последние часы его жизни, — самое могущественное и самое родное из всех слов?..». Но слова застревали где-то в горле и, боясь выдать себя, он молчал, крепко сжимая зубы.

Юный подпольщик был зверски замучен, но до последней минуты оставался стойким, мужественным, негибаемым.

В штабе «ГФП-312» выполнял важное задание молодой советский разведчик Ибрагим (Игорь) Аганин. Работая переводчиком, он был свидетелем того, как мужественно и стойко вели себя на допросах участники подпольной группы.

Ему было очень трудно. Позже он расскажет:

— Было очень тяжело сидеть напротив избитого, окровавленного человека, знать, что он свой, родной, наш, и в то же время не иметь возможности помочь ему, ободрить словами...

«Чем ты поможешь этому герою? — спрашивал я себя. — Ничем!.. Его расстреляют вместе с тобой. А твоё задание? Там, на Большой Земле, от тебя ждут новых сообщений. Стисни зубы! Переводи!..». И я снова переводил одни и те же вопросы: «С кем вы связаны? Назовите фамилии. Мы всё равно узнаем...». А люди, наши советские люди, молчали. Они умирали гордо, ни одного слова не слышали от них палачи....

Он навсегда остался юным... Мечты о будущей жизни, о профессии остались нереализованными, лишь одна, самая заветная, сбылась: родное село, Крым был освобожден от фашистов, но об этом ни ему, ни другим членам разведгруппы «Дая» не суждено было узнать. Как не дано было узнать то, как велика была в этом их заслуга, заслуга забытых героев из небольшого села Джермай-Кашик, защитников крымской земли, чьих могил, увы, не найти. Но память о них живет.

Часть девятая

ОНИ ЗАСЛУЖИЛИ ПРАВО НА ВСЁ. КРОМЕ ЗАБВЕНИЯ

Так воевал их незримый фронт. Бесстрашно, мужественно, храбро. И это главное. С невероятной жестокостью фашистские палачи расправились с крымскотатарскими патриотами. Но несмотря на зверское обращение с арестованными, воля их не была сломлена.

Эти совсем ещё молодые люди отдали свои жизни в борьбе за свою Родину, свой народ и за своих близких. Эти жизни принесены в жертву ради жизни, ради Родины, ради родной земли. И, хотя их вклад долгое время оставался «за кадром», народ узнал имена Васфие Аджибаеву с дочерью.

Им было чуждо чувство жалости к себе и тщеславия, ими руководило чувство долга.

Многие эпизоды их биографии остались неизвестными. Известно немногое.

Джевату навсегда только шестнадцать. И мечты о профессиях инженера, летчика, авиаконструктора, учителя не реализованы. Они действовали в тяжёлое время фашистской оккупации, в родном Крыму, за который до последнего боролись. Его истязали в немецких застенках, без всякой скидки на то, что перед ними, по сути, совсем ещё мальчик.

В пятницу, 15 января, комната пыток умолкла.

Ему было всего шестнадцать мальчишеских лет, когда худое, измученное, истерзанное тело находилось в страшных руках гестаповских палачей, отнявших не одну человеческую жизнь. Это были жестокие и беспощадные костоломы. Никакие годы не смогут стереть в памяти людей следы кровавых преступлений фашистов.

В шестнадцать лет он испытал и пережил то, чего никогда не должны увидеть и испытать поколения веками, если люди мира не дадут вновь воскреснуть нацизму.

Не стало матери двоих детей Неджибе Баталовой, расстрелянной карателями. Оставила сиротой свою дочь Васфие Аджибаева, которая погибла после зверских пыток, истекая кровью на полу камеры.

Их подвиг тем и велик, что они, неподготовленные, вступили в смертельно опасную борьбу. К этому можно лишь добавить, что ещё один подвиг они совершили именно там, в тюрьме, где испытывали нечеловеческие муки, но до

конца, до самой смерти остались людьми, защищавшими свою Родину. Они достойны преклонения и доброй памяти. За свою короткую жизнь они совершили подвиг, который будет жить вечно.

Нам остается восхищаться высокой нравственностью их подвига. Ведь никто, кроме совести, не заставлял их ежедневно рисковать жизнью. Но это было для них естественным — стремиться принести наибольшую пользу Родине, чувствовать причастность к судьбе родного края, Крыма. Они оставили нам пример того, как нужно любить родную землю, относиться к людям, преодолевать жизненные испытания.

Они всегда вызывали у соотечественников безмерное восхищение, на всю жизнь оставшись в памяти героями и патриотами. До боли обидно, что такие яркие, как они, люди, их жизнь, действия в трудных условиях вражеского тыла, долгое время оставались известными небольшому кругу людей.

Ни года, ни желание приуменьшить значение разведгруппы не властны над их подвигом.

В страшные военные годы они отдали самое дорогое — свою жизнь.

Благородный народ не даст забвению прикоснуться к их образу. Так они и стоят перед нашими глазами — живые, улыбающиеся, непобедимые, израненные, но непоколебимые...

Часть десятая

ВОЗМЕЗДИЕ

Управлению госбезопасности в результате многолетних поисков удалось арестовать предателей Родины, входивших в гитлеровскую контрразведку «ГФП-312», которые подвергли нечеловеческим пыткам, мучениям, издеватель-

ствам Алиме Абденанову и разведчиков группы «Дая». В 1959-м году состоялся Трибунал Северо-Кавказского военного округа, признавший их виновными в измене Родине, сотрудничестве с немецкой тайной полевой полицией, массовых расстрелах советских граждан.

В статье «В логове врага», опубликованной в газете «Труд» 10 марта 1959 года, было представлено решение суда: «Северо-Кавказский военный округ приговорил смертной казни изменников Родины, которые зверски мучили советских лютей, а затем расстреливали их — Михельсона, Дубогрея, Оленченко, Зуба, Круглова и Василенко. Суд над бывшими агентами гитлеровской контрразведывательной организации «ГФП-312» состоялся в Краснодаре. Предатели Родины, чтобы их не узнали, скрывались в разных уголках страны. Управлению госбезопасности с помощью советских людей в результате многолетних поисков удалось их арестовать. Первой была обнаружена радистка Лариса Гуляченко, потом нашлись: в Казахстане — Михельсон, в Минводах — Оленченко, в Запорожской области — Дубогрей. Круглова и Василенко арестовали и посадили в Ставрополе. Краснодарские следователи «положили на стол трибунала материалы допроса в двух томах, доказывающие о безмерных издевательствах и садизме военных преступников над советскими людьми. В процессе открытого суда предатели родины признали все деяния, в которых их обвиняли. На основании приговоров трибунала Северо-Кавказского военного округа служившие фашистам Михельсон, Оленченко, Дубогрей, Круглов, Зуб и Василенко подверглись смертной казни. Приговор 29 июня 1959 года приведён в исполнение. А. Василенко смертная казнь заменена пятнадцатью годами лишения свободы из-за его несовершеннолетия на момент преступления. Л. Гуляченко за предательство фашистам был дан длительный срок наказания», — говорилось в статье.

Часть одиннадцатая

КЪЫРЫМТАТАР КЪАДЫНЫ

Къырымтатар къадыны,
Бильмейим ич адыны.
Къолу чебер, озю дюльбер
Къырымтатар къадыны.

Башында фес яраша,
Бакъкъан козьлер къамаша.
Омюр бою чалыша
Къырымтатар къадыны.

Козьлери бадем киби,
Къашлары къалем киби.
Бакъышы алем киби
Къырымтатар къадыны.

Бакъынъ — дюнья дюльбери!
Екътыр онъа дегери.
Къайда олса — нам берир
Къырымтатар къадыны.

Мысырда Султан ола,
Дженкте къахраман ола,
Дертлерге дерман ола
Къырымтатар къадыны.

Къальбинде дуйгъу чагълар,
Такъдирге умют багълар.
Дудагъындан бал тамлар
Къырымтатар къадыны.

Марамасы йипектен,
Севсе севе юректен.
Ашыкъларны делирткен
Къырымтатар къадыны.

Риза Фазыл

В СЕРДЦЕ МАТЕРИ НЕ УТИХЛА БОЛЬ УТРАТЫ

...Несмотря на горе и страдания, она осталась Матерью, вырастившей и воспитавшей детей и внуков.

Ана, къартана... Да, в жизни каждого человека главное место занимает мама. Воспитание матери, её внимание формируют будущую личность, достойного человека, гражданина и патриота, готового бороться за свободу. Именно так она воспитывала детей, мечтая о светлом будущем для них. Все рухнуло в тот миг, когда небо над Крымом померкло.

«Мы её любим, зовем её просто — «ана». Мы перед ней в вечном долгу», — так говорила о Ревиде Усеиновой Алиме, которая во многом благодаря ей станет борцом за свободу Родины.

Старейшина большого рода Ревиде Усеинова вырастила лишившихся отца и матери детей её дочери Месельме — Алиме, Ферузе и Азифе Абденановых.

Вспоминая свою жизнь, она, конечно же, осознавала, что семья, дети стали смыслом всей её жизни, им она посвятила всю себя. Их она старалась воспитать людьми достойными и самостоятельными, которых безмерно любила и оберегала от всех жизненных невзгод. Суровые годы войны и людское горе, которое пришлось им хлебнуть, из памяти она не смогла вычеркнуть до конца дней своих.

Родилась она в многодетной семье из села Джермай-Кашик. Шел 1881 год, в округе не было школы, но позд-

нее она обучалась грамоте у местного врача, который лечил местное население. Замуж вышла в шестнадцать лет за Асана Абденанова, в семье родились три сына и три дочери. В голодный 1921 год Ревиде потеряла мужа и дочерей Эмине и Азифе. Так, в свои 36 лет она осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Днём работала у людей, вечерами шила на заказ, вышивала, стегала одеяла, даже шила тулупы. В этом ей помогала дочь Месельме, которая среди девушек села слыла искусницей. После её замужества Ревиде работала одна. В то время старшему сыну Исмаилу было 14, Муедину — 12, Аедину — 9 лет. Несмотря на трудности, делала всё, чтобы выучить детей.

Дочь Месельме вышла замуж, проживала в Керчи. Когда в семье родилась первая внучка Алиме, Ревиде поехала к ним в Керчь, где по случаю рождения первенца устроили праздник. После Алиме в семействе Борасановых-Абденановых родились девочки, но администрация не спешила увеличивать жилплощадь многодетной семье, проживающей по ул. Первая подгорная, 5 в Керчи.

После смерти Месельме и её мужа, девочек-сирот взяла к себе Ревиде *ханым*. Она учила своих детей и внуков добру, трудолюбию, почитанию и уважению старших, с раннего детства приучая к труду. Часто повторяла: «Учитесь, дети, образование на плечах не носить, оно пойдет на пользу вам. Неграмотный человек — все равно что слепой».

Они и выросли самостоятельными, целеустремлёнными людьми, стремившимися добиваться поставленных целей. Ревиде с молодости была честной и принципиальной, и такими же их воспитала. Не по годам серьёзных, трудолюбивых. Чтобы прокормить детей, бралась за любую работу, которую только можно было найти в деревне и в ближайших сёлах. Иногда подолгу отсутствовала, работая в семье врача, проживавшего в городе Старый Крым. Местный ста-

роста запрещал ей работать там, но она была не из пугливых, материнский инстинкт был сильнее страха, и она продолжала зарабатывать на хлеб.

Как пишет Владимир Лота, в 1922 году, когда в Крыму установилась советская власть, в селе Джермай-Кашик тоже был создан колхоз, получивший название «Красная Звезда». Ревиде одной из первых вступила в него, посчитав, что новое хозяйство поможет выжить им в трудных условиях, в которых оказались многие селяне. Вслед за матерью в колхоз вступил средний сын Муедин, и, хотя мальчику было тринадцать лет, его приняли.

Жизнь заставляла Ревиде быть активной, решительной, инициативной, она не боялась никакой работы. Пользовалась в деревне авторитетом, была избрана в состав правления колхоза, в котором стала единственной женщиной, что по тем временам было делом непривычным — женщина в те годы занималась в основном домашними делами, воспитывала детей.

Ревиде успевала многое, и находила время для участия в жизни села. А опыт, приобретённый ею за годы работы у врача, пригодился, когда в колхозе организовали амбулаторию.

У неё была глубокая и прочная связь с народом, что оценивалось как богатство души, близость к истокам, корням национальной культуры. В Ревиде Усеиновой наиболее органично соединились вера в высокую цель с богатым духовным миром.

Она добилась открытия в селе клуба и библиотеки, после чего односельчане вышли с инициативой избрать её председателем сельсовета, но Ревиде отказалась, сославшись на состояние здоровья и почтенный возраст.

Её дети выросли достойными людьми: Муедин по окончании училища работал на Керченском металлургическом

заводе им Войкова. Аедин окончил пищевой техникум, снабжал продуктами строителей Камыш-Бурунской агломерационной фабрики.

Абденановых уважали односельчане, ценило руководство. В 1933-м Муедин, отслужив в Красной Армии, вернулся в родные края. Это было время, когда людям навязывали преимущества компартии, и, поддавшись агитации, взрослые члены семьи Абденановых вступили в неё. По направлению Крымского обкома партии проходил учебу в Симферопольском высшем коммунистическом учебном заведении, по окончании которого работал завполитотделом машиностроительной станции села Узун-Аяк. Тогда же перевёз к себе в Керчь из Ленинского района мать и племянниц Ферузе и Азифе. Женился на учительнице Неджибе Баталовой, у них родились дети сын Рустем и дочь Ленура.

Не уступал ему в организаторских способностях, чувстве долга и ответственности Исмаил. Как и брат, он обладал способностью воспринимать нужды людей, их проблемы и заботы. Исмаил поработал на металлургическом заводе им. Войкова, а 1934 году был назначен в отдел кадров Камышбурунстроя. Должность считалась ответственной, Исмаила начальство высоко ценило, а руководство города выделило ему жилье в Керчи, куда он и въехал с женой. Родные часто навещали их в новой квартире. Жили дружно, старшие заботились о младших, а те с уважением относились к старшим. Младший из братьев — Аедин, окончив школу, уехал в Алушту, где работал вначале помощником киномеханика в Доме культуры, а после киномехаником.

Параллельно учился в институте, окончив который, был назначен на должность заведомо снабжения в Маяк-Салынский управлений наркомата государственных закупок. Абденановы честно работали, были на хорошем счету,

дома их ждали родные, и, хотя трудностей было немало, дружно справлялись с ними.

Война поставила большую точку в истории этой большой семьи.

Первым из братьев ушёл на фронт Муедин, став политруком одной из пограничных частей в Крыму. Когда Армавир был освобождён, у Алиме, которая тогда работала в военном госпитале Краснодара, знакомый спросил: «В Сочи лечится несколько раненых крымских партизан и солдат, среди них есть Муедин Абденанов. Не приходится ли он тебе родственником?». Отпросившись на работе, Алиме пошла в госпиталь. Нашла его выздоравливающим, рассказала, что мать и родные живы и здоровы. Муедин, в свою очередь, поделился с ней событиями своей военной жизни, связанными с деятельностью партизанского отряда, сражавшегося с немцами в Судакском регионе. После тяжёлых боев вынуждены были отступить в горы. Командиром был майор Панарин, политруком — Абденанов. Партизаны героически сражались с врагом, пуская под откос немецкие грузовые и легковые машины с оружием, боевой техникой, боеприпасами и живой техникой. Мужество и настоящее героичество проявил в боях М. Абденанов. По информации партизанского разведывательного центра, в деревне Сувук-Сув, в правлении колхоза, разместился штаб гитлеровских частей, они заняли также местную школу. Тщательно изучив месторасположение вражеских сил, партизанский отряд разделился надвое: атака на немецкий штаб была поручена М. Абденанову, вооруженные части взял на себя Панарин. В одном из боев Муедин был ранен. Так он и оказался в госпитале.

Ревиде Усеинова многим делала добро, и люди ей часто платили тем же. Когда под Ак-Монаем шли ожесточённые бои, в 5—6 км от линии фронта в деревне Узун-Аяк, в доме

семьи Муедина, где тогда жила Ревиде с дочерьми, остановился советский военный комиссар. Ревиде ханым приняла его хорошо, с крымскотатарским гостеприимством. Увидев на стене фотографию, гость спросил:

— Кто из ваших близких на ней?

— Это мой сын, Муедин, — ответила мать, коротко рассказав о нём.

— В Ак-Монае идут сильные бои, скрывать нечего, мы вынуждены отступать. Когда сюда придут фашисты, они первыми уничтожат коммунистов и их семьи. Вам нельзя здесь оставаться, нужно срочно уходить. Есть ли у вас близкие в другой деревне?

Недолго думая, она ответила, что в Джермай-Кашике проживает близкий родственник Батал Мирзаев. Комиссар, велел собираться, отвез её. Прощаясь, Ревиде подарила ему вышитое полотенце со словами:

— Не отказывайте, возьмите на память. По нашему обычаю в знак благодарности принято делать приятное.

Ревиде ханым во всем поддерживала патриотические устремления своих детей. Когда Алиме, ничего от неё не скрывавшая, сообщила о своем решении стать разведчицей, она дала согласие, но всю ночь так и не сомкнула глаз. Перед глазами пожилой женщины прошла вся её жизнь, полная забот и невзгод. Мелькали годы коллективизации: вот она ходит по окрестным сёлам, по домам, участвуя в кампании по ликвидации безграмотности, агитирует селян учиться, в местной избе-читальне, по её инициативе созданной, сама читает женщинам газеты и журналы. Вот она работает в фельдшерском пункте Маяк-Салына санитаркой, среди женщин ведя разъяснительную работу по сохранению здоровья, профилактике заболеваний, соблюдению правил гигиены. Она выучила своих детей графике. Вспоминала и о том, как её избрали секретарем сельсовета. Всплакнула о

Месельме, так рано ушедшей из жизни. Разговор с Алимe тревожил её, но в то же время она гордилась ею, гордо сказавшей: «Вы же сами учили нас любить Родину, бороться за неё, за народное дело, за справедливость».

Вспомнила и сказки, которые рассказала детям. Вот в сказке «Гульджиан» шла речь о железном быке, который появился в селе. Он всё рушит, уничтожает посевы, сады, выпил всю воду. Царь приказывает самому лучшему мастеру расплавить его: «Если ты в течение 40 дней не выполнишь это, снесу тебе голову!». Гульджиан, дочь мастера, ради спасения отца идёт в лес и спрашивает у леса, как и чем можно расплавить быка? Голос леса ей отвечает: «В костре, где он будет гореть, должна быть человеческая кровь. Привязав быка, разжигают костер. Бык пытается вырваться, разорвать цепи. В это время Гульджиан со словами: «Прощай, Родина, прощай мой народ, прощай, отец!», — бросается в огонь, а железный бык тотчас расплавляется.

Или сказка «Живое озеро», где рассказывается о том, как на нашу землю пришли захватчики. Озеро сыновьям народа, бежавшим в горы, чтобы не служить врагу, на своих волнах доставляло оружие, продовольствие. Там они сражались и победили. Но сами в село не вернулись. Мать спрашивает у озера: «Где Асан?». В ответ озеро выносит шапку сына, затем его тело. На его похороны пришли все селяне. Мать сквозь слёзы причитает: «Сынок, тебя вспоминают все: и люди, и лес, озеро. Ты, мой сынок, никогда не умрешь. Кто ради Родины не жалеет жизни, тот живет в вечной памяти народа...». Сквозь слезы Ревиде ханым вслух произнесла: «Конечно, дочь правильно сказала: я сама научила любить Родину. Правильно поступила моя Алимe, мы должны помочь советской армии изгнать врага из нашей земли. В этом благородном деле должна быть и наша доля. Алимe приходится её защищать. И в этом деле я должна

помочь ей». Наутро, несмотря на бессонную ночь, она чувствовала себя хорошо. Она видела в Алиме свою молодость.

Девочки с радостью ждали Нового года: Ревиде ханым готовила им любимый пирог — кубете, в который клала монету. Считалось, что тот, кому она попадет, в Новом году непременно повезёт. Любили не только потому, что это был вкусный пирог с мясом и картошкой, а потому, что вокруг него вся семья собиралась, вместе всем было весело. Такие вечера они запомнили на всю жизнь.

Кубете, приготовленное заботливыми руками матери, оказалось для одних госледним на Родине, куда им больше не доведется вернуться, а для других станет последним в их короткой жизни.

Была у Ревиде Абденановой большая, хорошая семья. Но где теперь все? Где её сыновья, неизвестно, что с Алиме...

Часть двенадцатая

ПОСЛЕ ИХ ГИБЕЛИ

Они любили Родину. Они отдали за неё самое дорогое — жизнь. Смерть не страшила их, и единственное, что угнетало, быть может, в последний час, было осознание того, что родные, близкие и соотечественники не узнают, как пришлось им умирать, не узнают, как стойко они выдержали все пытки, прошли через все муки...

А судьба детей, родителей, братьев и сестёр разведчиков, отдавших за победу свои жизни, не была усыпана розами... Скорее шипами, колючей проволокой. Дочь Васфие Аджибаевой Улькер, которая, сама не осознавая того, была юной разведчицей, вместе с мамой принимая участие во всех её разведывательных операциях по сбору информации, была выслана девочкой в посёлок

Ингички Каттакурганского района Самаркандской области Узбекистана. К тому времени она была круглой сиротой — её отец Абдуракип Умеров героически погиб на фронте. Улькер вырастили и воспитали замечательные люди Васфие Джэнгазиева и Насибулла Шамилев.

Дети Сейфедина Меннанова не выжили в тяжёлых условиях депортации, не родился ребенок Хайруллы Мамбетджанова, — вдова потеряла его до рождения. После казни Наджие Баталовой остались 5-летний сын Рустем и 3-летняя дочь Ленуре. Они тоже остались на попечении Ревиде ханым. Их отец Муедин Абденанов к этому времени активно занимался организацией партизанского движения в Крыму и уже длительное время отсутствовал на Керченском полуострове. В 1944 году, будучи секретарем Маяк-Салынского райкома партии, несмотря на высокую партийную должность, он ничего не знал о депортации крымскотатарского народа, и не мог чем-либо облегчить судьбу своих близких. Он смог найти их только спустя несколько месяцев в результате отчаянных поисков в посёлке Ингички Самаркандской области Узбекистана. Нашел их там, куда направила их советская власть, во имя спасения которой от фашизма несколько месяцев назад была расстреляна оккупационным режимом его любимая жена — подпольщица Неджибе Баталова. Нашел их больными, слабыми, опухшими от голода, но главное — живыми.

В те суровые годы во многом благодаря Ревиде Усеиновой сумели выжить малолетние представители семейных родов Абденановых и Баталовых. И когда трагическим днём в двери домов крымских татар постучалась беда, то, прежде всего, чаяниями и заботами таких женщин, как Ревиде ханым, ставшей для них самым главным человеком, были спасены малолетние девочки и мальчики — будущее народа.

Часть тринадцатая

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРАВДЕ

Имя Алимэ Абденановой после войны долгое время замалчивалось. И даже в статье «В логове врага», опубликованной в 1959 году после суда над палачами, казнившими Алимэ и членов разведгруппы «Дая», шла речь о подпольщице Ане, которую предала её радистка «Стася», авторы не назвали подлинного имени крымскотатарской разведчицы.

Как сообщала газета «Труд» в 1959 году, на заседании Военного трибунала, приговорившего карателей к высшей мере наказания, один из них рассказал о злодеяниях, совершенных ими в Крыму во время оккупации. Прозвучали имена патриотов, зверски ими замученных и расстрелянных. Особо он выделил стойкость и мужество 20-летней девушки, подвергшейся пыткам.

— Да, припоминаю, её звали Аня, — процедил сквозь зубы один из подсудимых. — Больше она ничего о себе не сказала.

Почему они привезли её под усиленной охраной к полицейскому комиссару Отто Коушу, а затем в Симферополь, где обосновалось высокое гестаповское начальство? Почему замученная нечеловеческими пытками девушка была для них так опасна? На выяснение имени бесстрашной разведчицы у советских властей ушли годы... И только гораздо позже стало известно, что военная разведчица Отдельной Приморской армии Алимэ Абденанова — «Сафие», связь с которой прервалась в феврале 1944 года, и Аня, ничего не сказавшая под жестокими пытками палачам — одна и та же девушка...

Статья, в которой речь шла о палачах, зверски пытавших и убивших Алимэ и её разведгруппу, буквально вве-

ргла родных и близких Абденановых в состояние шока. Раскрылась горькая правда, они наконец узнали о страшной участи, постигшей Алиме и её разведгруппу, в феврал-марте 1944 года, за несколько дней до освобождения Керченского полуострова. Как вспоминала сестра Алиме Азифе Абденанова, этот день для них стал днем траура: «У нас собралась вся округа, все родные и близкие. И всех возмутила последняя строка статьи: «Настоящее имя и фамилия 19-летней комсомолки Ани, от которой фашисты ни на один вопрос не могли добиться ответа, так и осталось неизвестным». Как это так? Ведь авторы статьи, корреспонденты газеты «Труд» П. Мешалкин и К. Распевин присутствовали на суде над изменниками Родины, состоявшемся после войны в Краснодаре! Почему они не догадались, что настоящее имя и фамилия военной разведчицы Ани — Алиме Абденанова?»

О разведгруппе «Дая», которую составляли крымские татары, в статье, разумеется, тоже не упоминалось. И только благодаря Джемилю Сейдамету и Сулейману Асанову, которые в 1964-м опубликовали очерк «Дочь Родины», и честному деятелю культуры, фронтовику Аблямиту Умерову, написавшему повесть «Ватан къызы», имя Алиме стало наконец известно, и читатели узнали правду о ней и её разведгруппе.

Судьба и гибель разведчиков в семьях близких и родных была окутана ореолом тайны. Долгое время не было никаких сведений о том, что же произошло с ними, как они погибли, где покоятся их останки...

— Рано потеряв маму, мы свою къартана называли мамой, очень любили её. Когда забрали Алиме и её товарищей, она долго плакала навзрыд. Мы все время боялись, что немцы придут и за нами. Если со стороны Эльтигена доносились взрывы, она нас успокаивала: «Это наши... Скоро наши

придут...». Так и жили мы с надеждой, но каждый день был для нас ужасен». С войны вернулся только Муедин. Аедин и Исмаил погибли на фронте.

В семье знали только одно: Алиме в старокрымской тюрьме. До самой смерти Ревиде ханым надеялась снова увидеть её. И повторяла: «Ждите Алиме, она вернётся...». Ревиде ханым долгие годы жила с именем Алиме и погибших сыновей на устах.

Позже станет известно: шестерых членов Джермай-Кашикской разведгруппы — братьев Меннановых, Абдуракипа Болатова, Хайруллу Мамбетджанова, Васфие Аджиеву и Неджибе Баталову — расстреляли у подножия горы Агармыш.

Ревиде ханым все ждала сыновей и дочь, до последнего вздоха произнося их имена...

18 мая началась депортация, от которой пострадали все родственники разведчиков.

Чёрно-белые страницы из личного дела Алиме в большой семье их потомков — самая ценная реликвия. Рассекреченные материалы стали главным доказательством подвига крымскотатарской разведчицы Алиме Абденановой.

Такова история одного из резидентов советской военной разведки, внесших — свою немалую долю в дело Победы. Жизнью им обязаны десятки тысяч солдат, воевавших за освобождение Крыма. Она и её разведгруппа продержалась в немецком тылу почти 6 месяцев. А всего судьба отмерила Алиме 20 лет жизни.

Их бессмертие — в нравственном превосходстве над врагом, выразившемся в отказе купить себе жизнь или хотя бы легкую смерть ценой предательства.

Часть четырнадцатая

ЖИЗНЬ БЕЗ НИХ...

Наши соотечественники во все времена не оставляли ближнего наедине с собой, с его горем, всегда стараясь прийти на помощь. Они помогали друг другу в годы немецкой оккупации, поддерживали в ссылке.

Дочь Васфие Аджибаевой Улькер, окончив школу, стала работать в Ингичкинской геологоразведочной партии. Вышла замуж за Аджемина Сейтсалиева. Семья переехала в Ташкент, где Улькер устроилась на работу заместителем директора в школу № 182. В 1955 году в посёлок Ингички приезжал сотрудник Управления Внутренних дел, встретился с Улькер ханым. Она расспрашивала его о судьбе своей матери Васфие Аджибаевой. Чиновник оставил дочери свидетельство о том, что её мать была разведчицей. «Очень жаль, что мы это свидетельство не берегли, — рассказывал Аджемин Сейтсалиев Аблямиту Умерову — автору книги об Алиме Абденановой и её разведгруппе. — Мы с Улькер прожили в мире и согласии счастливую жизнь. Очень жаль... Улькер скончалась в 1977 году от тяжёлой болезни». Улькер ханым вместе с мужем вырастили сына Абдемина и дочь Зевиде. Абдемин бей с семьёй проживает на Родине матери — в Ленинском районе, Зевиде ханым с семьёй — в Симферополе.

Сын Неджибе Баталовой Рустем Абденанов служил в летных войсках, в 1970 году окончил в Душанбе политехнический институт. Он с семьёй вернулся в Крым в 1990 году и, работая в тресте «Евпаториястрой» в должности главного инженера, с 1996 года — заместителем начальника, принимал участие в строительстве важных объектов Феодосии.

Рустем Абденанов умер в 2012 году, в возрасте 73 лет.

Ленура Абденанова проживает в селе Малек.

Депортация разлучила сестёр: Ферузе Абденанова была выслана в с. Кургантепа Андижанской области Узбекистана, а Азифе — в Сырдарьинскую область.

Муедин Абденанов, вернувшийся с фронта нашёл родных в селе Малек Сырдарьинской области.

Муедин Абденанов работал в ссылке со свойственной ему ответственностью и инициативой, вначале инструктором Сырдарьинского райкома партии, был избран парторгом колхоза «Ильич», затем — бригадиром хлопководческой бригады и агрономом, имел высокие правительственные награды.

После гибели Хайруллы Мамбетджанова, когда был освобождён Крым, его родных депортировали в посёлок Ингички Самаркандской области Узбекистана. В этом посёлке находился рудник по добыче вольфрама, куда в качестве рабочей силы привезли выселенных из Крыма соотечественников. Прежде на руднике работали заключённые, условия проживания были крайне тяжёлыми. Как рассказала автору близкая родственница Хайруллы Мамбетджанова Шейде Сулейманова, когда его вдову Сальме ханым выслали, она ждала ребенка, и в таких условиях потеряла ребенка. «Время было сложное, родственники долгое время не могли найти друг друга, — поделись Шейде ханым. — Позже нам стало известно, что она перебралась к родственникам в таджикский город Ленинабад (ныне Худжанд)».

Шейде ханым рассказала, что в семье её матери было 8 человек — Хайрулла, Абляз, Вайде, Аджи-Гульсум, Зубиде, Мендува, Ребия, Сервер. «Во время высылки тётя Вайде была беременна, но потеряла ребенка, — поделилась Шейде ханым. — Это произошло в казахстанских степях. Когда их привезли в Узбекистан, она скончалась в первые же дни. Все близкие жили в ожидании Хайруллы ага, пока не полу-

чили трагическую весть о его страшной гибели. Мама часто рассказывала нам, каким он был замечательным человеком, он был очень ответственным, ему поручали сложные задания...». Сама Шейде ханым хранит память о нём, часто пишет в газеты о своем героическом дяде, о других воевавших соотечественниках.

О семье Меннановых известно, что брат Сейфедина Эбузия с первого и до последнего дня войны был на фронте. Он родился в 1909 году. Отслужил 3 года в рядах советской армии, участвовал в польской кампании. Всю войну служил в 9-м автотранспортном батальоне в составе 37-й армии. Участвовал в освобождении Кавказа, Украины, Бессарабии, Румынии, Болгарии. Он вернулся с войны награждённый боевыми медалями, и был выслан в Узбекистан, посёлок Ингички Самаркандской области.

Второй брат Сейфедина Меннанова Ментар окончил в 1939 году танковую школу в Пушкино Ленинградской области. Во время войны в звании младшего сержанта служил танкистом во 2-й Краснознаменной танковой дивизии. Участвовал в защите Ленинграда, в прорыве Ленинградского кольца, в боях за Выборг, Эстонию, Латвию, Литву, форсировал реку Вислу в Польше, дошел до Германии. Был отмечен наградами, победу встретил в Пруссии. Но с боевыми медалями, после 7-летней военной службы был отправлен в Бекабад Ташкентской области Узбекской ССР.

Племянница Джебвар Асанова делится с нами горькими фактами семьи:

— Один мамин дядя погиб на фронте, другой пропал без вести. Мой отец был призван в армию, прошёл всю войну, еще и дослуживал до 1947 года. Вернулся, а родных нет. Поехал на поиски в Узбекистан. Там у него забрали военный билет, медали, он не пользовался льготами и, как все, отмечался в комендатуре...

Часть пятнадцатая

ВОСПОМИНАНИЯ БЕРЕЖНО ХРАНЯТСЯ В СЕРДЦАХ БЛИЗКИХ

Из ближайших родственников у членов разведгруппы Алимe Абденановой остались племянники их семьи, которые бережно хранят память о своих легендарных родственниках.

Дочь Ферузе Абденановой Джевар Асанова делится как её мама рассказывала:

— Мы долгое время не знали, где наша Алимe, что с ней, пропала без вести... Но Ревиде къартана всегда говорила: вы ждите Алимe, она все равно вернётся. И народ Крыма всегда помнил о девушке Алимe — бесстрашной, преданной своей Родине. Она была для нас как факел, как пример верности и честности...

Джевар ханым с гордостью рассказывает:

— В семье у нас она — кумир: и наши дети с раннего детства знают о легендарной Алимe, о том, какой она совершила подвиг. Очень больно и невероятно жаль, что ни моя мама, ни её младшая сестра Азифе, покинувшие этот мир, уже не смогут рассказать о своей родной сестре. А сколько они могли бы поведать нам! Говорить могли часами при каждой встрече.

Так сложилось, что мы жили в городе Кургантепа Андижанской области Узбекистана, а Азифе тизе — в городе Янгиюль Ташкентской области. Расстояние — около 10 часов езды на поезде, поэтому встречи их были не такими частыми, как хотелось бы. Но каждая встреча традиционно начиналась примерно так:

— А помнишь, мы в детстве играли в дочки-матери и строили свои домики в разных углах нашего дома. А потом

ходили друг к другу в гости и так крепко обнимались, будто давно не виделись. Видимо, с детства нам было предопределено ждать друг друга, скучать, тосковать, радоваться каждой встрече, и в доме часто звучало слово «асретлик» — тоска... Но мы-то живы, создали свои семьи, встречаемся, а вот наша Алиме... Как было бы хорошо, если бы она была жива и у неё тоже была своя семья. И как бы радовалась наша любимая Ревиде къартана!

Азифе тизе рассказывала, как страдала Ревиде къартана, как сквозь тишину слышались слова: «Ах, меним Алимом, не одду санъа, насыл даянайым, насыл яшайым..» («Ах, моя Алиме, что стало с тобой, как мне это вынести, как жить...»). И до своего последнего вздоха она просила ждать её. И сёстры ждали, пока им в руки не попала газета, в которой была опубликована статья «В логове врага». Последняя надежда родных умерла...

Позже мама писала в газету «Труд» о том, что Аня — это её родная сестра Алиме. Газету принесла соседка, и в этот день у нас собрались родные, друзья, соседи, — все пришли поддержать маму. Они знали о судьбе Абденановых, но в этот день со слезами на глазах весь вечер слушали воспоминания. Несколько дней спустя, собрав родных и близких, провели дуа — молебен.

Со слов мамы, Алиме охотно помогала бабушке, заботилась о сестрах, но, несмотря на занятость по хозяйству, с отличием окончила русскую школу.

Мама с гордостью говорила, какой она была в школе заводилой, общительной девочкой, имела много друзей, как её взяли на работу в Ленинский райисполком. Мы вместе с мамой и Азифе тизе ходили в кабинет, где она работала. А в те годы, когда от Алиме не было никаких вестей, сёстры с Ревиде къартана приезжали сюда.

Ферузе и Азифе считали Алиме самой красивой, самой умной, самой сильной и очень ответственной. Она была

первой помощницей, правой рукой бабушки, а все окружающие обращались к ней, как к взрослой — такой она была не по годам серьёзной. Нам ставили её в пример, мама говорила, что я похожа на Алиме, а Азифе тизе считала, что её дочь Диляра похожа на нее. И нам было понятно их желание... Мы же старались не огорчать своих родителей.

О деятельности Алиме в тылу врага рассказывала нам чаще Азифе тизе, поскольку была в гуще событий, свидетельницей и участницей тех событий. Она хорошо помнила, как Алиме появилась в Джермай-Кашике с радисткой Ларисой, позже предавшей её и разведгруппу. 14-летняя Азифе понимала, что сестра выполняет ответственное задание, знала о том, что рацию прятали в хлеву. Она помогала сестре, её часто просили играть во дворе и подавать сигнал — мести двор, поднимая пыль, в случае появления посторонних лиц, когда в доме находились Алиме со своей группой. Невыносимо тяжело было слушать о той страшной ночи, когда арестовали Алиме, о том, как жестоко вели себя немцы. Вспоминали приезд подполковника Захарова (Трусова), к которому Азифе должна была обратиться в случае необходимости.

Мама очень много читала, немного писала стихи, как говорила — «для себя». В нашем доме была подшивка газеты «Ленин байрагы», а журнал «Йылдыз» она перечитывала не раз.

Помню, с какой гордостью приглашала гостей, когда у нас несколько дней жил автор книги «Ватан кызы» («Дочь Родины») уважаемый Аблямит Умеров. Замечательный, талантливый, очень чуткий человек, я хорошо его помню. Мне нравилось наблюдать за их с мамой беседой. «Днем работаем, а вечером встречаем гостей», — так гово-

рила мама. Не каждый же день удается встречаться со знаменитостями.

А ещё, когда мама готовила рыбу, вспоминала, как они просили къартана пожарить рыбу бакабаш. И она, выполняя все прихоти своих любимых внучек, складывала на сковороду по несколько рыбёшек, соединяла хвостики, получался веер, который они дружно съедали.

Ревиде къартана даже хотели выбрать главой сельсовета. Её трое сыновей стали коммунистами (время было такое), имели активную жизненную позицию. Муедин был парторгом, а во время войны возглавлял партизанский отряд.

Они рассказывали и о трагическом дне 18 мая 1944 года... Мама в тот день была в гостях у Эмине тизе, и была отправлена в Узбекистан с её семьей, расставшись на время с сестрой Ферузе и къартана. Теперь я понимаю, почему у мамы болело сердце: остаться без родителей, потерять сестру, потерять семью и ехать неизвестно куда в нечеловеческих условиях. Об ужасах тех дней в дороге анам написала стихи. Я их читала на мероприятии в Доме культуры Ленино. У меня их попросили и, к сожалению, уже не могу найти концов. Очень обидно. Пожелтевшие листочки и строки, написанные карандашом. А самое главное — строки, написанные рукой дорогой мамы.

У мамы родились две дочери — Назмие и я, 4 внука, 4 правнука.

У Азифе тизе было 7 детей: Диляра, Алим, Эльвира, к сожалению, Эдем, Наджие, Ленур, Алие покинули этот мир. Растут 8 внуков, 13 правнуков.

Уверена, что мама и Азифе тизе рады, что подвиг нашей Алиме оценен по достоинству, что наш народ хранит о ней память.

Мама умерла в 1994 году, Азифе тизе — в 2006 году.

Надеюсь, Всевышний воссоединил души всех трёх сестёр...

Следует отметить, что Джевар Асанова является одной из самых активных родственниц Алиме Абденановой по сохранению памяти нашей национальной героини, болеющая за то, чтобы имена разведгруппы помнил народ.

Джевар Асанова рассказала нам о своей встрече с племянницами Абдуракипа Болатова Мубирой и Эльвирой Бекировыми. К сожалению, Мубира ханым недавно покинула этот мир.

— Лишь спустя годы начинаешь переосмысливать события тех минувших трагических дней, и с сожалением понимаешь, что не все вопросы заданы, не на все получены ответы, а сколько бы ещё хотелось уточнить, узнать...

С таким намерением я отправилась в село Калиновка (ранее Корпе) к двум замечательным сёстрам, родственницам мамы по линии Ревиде къартана Мубире Бекировой (1929 года рождения) и Эльвирой Менлятовой (1934 г. р.). Именно они — живые свидетели тех страшных военных лет.

За традиционной чашкой кофе, который подала нам дочь Мубиры ханым Венера ханым, мы окунулись в прошлое.

«Прошли десятилетия, мне тогда было 15 лет, но в памяти живёт каждое мгновение», — вспоминала Мубира ханым. В семье её родителей Теминара и Фатьме Бекировых, проживавших в селе Джермай-Кашик, росло пятеро детей: дочери Шазие, 1921 г. р., Айрие, 1924 г. р, Мубира, 1929 г. р., Эльвира, 1934 г. р. и сын Риза, 1926 г. р. Отец работал старшим конюхом, а мама — в детских яслях, смотрела за маленькими детьми, пока женщины собирали хлопок.

Когда женщины начали вспоминать военное время, наперебой говорили о том ужасе, который пережили в те годы.

— Старостой села жители попросили стать бывшего председателя колхоза Абдуракипа Болатова, нашего эмдже, поэтому у нас в селе жилось легче и никого не угнали в Германию, — рассказывает Эльвира ханым. — Наш отец приходился ему двоюродным братом.

Мубира ханым вспоминала: когда шла свадьба Хайруллы Мамбетджанова, который женился на Сайме, сестре Сейфедина и Джевата Меннановых, она стояла за домом. К ней подошла девушка, представилась Стасей (они так и будут называть Ларису Гуляченко), попросила позвать Абдуракипа Болатова. Мубира побежала за ним, наблюдала за тем, как «Стася» что-то говорила, размахивая руками. Абдуракип сразу же запряг линейку и быстро поехал. Утром они узнали, что он ездил за Алиме, которая подвернула ногу, приземляясь с парашютом. Хорошо помнит, как к ним домой приходила Алиме, говорила, что соскучилась по стряпне их мамы, обедая, часто смотрела в окно. Это потом они догадались, что она ждала самолёт или какие-нибудь сигналы.

Я с огромным вниманием и волнением слушала, когда вспоминали об Алиме, отмечая, что она была особенная, очень красивая, видная, энергичная, похожая на Ревиде къартана.

Они тепло говорили о Васфие Аджибаевой, работавшей заведующей медпунктом, вспоминали, как её хвалили в селе, как она лечила ногу Алиме. Помнят жительницу Неджибе Баталову, жену Муедина Абденанова, её детей, Рустема и Ленуру. Помнят и мою маму, Ферузе, и Азифе тизе.

На всю жизнь им врезалась в память та страшная картина ареста Алиме и членов разведгруппы — Абдуракипа Болатова, Васфие Аджибаевой, Неджибе Баталовой, Сейфедина и Джевата Меннановых, Хайруллы Мамбетджанова. Как за них переживали, плакали все односельчане...»

Двоюродная сестра Алимэ Абденановой Ведиэ Абденанова делится: «Народ Крыма всегда помнил о девушке Алимэ — бесстрашной, преданной своей земле. Она была для нас примером верности и честности. А в семье у нас она кумир: как только дети начинают что-то понимать, они все знают об Алимэ, о том, какой она совершила подвиг. Настолько мы почитаем её, что я оставила её фамилию, чтобы она не исчезла бесследно».

В фильме «Крымская легенда» разведчицу сыграла дочь Джевар ханым Зарема Асанова, которая рассказала о своих впечатлениях:

— Допрос снимали в СИЗО, и при виде актеров в немецкой форме мне становилось не по себе...

Сегодня моя дочь не понимает, как её сверстница могла выдержать такие испытания, — делится Джевар ханым. — Но я, честно, не знаю, смогу ли сама поступить, как Алимэ, если вдруг понадобится... Моя мама рассуждала по-женски: да, сестра сделала свой выбор, совершила подвиг. Хотя лучше бы осталась в тылу, и сейчас у нас была бы ещё одна семья родственников... А вот Ларисе давались безупречные характеристики, везде «отлично». Однако не выдержала...

ПАМЯТЬ

Огромную роль в сохранении памяти крымской разведчицы и группы «Дая» сыграл известный деятель культуры, фронтовик Аблямит Умеров, написав документальную повесть «Ватан кызы» («Дочь Родины»), вышедшую в свет на родном языке в 1987 году в Узбекистане.

Прошедший всю войну, он знал цену жизни, важность своевременного получения информации, понимал силу печатного слова. Аблямит Умеров разыскал родных и близ-

ких разведчиков, отправляясь для этого в самые отдалённые села Узбекистана — туда, где они оказались в результате ссылки. Он подолгу беседовал с каждым из них, а они были бесконечно благодарны человеку, которому так небезразлична судьба разведчиков и их самих. Педагог, член-корреспондент Украинской академии акмеологических (человековедческих) наук Халиде Велишаева перевела книгу на русский язык, и сборник увидел свет в 2008 году. Еще в 1960-х годах в газете «Ленин байрагы» (Ленинское знамя) была опубликована статья Сулеймана Асанова и Джемиля Сейдаметова, посвященная Алиме. Когда стала известна правда о гибели разведчиков, появилось немало публикаций во всех национальных изданиях.

А памятник героине был первым в Крыму после возвращения крымских татар на историческую Родину, и создан он был в 1988 году по инициативе общественности. Тогда, несмотря на все препятствия, чинимые местной властью, соотечественники, собрав средства, установили его глубокой ночью.

В настоящее время, после того, как в 2014 году был воздвигнут новый памятный комплекс, где выбиты имена всех разведчиков Джермай-Кашикской группы «Дая», прежний памятник стал достоянием парка в селе Останино (ранее Ойсул), откуда начинался путь разведчицы.

Родные и близкие хранят их память. Они собирают всё, что публикуется о них в печати.

Как рассказывает Джевар ханым, дочь Ферузе Абденановой, поэму крымскотатарского классика Эшрефа Шемьи-заде «Алиме» мама часто читала им вслух.

— Мы не пропускали ни один концерт крымскотатарских артистов, с гордостью слушали песню «Алиме» в исполнении Февзи Алиева, смотрели спектакль, посвящённый её подвигу.

9 Мая 1989 года мы с мамой и сестрой Назмие приехали в Крым и были поражены масштабами мероприятий по сохранению памяти Алимe Абденановой. Мама считала: хорошо, что есть место, где можно поплакать. А ещё, замечательная русская женщина, учитель истории Светлана Кирюшкина разыскала лётчиков со всего Союза, работавших по радиogramмам Алимe. До войны все жили вместе — русские, крымские татары. Дружили, пели одни песни... На месте деревни Джермай-Кашик волонтеры высадили сиреневую аллею. В Ленинском историко-краеведческом музее хранится единственная семейная реликвия — чудом уцелевшая с военных времён кофейная чашечка нашей Ревиде къартана».

Бесстрашной разведчице и ее разведгруппе посвящены повести, поэмы, поставлен спектакль. Многогранный образ героини вдохновлял и хореографов.

В парке Ленинского района, у Обелиска Славы, воздвигнутого в честь погибших на фронтах войны жителей посёлка, несколько десятков имён. И открывает этот почетный список Алимe Абденанова. На металлических плитах отлиты имена многих крымских татар.

В 2014 году увидела свет книга историка Владимира Лота «Алимe. Крымская легенда», снят одноименный фильм о разведчице.

Её именем называли улицы в городах Крыма, сквер, площадь, в 2017 году в Симферополе открылась национальная школа, которая носит имя легендарной разведчицы. В крымских школах проводятся открытые уроки, посвящённые подвигу разведгруппы.

Её имя хорошо знают в Крыму и далеко за его пределами, известны имена членов её разведгруппы. И в честь этих разведчиков надо называть улицы, скверы, парки...

За героизм, мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, 1 сентября 2014 года Владимир Путин подписал указ о присвоении военной разведчице звания Героя России посмертно.

20 октября 2015 года состоялась церемония передачи знака особого отличия — медали «Золотая Звезда» и грамоты о присвоении посмертно звания Героя Российской Федерации Алиме Абденановой на постоянное хранение и экспонирование в Центральный музей Тавриды.

ФЕВЗИ АЛИЕВ

КЪРАМАН АЛИМЕ

(Йыр)

Largo

Ф-но *p*

cadenza

8va

Moderato § *mf*

О - зюнь гу - зель,

а - дынь дюль - бер, А - ли - ме, А - мет-хан - дай

дже-сюр э - динь, А - ли - ме. Биз - лери - чюн,

Ва - тан и - чюн, халкъ и - чюн, ку - реш-лер - де

э-ляк ол - дынь, А - ли-ме. Биз-лер и - чюн,

f Ва-тан и - чюн, халкъ и-чюн, ку-реш-лер - де

э-ляк ол - дынь, А - ли - ме. *ff* Къа-би-ринъ-нинъ

ус-тюн - де - ки ал гул-лер, бет-сы-манъ-ны,

гурь а - ят - ны ань-ды - ра. Эш-кынь и - ле

йыр-лай-лар шень буль-бул-лер, Ва - та-нынъ - чюн

джан бер-ге-нинъ ань-ды - ра. Эш-кынь и - ле

йыр-лай-лар шень буль-бул-лер, ю-реклер-де

1. 2. 3.

я - ша - гья - нынь ань - ды - ра. ань - ды - ра.

mf

§

ань - ды - ра.

mf *p*

08.07.1985 с. — 16.01.1986 с. Кибрай — Ташкент.

Песня «Алиме» вызывала неприязнь со стороны органов КПСС. 20 октября 1987 г. я встретился в кабинете зампреда УзГостелерадио Г. Я. Якубова с высоким чиновником из ЦК КП Узбекистана Ахраровым по поводу текста песни. В результате часового обсуждения я убедил их в своей правоте; после этого песня была записана и вошла в фонотеку радио.

1

Озюнъ гузель, адынъ дюльбер, Алиме,
Аметхандай джесюр эдинъ, Алиме.
Бизлер ичюн, Ватан ичюн, халкъ ичюн,
Курешлерде эляк олдынъ, Алиме.

Багълама:

Къабиринънинъ устюндеки ал гуллер,
Бет-сыманъны, гуръ аятны анъдыра.
Эшкъынъ иле йырлайлар шенъ бульбуллер,
Ватанынъчюн джан бергенинъ анъдыра.
Эшкъынъ иле йырлайлар шенъ бульбуллер,
Юреклерде яшагъанынъ анъдыра.

2

Яшлыгъынъа тоялмадынъ, Алиме,
Бахтли кунълер коралмадынъ, Алиме.
Бизлер ичюн, Ватан ичюн, халкъ ичюн,
Курешлерде янып кеттинъ, Алиме.
Багълама.

3

Халкъымызнынъ гъурурысынъ, Алиме,
Несиллерге сен унерсинъ, Алиме.
Гузель адынъ дестан олды тиллерде,
Йыллар кечер, эбедийсинъ, Алиме.
Багълама.

МУНДЕРИДЖЕ

УРИЕ ЭДЕМОВА

Джефакар халкъымызнынъ джесюр эвяды 3

Верная дочь многострадального народа 9

ЭШРЕФ ШЕМЬИ-ЗАДЕ

Алиме (поэма) 15

СЕИТУМЕР ЭМИН

Атешли куньер (поэма) 46

ДЖЕВАИРЕ МЕДЖИТОВА

Унутылмаз саифелер (поэма) 100

ДЖЕМИЛЬ СЕЙДАМЕТОВ

СУЛЕЙМАН АСАНОВ

Ватан къызы (макъале) 124

АБЛЯМИТ УМЕРОВ

Ватан къызы (*повесть*) 142

ВЛАДИМИР ЛОТА

Алиме крымская легенда (*повесть*) 300

ЛЕНТАРА ХАЛИЛОВА

Алиме (*повесть*) 394

ФЕВЗИ АЛИЕВ

Къараман Алиме (*йыр*) 496

Литературно-художественное издание

ДЕВУШКА — ГЕРОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА

Сборник

Составитель Урие Эдемова

Редакторы: *Н. И. Бекиров, Н. С. Кузьменко*

Художник *Р. И. Ваапов*

Корректоры: *С. С. Ситжалилова, Э. Р. Аджалимова*

Макет и вёрстка *Э. Р. Аджалимова*

Подписано в печать 15.07.2020 г. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Гарнитура «BalticaCTT». Усл. печ. л. 29,3.
Объём 31,5 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1705-20.

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»

295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.

E-mail: mediacenter2015@mail.ru

ОГРН 1159102113455

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: www.amirit.ru